АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ДИАЛЕКТИКА И ЛОГИКА

ЗАКОНЫ МЫШЛЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1962

КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ
Б. КЕДРОВ, П. КОПНИН, П. ТАВАНЕЦ,
Н. КАРАБАНОВ, В. ЛЕКТОРСКИЙ,
Й. ЭЛЕЗ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
члена-корреспондента АН СССР
Б. М. КЕДРОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге, представляющей тематический сборник, рассматриваются проблемы отношения между диалектикой и логикой, между диалектическими и формальнологическими закономерностями мышления, и роль, которую эти закономерности играют в процессе познания.

Отправные положения для конкретного решения этих проблем сформулированы в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина.

В работах некоторых наших и зарубежных философов эти вопросы рассматриваются иногда в плоскости абстрактных рассуждений, вне решения конкретных задач научного познания и практики, на основании которых только и можно проверить истинность общих выводов. Не претендуя на исчерпывающее освещение соответствующих вопросов, авторы сборника попытались применить диалектический метод к решению некоторых конкретных общенаучных и логических проблем, с тем чтобы преодолеть недостатки абстрактного подхода к ним.

Одной из главных задач сборника является разработка принципиальных вопросов научного мышления, которые составляют органическую часть ленинского философского наследства. В годы культа личности Сталина эти вопросы не разрабатывались должным образом. Подобное отношение к ленинскому философскому наследству было вызвано тем, что по ряду важнейших вопросов Сталин в своих работах проводил линию, отличную от взглядов В. И. Ленина, а также К. Маркса и Ф. Энгельса. Например, одно из центральных положений марксистской философии, сформулированное В. И. Лениным как единство диалектики, логики и теории познания материализма, Сталин по сути дела полностью игнорировал. Он дал повод к тому, чтобы вооб-

ще разорвать диалектику и материализм, превратив их искусственно в обособленные части философии, излагаемые независимо одна от другой. При этом логика вообще отделялась Сталиным и от диалектики и от теории познания; тем самым она сводилась к формальной логике, ограничивалась последней.

При таком не диалектическом, не марксистском подходе к вопросу о соотношении диалектики, логики и теории познания диалектическая логика вообще зачеркивалась, объявлялась несуществующей. На таких позициях во времена культа личности стояли у нас многие логики.

Поэтому не случаен тот факт, что еще до недавнего времени проблемам диалектической логики в трудах советских ученых уделялось сравнительно мало внимания, хотя разработка этих проблем и не прекращалась совсем. Но, разумеется, это было сопряжено с большими трудностями, поскольку шло вразрез с тем, что навязывалось культом личности. В нашей философской литературе в те времена получили распространение всякого рода чуждые марксизму-ленинизму высказывания о том, что будто бы формальная логика есть единственная логика, которой следует ограничиться как наукой о законах мышления, что ее надо «диалектизировать», т. е. эклектически соединить, сочетать с диалектикой; более того, что учение о диалектических противоречиях, изложенное в трудах основоположников марксизма, особенно в «Анти-Дюринге» Ф. Энгельса, и развитое далее В. И. Лениным, следует пересмотреть и отвергнуть с точки зрения законов формальной логики, что никакой диалектической логики в действительности нет и что самое ее название есть лишь неудачное словосочетание. Авторы, наиболее последовательно проводившие такие взгляды, доходили до прямой подмены диалектики формальной логикой и договаривались до того, что будто коренные вопросы марксистской теории могут и должны решаться только с помощью формальной логики.

Исторический XXII съезд КПСС уделил большое внимание разоблачению и ликвидации культа личности Сталина как в практической жизни, так и в теории, в том числе и философии. Съезд прошел под знаком полного восстановления ленинских норм и принципов, ленинских идей во всех областях жизни и деятельности нашего общества. В свете решений XXII съезда КПСС многие вопросы, запутанные или неправильно решенные в период культа

личности, получили верное освещение, а ленинские положения и принципы были очищены от чуждых им наслоений. В частности это полностью относится и к диалектической логике.

Авторы сборника не предполагают вести дискуссию с теми логиками, которые так или иначе отстаивают до настоящего времени, явно или замаскированно, положение о том, что формальная логика является по сути дела единственной наукой логики и что все вопросы диалектики необходимо согласовывать с ее принципами, дабы не впасть в противоречие с нею. Задачу этого сборника его авторы видят в том, чтобы самим разобраться в неясных или нерешенных еще вопросах марксистской диалектической логики, но не в том, чтобы вести бесплодные споры с теми, для которых такой логики не существует, а сама диалектика в ее коренных пунктах есть попросту нечто ошибочное, поскольку она не согласуется с принципами формальной логики.

Но так как рассматривать проблемы диалектической логики невозможно без выяснения ее соотношения с логикой формальной, этому вопросу в данном сборнике уделено большое внимание. При этом авторы исходят из признания того, что формальная логика необходима, но недостаточна при решении любых вопросов теории и практики.

Так как речь идет о сложных и мало разработанных проблемах логики, то в их постановке и толковании у некоторых авторов данного сборника не могли не обнаружиться расхождения. В ряде случаев читатель сможет обнаружить даже противоположные точки зрения у разных авторов. Вместе с тем задача сборника состоит в том, чтобы по возможности добиться сближения различных точек зрения по спорным или неясным вопросам диалектической логики и выработать единый взгляд.

Сборник посвящен анализу предмета и законов марксистской диалектической логики. Основному содержанию сборника предпосылается «Введение», освещающее отношение между диалектикой и логикой в историческом плане.

Книга состоит из четырех частей: 1) предмет марксистской диалектической логики и его отличие от предмета формальной логики, 2) законы марксистской диалектической логики и их отношение к законам формальной логики, 3) понятие тождества и 4) понятие противоречия в диалектической и формальной логике.

По ходу рассмотрения перечисленных тем авторы затрагивали вопросы соотношения диалектики, логики и теории познания. Однако специальный их анализ не входил в задачу данного сборника, поэтому, естественно, эти вопросы не могли получить здесь своего решения.

Внутренняя структура как самих частей, так и входящих в них статей, неоднотипна: в одних случаях сначала дается изложение положений формальной логики, а затем в качестве отдельного раздела — положений диалектики по данному вопросу. В других случаях структура части или статьи иная: выделяются логические проблемы, изложение которых сопоставляется с позициями формальной логики и диалектики по данному вопросу. Оба способа в равной мере позволяют осветить вопрос о соотношении формальной логики и диалектики.

Работа по написанию и составлению сборника проведена группой по теории материалистической диалектики (руководитель группы Б. М. Кедров) Института философии Академии наук СССР.

Одновременно с данной книгой той же группой подготовлен к печати другой сборник — «Диалектика и логика. Формы мышления», который является прямым продолжением данного сборника. Он рассматривает более специальные вопросы соотношения между диалектической и формальной логикой: диалектическая логика и ее применение к изучению процессов мышления; оперирование научными понятиями в диалектической и формальной логике; логические приемы и категории; структура научного знания в диалектической и формальной логике.

Предлагаемый сборник в его окончательном виде отредактировали Э. В. Ильенков и Н. К. Одуева.

Научно-вспомогательную работу по подготовке книги к печати вели З. В. Горлова и Л. С. Савельева.

П. В. Копнин и П. В. Таванец

ДИАЛЕКТИКА И ЛОГИКА

I

ФОРМАЛЬНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА

Изучение законов и форм мышления издавна входило в предмет философии, а логика рассматривалась составной частью ее.

Ф. Энгельс писал, что из всей прежней философии самостоятельное значение сохраняет учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика. В связи с этим возникает вопрос: в каком отношении находятся формальная логика и диалектика? При этом предварительно важно выявить сущность формальной логики, изменение ее содержания в процессе исторического развития, особенности современной, в частности математической, логики, ее отношение к классической формальной логике.

1. СУЩНОСТЬ ФОРМАЛЬНОЙ ЛОГИКИ

Основоположником науки логики принято считать Аристотеля. Его логические теории включали не только то, что входит сейчас в предмет формальной логики, но содержали в себе такие идеи (в области теории истины, учения о категориях и др.), развитие которых является задачей диалектической логики. В. И. Ленин отмечал, что «логика Аристотеля есть запрос, искание, подход к логике Гегеля...» [1].

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 366.

Основу логических теорий Аристотеля составляет то, что впоследствии стало называться формальной логикой. Аристотель сформулировал основные законы формальной логики — законы противоречия и исключенного третьего. В его сочинениях можно найти идеи, связанные с законами тождества и достаточного основания, хотя в отчетливой форме как специальные логические законы они были введены в логику позже.

Аристотель выявил различные формы мышления и описал их структуру. Обобщив опыт научного мышления своего времени, он подробно и глубоко проанализировал структуру силлогистических умозаключений. Он расчленял умозаключение на составные части — суждения, а последние на отдельные понятия — термины. Понятие интересовало его прежде всего как часть суждения, а суждение — как посылка или заключение в умозаключении. Различия между понятием, суждением и умозаключением Аристотель усматривал в различии их структуры.

Формальная логика изучает формы мышления со стороны их структуры, описывает простейшие логические приемы, формулирует правила выведения одного суждения из других; при этом различные формы мышления (понятия, суждения и умозаключения) она рассматривает, отвлекаясь от процесса их развития, изменения во времени. Так, в процессе развития какой-либо отрасли науки понятия, выработанные ею, могут менять свое содержание, углубляться, развиваться, приходить в противоречие со своим первоначальным содержанием. Формальная логика абстрагируется от всего этого. Она берет содержание понятий на каком-то определенном этапе их развития и оперирует с ним как с относительно постоянным, сформировавшимся образованием. Более того, изучая логическую форму понятий и суждений, их структуру, она отвлекается от конкретного содержания. Так, формальная логика устанавливает правила следования одного суждения из других в той или иной форме умозаключения, абстрагируясь от какого-либо конкретного содержания этих суждений. В силлогистическом умозаключении по модусу barbara для формальной логики безразлично, каково содержание посылок и заключения; важно только, чтобы они имели ту форму, какую требуют условия этого модуса.

Сами законы формальной логики дают возможность изучать формы мышления только при условии отвлечения

от их развития во времени, в отвлечении от какого-то определенного, конкретного содержания. Эти законы отражают простейшие отношения вещей: сходство явлений действительности, их относительную устойчивость и качественную определенность. В силу этого они не могут служить основой для всестороннего изучения форм мышления, а дают возможность описать и выяснить лишь одну их сторону.

Центральной проблемой формальной логики является теория умозаключения, выводного знания, поэтому ее предмет можно определить, на наш взгляд, как выяснение правил, условий и форм следования одного суждения из других, ранее установленных. Формальная логика изучает в основном отношения между суждениями в умозаключениях на основе законов тождества, противоречия, исключенного третьего и достаточного основания. На базе этих законов можно объяснить процесс следования одного суждения из других. Понятия и суждения в формальной логике рассматриваются только в той мере и с той их стороны, какая необходима для понимания следования суждений. Причем, кроме формальной логики ни одна другая наука не изучает формы мышления как процесс следования одного суждения из других — это предмет исключительно формальнологического исследования, и формальная логика должна изучать его с такой полнотой, глубиной и основательностью, с какой любая наука стремится постигнуть свой предмет.

То обстоятельство, что формальная логика при изучении форм мышления абстрагируется от многообразия их свойств и особенностей и анализирует только правила и условия следования одного суждения из других, не является недостатком, пороком формальной логики. При изучении предмета вполне правомерным является отвлечение от каких-либо его сторон. Любая наука, изучая одно, отвлекается от другого. Математика, например, отвлекается от качественной определенности предмета, но никто не ставил это математике в упрек.

Ошибочной является, однако, абсолютизация формальной логики, превращение ее в единственную науку о формах мышления. Конечно, для изучения человеческого познания очень важным является понимание правил, условий и форм следования одного суждения из других, но, постигнув эту сторону в формах мышления, мы, конечно, будем

еще далеки от понимания сущности, процесса развития и роли различных форм мышления в познании действительности.

Изучая закономерности следования одного суждения из других, формальная логика устанавливает так называемый логический или формальный критерий истинности суждений, который, конечно, хотя и необходим, но недостаточен. Суждение может по всем законам формальной логики следовать из других суждений (какое-либо рассуждение может быть логически непротиворечивым) и в то же время не быть объективно истинным, не соответствовать действительности. Логическая последовательность и непротиворечивость — только необходимое, но отнюдь не достаточное условие достижения объективно истинного знания о явлениях внешнего мира и законах их развития. Поэтому ограничиваться в изучении форм мышления только тем, что дает формальная логика, означает заранее обречь себя на непонимание всей сложности, многогранности процесса отражения действительности в формах мышления.

Нарушение критериев формальной логики в рассуждении недопустимо. Рассуждение, в котором не соблюдены законы формальной логики, не ведет к объективно истинному знанию. Вместе с тем соблюдение их в рассуждении само по себе не является свидетельством его объективной истинности.

Изучая законы следования одного суждения из других, формальная логика постоянно обогащается новым содержанием, она все более точно, глубоко и полно описывает свой предмет. При этом развитие формальной логики происходит под влиянием двух основных факторов: в связи с возникновением новых форм мышления и в результате использования новых средств изучения своего предмета.

Практика научного мышления порождает новые, ранее не известные формы. Формальная логика описывает их структуру, выясняет правила и условия следования в них одних суждений из других. Например, развитие науки нового времени связано с возникновением индуктивных способов доказательства. Формальная логика исследовала индуктивные умозаключения со стороны отношений посылок и заключения в них, описала различные формы индуктивных умозаключений и т. д. Развитие математического

и физического знаний привело к новым формам дедуктивных доказательств. Формальная логика описала их строение и структуру. И впредь формальная логика своими средствами будет изучать все вновь возникающие формы научного мышления, как простые, так и сложные.

Существует неверное представление, что формальная логика изучает какие-то одни формы мышления (простые, элементарные), а диалектическая логика — другие (сложные, более развитые). На самом деле, как мы подробнее покажем ниже, различие между формальной и диалектической логикой лежит не в этой плоскости. Все формы мышления служат объектом для исследования как формальной, так и диалектической логикой, но формальная логика изучает их лишь с одной определенной стороны, а диалектическая логика — в целом.

Любая форма мышления, например, умозаключение, может быть предметом формальнологического анализа. Всякое умозаключение состоит из суждений, которые находятся между собой в определенных отношениях. Отношения, которые существуют между суждениями любого умозаключения, подчинены формальнологическим законам. Конечно, эти отношения не исчерпываются только отношениями, изучаемыми формальной логикой, но и без них не может быть никакого умозаключения; поэтому все формы мышления, независимо от того, простые они или сложные, независимо от их конкретного содержания, входят в сферу изучения формальной логики. Своими способами и своими средствами формальная логика изучает в с е формы мышления, но этими способами и средствами она не может изучить в с ё в формах мышления. Здесь опять уместна аналогия с математикой, которая изучает все явления и предметы действительности, но отнюдь не всё в них.

Формальная логика развивается не только в связи с возникновением новых форм мышления, но и в результате использования новых средств и приемов изучения своего предмета. Так, крупным этапом в развитии формальной логики было возникновение математической логики, которая явилась следствием, с одной стороны, применения новых приемов логических исследований, а с другой стороны,— изучения таких форм доказательства, которые ранее либо вообще не существовали в развитой форме, либо подробно не анализировались логиками.

2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ. ЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ФОРМАЛЬНОЙ ЛОГИКЕ

Первым, кто попытался сформулировать основные задачи математической логики, был Г. Лейбниц (1646—1716). Согласно Лейбницу эти задачи заключались в следующем:

1. Все научные понятия должны быть сведены к наименьшему числу основных понятий, из которых их затем снова можно реконструировать или вывести посредством определений.

2. Все научные высказывания должны быть систематизированы таким образом, чтобы из небольшого числа основных высказываний можно было бы вывести все остальные высказывания.

3. Все основные понятия должны быть обозначены через соответствующие знаки (символы), а все выводные понятия — через комбинацию этих символов. Особыми символами должны быть обозначены также все выражаемые в высказываниях отношения.

4. Для комбинации понятий и для дедукции высказываний должны быть найдены всеобщие правила, которые с помощью введенных символов формулируются как правила вычисления [2].

Отмеченные идеи не оказали влияния на последующее развитие математической логики потому, что бóльшая часть сочинений Лейбница по логике была опубликована спустя долгое время после его смерти [3]. Поэтому период от Лейбница до Дж. Буля обычно называют периодом предыстории математической логики [4].

Со второй половины XIX в. две последние из поставленных Лейбницем задач начали (независимо от него) разрабатывать такие логики, как Дж. Буль (1815—1864), Ч. Пирс (1839—1914), Э. Шредер (1841—1902), П. С. Порецкий (1846—1907) и др.

---

[2] Jörgen Iörgensen. Über die Ziele und Probleme der Logistik. «Erkenntnis». Bd. 1—3. Leipzig, 1930—1932.

[3] Наиболее существенная часть его логических исследований была опубликована Л. Котюра в 1901 г.

[4] I. M. Bochenski. Formale Logik. Freiburg-München, 1956, S. 314.

Ирландский логик Дж. Буль был первым логиком, построившим систему логического исчисления (исчисление классов) с помощью обычных алгебраических символов [5].

Работы немецкого логика Э. Шредера [6] и русского логика П. С. Порецкого являются заключительным этапом этого первого периода развития математической логики, называемого обычно периодом «алгебры логики», т. е. периодом применения алгебраического метода в формальной логике.

Заслуживает внимания, что в этот первый период развития математической логики виднейшие ее представители (Буль, Порецкий и др.) совершенно правильно, по нашему мнению, понимали взаимоотношение между математической и формальной логикой. Математическая логика не рассматривалась ими как наука, отличная от логики формальной. По их мнению, это та же формальная логика, в которой математические методы применяются лишь в целях ее дальнейшего развития.

«Математическая логика,— говорит П. С. Порецкий,— по предмету своему есть логика, а по методу математика. Что она есть логика,— с этим согласится каждый, если мы скажем, что главнейшая, а может быть даже единственная ее задача заключается в построении теории умозаключений» [7].

В конце XIX и начале XX в. математическая логика еще не получила широкого признания, а некоторые логики (В. Виндельбанд) и математики (А. Пуанкаре) вообще отрицали ее научную значимость.

Однако бурное развитие математики в конце XIX в. показало ошибочность индеферентного или даже враждебного отношения к математической логике. Ряд затруднений, возникших в теории множеств, геометрии, арифметике и других областях математики, обнаружил недостаточную логическую обоснованность математических теорий. Этот факт поставил перед логиками и математи-

---

[5] The Mathematical Analysis of Logic (1847), Investigation of the Laws of Thought (1854).

[6] E. Schröder. Vorlesungen über der Algebra der Logik. Bd. 1, 2, 3, Leipzig (1890—1905).

[7] П. С. Порецкий. О способах решения логических равенств и об обратном способе математической логики. Казань, 1884, стр. 1.

ками в качестве первоочередной задачи разработку логики как средства систематизации и обоснования математики.

Разработка логики в указанном направлении составляет содержание второго периода в развитии математической логики.

Среди выдающихся логиков этого периода следует прежде всего упомянуть немецкого логика и математика Г. Фреге (1848—1925), которого некоторые исследователи называют «величайшим логиком XIX столетия» [8].

Г. Фреге занялся разработкой математической логики, имея в виду в дальнейшем применить ее для обоснования арифметики [9]. Результаты своих исследований он опубликовал в 1879 г. в труде «Исчисление понятий» [10].

В этой работе Г. Фреге наряду с исчислением предикатов содержится уже и система исчисления высказываний, с которой теперь обычно начинается изложение математической логики.

Попытка обобщить все предшествующее развитие математической логики была предпринята Б. Расселом в работе «Принципы математики» [11]. Используя работы Августа де Моргана (1806—1878), Ч. Пирса, Э. Шредера и в особенности результаты исследований Г. Фреге и итальянского логика и математика Дж. Пеано (1858—1932), Б. Рассел дал наиболее совершенное для того времени систематическое изложение исчисления высказываний, классов и отношений.

В 1910—1913 гг. Рассел совместно с А. Уайтхедом опубликовал трехтомные «Принципы математики». Эта работа оказала большое влияние на математиков и стимулировала дальнейшие попытки ее аксиоматического изложения.

Особенно много внимания вопросу аксиоматического изложения математики уделяли сторонники так называемого «формализма» в математике, виднейшим представителем которого был немецкий математик и логик Давид Гильберт (1862—1943). Формалисты пытались реализо-

---

[8] А. Тарский Введение в логику и методологию дедуктивных наук. М., ИЛ, 1948, стр. 49.

[9] Эту задачу Г. Фреге осуществил в своем труде «Основные законы арифметики», опубликованном в 1893 г. (т. I) и в 1903 г. (т. II).

[10] G. Frege. Begriffsschrift. Halle, 1879.

[11] B. Russell. The Principles of Mathematics, London, 1903.

вать применительно к математике первые две из указанных Лейбницем задач математической логики. Они надеялись на то, что с помощью математической логики им удастся изложить всю математику в рамках одной дедуктивной теории. Этим надеждам не суждено было осуществиться.

В 1931 г. австрийский логик и математик К. Гедель ясно показал утопичность как идеи Лейбница о возможности свести всю науку к философскому исчислению, так и попыток Рассела и формалистов свести всю математику к совокупности формул, пишущихся по определенным правилам. Согласно знаменитой теореме Геделя рамками одной дедуктивной теории не может быть охвачена даже арифметика натуральных чисел, ибо всегда может быть построено верное арифметическое утверждение, которое хотя и формализуется, но не выводимо в данном исчислении.

Теорема Геделя показала, что аксиоматический метод имеет ограниченное применение. Однако эта теорема не отрицает огромного организующего значения аксиоматического метода как для математики, так и для математической логики.

Как справедливо замечает Ж. Ладриер, ограниченности, о которых идет речь в теореме Геделя, не носят абсолютного характера: они только обрисовывают поле действия формализмов [12].

Что касается математической логики, то здесь применение метода формализации оказалось весьма плодотворным, о чем, в частности, свидетельствует и труд Д. Гильберта «Основные черты теоретической логики», опубликованный в 1928 г. [13] и до сих пор являющийся одним из лучших изложений двухзначной (классической) математической логики.

Выход в свет «Принципов математики» Рассела и Уайтхеда можно считать заключительным звеном второго периода в развитии математической логики.

Однако «Принципы математики» не только резюмировали предшествующее развитие математической логики.

---

[12] J. Ladriére. Les limitations internes des formalismes. Paris, 1957, p. 397.

[13] На русском языке книга Гильберта была опубликована в 1947 г. Д. Гильберт и В. Аккерман. Основы теоретической логики. М., ИЛ, 1947.

В известном смысле этот труд можно считать исходной точкой третьего периода в ее развитии, поскольку в нем впервые в истории логики нового времени была поставлена проблема антиномий, которая сыграла большую роль в дальнейшем развитии математической логики (в особенности при разработке вопросов семантики).

Третий (новейший) период развития математической логики характеризуется, прежде всего, разработкой металогики, которая занимается исследованием самих формализмов математической логики.

Позднее все большее внимание в современной формальной логике начинают уделять вопросам логической семантики. Сюда относятся работа Тарского «О понятии истины в формализованных языках», опубликованная в 1933 г. на польском языке и в 1935 г. на немецком языке; работы Карнапа «Введение в семантику» (1942), «Формализация логики» (1943), «Значение и необходимость» (1947) и др. Семантика как отдел современной формальной логики исследует: 1) проблему истины в формализованных языках, 2) отношение между знаком и десигнатом (обозначаемым), 3) вопросы логического следования.

Значительное место в новейший период занимают исследования по многозначным логикам Я. Лукасевича (1920), Е. Л. Поста (1921), Э. Е. Броуэра (1924), А. Н. Колмогорова (1925), В. М. Гливенко (1928—1929), А. Гейтинга (1930), Г. Биркгофа и В. Неймана (1936), Д. А. Бочвара (1938—1943), Г. Рейхенбаха (1946), П. Детуш-Феврие (1951) и др.[14]; и исследования по комбинаторным логикам Шейнфинкеля (1924), Карри (1930), Клини (1934), Россера (1935), Черча (1936—1941) и др.

Несмотря на значительное расширение логической проблематики, возникновение новых разделов формальной логики (металогика, семантика) и новых оригинальных систем (многозначной и комбинаторной логики, системы строгой импликации Льюиса в 1918 г., «натурального» исчисления Генцена и Яськовского в 1934 г. и др.), основной задачей формальной логики и в новейшее время (так же, как и в первом и во втором периоде ее развития)

---

[14] А. А. Зиновьев. Философские проблемы многозначной логики. М., Изд-во АН СССР, 1960.

продолжала оставаться задача построения теории формального вывода [15].

Математическую логику в целом следует рассматривать не в качестве науки, отличной от формальной логики, а в качестве нового этапа развития той формальной логики, которая была создана еще Аристотелем.

Теперь целесообразно рассмотреть те черты математической логики, которые отличают ее от нематематической формальной логики.

На первый взгляд может показаться, что наиболее существенным отличием математической логики является применение ею символики.

На самом деле применение символики не является отличительным признаком математической логики. Символика широко применялась в формальной логике уже Аристотелем. Как раз одно из важнейших открытий Аристотеля в области формальной логики и заключалось в том, что он ввел в логику переменные, т. е. стал обозначать буквами термины силлогизмов, а конкретные общие термины рассматривать как значения переменных [16].

Если говорить об отличии математической логики от нематематической по вопросу о применении символики, то правильнее будет сказать, что математическая логика отличается более последовательным и повсеместным применением символики. В частности, она применяет символику не только для обозначения переменных, но и для обозначения логических постоянных, чего в нематематической логике еще не практиковали.

Неверно также было бы видеть отличие математической логики в том, что она излагает логические учения аксиоматически. Во-первых, математическая логика может излагать и излагает свои учения не только аксиоматически. Во-вторых, аксиоматическое построение формальной логики осуществлялось и раньше. Уже Аристотель, например, по-существу излагал свое учение аксиоматически, сводя модусы всех фигур силлогизма к модусам Barbara и Celarent первой фигуры.

---

[15] W. V. Quine. Elementary Logic. Cinn and Company, 1941, p. 1. Ch. Perelman. Logique, langage et communication. Acti del XII Congresso Internationale di Filosofia. Venezia, 12—18 septembre, 1958, vol. I, Firenze san sanc Editore, 1958, p. 125.

[16] Я. Лукасевич. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. М., ИЛ, 1959, стр. 42.

Правда, Аристотель еще не выявлял всех тех логических принципов, которыми он фактически пользовался при осуществлении операции сведения. Однако это отличие не имеет принципиального характера.

И. М. Бохенский видит самое существенное отличие математической логики от нематематической в следующем. До возникновения математической логики, говорит Бохенский [17], положения логики получались путем их абстрагирования из естественного языка. В противоположность этому, математическая логика сначала конструирует формализованные системы и лишь после этого ищет для них значения в естественном языке.

Это утверждение Бохенского не совсем верно. Во-первых, конструирование формализованных систем характерно в основном для последнего периода развития математической логики (в особенности в связи с развитием многозначных логик и применением логических исчислений в технике). Во-вторых, значение для этих систем не обязательно нужно искать в естественном языке. В современной формальной логике создаются и такие формализованные системы, которые используются для решения важных задач науки и техники, несмотря на то, что они (как, например, некоторые системы многозначной логики и исчисления технической логики) в очень слабой степени отображают формы содержательных рассуждений, выражаемых в естественном языке.

По нашему мнению, наиболее существенным отличительным признаком математической логики является то, что она повсеместно применяет метод формализации (метод исчисления), который некоторые логики называют еще «формалистическим» методом [18].

Всякая формальная логика потому и называется формальной, что она отвлекается от конкретного содержания понятий, суждений и умозаключений и оперирует только с их формальным содержанием. Но математическая логика идет еще дальше по пути абстракции. При построении синтаксических систем, т. е. систем, в которых не рассматриваются отношения знака к десигнату, а только отношение знака к знаку, математическая логика вообще отвлекается от смысла знаков. Правила операций (напри-

---

[17] I. M. Bochenski. Formale Logik, S. 311.
[18] Ibid., S. 311.

мер, правила вывода одних формул из других) математическая логика (также как и математика) формулирует, отвлекаясь от конкретного смысла формул. Благодаря этому создаются условия для решения таких логических задач, которые не в состоянии решить содержательное логическое мышление, как, например, задач на выявление всех следствий, вытекающих из данных посылок, или всех посылок, из которых выводится данное следствие, и т. п.

Чтобы дать читателю, не знакомому с математической логикой, представление о методе формализации, рассмотрим коротко классическое исчисление высказываний, с которого обычно начинается изложение математической логики.

В классическом исчислении высказываний под высказыванием понимают предложение, которое может быть либо истинным, либо ложным. При этом высказывания здесь не расчленяются на субъект и предикат, а рассматриваются как целое. Изучению подвергаются связи высказываний с точки зрения их истинности или ложности.

Обозначим произвольные высказывания или логические переменные буквами A, B, C...; логические связи между высказываниями (логические постоянные), выражаемые в разговорном языке словами «*не*», «*и*», «*или*», «*если — то*», «*равнозначно*», обозначим знаками $\sim$, $\cdot$, $\vee$, $\rightarrow$, $\leftrightarrow$.

Знаки A, B, C и любые их соединения с помощью знаков $\sim$, $\cdot$, $\vee$, $\rightarrow$, $\leftrightarrow$ называются *формулами*. Истинность или ложность сложных (молекулярных) высказываний определяется истинностью или ложностью основных (атомарных) высказываний, которые называются *логическими переменными*. Так, формула $\sim A$ (читается «не A») обозначает высказывание (называющееся отрицанием A), которое истинно, если A ложно, и ложно, если A истинно. Формула «$A \cdot B$» (читается «A и B») обозначает высказывание (называющееся конъюнкцией A и B), которое истинно в том и только в том случае, если A и B истинны. Формула «$A \vee B$» (читается «A или B») обозначает высказывание (называющееся дизъюнкцией A или B), которое истинно в том и только в том случае, если, по крайней мере, одно из двух атомарных высказываний A или B истинно.

Формула $A \rightarrow B$ (читается «если A, то B») обозначает высказывание (называющееся импликацией, где «A» назы-

вается антецедентом, а «B» консеквентом), которое ложно в том и только в том случае, если антецедент истинен, а консеквент ложен.

Формула «$A \leftrightarrow B$» (читается «A эквивалентно B») обозначает высказывание (называющееся эквивалентностью), которое тогда и только тогда истинно, если A и B оба истинны или оба ложны.

Для выявления строения формул применяются скобки. Например, в формуле $A \rightarrow (A \vee B)$ скобки указывают на то, что формула $(A \vee B)$ выражает одно (молекулярное) высказывание и, следовательно, выраженное в формуле $A \rightarrow (A \vee B)$ высказывание ложно в том и только в том случае, если A истинно, а $(A \vee B)$ ложно.

Некоторые из логических связей высказываний являются равнозначными. Так, $\sim (\sim A)$ равнозначно A (закон двойного отрицания).

$A \cdot B$ равнозначно $B \cdot A$ } коммутативные законы
$A \vee B$ равнозначно $B \vee A$ }

$A \cdot (B \cdot C)$ равнозначно $(A \cdot B) \cdot C$ } ассоциативные законы
$A \vee (B \vee C)$ равнозначно $(A \vee B) \vee C$ }

$A \vee (B \cdot C)$ равнозначно $(A \vee B) \cdot (A \vee C)$ } дистрибутивные законы
$A \cdot (B \vee C)$ равнозначно $(A \cdot B) \vee (A \cdot C)$ }

На основании установленных эквивалентностей вводятся следующие правила преобразования выражений:

1) Со знаками $\cdot$ и $\vee$ можно оперировать, как в алгебре, пользуясь ассоциативными, коммутативными и дистрибутивными законами,

2) $\sim (\sim A)$ можно заменить на A,

3) $\sim (A \cdot B)$ можно заменить выражением $\sim A \vee \sim B$, а $\sim (A \vee B)$ — выражением $\sim A \cdot \sim B$,

4) $A \rightarrow B$ можно заменить выражением $\sim A \vee B$; $A \leftrightarrow B$ — выражением $(\sim A \vee B) \cdot (\sim B \vee A)$.

С помощью указанных правил путем равнозначных (эквивалентных) преобразований всякую формулу можно привести к так называемой нормальной форме, т. е. к такой конъюнкции дизъюнкций, в которой каждый дизъюнктивный член является либо основным высказыванием, либо его отрицанием.

Если в нормальной форме высказывания в каждой дизъюнкции встречается, по крайней мере, одно основное высказывание одновременно с его отрицанием, то

такая нормальная форма высказывания называется всегда истинным высказыванием.

Всегда истинные высказывания остаются истинными, независимо от того, являются ли основные высказывания истинными или ложными. Например, всегда истинное высказывание $A \vee \sim A$, выражающее закон исключенного третьего, истинно независимо от того, является ли A или $\sim A$ ложным. Если A ложно, то $\sim A$ истинно и, следовательно, дизъюнкция $A \vee \sim A$ истинна (ведь согласно определению дизъюнкции она истинна, если, по крайней мере, один из двух членов дизъюнкции истинен), а если $\sim A$ ложно, то A истинно и, следовательно, $A \vee \sim A$ остается по-прежнему истинным.

Отрицание всегда истинных высказываний называется всегда ложным высказыванием или противоречием. Например, если мы будем отрицать всегда истинное высказывание $A \vee \sim A$, то получим высказывание $\sim (A \vee \sim A)$, которое является всегда ложным. Действительно, высказывание $\sim (A \vee \sim A)$, согласно правилу третьего преобразования предложений, можно заменить эквивалентным ему высказыванием $\sim A \cdot A$, из которого ясно видно, что оно всегда ложно независимо от того, «$\sim A$» или «A» является истинным. (Конъюнкция высказываний, по определению, всегда ложна, если хотя бы один из членов конъюнкции ложен).

Если среди всегда истинных высказываний выбрать такие, каждое из которых является необходимым, а все вместе они достаточны для того, чтобы (с помощью определенных правил вывода) вывести все остальные высказывания исчисления высказываний, то последнее может быть изложено аксиоматически.

Так, Д. Гильберт в классическом исчислении высказываний принимает следующие четыре аксиомы:

1. $A \vee A \rightarrow A$
2. $A \rightarrow A \vee B$
3. $A \vee B \rightarrow B \vee A$
4. $(A \rightarrow B) \rightarrow [(C \vee A) \rightarrow (C \vee B)]$

Первая аксиома утверждает, что если дикъюнкция высказывания с самим собою истинна, то и высказывание истинно. Вторая аксиома утверждает, что если какое-либо высказывание истинно, то дизъюнкция этого высказывания с произвольным высказываем также истинна. Третья аксиома утверждает коммутативность

дизъюнкции. Четвертая аксиома утверждает, что если импликация $A \rightarrow B$ истинна, то ее члены можно связать дизъюнктивно с любым высказыванием C.

Все другие формулы классического исчисления высказываний можно вывести из данных с помощью двух правил: 1) правила подстановки и 2) правила вывода заключения (modus ponens).

Правило подстановки позволяет выводить новую формулу из данной путем подстановки на место переменного высказывания произвольной формулы.

Правило вывода заключения (или правило отделения) позволяет из двух формул A и $A \rightarrow B$ получать новую формулу B[19].

Одной из важнейших задач математической логики является установление непротиворечивости и полноты аксиоматически построенных исчислений.

Если в аксиоматически построенном исчислении никакая формула A не выводима вместе с формулой $\sim A$, то исчисление называется *непротиворечивым*. Если в нем выводима всякая формула, выражающая верное высказывание из области данного исчисления, то исчисление называется *полным*.

Формализация логики имеет важное значение еще и потому, что она создает возможность для применения логических исчислений в науке и технике.

Так, рассмотренное нами классическое исчисление высказываний может применяться там, где приходится иметь дело с большим числом различных высказываний, соответствующих большому числу объектов, и где возможно установить взаимооднозначное соответствие между элементами исчисления и элементами исследуемой области.

Например, возьмем высказывания A и B и будем интерпретировать выражения «A истинно» и «B истинно» как «контакт a замкнут» и «контакт b замкнут», а выражения «A ложно» и «B ложно» как «контакт a разомкнут» и «контакт b разомкнут». Будем, далее, интерпретировать «$A \cdot B$ истинно» и «$A \cdot B$ ложно» соответственно как «цепь c замкнута» и «цепь c разомкнута». В таком случае последовательное соединение контактов можно рассматривать как модель конъюнкции высказываний

[19] Д. Гильберт и В. Аккерман. Основы теоретической логики, стр. 49 и далее.

$A \cdot B$, а параллельное соединение контактов как модель дизъюнкции высказываний $A \vee B$.

Истинность высказывания $A \cdot B$ будет означать в этом случае, что цепь замкнута тогда и только тогда, если замкнуты оба контакта a и b, а истинность высказывания $A \vee B$ будет означать, что цепь замкнута тогда и только тогда, когда, по крайней мере, один из двух замыкающих контактов a и b замкнут.

Моделирование логических связей в релейно-контактных схемах особенно целесообразно тогда, когда приходится иметь дело со сложными схемами, с большим числом контактов и цепей. Оно позволяет строить точные и экономные методы расчета этих схем.

В настоящее время математическая логика широко применяется в автоматике, при построении электронных счетных машин, в кибернетических устройствах, а также при решении ряда других проблем современной науки и техники.

Следует отметить, что некоторые отличительные признаки математической логики и прежде всего тот факт, что она применяет метод исчисления (метод формализации), рассматриваются иногда в качестве свидетельства того, что математическая логика собственно и не логика, а часть математики или одна из математических наук.

Известный русский логик С. И. Поварнин еще в 1921 г. писал, что «логистика не есть уже логика. Уже принятый в ней метод *исчисления* делает ее самостоятельно существующей наукой. Ведь исчисление очень отличается от рассуждений. Рассуждая, мы все время сознаем содержание посылок и связываем их по содержанию. Наоборот, при исчислении мы переводим посылки в ряд искусственных символов и потом имеем дело лишь с этими символами: различным образом комбинируем их, производим ряд действий по известным правилам, совершенно не отдавая себе отчета в значении символов. Только после окончания этой работы мы расшифровываем результат» [20].

Подобного рода соображения в пользу мнения, что математическая логика не есть логика в собственном смысле слова, высказывались и другими логиками. На 3-м немецком философском конгрессе в Бремене в 1950 г. эта точка зрения защищалась Б. Фрейтаг-Ларингофом в его

[20] С. И. Поварнин. Введение в логику. Пб., 1921, стр. 16.

тезисах, представленных на обсуждение в симпозиуме по философским вопросам логистики. Позднее в своей книге «Логика, ее система и ее отношение к логистике» Фрейтаг-Ларингоф писал, что математическую логику не следует называть не только логикой, но даже и логистикой, чтобы не создавать иллюзии, что это какой-то особый вид логики. Лучше всего, утверждает Фрейтаг-Ларингоф, называть эту науку «математистика» [21]. Нетрудно показать несостоятельность этих рассуждений. Науки отличаются друг от друга не бо́льшим или ме́ньшим применением математических методов, а своими предметами. Поэтому применение в формальной логике математических методов и, в частности, метода исчисления также не мешает тому, чтобы формальная логика оставалась логикой, как применение математических методов в физике не мешает тому, чтобы физика оставалась физикой.

Мы уже отмечали, что математическая логика на современном этапе ее развития содержит много различных систем: классическое исчисление, конструктивное исчисление, модальная логика, вероятностная логика, комбинаторная логика и т. п. По мнению некоторых авторов, эта особенность современной логики также свидетельствует о том, что математическая логика есть не логика, а часть математики. В уже упоминавшихся нами тезисах Ларингофа мы читаем: «Имеется только одна логика, но много логических исчислений» [22]. По поводу этого утверждения необходимо сказать следующее. Верно, что имеется только одна логика, если под «логикой» понимается закономерный процесс человеческого мышления, существующий независимо от какой-либо теории. Если же под «логикой» понимается наука, то имеется не одна, а две логики — диалектическая и формальная.

Верно также, что в современной формальной логике строятся различные исчисления. Однако все они разрабатывают те или иные стороны формального вывода и, следовательно, относятся к той области, которая изучается логикой, а не математикой.

В качестве аргумента для обоснования утверждения, что математическая логика не есть логика, иногда указы-

---

[21] Freytag-Löringoff. Logik. Ihr System und ihr Verhältnis zur Logistik. Zürich — Wien, 1955, SS. 197—198.

[22] Bericht über den Dritten Deutschen Kongress für Philosophie. München, 1952, S. 161.

вают еще и на то, что математическая логика применяется только в математике и поэтому она должна рассматриваться как особый случай прикладной математики. Это положение также несостоятельно. Утверждения некоторых логиков о том, что «Гильберт сделал единственно возможное употребление математической логики, когда он ее переработал в математическую теорию доказательства» [23], или что «логическое исчисление есть особый случай прикладной математики» [24], не доказывают того, что математическая логика применима только в области математики [25]. В настоящее время математическая логика находит себе все более широкое применение не только в математике, но также в физике, биологии, лингвистике, кибернетике и других науках.

И если какая-нибудь наука применяется в другой науке, то это еще не свидетельствует о том, что первая наука становится частью или особым случаем второй. Математика, например, применяется во многих науках, но от этого она не становится частью этих наук.

Все вышесказанное показывает, что математическая логика не является частью математики и не противопоставляет себя традиционной формальной логике в качестве отличной от нее науки.

«Современная логика,— говорит Бернайс,— не рассматривает себя как находящуюся в оппозиции к традиционной логике, что в особенности явствует из некоторых новейших изложений. Скорее она желает продолжать и надлежащим образом развивать традиционную логику» [26].

Итак, математическая логика есть та же формальная логика, точнее — новый, более высокий этап развития формальной логики.

3. КРИТИКА НЕОПОЗИТИВИСТСКОГО ИСТОЛКОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ ЛОГИКИ

Общность предмета математической и нематематической формальной логики обусловливает и тот факт, что математическая логика так же тесно связана с теорией познания, как и нематематическая. Объяснить природу

[23] W. Albrecht. Die Logik der Logistik. Berlin, 1954, S. 5.

[24] Freytag-Löringoff. Logik. Ihr System und ihr Verhältnis zur Logistik, S. 200.

[25] Ibidem.

[26] Bericht über den Dritten Deutschen Kongress für Philosophie, S. 170.

логических аксиом и правил вывода, решить вопрос о том, что такое истина и в чем ее критерий, может только теория познания. Вот почему борьба материализма и идеализма имеет место и в области математической логики.

Идеалистическому истолкованию основных понятий математической логики много внимания уделяют неопозитивисты. В качестве примера можно рассмотреть неопозитивистскую интерпретацию природы всегда истинных высказываний и правил вывода.

Всегда истинные высказывания в классическом исчислении высказываний часто называются тавтологиями и характеризуются обычно как пустые или бессодержательные высказывания. Так, по мнению Г. Рейханбаха, «тавтология есть *пустое* высказывание» [27]. С точки зрения Р. Карнапа, «тавтологии бессодержательны и ничего не утверждают» [28]. По мнению Витгенштейна, «тавтологии и противоречия лишены смысла» [29].

Возникает законный вопрос: если тавтологии представляют собой высказывания бессодержательные и даже бессмысленные, то почему же тогда они называются в логике истинными, а их отрицания (противоречия) ложными?

Ведь бессмысленное высказывание (т. е. лишенное смысла сочетание слов или символов) не может быть характеризовано ни как истинное, ни как ложное [30]. Очевидно, истинность и вместе с тем бессодержательность и пустоту тавтологий следует понимать в особом смысле. Чтобы выяснить, в каком смысле тавтологии можно называть истинными и вместе с тем бессодержательными, рассмотрим, в чем отличие логической истины от нелогической.

Р. Карнап в книге «Введение в символическую логику» [31] следующим образом отличает логическую истину от нелогической. Если истинность предложения, говорит он, устанавливается без обращения к фактам, путем анализа

---

[27] H. Reichenbach. Wahrscheinlichkeitslehre. Leiden, 1935, S. 26.

[28] R. Carnap. Die alte und die neue Logik. «Erkenntnis». B. 1, Leipzig, 1930, S. 23.

[29] L. Wittgenstein. Tractatus Logico-Philosophicus. London, 1949, 4. 461.

[30] H. Reichenbach. Wahrscheinlichkeitslehre. SS. 19, 26.

[31] R. Carnap. Einführung in die symbolische Logik. Wien, 1954.

формы предложения (т. е. способа, при помощи которого знаки с известным нам значением связаны между собой), то этот анализ называется логическим анализом, а установленная истина — логической истиной [32].

Эмпирическая истина устанавливается следующим образом. С помощью наблюдения устанавливают факты, о которых идет речь в проверяемом предложении, и результат наблюдений сравнивают с тем, что утверждалось об этих фактах в предложении: «Если факты таковы, как о них утверждалось в предложении, то оно истинно: в противном случае предложение ложно». Полученная таким образом истина называется нелогической, синтетической, или эмпирической истиной [33].

Излагаемое Карнапом отличие логической (или формальной) истины от истины нелогической (или эмпирической) само по себе не вызывает возражений. Логика, начиная с Аристотеля, справедливо различает эти две стороны нашего знания о действительности.

Верно также, что истинность всегда истинных высказываний является логической истиной. Если мы подставим в формулу всегда истинного высказывания какие-нибудь конкретные предложения, то полученное высказывание будет также истинным, однако конкретного знания о действительности такое высказывание не дает. В этом смысле о подобного рода высказываниях можно говорить, что они пусты или бессодержательны. Так, если мы в формулу $A \vee \sim A$ подставим вместо A предложение «Здесь теперь дождь идет», то получим высказывание «Здесь теперь дождь идет или здесь теперь дождь не идет». Это высказывание истинно, но вместе с тем и бессодержательно. Если мы на вопрос о том, какова сейчас погода, ответим, что сейчас дождь идет или не идет, то мы фактически не ответим на поставленный вопрос. Однако, различая логическую и нелогическую истину, Карнап и другие неопозитивисты дают далее такое истолкование их природы, с которым уже никак нельзя согласиться.

---

[32] В частности, для установления того, что данное молекулярное высказывание всегда истинно, оно, как уже показано выше, преобразовывается в нормальную форму. Если в нормальной форме высказывания в каждой дизъюнкции, по крайней мере, одно основное высказывание встречается вместе с его отрицанием, то такое высказывание всегда истинно.

[33] R. Carnap. Einführung in die symbolische Logik, S. 15.

Прежде всего, нельзя согласиться с неопозитивистским истолкованием природы эмпирической истины. Хотя неопозитивисты нередко определяют эмпирическую истину как соответствие фактам действительности [34], однако, само соответствие они толкуют не как отражение, а как однозначное отношение суждения к факту [35]. Под фактом же неопозитивисты разумеют не объективную действительность, а лишь непосредственно испытанное, т. е. ощущение.

Такое субъективно-идеалистическое истолкование эмпирической истины явно противоречит всей человеческой практике.

Неверно также положение о том, что всегда истинные высказывания не отображают действительности [36].

Пытаясь обосновать это положение, неопозитивисты подменяют вопрос о соответствии действительности формального содержания всегда истинных высказываний вопросом о соответствии действительности подставляемого в них конкретного содержания. Конечно, Витгенштейн, Карнап и другие неопозитивисты правильно утверждают, что из высказывания: «Теперь здесь дождь идет или теперь здесь дождь не идет» нельзя узнать, какова на самом деле погода. Однако этот факт отнюдь не свидетельствует о том, что форма данного высказывания бессодержательна, т. е. что высказывание $A \vee \sim A$ ничего о действительности не утверждает. На самом деле всегда истинное высказывание $A \vee \sim A$ отображает обычный, миллиарды раз повторяющийся в человеческой практике факт относительной качественной определенности предметов действительности. В этом высказывании утверждается, что любой предмет действительности или обладает известной качественной определенностью или не обладает. И это верно. Отрицание данного высказывания, выражаемое формулой $\sim (A \vee \sim A)$, является всегда ложным высказыванием именно потому,

---

[34] M. Schlick. Allgemeine Erkenntnislehre. Zweite Auflage. Berlin, 1925, SS. 56—57; L. Wittgenstein. Tractatus Logico-Philosophicus, 2. 223; R. Carnap. Einführung in die symbolische Logik, S. 15.

[35] M. Schlick. Allgemeine Erkenntnislehre, S. 57.

[36] L. Wittgenstein. Tractatus Logico-Philosophicus, 4. 462. R. Carnap. Die alte und die neue Logik, «Erkenntnis». Bd. 1—3. 1930—1932, S. 23. H. Reichenbach. The Rise of Scientific Philosophy. Univ. of California, Press Berkeley and Los Angelos, 1951, p. 223.

что в действительности не бывает того, чтобы какой-либо предмет имел известный признак и одновременно не имел его.

Ложность утверждения неопозитивистов о том, что всегда истинные высказывания не отображают действительности, наглядно обнаруживается, как только мы поставим такой вопрос: почему, рассуждая в соответствии с требованиями всегда истинных высказываний, мы, при прочих равных условиях, получаем истинные суждения, а нарушая эти требования, получаем ложные суждения? Ссылка на то, что наше мышление или наш язык так устроены [37], ничего не объясняет, так как сейчас же возникает другой вопрос: почему наше мышление или наш язык устроены так, а не иначе?

Пытаясь ответить на этот вопрос, неопозитивисты приходят к конвенционализму, т. е. к мнению о том, что принципы логики представляют собой результат произвольных концепций (соглашений) [38]. В итоге получается, что логическая истина отличается от эмпирической не только способом проверки, но и по существу. Если эмпирическая истина выражает соответствие высказывания действительности, то логическая истина выражает только согласие между индивидами.

Конвенционалистская трактовка природы логической истины ставит под сомнение правомерность оценки всегда истинных высказываний как истинных [39] и приводит к крайнему субъективизму и волюнтаризму. Не случайно такой представитель субъективного волюнтаризма, как Гуго Динглер, одобрительно отзывается о конвенционализме [40]. Однако, по его мнению, для достижения уверенности в правомерности принципов логики не нужно искать согласия между индивидами. Основа для этой уверенности лежит только в самой воле субъекта. «Здесь гос-

---

[37] V. Kraft. Mathematik, Logik und Erfahrung. Wien, 1947, S. 117; H. Reichenbach. The Rise of Scientific Phylosophy, p. 222.

[38] R. Carnap. Logische Syntax der Sprache. Wien, 1934, S. 45; V. Kraft. Mathematik, Logik und Erfahrung, S. 117.

[39] Д. В. Хемлин в статье «Аналитические суждения» (Hamlyn. Analytic Truths. «Mind», № 259, p. 359—367) вполне закономерно приходит к выводу, что, исходя из виттгенштейновской оценки тавтологий как высказываний, не выражающих фактического положения, их нельзя называть истинными.

[40] H. Dingler. Der Zusammenbruch der Wissenschaft. München, 1931, S. 74.

подствует необходимость в форме: если *хочешь* иметь последнюю уверенность, то эту уверенность может дать только *воля*» [41].

На самом деле истинность всегда истинных высказываний ничем по существу не отличается от эмпирической истинности. И та и другая являются отражением действительности. И поэтому ни соглашение, ни воля субъекта не могут дать нам уверенности в истинности всегда истинных высказываний. Такую уверенность дает только практика. «...Практическая деятельность человека,— говорит В. И. Ленин,— миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, *дабы* эти фигуры *могли* получить значение *аксиом*» [42].

Идеалистическое истолкование природы всегда истинных высказываний дополняется у неопозитивистов таким же идеалистическим истолкованием природы правил вывода. По их мнению, правила вывода также не отражают действительности. Более того, они якобы не имеют никакого отношения к истине, а представляют собой априорные правила действия над мыслями или предложениями «Вывод,— утверждает Виктор Крафт,— не имеет дела с истинностью. Установлением связи с истинностью учение о выводе только запутывается в противоречиях, ибо для того, чтобы утверждать истинность вывода, мы должны правила вывода рассматривать не только как правила действия, приема, но и как предпосылки, и в качестве таковых они также должны быть истинными» [43].

Однако в противоречиях запутываются сами неопозитивисты. И это происходит потому, что они не признают критерия практики, с помощью которого только и можно доказать истинность правил вывода, т. е. соответствие их объективной действительности. В самом деле, доказать истинность правил вывода невозможно путем установления согласия содержания правил вывода с ощущением, ибо логическая необходимость не дана непосредственно в ощущении. Доказать их истинность путем рассуждения также нельзя, ибо при этом получается regressus in infinitum. Для того, чтобы доказать истинность правила дан-

[41] H. Dingler. Philosophie der Logik und Arithmetik. München, 1931. S. 23.
[42] В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 181—182.
[43] V. Kraft. Mathematik, Logik und Erfahrung, S. 104.

ного умозаключения при помощи какого-либо другого умозаключения, мы сначала должны были бы доказать истинность правила этого другого умозаключения, но для этого мы должны были бы доказать истинность правила третьего умозаключения, при помощи которого мы хотели бы доказать истинность правила второго умозаключения и т. д. до бесконечности.

Вот почему неопозитивисты и в этом вопросе становятся на позиции конвенционализма, уподобляя правила вывода, как и все законы логики, правилам игры [44].

Субъективно-идеалистически истолковывая природу правил умозаключения, неопозитивисты, кроме того, еще неправильно утверждают, что вывод умозаключения не дает ничего нового по сравнению с посылками. По мнению неопозитивистов, «все выводы тавтологичны: выводное положение говорит всегда то же самое (или меньше), что и посылка, только в иной языковой форме» [45].

Положение о тавтологической природе вывода неопозитивисты также пытаются использовать для подтверждения своих идеалистических взглядов. Если, говорит на этой же странице указанной статьи Карнап, выводы не дают нам больше того, что заключено в посылках, то, значит, умозаключать о существовании чего-либо за пределами наших непосредственно данных ощущений неправомерно. Следует отметить, что неопозитивистское понимание сущности вывода отличается от миллевского. Д. Милль не отрицал того, что умозаключение дает новое знание по сравнению с посылками. По его мнению, подлинные умозаключения (т. е. индуктивные методы) как раз этим и отличаются от таких кажущихся умозаключений, как, например, силлогизм, полная индукция, непосредственные умозаключения. В отличие от этого Карнап заявляет, что все умозаключения, включая индуктивные, не дают ничего нового по сравнению с посылками [46].

Понятие «новое в выводе» следует разобрать особо.

Если, как это утверждал, например, Милль, «новым» в выводе может быть названо только то, что не содержа-

---

[44] V. Kraft. Mathematik, Logik und Erfahrung, S. 117. C. G. Hempel. Le probléme de la vérité. Théoria, vol. III, Göteborg, 1937, pp. 241—242.

[45] R. Carnap. Die alte und die neue Logik. «Erkenntnis». Bd. 1—3, S. 25.

[46] Ibidem.

лось в посылках умозаключения, тогда в любом случае все достоверные выводы должны рассматриваться как не дающие ничего нового. Ведь необходимость вывода в умозаключении достоверности как раз и определяется тем, что вывод уже содержался в посылках. Однако, если «новым» в выводе мы будем называть то, что хотя и содержалось в посылках имплицитно, но не было выявлено в форме суждения, тогда и умозаключение достоверности мы должны будем отнести к тем формам мышления, которые дают новое знание познающему субъекту.

Мы полагаем, что последнее положение является правильным. В подтверждение сказанного достаточно рассмотреть правило вывода заключения, которое употребляется в классическом исчислении высказываний.

Соблюдение указанного правила обеспечивает нам истинность вывода при условии истинности посылок. Вместе с тем получаемый вывод дает новое знание, несмотря на то, что вывод здесь, как и во всяком умозаключении достоверности, уже содержался имплицитно в посылках. В самом деле, в этом случае мы до процесса вывода обладали знанием об истинности двух формул, а после этого процесса мы обладаем знанием об истинности еще новой, третьей формулы.

Если учесть, что формулами в классическом исчислении высказываний называются логические переменные, т. е. буквы A, B, C,.., означающие произвольные суждения (высказывания) и любые выражения, получаемые из них с помощью логических связок: отрицания, конъюнкции, дизъюнкции, импликации, эквивалентности,— то ясно, что вывод новых формул с помощью правила вывода заключения означает не что иное, как вывод новых суждений из первоначальных. При этом новизна вывода, полученного в результате применения правила вывода заключения, выражается в переходе от знания обусловленного к знанию безусловному.

Таким образом, утверждения неопозитивистов о том, что всегда истинные высказывания и правила вывода не отображают действительности, а выводы не дают ничего нового по сравнению с посылками, являются ложными.

II

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА И ЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ФОРМАЛЬНОЙ ЛОГИКЕ

1. ОГРАНИЧЕННОСТЬ МЕТОДА ФОРМАЛЬНОЙ ЛОГИКИ. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ

Формальная логика сложилась в основном уже в древности. Диалектическая логика возникла позднее, когда окончательно сформировался диалектический метод познания. Но отдельные идеи диалектической логики имели место и в более ранние периоды развития философии. Возникновение диалектической логики было подготовлено всем ходом развития научной и логической мысли. Так, уже в логике Аристотеля ставился вопрос о сравнительной познавательной ценности различных форм мышления. Одним из основных вопросов логики Аристотеля является проблема истинности форм мышления: «У Аристотеля,— писал В. И. Ленин,— *везде* объективная логика *смешивается* с субъективной и так притом, что везде *видна* объективная. Нет сомнения в объективности познания. Наивная вера в силу разума, в силу, мощь, объективную истинность познания» [1]. Аристотель всегда рассматривал формы мышления содержательными, соотношение между суждениями в умозаключении обусловленным связями и зависимостями их предметного содержания. В логике Аристотеля имеется постановка вопроса о диалектическом отношении единичного и общего в формах мышления, правильного решения которого он, однако, дать не смог. Таким образом, Аристотель в своем учении о формах мышления уже ставил вопрос о диалектике, его логика выходит за рамки только формальной логики. Но с особой

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 366.

силой и остротой вопрос о диалектической логике, качественно отличной от формальной, встал в философии нового времени.

Формальная логика и ее законы выступили как метод исследования у Аристотеля и у последующих философов средневековья. Ф. Энгельс писал: «Даже формальная логика представляет прежде всего метод для отыскания новых результатов, для перехода от известного к неизвестному...» [2]. Поскольку законы формальной логики отражают некоторые стороны явлений действительности, они могут служить хотя и ограниченным, но все же реальным методом для достижения новых результатов.

Ограниченность методологического значения формальной логики и ее законов была понята в истории философии давно. Уже Р. Декарт в своем рассуждении о методе понимал недостаточность формальной логики не только как метода исследования явлений, но и в создании практической философии, для превращения человека во властителя и господина природы. В «Рассуждении о методе» Р. Декарт писал: «В молодости из философских наук я немного изучал логику, а из математических — геометрический анализ и алгебру — три искусства, или науки, которые, казалось бы, должны дать кое-что для осуществления моего намерения. Но, изучая их, я заметил, что в логике ее силлогизмы и бо́льшая часть других ее наставлений скорее помогают объяснять другим то, что нам известно, или даже, как в искусстве Луллия, бестолково рассуждать о том, чего не знаешь, вместо того чтобы изучать это. И хотя логика действительно содержит много очень правильных и хороших предписаний, к ним, однако, примешано столько других — либо вредных, либо ненужных,— что отделить их почти так же трудно, как разглядеть Диану или Минерву в необделанной глыбе мрамора» [3].

Задача состояла не только в том, чтобы очистить формальную логику от вредных и ненужных схоластических наслоений, но и дополнить ее тем, что повело бы к открытию достоверных и новых истин. Поэтому Декарт поставил вопрос о другом методе познания, выходящем за рамки того, который дает формальная логика. Он сознавал

[2] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1957, стр. 126.
[3] Р. Декарт. Избранные произведения. Госполитиздат, 1950, стр. 271.

недостаточность формальной логики не как науки о правильной дедукции, а как метода и теории познания. Но преодолеть узость формальной логики как метода исследования Декарт не смог, ибо он пытался выйти за пределы схоластизированной формальной логики с ее учением о силлогизме с помощью обоснования существования интуитивных истин, посредством которых человек получил знание важнейших принципов различных наук. Декарт несомненно прав в том, что соблюдения формальных правил силлогизма, самая безупречная логическая дедукция не могут служить гарантией истинности нашего мышления. Но интуиция и рационалистический критерий ясности и отчетливости — слишком шаткая основа для истинности нашего мышления. Он понимал не только ограниченность формальной логики, но и ее силу и мощь. Формальная логика ограничена как искусство изобретения (ars inveniendi); но она необходима и незаменима как наука о правилах связи готового, полученного ранее знания, так как строгая дедукция по Декарту — важнейший элемент достижения знания во всех науках.

По-иному подошел к решению этого вопроса другой философ нового времени — Ф. Бэкон. Обычно, когда речь идет о роли Бэкона в истории логики, то указывается только на то обстоятельство, что Бэкон обогатил формальную логику учением об индукции, о методе индуктивного открытия причин явлений. Никакого сомнения не может быть в том, что Бэкон занимает определенное место в истории формальной логики. Но он не только описал связь посылок в индуктивном умозаключении и показал, в каком случае эта связь ведет к достоверным выводам, а в каком — только к вероятным. Его меньше всего интересовала логическая связь посылок в индуктивном умозаключении (а только это и составляет предмет формальной логики в учении об индукции).

Ф. Бэкон ставил вопрос об индукции не в плане анализа структуры индуктивного умозаключения, а в плоскости нового метода познания, отличного от того, который дает формальная логика. Бэкон никогда не сомневался в том, что связь посылок в силлогизме верна, что действительно из готового знания получается тот вывод, который дает заключение силлогизма. Он критиковал силлогизм за то, что тот совершенно бесплоден (в этом, конечно, с ним согласиться нельзя) в достижении нового знания. Поэтому

он искал надежный метод образования новых и достоверных понятий. Главным в логике Бэкона является учение об образовании научных понятий. Понятия, согласно Бэкону, есть фундамент знания, поэтому, если они извлечены из предметов случайно, то все, что будет построено на этом фундаменте, будет не прочно.

Схоластическую формальную логику он прежде всего критикует за то, что в ней ни одно общее понятие не извлечено из наблюдений и опыта надлежащим образом, надежным методом. После же того, как открыты первые определения и опирающиеся на них аксиомы, установленные индукцией, можно безопасно пользоваться силлогизмом.

Таким образом, силлогизм — это не способ образования научных понятий, а форма вывода следствия из ранее образовавшихся понятий.

Надежным методом образования понятий являются опыт и индукция. «Согласно его учению,— пишет К. Маркс о Ф. Бэконе,— *чувства* непогрешимы и составляют *источник* всякого знания. Наука есть *опытная наука* и состоит в применении *рационального метода* к чувственным данным. Индукция, анализ, сравнение, наблюдение, эксперимент суть главные условия рационального метода» [4].

Таким образом, индукция, ее методы обнаружения причин явлений рассматриваются Ф. Бэконом как способ, как метод образования понятий. Односторонность Бэкона состоит в том, что он не нашел места дедукции в этом процессе образования новых понятий, в движении от известного к неизвестному, хотя роль дедукции здесь не меньшая, чем индукции.

Изучение процесса образования понятий и всех его составляющих — это задача не формальной, а новой логики, названия которой Бэкон, однако, не дал. Он считал, что его «Органон» является не чем иным, как логикой, но логикой, которая раскрывает мышлению совершенно новую дорогу, не исследованную древними.

Таким образом, мы видим, что учение об индукции Бэкон связывает с изучением процесса образования новых понятий. Такой подход характерен для диалектической

---

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2. Госполитиздат, 1955, стр. 142.

логики, поэтому в истории возникновения этого нового направления в логике заслуга Ф. Бэкона несомненна [5].

Своеобразной попыткой выхода за пределы формальной логики является учение Лейбница о двух рядах истин — разума и факта. Первая истина основана на принципах формальной логики, в частности, на законе недопустимости противоречия в мышлении. Необходимость истины этого рода является чисто логической: немыслимо противопоставлять разум истине. К этим необходимым истинам относятся принципы математики, логики и все, что следует из этих принципов в результате дедукции. Сфера формальной логики ограничивается у Лейбница логическим анализом имеющегося знания.

Но Лейбниц не ограничивал наше знание истинами разума, а метод получения нового знания только дедукцией. Кроме истин разума существуют еще истины факта (или эмпирические, случайные), которые основаны на законе достаточного основания: «Наши рассуждения основываются на двух великих началах: *начале противоречия*... и на *начале достаточного основания*, в силу которого мы усматриваем, что ни одно явление не может оказаться истинным или действительным, ни одно утверждение справедливым,— без достаточного основания, почему именно дело обстоит так, а не иначе...» [6]. Истины факта не могут быть выведены чисто логическим путем по закону недопустимости противоречия, они постигаются другим путем и на основе другого закона — закона достаточного основания, который в философии Лейбница не имел такой формальной логической интерпретации, какую он получил впоследствии в книгах по формальной логике. У Лейбница требования закона достаточного основания не сводятся только к тому, что посылка в умозаключении должны быть достаточным основанием для заключения.

---

[5] В наших книгах по формальной логике учение об индукции и индуктивных методах излагается полностью: как то, что составляет предмет формальной логики, так и то, что выходит за ее пределы. Это относится не только к учению об индукции, но также и к другим разделам (учение о понятии, гипотезе и т. д.). Характерным примером может служить книга «Логика» под редакцией Д. П. Горского и П. В. Таванца (Госполитиздат, 1956), в которой предмет формальной логики включает то, что в ее компетенцию не входит.

[6] Г. Лейбниц. Избранные философские сочинения. М., 1908, стр. 347.

У него этот закон имеет более общее значение: это и закон бытия (все существующее должно существовать на достаточном основании) и общий закон познания (всякое знание возникает на достаточном основании).

Закон достаточного основания был выдвинут Лейбницем не для того, чтобы обосновать логическую необходимость и обоснованность следствия из посылок в дедуктивном умозаключении, не для объяснения логического анализа (он считал, что для этого вполне достаточно закона недопустимости противоречия), а для объяснения логического синтеза, с которым мы неизбежно сталкиваемся при образовании понятий о явлениях природы, о физических закономерностях. Этот закон был выдвинут Лейбницем специально для объяснения синтеза, который происходит в индукции. Тем самым закон достаточного основания показывает правомерность индукции как средства образования понятий. Поэтому, несмотря на то, что деление Лейбницем истин на два рода (разума и факта) покоится на метафизическом и идеалистическом понимании сущности познания, рационалистическом принижении роли опыта и индукции, оно является свидетельством стремления Лейбница выйти за узкие пределы формальной логики в объяснении процесса мышления, вычленить в познании такие стороны, для истолкования которых законы формальной логики недостаточны.

Недостаток формальной логики Лейбниц видит также в том, что в ней отсутствует исследование степени вероятности. Конечно, степень вероятности изучается и формальной логикой (в каком случае из посылок следуют выводы достоверные, а в каком только вероятные, каковы условия повышения вероятности умозаключения, когда умозаключение из вероятного переходит в достоверное и т. д.). Но внедрение в логику идеи вероятности также связано с проблемой образования научных понятий и роли индукции в этом процессе, с пониманием характера нашего знания, соотношения абсолютного и относительного в нем. Это уже область изучения другой логики, отличной от формальной.

Новый этап в возникновении диалектической логики связан с кантовским разделением логики на общую или формальную и трансцендентальную. Это разделение способствовало более точному определению предмета формальной логики и сферы ее применения. Иммануил Кант

правильно поставил задачу — освободить общую или формальную логику от того, что не составляет ее предмета: от психологических разделов о различных познавательных способностях (воображение, остроумие и т. д.), от философских разделов о происхождении познания и различных видах достоверности нашего знания и т. д. Он справедливо указывает, что расширение сфер формальной логики за счет того, что не составляет ее предмета, является результатом непонимания природы этой науки и ведет к ее искажению.

Кант границы формальной логики определяет следующим образом: «Границы логики совершенно точно определяются тем, что она есть наука, обстоятельно излагающая и строго доказывающая исключительно лишь формальные правила всякого мышления (независимо от того, имеет ли оно априорный или эмпирический характер, независимо от его происхождения или объекта, а также от того, встречает ли оно случайные или естественные препятствия в нашем духе)» [7].

Формальная логика совершенно не должна и не может исследовать процесса возникновения и образования представлений и понятий, она исследует их отношение друг к другу в какой-то системе с точки зрения соответствия этой системы ее логической форме. Общая логика — логика рассудка, сферу которого составляет не предмет, а только формы понятия о предмете: «Своими успехами,— продолжает Кант,— логика обязана только ограниченности своей задачи, которая дает ей право и даже обязывает ее отвлечься от всех объектов знания и различий между ними; в ней, следовательно, рассудок имеет дело только с самим собою и своими формами. Конечно, разуму гораздо труднее было вступить на верный путь науки, так как он имеет дело не только с самим собою, но и с объектами; зато в свою очередь логика играет роль лишь пропедевтики, лишь преддверия науки, и если речь идет о знаниях, то логику, правда, привлекают для оценки их, но приобретения их ищут в настоящих науках об объектах» [8].

Общая логика дает только формальные критерии истины; она, по мнению Канта, существует и касается только формы мышления, соответствия одного суждения другим, но не содержания его, формальный критерий дает

[7] И. Кант. Критика чистого разума. Пг., 1915, стр. 9—10.
[8] Там же, стр. 10.

общие признаки согласия знания с самим собою, с всеобщими и формальными законами рассудка и разума. Соблюдение формального критерия необходимое, но недостаточное условие истины: «Общая логика,— пишет Кант,— разлагает всю формальную деятельность рассудка и разума на элементы и излагает их, как принципы всякой логической оценки нашего знания. Поэтому эта часть логики может называться аналитикою и служить, по крайней мере, отрицательным критерием истины, так как всякое знание следует испытывать и оценивать по форме соответственно этим правилам раньше исследования его по содержанию, имеющего целью установить, заключает ли оно в себе положительную истину относительно предмета» [9].

Общая логика является только каноном, а не органоном мышления. Когда же она используется в качестве органона, то получается только видимость объективно-истинного знания. Формальная логика, употребляемая в качестве мнимого органона, называется Кантом диалектикой или логикой мнимой истинности (видимости).

Учение Канта об общей логике носит двойственный характер. С одной стороны, Кант является основоположником априоризма и формализма в истолковании сущности формальной логики. Именно с Канта берет начало истолкование форм мышления как чистых и абсолютно независимых от предметного содержания и возникших до всякого опыта (априорных). У Аристотеля формы знания были и формами самого бытия, отношение между суждениями в умозаключении рассматривалось им как отражение реальных отношений вообще. В логике рационализма (Декарт, Лейбниц) формы мышления еще не «очищались» от всякого предметного содержания. Рационализм исходил из того, что формы мышления не только не чужды предметному содержанию, а выражают его сущность, что предметы и формы мысли о них совпадают. Рационализм связан с признанием того, что формы мышления являются формами постижения истины о предмете, поэтому они имеют пусть даже общее и слишком абстрактное, но предметное содержание. Кант же порвал с этой традицией в логике, идущей от Аристотеля, и положил начало логике «чистых», априорных, бессодержательных форм,

[9] И. К а н т. Критика чистого разума, стр. 65.

которая нашла своих многочисленных адептов во второй половине XIX и первой половине XX вв.

Но, с другой стороны, кантовское понимание предмета формальной логики и форм ее применения сыграло положительную роль. Кант правильно определил, чем формальная логика должна заниматься, каковы границы ее применения. Ведь до Канта природа формальной логики строго не была определена, а это мешало ее прогрессу и препятствовало возникновению новой логики. Не определив строго предмета формальной логики, нельзя выяснить границы применения ее критериев, их роль в достижении истины и в понимании закономерностей познавательного процесса.

Установив предмет формальной логики и сферу ее применения в достижении истины, Кант создал предпосылки для прогресса самой формальной логики. Но что еще очень важно, строгое ограничение предмета формальной логики и понимание границ ее применения оказало благотворное влияние на формирование новой логики. И в этом деле Кант был одним из пионеров.

Кроме общей логики в системе Канта существует еще трансцендентальная логика, которая имеет дело не только с формой, но и с объектами познания. Идеи трансцендентальной логики занимают центральное место в его «Критике чистого разума». Кант ограничивал сферу формальной логики, показывал отрицательный, негативный характер ее критериев именно для того, чтобы провозгласить и обосновать необходимость существования другой логики. Трансцендентальная логика Канта принципиально отлична от формальной, она трактует о таких вопросах, которые не входят в предмет формальной. Формальная логика отвлекается от всякого предметного содержания, трансцендентальная логика — только от эмпирического содержания и исследует чистое предметное мышление. В сферу формальной логики совсем не входит изучение происхождения познания, она берет образовавшиеся понятия и суждения, исследуя только форму рассудочного мышления. Трансцендентальная логика не исследует происхождение и развитие всех наших понятий, а изучает происхождение понятий, a priori относящихся к предметам. Исходя из признания существования знания, происходящего и не из опыта и не из чистой чувствительности, Кант рассматривает трансцендентальную логику как науку, определяющую

«...происхождение, объем и объективное значение подобных знаний...» [10]. Эта логика «имеет дело исключительно с законами рассудка и разума, но лишь постольку, поскольку они a priori относятся к предметам...» [11].

Оценивая сущность трансцендентальной логики Канта, один из крупных исследователей его философии В. Ф. Асмус пишет: «Трансцендентальная логика Канта была первым — далеко еще неясным и недостаточным, но тем не менее положительным очерком или абрисом логики диалектической» [12]. Трансцендентальная логика Канта — это зачаток диалектической логики, правда, уже в самом начале искаженный априоризмом.

Мысль Канта о том, что должна существовать логика, предметом которой будет изучение развития генезиса человеческого знания, процесса образования понятий, очень верна. Плодотворным является также стремление Канта сделать эту логику учением о синтетической сущности человеческого знания. Общая логика — логика анализа, трансцендентальная — логика синтеза, логика образования новых научных понятий о предмете. Применение этих идей к конкретному решению отдельных логических проблем дало некоторые положительные результаты, в частности, много ценного имеется в кантовском понимании категорий, которые в трансцендентальной логике образуют целую систему (таблицу). Порядок категорий в этой системе носит не случайный характер, а установлен на основе определенного принципа. В каждой группе категорий существуют три категории потому, что третья возникает из соединений второй и первой. Много правильных мыслей высказано Кантом о функции категорий в суждении, о соотношении между понятием, суждением и умозаключением в процессе развития мышления, о связи между собой различных форм суждения [13].

---

[10] И. Кант. Критика чистого разума, стр. 64.

[11] Там же.

[12] В. Ф. Асмус. Диалектика Канта. М., 1930, стр. 57.

[13] На эту особенность логики Канта указывал Гегель, когда он писал: «Различные виды суждений должны быть понимаемы не только как эмпирическое многообразие, но и как некая определенная мышлением целостность. Одной из великих заслуг Канта является то, что он впервые выдвинул это требование. Хотя выставленное Кантом согласно схеме его таблицы категорий деление суждений на суждения качества, количества, отношения и модальности не может быть признано удовлетворительным,

Но пороки самого метода критической философии, априоризм и формализм ее наложили свой отпечаток на характер реализации этих плодотворных идей. Кант говорил о генетической дедукции знания, но только априорного. Он рассматривал знание не как продукт с его готовыми формами, а как процесс, где эти формы превращаются в функции действия сознания, но опять-таки все обращено в сферу априорного знания. Трансцендентальная логика — наука о синтетической природе человеческого знания, но только о чистом синтезе, имеющем свое основание в априорном синтетическом единстве. Категории представляют целостную систему, но ее источник кроется не в предмете, а в рассудке, как в некоем единстве всех форм, категорий и определений. Таким образом, мы видим, что априоризм пронизывает всю трансцендентальную логику Канта и искажает ее плодотворные идеи.

Идеи трансцендентальной логики Канта нашли свое дальнейшее развитие в логике Гегеля. Идейное родство между логикой Канта и логикой Гегеля усмотреть не трудно, его признавал и Гегель. Но по сравнению с Кантом Гегель в положительном развитии идей диалектической логики сделал огромный шаг вперед. Гегель вполне ясно и определенно изложил идеи диалектической логики на идеалистической основе.

Гегель мало чем отличался от Канта в понимании предмета формальной логики и ее значения. Он считал, что заслуга Аристотеля состояла в том, что последний впервые предпринял естественноисторическое описание явлений мышления. Подобно тому, как естествоиспытатели описывают различные виды животных и растений, Аристотель описал формы мышления, и поэтому его логика является естественной историей конечного мышления: «Одно лишь рассмотрение этих форм,— пишет Гегель,— как познание разнообразных форм и оборотов этой деятельности, уже достаточно важно и интересно. Ибо сколь бы сухим и бессодержательным нам ни казалось перечисление различных видов суждений и умозаключений и их

отчасти из-за чисто формального применения схемы этих категорий, отчасти также и из-за их содержания, однако в основании этого деления все же лежит истинное воззрение, понимание того, что различные виды суждения определяются именно всеобщими формами самой логической идеи» (Гегель. Сочинения, т. I. М.— Л., 1929, стр. 277—278).

многообразных переплетений, как бы они также ни казались нам негодными для отыскания истины, все же мы не можем в противоположность этому выдвинуть какую-нибудь другую науку. Если считается достойным стремлением познать бесчисленное множество животных, познать сто шестьдесят семь видов кукушек, из которых у одного иначе, чем у другого, образуется хохол на голове; если считается важным познать еще новый жалкий вид семейства жалкого рода лишая, который не лучше струпа, или если признается важным в ученых произведениях по энтомологии открытие нового вида какого-нибудь насекомого, гадов, клопов и т. д., то нужно сказать, что важнее познакомиться с разнообразными видами движения мысли, чем с этими насекомыми» [14].

Заслугу формальной логики Гегель видел в том, что она отделила формы мысли от их материи и фиксировала свое внимание на формах в этой их отделенности. Отсюда, конечно, вытекает опасность их полного отрыва от материального содержания, как это случилось в логике Канта.

Но Гегель видел и ограниченность сферы применения формальной логики, лежащую в самой ее природе. Эта ограниченность состоит в том, что формальная логика — логика рассудка, деятельность которого состоит в абстрагировании, отделении существенного от случайного, в переработке представления в родовые и видовые понятия. Эта рассудочная деятельность, по мнению Гегеля, необходима, но не достаточна. «В спекулятивной философии рассудок представляет собою, правда, момент, но это момент, на котором не останавливаются» [15]. Но творец рассудочной логики Аристотель мыслил не только по законам и формам этой логики: «Он не выдвинул бы ни одного из выставленных им суждений, не мог бы сделать ни одного шагу дальше, если бы он придерживался форм этой обычной логики» [16]. Эта логика недостаточна в движении нашего мышления к истине.

Особенность формальной логики состоит также в том, что отдельные моменты в мышлении она не связывает друг с другом. Но, говорит Гегель, в своей изолированности они не дают истину.

---

[14] Гегель. Сочинения, т. X, стр. 313.
[15] Гегель. Сочинения, т. I, стр. 77.
[16] Гегель. Сочинения, т. X, стр. 316.

Формальная логика, основываясь на рассудочной деятельности, рассматривает формы мышления в их неподвижности и различии друг от друга, она только перечисляет различные виды суждений и умозаключений, рубрицирует их, заботясь о том, чтобы ни одно из них не было забыто и все были бы представлены в надлежащем порядке.

Признавая большое значение формальной логики, Гегель призывал «идти дальше и познать отчасти систематическую связь, отчасти же ценность этих форм» [17]. Результатом этого дальнейшего движения в изучении форм мышления явилась его диалектическая логика, задачи и особенности которой он усматривает в следующем.

Диалектическая или, как называет ее Гегель, спекулятивная логика, в отличие от формальной или рассудочной изучает формы мышления как формы истинного знания: «Если бы логические формы понятия действительно представляли собою мертвые, недейственные и безразличные вместилища представлений или мыслей, то знание их было бы совершенно ненужным для истины описанием, без которого вполне можно было бы обойтись. Но на самом деле формы понятия суть, как раз наоборот, *живой дух действительного,* а в действительном истинно лишь то, что *истинно в силу этих форм, через них и в них.* Но истинность этих форм, взятых сами по себе, точно так же, как и их необходимая связь, никогда до сих пор не рассматривалась и не служила предметом исследования» [18].

Формальная логика исследует логическую правильность мышления, а диалектическая — истинность во всей ее полноте. Гегель говорит, что «если даже не видеть в логических формах ничего другого, кроме формальных функций мышления, то и в таком случае они заслуживали бы исследования, в какой мере они сами по себе соответствуют *истине*» [19].

Рассмотрение форм мышления, с точки зрения выражения в них истины, означает, что сами эти формы являются содержательными. Гегель исходил из того, что «мышление и его движение сами представляют собою содержание, и притом такое интересное содержание, какое

---

[17] Гегель. Сочинения, т. VI, стр. 27.
[18] Гегель. Сочинения, т. I, стр. 267.
[19] Гегель. Сочинения, т. VI, стр. 27.

только вообще может существовать» [20], а «...наука о мышлении есть сама по себе истинная наука» [21].

С этих позиций он критикует кантианское истолкование форм мышления, согласно которому последние не обладают никаким содержанием; с одной стороны, вещь в себе, а с другой стороны, как нечто совершенно чуждое, рассудок с его субъективными формами. Но критика априоризма Канта ведется Гегелем с позиций идеалистически истолкованного тождества мышления и бытия. Формы мышления истинны и содержательны потому, что кроме них никакого истинного содержания вообще не имеется, они сами составляют содержание и истину реальных вещей: «Если они (формы мышления.— *Авт.*) сами по себе истинны, то они, следовательно, сами являются своим содержанием, и притом своим высшим содержанием» [22].

Но формы мышления дают истину не в своей изолированности друг от друга и неподвижности, а в движущейся и развивающейся системе. Поэтому диалектическая логика рассматривает формы мышления в их взаимной связи и развитии. Формы мышления достигают истины только потому, что они движутся и развиваются по направлению обнаружения сущности. В связи с этим Гегель устанавливает определенную субординацию между формами мышления: понятием, суждением и умозаключением. Движение идет от понятия, в котором не расчленены его моменты (всеобщее, особенное и единичное), к суждению, где понятие расщепляется на свои собственные моменты, и от него — к умозаключению как единству понятия и суждения («оно есть понятие как простое тожество, в которое возвратились различия форм суждения, и оно есть суждение, поскольку оно вместе с тем положено в реальности, а именно, в различии своих определений» [23]); в умозаключении не только восстанавливается, но и обосновывается единство моментов понятия.

Гегель ставит своей целью показать развитие понятий, суждений и умозаключений. Мы не можем принять целиком схему их развития, данную Гегелем, но нельзя не признать, что сама идея рассмотрения всех форм мышле-

---

[20] Гегель. Сочинения, т. X, стр. 314.
[21] Там же.
[22] Там же, стр. 315.
[23] Гегель. Сочинения, т. I, стр. 287.

ния в развитии является плодотворной и чрезвычайно важной для понимания природы самих форм.

Рассмотрение различных форм мышления в развитии дает возможность оценить их познавательное значение. Это составляет один из моментов диалектической логики: «Различные виды суждения должны рассматриваться не как стоящие рядом друг с другом, не как обладающие одинаковой ценностью, а, наоборот, как последовательный ряд ступеней, и различие между ними зависит от логического значения предиката» [24]. Этот подход Гегель применяет и к умозаключениям, формы которых у него также составляют ряд ступеней.

И наконец, диалектическая логика, по мнению Гегеля, должна вскрыть диалектику самой структуры форм мышления, взаимоотношения моментов единичного, особенного и всеобщего в них. Гегель показал различия во взаимоотношении этих моментов в понятиях, суждениях и умозаключениях; формы умозаключения определяются как различием в отношениях между этими моментами, так и их содержанием.

2. МАРКСИСТСКАЯ ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА И ЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ФОРМАЛЬНОЙ ЛОГИКЕ

Рассмотрение истории логики, процесса ее разделения на две логики — формальную и диалектическую — создает предпосылки для правильного решения вопроса о предмете марксистской диалектической логики и ее отношения к формальной.

Как известно, по этому вопросу в нашей литературе давно происходят споры. Над представляется, что дискуссия скорее бы достигла своих положительных результатов, если бы спорящие стороны при определении предметов диалектической и формальной логики исходили из объективных основ, старались бы определить объективные границы, разделяющие их предметы.

Очень часто споры идут вокруг цитат, которым спорящие дают различное толкование, подтягивая содержание высказываний великих мыслителей к своему пониманию данного предмета. В этом случае субъективное мнение выдается за объективную основу определения предмета

[24] Там же, стр. 278.

данной науки. Иногда в качестве объективной основы определения предмета формальной логики выдвигается следующий критерий: в таком-то курсе формальной логики разбирается такой-то предмет,— значит он является предметом формальной логики. Этот критерий также не объективный, а субъективный. Чтобы это заключение было истинным, нужно предположить, чтобы изучаемый вопрос был окончательно и абсолютно верно разрешен данным автором с помощью формальной логики.

Далее, при определении предметов формальной и диалектической логики мы должны принять во внимание тот факт, что предмет логики, как и любой другой науки, меняется. Предмет современной формальной логики отличается от предмета логики Аристотеля, Бэкона, Канта, а предмет марксистской диалектической логики не совпадает с предметом диалектической логики Гегеля. Когда-то формальная логика и ее законы составляли основу философского метода исследования явлений, когда-то она притязала на то, чтобы быть универсальным методом познания явлений и таким образом сливалась с метафизикой. Теперь же мы не можем распространить критику формальной логики как основы метафизического метода познания XVII—XVIII вв. на современную формальную логику, которая давно уже потеряла свое значение универсального философского метода познания и имеет другой, более узкий предмет.

Как показывает история науки, объективной основой определения предметов формальной и диалектической логики может служить анализ познавательного процесса, его различных сторон. Логика возникла как наука о познании, о его законах и формах. Вначале познавательный процесс, мышление было еще не развито, и наука о нем не расчленялась, но потом, по мере развития самого познания, выявления его различных сторон логика разделилась на две науки. Формальная логика подробно и глубоко изучает одну сторону в формах мышления: законы и формы следования одного суждения из других, уже образовавшихся.

Конечно, в результате этого предмет формальной логики сузился, но он одновременно и расширился в другом отношении. Изучая только эту сторону в процессе мышления, она обнаружила в ней новые свойства и отношения, которые раньше не были известны, поэтому в свой предмет она включила ранее неизвестное содержание. Этот про-

цесс обычен для всякого обособления наук. Наука концентрирует свое внимание на одной стороне для того, чтобы глубже ее познать, открыть в ней новые свойства, отношения и закономерности. Формальная логика XX в. значительно полнее и глубже изучает процесс следования одного суждения из другого, чем это делала логика XVIII и XIX вв. Этому способствовало то обстоятельство, что она сузила предмет своего исследования и еще более формализовалась. В связи с этим нужно строго различать современную формальную логику и логику традиционную или классическую, хотя генетически они связаны.

Отметим особенности классической формальной логики:

1) Она составляла часть философии, была своеобразной теорией и методом познания, ее законы мышления (тождества, противоречия, исключенного третьего) служили основой метафизического метода мышления, его теоретическим обоснованием и выражением.

2) Классическая логика не была чисто формальной; законы и формы мышления она рассматривала одновременно как принципы бытия, причем само бытие материалистами и идеалистами понималось по-разному. Логика с самого начала ее возникновения служила ареной ожесточенной борьбы материализма и идеализма.

3) С самого начала своего возникновения логика стала пользоваться символикой для обозначения формальных отношений, но в классической формальной логике символика не выступала в качестве метода решения логических проблем, ее применение носило чисто вспомогательный характер.

Классики марксизма-ленинизма подвергли критике формальную логику в ее традиционном, классическом виде, они отмечали, что она как метод познания ограничена, является, по сравнению с диалектикой, низшей ступенью. Так, Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» писал: «Даже формальная логика представляет прежде всего метод для отыскания новых результатов, для перехода от известного к неизвестному; то же самое, только в гораздо более высоком смысле, представляет собой диалектика, которая к тому же, прорывая узкий горизонт формальной логики, содержит в себе зародыш более широкого мировоззрения» [25].

---

[25] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 126—127.

Эту же мысль развивает В. И. Ленин. Например, в произведении «Еще раз о профсоюзах...» он пишет, что формальная логика «берет формальные определения, руководясь тем, что наиболее обычно или что чаще всего бросается в глаза, и ограничивается этим» [26].

Из традиционной логики, выступающей на предшествующей ступени развития в качестве метода и теории познания, диалектический материализм взял все, что было в ней относительно истинным. Положительные результаты философской стороны прежней формальной логики вошли в переработанном виде в диалектическую логику. Поэтому следует различать отношение диалектической логики к традиционной, предшествующей марксизму формальной логике, и ее отношение к современной формальной логике. В первом случае диалектическая и формальная логика соотносятся как две ступени в развитии учения о мышлении. Диалектическая логика является отрицанием предшествующей ей формальной логики как метода и теории познания. Во втором случае отношение между диалектической и современной формальной логикой выступает как отношение философии к специальной отрасли научного знания. У них различные предметы, каждая из них изучает полно и глубоко свой предмет, но одна дает всеобщий философский метод познания, а другая изучает лишь одну сторону мышления.

В условиях современного развитого научного знания формальная логика превратилась в обособившуюся отрасль науки, которая за последнее время отпочковалась от философии подобно тому, как в свое время отделились от философии другие науки (естественные и общественные). Предмет формальной логики стал узкоспециальным, и в этом смысле она ничем не отличается от других нефилософских наук (психологии, языкознания, математики и т. д.). То обстоятельство, что формальная логика изучает мышление, еще само по себе не может служить аргументом в пользу того, что предмет формальной логики входит как составная часть в предмет марксистской философии. Мышление могут изучать и изучают науки, которые давно уже не входят в философию. Ведь формальная логика изучает специальную и частную сторону мышления, потому она не может претендовать на то, чтобы быть всеобщим мето-

[26] В. И. Ленин. Сочинения, т. 32, стр. 72.

дом познания. Философия же изучает мышление, чтобы вскрыть наиболее общие законы развития самого познания, выяснить его отношение к явлениям реальной действительности.

Формальная логика в настоящее время занимается решением вопроса об отношении мышления к действительности в такой же мере, как и другие науки, например, психология.

Марксистская философия относится к формальной логике так же, как и к другим отраслям научного знания (математике, физике, биологии, психологии, языкознанию и т. д.).

Марксистская философия предполагает существование подлинно научной формальной логики, результаты которой в познании действительности так же важны, как и результаты всех других специальных наук. С другой стороны, формальная логика использует те категории, которые вырабатываются философией. Так, она должна исходить из научного понимания истины, сущности мышления и его форм, из правильного диалектико-материалистического решения основного вопроса философии и т. д. Сама формальная логика не решает и не может решить этих вопросов, у нее другой предмет. Но в такой же мере в научном решении философских вопросов нуждаются и другие специальные науки. Современная физика так же нуждается в диалектико-материалистическом взгляде на мир, как и формальная логика. Философия дает современной физике научное понятие о материи, движении, пространстве, времени и т. д. Таким образом, марксистская философия обслуживает формальную логику в такой же мере, в какой она обслуживает и другие науки.

Некоторые представители формальной логики строят свои теории на основе категорий идеалистической философии, развивают учение о строении доказательства на базе позитивистской или какой-либо другой идеалистической гносеологии. Это, конечно, приносит большой ущерб формальной логике, подобно тому, как пагубно действует идеализм на физику, математику, биологию и т. д. Поэтому формальная логика была и остается ареной острой борьбы материализма и идеализма. Задача логиков-материалистов состоит в том, чтобы подвергнуть критике идеалистические гносеологические основы в работах некоторых зарубежных представителей формальной логики. Но подоб-

по тому, как нелепо отбрасывать результаты теории относительности или квантовой механики на том лишь основании, что некоторые буржуазные физики при истолковании этих теорий исходят из категорий идеалистической философии, так же абсурдным является стремление некоторых наших ученых отбросить все результаты современной формальной логики, полученные зарубежными учеными, аргументируя это только тем, что они исходят при этом из неверных философских предпосылок. Наше отношение к буржуазным ученым определил В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» следующим образом: «Задача марксистов и тут и там суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками» (вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков),— и *уметь* отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести *свою* линию и бороться *со всей линией* враждебных нам сил и классов» [27].

Эти слова В. И. Ленина полностью применимы и к зарубежным специалистам, работающим в области формальной логики. Мы должны взять у них все ценное и отбросить реакционные поползновения к идеализму. Формальная логика тогда может стать подлинно научной, когда она будет исходить при рассмотрении своего предмета из научных философских категорий диалектического материализма, как это делает любая современная специальная наука.

В отличие от других специальных наук, формальная логика ближе всего стоит к философии как по своему происхождению (она стала выделяться из философии сравнительно недавно), так и по содержанию. Законы формальной логики, как и законы марксистской философии, носят всеобщий характер в том смысле, что их надо соблюдать всегда и всюду, независимо от того, каково содержание нашего мышления, хотя само по себе следование законам формальной логики еще не гарантирует объективной истинности мышления. Но законы формальной логики хотя и носят всеобщий характер, однако не могут служить основой философского метода и теории познания. Когда метод какой-либо специальной науки (механики, математики, физики, биологии) превращается в философский

[27] В. И. Ленин. Сочинения, т. 14, стр. 328.

метод познания, он становится односторонним, метафизическим. То же самое можно сказать и о формальной логике. Метод, выработанный для изучения процесса выведения знания из ранее образовавшихся суждений, нельзя превращать во всеобщий метод познания явлений природы, общества и человеческого мышления. Абсолютизация метода формальной логики характерна для многих современных буржуазных философов и ревизионистов, которые считают формальную логику единственной наукой о законах и формах мышления.

В предмет марксистской философии входит не формальная, а диалектическая логика; сама диалектика выступает здесь как логика. Основной проблемой диалектики как логики (или диалектической логики) является вопрос об истине. Применяя свои законы к изучению мышления и его форм, диалектическая логика раскрывает диалектику мышления, тем самым она становится наукой о развитии человеческого мышления, как отражения развития материального мира. Диалектическая логика рассматривает мышление и его формы с философской стороны, прослеживает, каким путем достигается объективно истинное знание о внешнем мире. Истина и пути ее достижения — вот подлинный предмет диалектической логики.

Проблема истины — действительно философская, она непосредственно связана с решением основного вопроса философии. В. И. Ленин подчеркивал, что не феноменология и не психология, а логика дает учение об истине и путях ее достижения.

Но формальная логика также не может дать учение об истине, ибо она изучает только одну сторону мышления — законы и формы следования одного суждения из других. Знания этих законов недостаточно для понимания того, что такое истина и как она достигается.

Раньше, когда не было диалектической логики, формальная логика решала и другие вопросы. Например, она имела свою теорию абстрагирования, свою теорию образования понятий. В частности, решая вопрос об образовании понятий, формальная логика видела в этом процессе только одну сторону — выделение сходного и общего в предметах. У многих буржуазных мыслителей — метафизиков и идеалистов формальная логика до сих пор используется как метод и теория познания, хотя теперь, когда существует диалектическая логика, формальная логика потеряла

свое универсальное значение. Диалектика дала новую теорию образования понятия, учитывающую все стороны этого сложного процесса, а за формальной логикой сохранилось изучение только правил и форм следования одного суждения из других.

Решить проблему истины, проблему образования научных понятий можно только на основе диалектического метода, с позиций его требований. Эти требования сформулированы В. И. Лениным следующим образом: «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвения. Это во-1-х. Во-2-х, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорит иногда Гегель), изменении... В-3-х, вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-4-х, диалектическая логика учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна»...» [28].

Только выполняя эти требования, можно постичь истину во всей ее глубине. Эти требования служат основой научного истолкования сущности самих форм мышления (понятий, суждений, умозаключений). Истина как всестороннее знание предмета достигается в целостной системе форм мышления, в их взаимосвязи и развитии. Поэтому диалектическая логика не просто описывает формы мышления, а раскрывает их взаимосвязь и движение в процессе достижения объективно-верного знания о внешнем мире: «Диалектическая логика, в противоположность старой, чисто формальной логике, не довольствуется тем, чтобы перечислить и без всякой связи поставить рядом друг возле друга формы движения мышления, т. е. различные формы суждений и умозаключений. Она, наоборот, выводит эти формы одну из другой, устанавливает между ними отношение субординации, а не координации, она развивает более высокие формы из нижестоящих» [29].

Формы мышления рассматриваются марксистской диалектической логикой с позиций материалистического пони-

[28] В. И. Ленин. Сочинения, т. 32, стр. 72.

[29] Ф. Энгельс. Диалектика природы. Госполитиздат, 1955, стр. 177.

мания мышления как отражения действительности в сознании человека. Введением принципа отражения в понимание диалектики мышления марксистская диалектическая логика коренным образом отличается от гегелевской концепции логики: «*Совокупность всех* сторон явления, действительности и их (взаимо) *отношения* — вот из чего складывается истина. Отношения (= переходы = противоречия) понятий = главное содержание логики, **причем** эти понятия (и их отношения, переходы, противоречия) показаны как отражения объективного мира. Диалектика *вещей* создает диалектику *идей*, а не наоборот» [30].

И не только понятия, а все формы мышления рассматриваются диалектикой во взаимосвязи, движении и развитии. Она анализирует, каким образом противоречия объективного мира находят свое отражение в этих формах. Диалектика изучает формы мышления не ради их самих, а для обнаружения того объективного содержания, отношений материального мира, которые находят в них свое отражение. Диалектика форм мышления раскрывается диалектической логикой как процесс отражения диалектики объективного мира.

Подлинное развитие форм мышления можно вскрыть только путем выяснения реальной основы этого процесса, т. е. роли практики как основы и критерия истины. В этом вопросе марксистская диалектическая логика принципиально отлична от гегелевского истолкования ее предмета. Гегель игнорировал материальную, чувственную практику человека как реальную основу движения понятий, но, как отмечал В. И. Ленин, «истина есть процесс. От субъективной идеи человек идет к объективной истине *через* „практику“ (и технику)» [31].

Таким образом, диалектическая логика есть наука об истине и путях ее достижения; она показывает, что в формах мышления отражаются законы объективного мира, анализирует движение понятий, суждений и умозаключений на пути познания материальной действительности. В этом отношении логика совпадает с диалектикой как методом получения нового знания об объективном мире и теорией познания как наукой об истинности нашего знания, путях его достижения и критерии истинности.

---

[30] В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 188.

[31] Там же, стр. 192.

Вместе с тем, диалектическая логика устанавливает место формальной логики в изучении законов и форм мышления. Процесс достижения истины многосторонен, он включает в себя такие необходимые элементы, как логическую непротиворечивость, законы и формы следования одного суждения из других. Сама диалектика специально не изучает правил дедукции, но она устанавливает ее место в процессе получения объективно-верного знания о мире. Требования, которые предъявляет к мышлению формальная логика, не являются единственными, это только момент в достижении истины. Когда же этот момент утверждается как единственный, то формальная логика превращается в метафизическое истолкование процесса достижения истины, а следовательно, в метафизическое истолкование самой действительности, ибо законы формальной логики отражают ее закономерности. Объявлять их исчерпывающими — значит отрицать существование других, более глубоких законов.

Никакого самостоятельного формальнологического критерия истины не существует; имеется только один критерий истины, который дает диалектическая логика — критерий практики. Непротиворечивость какой-либо системы суждений — не самостоятельный критерий истины, а один из моментов в оценке знания, и он также в конечном счете опирается на практику. Практика как критерий истины абсолютна; только она определяет объективную ценность нашего знания, все остальное возникает на ее основе и как ее момент.

Диалектическая логика в определенном отношении противоположна формальной логике, но не в том смысле, что на вопросы, разрешаемые формальной логикой, дает диаметрально противоположные ответы. Нельзя дело представлять так, что если формальная логика считает общеотрицательное суждение подверженным чистому обращению, то диалектическая логика, наоборот, утверждает, что оно чисто не обращается. Никаких своих особых утверждений по поводу правил обращения различных видов суждений диалектическая логика не имеет, ибо изучение правил обращения суждений является предметом только формальной логики, точно так же, как диалектическая логика не дает никаких правил сложения, вычитания, извлечения корня, правописания отдельных слов и т. д. Это — предметы специальных наук. Диалектическая логика не подвер-

гает ревизии никакие правила формальной логики. Поэтому не может быть такого положения, что если по формальной логике из двух суждений: «Все цветы — растения» — «Ландыш — цветок», следует вывод «Ландыш — растение», то будто бы, согласно диалектической логике, наоборот, из этих суждений следует другой вывод: «Ландыш не растение, а животное». Правилами вывода одного суждения из других занимается только формальная логика, и диалектика никаких своих правил на этот счет не имеет, поскольку это не ее предмет. Правила, устанавливаемые формальной логикой, верны, как верны правила сложения чисел и подтверждены общечеловеческой практикой.

Но диалектическая логика противоположна формальной в том отношении, что если законы формальной логики отражают лишь одну сторону объектов — их качественную устойчивость, их тождественность друг другу по определенному признаку, то законы диалектики отражают явления действительности многостороннее, в движении, частным моментом которого является покой, качественная устойчивость. Формальная логика, изучая формы мышления, отвлекается от их конкретного содержания, а диалектическая логика, изучая процесс развития понятий, суждений и т. д., не абстрагируется и не может абстрагироваться от их содержания, ибо в отвлечении от содержания нельзя понять этого процесса.

Лишь в этом смысле можно говорить об их противоположности.

В нашей литературе имеется, на наш взгляд, неверное определение диалектической логики. Оно сводится к следующему. Формы мышления можно разделить на диалектические и недиалектические (т. е. метафизические, ибо «недиалектические» имеют только одно значение — метафизические). Так, В. И. Черкесов говорит о диалектических и недиалектических понятиях. Недиалектические понятия характеризуются определенной односторонностью и ограниченностью. «Они не являются гибкими, эластичными. Они тождественны самим себе и в этом смысле являются застывшими, неподвижными» [32]. Диалектические понятия противоположны недиалектическим, они гибки, эластичны, подвижны, не тождественны сами себе.

---

[32] В. И. Черкесов. Некоторые вопросы теории понятия в диалектической логике. «Вопросы философии», 1956, № 2, стр. 65.

В соответствии с таким делением форм мышления на диалектические и недиалектические, сторонниками этой точки зрения определяются и предметы формальной логики и диалектической. Формальная логика изучает недиалектические формы мышления, а диалектическая — диалектические формы.

Такое определение нам кажется несостоятельным. Прежде всего неправомерно само деление форм мышления на диалектические и недиалектические. Недиалектическим понятиям или суждениям должны соответствовать какие-то недиалектические вещи или явления. Но нет недиалектических вещей или явлений. Все вещи и явления развиваются, движутся; соответственно развиваются и движутся наши понятия и суждения. В. И. Черкесов считает, что недиалектические понятия отражают случаи покоя, неизменности в явлениях. Конечно, всякое понятие, возникая, сначала отражает в предмете наиболее устойчивое, покоящееся, но оно на этом не останавливается, а развивается дальше. Например, понятие массы у Ньютона фиксировало устойчивое в явлениях, но потом понятие массы изменилось, его содержание углубилось. Все понятия возникают сначала как неглубокое отражение действительности, а потом наше познание углубляется, и понятия меняют свое содержание.

Всякое понятие сначала выражает какую-то одну или несколько сторон в явлении, но потом, развиваясь, глубже постигает явления, берет в единстве уже многие его стороны. Познание предмета — длительный процесс, и он предполагает изменение понятий.

Понятие проходит в своем развитии несколько ступеней — A_1, A_2, A_3 и т. д. Понятие A_2 глубже отражает действительность, чем A_1, но A_3 — глубже и полнее, чем A_2. Если принять точку зрения В. И. Черкесова, то понятие A_2 будет диалектическим по сравнению с A_1 и недиалектическим по сравнению с A_3. Если диалектическое и недиалектическое различать лишь по степени глубины и полноты отражения предмета, то в таком случае деление понятий на диалектические и недиалектические теряет всякий смысл и кроме путаницы ничего не дает.

Последовательное развитие рассматриваемой точки зрения приводит к выводу, что собственно диалектические формы мышления имеет только одна наука — диалектика, а все другие науки, изучающие частные законы движения,

оперируют лишь недиалектическими, элементарными понятиями и суждениями. Таким образом, мышление в различных отраслях науки объявляется элементарным, а высшим, диалектическим считается только философское мышление. Такое противопоставление конкретного научного мышления философскому, как низшего высшему, искажает действительные отношения философии к другим наукам.

Философское знание отличается от знания современных конкретных наук не по степени зрелости (одни высшие, а другие — элементарные), а по предмету. Все науки изучают материальный мир, различные его стороны. Суждения и понятия в науках, конечно, различаются по степени точности, по полноте и глубине отражения изучаемого предмета, но на этом основании неправомерно делить их на диалектические и недиалектические. Логика выделяет ряд ступеней в развитии суждений по степени приближения их к объективной, абсолютной истине. Однако нельзя считать суждение: «Вода при определенных условиях переходит в новое качественное состояние — пар»,— высшим и диалектическим, а суждение, высказанное Луи Бройлем: «Всякой частице массы m, движущейся со скоростью v, соответствует волна, длина которой определяется формулой $\lambda = \frac{h}{mv}$, где h — постоянная Планка», ... лишь элементарным, низшим, на том основании, что здесь в осознанном виде не выражен какой-либо закон диалектики, и оно, выражаясь терминологией некоторых авторов, не отображает процесса развития предмета.

Получается, что диалектические суждения могут быть высказаны лишь тем, кто мыслит диалектически. А что значит для ученого мыслить диалектически? Если под этим разуметь сознательное применение диалектического метода, то тогда теория относительности Эйнштейна состоит из недиалектических, а элементарных, низших суждений. Но ни один человек, немного знающий теорию относительности, никогда не скажет, что она состоит из элементарных суждений. Если же для ученого мыслить диалектически — значит отображать изучаемый предмет таким, каким он является, т. е. высказывать истинные суждения о явлениях действительности, вскрывать действительные закономерности, имеющие место в природе и обществе, то тем самым создатель теории относительности стихийно

мыслил диалектически. В таком случае все суждения современной науки, поскольку они являются истинными, носят диалектический характер. Но тогда деление понятий и суждений современной науки на диалектические и недиалектические становится излишним. Вопрос же о том, сознательно ли руководствовался тот и иной ученый диалектическим методом, высказывая данное суждение, или он следовал ему стихийно, не входит в компетенцию логики как науки, изучающей вопросы истинности мышления, а не процесс его протекания у отдельных людей, в частности, у ученых.

Неоправданное деление форм мышления на диалектические и недиалектические определяет несостоятельность взгляда В. И. Черкесова и некоторых других авторов, разделяющих эту точку зрения, на сущность диалектической логики и ее отношение к формальной. Они исходят из того, что предметом формальной логики является изучение только так называемых недиалектических, элементарных форм мышления. Поэтому формальная логика — это какая-то низшая наука, которая изучает такие формы мышления, такие понятия и умозаключения, которые имели место на низшей ступени развития науки. Она изучает процесс образования таких «низших» понятий (понятий о постоянных отношениях и неизменных фактах), как «смертность человека»: «В нем,— писал В. И. Черкесов,— отражен тот единственный признак, что люди всегда умирали и будут умирать, независимо от условий места и времени: как было, так и будет» [33]. Формальная логика изучает только такие суждения, которые констатируют тривиальные факты: «Все люди смертны», «Липа — дерево» и т. д.

Отсюда делается неправильный вывод, что формальная логика ни с какой стороны не изучает современного научного мышления, форм мысли, которые встречаются в нем. Но это противоречит действительному положению вещей, ибо современная формальная логика изучает все формы мышления, но только с определенной их стороны.

Авторы этой концепции превращают формальную логику в науку об истине вообще, в метод познания, поскольку она изучает процессы образования определенных

---

[33] В. И. Черкесов. Некоторые вопросы теории понятия в диалектической логике.

форм мышления и отношение их содержания к объективному миру, к постоянным свойствам объектов. Она превращается тем самым в метафизический метод, в метафизическую теорию познания. Современная формальная логика отождествляется с той, которая имела место в XVII и XVIII столетиях, т. е. с исторически пройденным этапом в развитии философии. С этой точки зрения в современной науке формальной логике нет и не может быть места.

Но это не соответствует фактам. Формальная логика существует и развивается. При этом современная формальная логика ушла далеко вперед, изменив и сузив свой предмет, углубив его понимание.

Диалектическая логика, по мнению В. И. Черкесова, изучает диалектические формы мышления [34]. Если под этими формами разуметь только те, которые являются всесторонним отображением процесса развития предмета, то сфера диалектической логики суживается до изучения суждений и понятий только самой диалектики и, может быть, еще политэкономии марксизма.

Сведение диалектической логики к изучению форм мышления, имеющих место только в самой диалектике, обедняет ее, ведет к противопоставлению диалектики другим наукам. Что может дать диалектическая логика другим наукам, если она не будет изучать пути достижения истины, развитие научного познания в самых различных областях науки?

Чтобы объяснить процесс достижения истины, диалектическая логика должна дать анализ развития знания от одних понятий, которые имели место на ранних ступенях развития науки, до современных научных понятий. Но она этого не может сделать, если ограничится изучением только так называемых диалектических понятий без анализа тех понятий, которые существовали на ранних ступенях развития науки. Чтобы выполнить свою задачу, диалектическая логика, анализируя процесс развития знания, изучает все суждения, имеющиеся в истории науки. Так, Энгельс, приводя схему движения суждений от единичности через особенность к всеобщности, наряду с «обычным» суждением «трение порождает теплоту», приводит также всеобщее суждение «любая форма движения

---

[34] Там же.

материи переходит в любую другую форму при определенных условиях». Оба суждения являются звеньями в развитии нашего знания, и Энгельс не называет одно диалектическим, а другое недиалектическим. Поскольку диалектическая логика изучает формы мышления как формы достижения истины, она изучает их все, но именно с этой стороны.

Таким образом, история логики и ее современное состояние показывают, что разделение логики на диалектическую и формальную произошло не по тому основанию, что одна стала изучать высшие формы мышления, а другая — низшие, а по тому, что разные стороны единого процесса познания стали предметом анализа этих двух наук. Формальная логика изучает только правила и формы выведения одного суждения из других, а диалектическая логика — условия истинности нашего мышления и пути достижения истины, развитие и взаимосвязь форм мышления в процессе движения к объективной, абсолютной истине. Это деление сложилось исторически и в его основе лежит объективная многосторонность самого процесса познания.

Часть первая

Б. М. Кедров

ПРЕДМЕТ МАРКСИСТСКОЙ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ И ЕГО ОТЛИЧИЕ ОТ ПРЕДМЕТА ФОРМАЛЬНОЙ ЛОГИКИ

I

СООТНОШЕНИЕ ДИАЛЕКТИКИ С РАЗЛИЧНЫМИ ВИДАМИ ЛОГИКИ

Марксистская диалектическая логика создана К. Марксом и Ф. Энгельсом и развита В. И. Лениным. Она есть применение материалистической диалектики к учению о законах и формах мышления, есть диалектика процесса мышления, составляющая марксистский диалектический метод в собственном смысле слова, т. е. метод научного познания. Для краткости мы будем называть ее дальше диалектической логикой. Здесь и в последующих своих статьях мы не претендуем на окончательное решение разбираемых вопросов, считая некоторые из них дискуссионными и высказывая по ним лишь свое собственное мнение. Так как принципиальные вопросы науки целесообразно излагать на основе тщательного рассмотрения воззрений ее творцов, то и в данном случае мы стремились к тому, чтобы как можно полнее представить взгляды Маркса, Энгельса и Ленина по обсуждаемым вопросам.

При разборе вопроса о соотношении между диалектикой и логикой возникали и возникают недоразумения из-за разногласий по поводу того, что такое логика. Одни понимают под логикой только элементарную формальную логику, другие — кроме того и диалектическую логику, третьи — современное состояние формальной логики, в которую включается, по их мнению, также и математическая логика, и т. д.

Чтобы избежать в дальнейшем подобных недоразумений, необходимо предварительно хотя бы кратко выяснить соотношение между диалектикой и различными видами логики: 1) диалектической логикой, 2) элементарной формальной логикой, 3) специальными отделами формальной логики, 4) современной математической логикой.

1. ДИАЛЕКТИКА КАК ЛОГИКА. ДИАЛЕКТИКА И ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА

Вопрос о соотношении диалектики и диалектической логики является частью общего вопроса о единстве диалектики, логики и теории познания материализма в марксистской философии. Этому вопросу должно быть посвящено особое исследование. Тем не менее здесь необходимо остановиться на этом вопросе, так как соотношение диалектики и формальной логики есть прежде всего соотношение между диалектической и формальной логикой.

Диалектическая логика *неотделима* от марксизма, от его диалектики. Она составляет логическую сторону или логическую функцию диалектики. Указывая, например, на необходимость конкретно-исторического подхода к анализу того или иного спора, Ленин подчеркивал, что марксизм, *то есть* диалектическая логика, требуют этого безусловно.

Единство диалектики и диалектической логики означает, что ни один вопрос логики не может быть рассмотрен без применения диалектического метода, равно как нет ни одного вопроса диалектики, который не имел бы своей логической стороны. Ставить с позиции марксизма тот или иной вопрос логики — значит ставить одновременно и соответствующий ему вопрос диалектики. И обратно: постановка любого вопроса диалектики в марксизме влечет за собой постановку соответствующего вопроса логики.

Диалектическая логика, раскрывая логическую сторону процесса познания, по необходимости раскрывает и его объективное содержание, неразрывно связанное с его логической формой. Без этого невозможно понять, как познаваемый предмет отражается в нашем мышлении.

Таким образом, диалектическая логика имеет объективное значение. Это обусловлено, с одной стороны, объективностью содержания мышления, т. е. предмета, отражаемого нашим мышлением, а с другой — объективностью

самих логических форм и законов. Иначе говоря, логические связи являются отражением связей самой действительности, но лишь преобразованными по своей форме. «Законы логики суть отражения объективного в субъективном сознании человека» [1],— писал в этой связи Ленин; «... логические формы и законы не пустая оболочка, а *отражение* объективного мира» [2],— подчеркивал он.

В другом месте Ленин пояснял: «...Законы мышления имеют не только субъективное значение, т. е. законы мышления отражают формы действительного существования предметов, совершенно сходствуют, а не различествуют, с этими формами...» [3].

Будучи единой с диалектикой, диалектическая логика находится в столь же нераздельном единстве и с теорией познания материализма, поскольку эта последняя сама сливается с диалектикой. Если признается существование законов диалектики, т. е. общих законов движения внешнего мира и мышления, то, как подчеркивал Ленин, «в таком понимании логика совпадает с *теорией познания*» [4].

Отсюда вытекает известное ленинское определение: «Логика есть учение о познании. Есть теория познания» [5].

Диалектическая логика по своему существу совпадает не только с так называемой субъективной диалектикой, т. е. диалектикой познания, но и с объективной диалектикой, диалектикой внешнего мира. «Логика есть учение не о внешних формах мышления,— писал Ленин,— а о законах развития „всех материальных, природных и духовных вещей", т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод *истории* познания мира» [6].

Признание нераздельности диалектической логики с диалектикой, равно как и с теорией познания материализма, отнюдь не означает, что существует только диалектика, обладающая определенными логическими и гносеологическими сторонами или «функциями», и что никакой

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 174.
[2] Там же, стр. 171.
[3] В. И. Ленин. Сочинения, т. 14, стр. 346.
[4] В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 165.
[5] Там же, стр. 173.
[6] Там же, стр. 80—81. (В кавычки Ленин ставит слова Гегеля.— *Б. К.*).

диалектической логики в собственном смысле слова как особого вида логики и не существует. Разумеется, диалектическая логика не может быть оторвана от диалектики и от теории познания материализма. Говоря иначе, можно написать курс диалектической логики, в котором весь круг разбираемых вопросов будет рассмотрен в разрезе применения материалистической диалектики к анализу форм и законов мышления, подобно тому, как это делается в курсах формальной логики и математической логики, но с тем существенным отличием, что весь подход к анализу логического материала, вся постановка вопроса будут совершенно иными, нежели в курсах формальной или математической логики.

Но нераздельность и единство диалектики, логики и теории познания материализма не исключают возможности изложения в систематическом виде какой-либо одной из этих трех сторон марксистской философии соответственно специфической для данной ее стороны проблематике, но, конечно, при условии, что изложение любой из этих сторон будет дано на основе ее единства с другими двумя сторонами марксистской философии. Следовательно, с позиции материалистической диалектики могут быть изложены все проблемы логики, касающиеся законов и форм мышления.

Вместе с тем проблематика диалектической логики отличается от проблематики теории познания материализма и от общей проблематики диалектики как науки, хотя резких граней провести здесь невозможно. Это отличие обусловлено тем, что диалектическая логика касается специально форм мышления, в которых специфическим образом отражаются связи объективного мира.

Законы диалектической логики мы рассматриваем как конкретизацию законов материалистической диалектики применительно к сфере мышления, где общие законы диалектики выступают по форме иначе, чем в различных областях внешнего мира. Хотя содержание нашего мышления совпадает с отражаемым объектом, но процесс отражения объекта совершается по форме иначе по сравнению с тем, что происходит в самом объекте. Например, явление и сущность в природе и обществе существуют всегда нераздельно как единство противоположностей: никогда и нигде в мире нет и не может быть сущности без явления и явления без сущности. Являющееся всегда существенно

и сущность всегда является. Поэтому ни при каких условиях мы не можем рассматривать какую-либо одну из сторон этого единства противоположностей как некоторую ступень, возникающую в процессе развития самого объекта раньше, чем возникает другая сторона.

Однако в процессе познания, которое отражает обе эти противоположные стороны действительности, их соотношение складывается иначе. Как много раз подчеркивал Ленин, один из элементов диалектики состоит в том, что познание *движется* от явлений к сущности, раскрывая в непосредственных явлениях их сущность. Поэтому явление в процессе познания возникает перед нашим мысленным взором *раньше,* нежели раскроется сущность того же явления. А это означает, что в ходе познания явление и сущность выступают как две различные, возникающие *одна за другой* ступени познания, тогда как в самой действительности они не являются ступенями развития природы или общества.

Лишь в итоге пройденного познанием пути обе противоположные стороны действительности обнаруживают свое нераздельное единство. Иначе говоря, лишь после того, как в процессе познания последовательно одна за другой раскрываются обе стороны реального противоречия, мы приходим к отражению этого противоречия в целом, а следовательно, и его сторон такими, какими они существуют объективно, в самой действительности. Но это лишь в конечном итоге, тогда как в самом процессе познания выступают специфические законы нашего мышления, связанные с тем, что мы не в состоянии сразу, непосредственно отразить противоречивую действительность во всей ее полноте и многосторонности. «Логические понятия субъективны, пока остаются „абстрактными", в своей абстрактной форме,— писал Ленин,— но в то же время выражают и вещи в себе. Природа *и* конкретна *и* абстрактна, *и* явление *и* суть, *и* мгновение *и* отношение. Человеческие понятия субъективны в своей абстрактности, оторванности, но объективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике» [7].

Чтобы понять специфику диалектической логики, важно учесть, что отражение объекта в нашем мышлении совершается по определенным ступеням, закономерная смена которых обусловливается как объективным момен-

[7] В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр 199.

том (природой отражаемого объекта), так и субъективным моментом (характером самого познания, самого мышления человека).

В «Философских тетрадях» Ленин отмечает, что «познание есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов etc., каковые понятия, законы etc. (мышление, наука = „логическая идея") и *охватывают* условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы» [8].

Специфика диалектической логики как раз и состоит в том, что эта логика отражает законы последовательного образования абстракций в нашем мышлении, последовательного формирования понятий, которыми охватывается и отражается познаваемая реальность. «*Отражение* природы в мысли человека надо понимать не „мертво", не „абстрактно", *не без движения, не без противоречий*,— писал Ленин,— а в вечном **процессе** движения, возникновения противоречий и разрешения их» [9].

Специфика диалектической логики обусловливается и тем, что эта логика изучает процесс возникновения и разрешения противоречий в нашем мышлении, связанных со своеобразием движения субъекта (познания) к объекту.

Из всего сказанного выше можно заключить, что отношение между диалектикой и диалектической логикой есть отношение единства. Тем самым определяется и соотношение между логикой и теорией познания материализма, поскольку последняя находится в нераздельном единстве с диалектикой. В дальнейшем мы увидим, что сам предмет логики и критерий его определения носят не только логический, но и гносеологический характер и что только с таких позиций можно дать последовательно материалистическое изложение логики как учения о формах и законах мышления.

2. ДИАЛЕКТИКА И ФОРМАЛЬНАЯ ЛОГИКА. ДИАЛЕКТИКА И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА

Под формальной логикой мы понимаем такую логику, которая опирается на известные четыре закона мышления: законы тождества, непротиворечия, исключен-

[8] В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 173.
[9] Там же, стр. 186.

ного третьего и достаточного основания. С помощью этих законов строятся различные виды формальной логики. Существуют также различные способы изложения формальной логики. Во-первых, на этих основах строится элементарное изложение формальной логики, которое дается в любом школьном, а нередко и вузовском курсе этой науки Во-вторых, на них полностью опираются специальные теории и учения формальной логики, изложение которых дается не элементарным способом, например, формальная теория суждения, традиционное учение о силлогизмах, теория формального определения (дифиниции) и др. В-третьих, из тех же основ частично исходит современная математическая логика, которая иногда неправильно, как нам кажется, отождествляется с формальной логикой. На самом же деле математическая и формальная логика не тождественны, хотя некоторые логические основы у них общие. Математическая логика, с нашей точки зрения, есть частная отрасль знания, стоящая между математикой и логикой, т. е. она есть такая же частная наука, как и математика, поэтому ее отношение к диалектике совершенно иное, чем у формальной логики.

Таким образом, здесь имеются по крайней мере три различные логические дисциплины: 1) *элементарная формальная логика,* представляющая собой изложение в простейшем виде общих основ формальной логики и их приложение к формам мышления, так сказать, азбуку логического мышления; 2) *специальные отделы формальной логики,* представляющие собой углубление и расширение общих основ формальной логики применительно к анализу отдельных ее теорий и учений; 3) *математическая логика,* представляющая собой самостоятельную науку или научную дисциплину, которая стоит на стыке между математикой и логикой, но не входит полностью ни в ту, ни в другую, занимая особое место в общей системе научного знания.

Поставив вопрос о соотношении диалектики и формальной логики, нельзя ограничиться рассмотрением соотношения диалектики лишь с общими основами формальной логики или лишь с одной из перечисленных выше дисциплин, а необходимо проанализировать соотношение диалектики с каждой из них в отдельности.

Элементарная формальная логика предполагает самую первую, начальную ступень изучения логики, логического

мышления. Прежде чем начать рассматривать сложные процессы мышления, необходимо изучить самые общие его правила и законы применительно к простейшим логическим операциям, к формам мышления в их простейшей трактовке. Без этого нельзя приступить к изучению ни специальных отделов формальной логики, ни математической логики, ни диалектической логики. Но, изучив простейшие логические операции и формы мышления в их простейшей трактовке, в дальнейшем можно двигаться по различным названным выше направлениям, причем по одному относительно независимо от другого.

Маркс, Энгельс и Ленин, говоря о соотношении формальной логики с диалектикой, с диалектической логикой, имеют в виду исключительно только элементарную формальную логику. Поэтому не всегда их высказывания могут быть механически перенесены на все случаи этого соотношения, когда имеется в виду уже не элементарная формальная логика, а специальные ее теории и учения и, тем более, математическая логика. Если не учитывать этого весьма важного обстоятельства, то легко можно впасть в ошибку при оценке взглядов классиков марксизма-ленинизма по данному вопросу, особенно при попытке распространить их на современное состояние проблемы.

Исходное положение, выдвинутое по данному вопросу Энгельсом и Лениным, можно сформулировать следующим образом. Для того, чтобы рассуждать и мыслить диалектически, необходимо в качестве предпосылки научиться элементарно правильному мышлению, научиться избегать логических ошибок; только после этого можно переходить к более сложным приемам при оперировании с формами мышления, которые связаны с применением диалектики. Тот, кто допускает элементарные ошибки в мышлении, кто не умеет мыслить логически последовательно и непротиворечиво, тот не сумеет мыслить и диалектически. Он не увидит разницы между софистикой и диалектикой и сочтет релятивизм за диалектику. Подобно тому, как сначала надо знать, что́ такое данная вещь, с тем, чтобы потом иметь возможность перейти к изучению происходящих с нею изменений, так и в области мышления — сначала надо овладеть простейшими сведениями относительно форм мышления и производимых с ними операций, с тем, чтобы получить возможность приступить к рассмотрению этих

форм мышления в их историческом развитии, в их возникновении и изменении, в их взаимосвязях и переходах.

С этой точки зрения между диалектикой и формальной логикой в ее элементарном изложении существует отношение, которое отметил Энгельс: формальная логика относится к диалектике так же, как низшая математика к высшей. Он писал: «Освобожденная от мистицизма диалектика становится абсолютной необходимостью для естествознания, покинувшего ту область, где достаточны были неподвижные категории, представляющие собою как бы низшую математику логики, ее применение в условиях домашнего обихода» [10]. В другом месте, касаясь того же соотношения диалектики и элементарной формальной логики, Энгельс замечал: «То же соотношение имеет место в математике. Элементарная математика, математика постоянных величин, движется, по крайней мере в общем и целом, внутри границ формальной логики; математика переменных величин, самый значительный отдел которой составляет исчисление бесконечно-малых, есть по своей сущности не что иное, как применение диалектики к математическим отношениям» [11].

Если элементарной формальной логикой можно ограничиться в области «домашнего обихода», то ее недостаточность в области более сложных общественных явлений, в частности, в области политики, более чем очевидна. В. И. Ленин указывал: «...Политика больше похожа на алгебру, чем на арифметику, и еще больше на высшую математику, чем на низшую» [12]. С точки зрения аналогии, проведенной Энгельсом, это значит, что решать политические вопросы можно только с помощью диалектики, которая рассматривается как соотносительная с высшей математикой (и уж во всяком случае с алгеброй) в отличие от элементарной формальной логики, которая трактуется как соотносительная с арифметикой и вообще низшей математикой.

По поводу приведенного сопоставления нередко можно слышать, что оно устарело и не отражает в настоящее время того, что имели в виду Энгельс и Ленин, либо было неправильным с самого начала. При этом ссылаются

---

[10] Ф. Энгельс. Диалектика природы. Госполитиздат, 1955, стр. 160.

[11] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1957, стр. 127.

[12] В. И. Ленин. Сочинения, т. 31, стр. 82.

на то, что математика постоянных величин имеет не только свое элементарное изложение в виде школьной арифметики, но и свои высшие отделы в виде общей теории чисел, высшей алгебры и других отделов высшей математики. Поэтому прежнее деление математики на высшую и низшую (в смысле математики переменных и постоянных величин) сейчас уже утратило смысл.

Указывается также, что и формальная логика теперь не сводится к ее школьному курсу, но имеет свои специальные, высшие отделы, которые соответствуют высшим отделам математики постоянных величин и которые, по той же причине, никак нельзя относить к «низшей математике логики», пригодной лишь в условиях «домашнего обихода». Вместе с тем эти специальные отделы формальной логики нельзя рассматривать в качестве необходимых предпосылок для диалектического мышления, подобно тому, как нельзя рассматривать теорию чисел и аналогичные ей высшие отделы математики в качестве необходимой предпосылки для первоначального изучения математического анализа.

На этом основании делается вывод, что не следует проводить параллели между формальной логикой и диалектикой, с одной стороны, и низшей и высшей математикой — с другой, которую проводил Энгельс, а вслед за ним фактически и Ленин.

Но весь вопрос в том, что нельзя смешивать различные стороны самой формальной логики, когда она выступает то как элементарная логика, то как специальные разделы этой же науки, не входящие в первоначальное знание, но имеющие с ним общие основы, то как особая математико-логическая дисциплина, опирающаяся частично на эти общие логические основы, но уже выходящая за пределы собственно формальной логики.

Если не видеть различия между этими хотя и связанными между собой, но различными логическими дисциплинами — различными или по своему направлению или же по уровню и глубине изложения одного и того же предмета,— то вообще нельзя правильно определить соотношение между формальной логикой и диалектикой.

В частности, вследствие именно такого смешения различных видов формальной логики кажется утратившей свое значение и даже неверной глубокая параллель между различными ступенями логики и различными ступенями

математики, которую проводили Энгельс и Ленин. *При этом надо иметь в виду только один строго определенный вид* (точнее сказать, способ изложения) *формальной логики, а именно ее элементарное изложение, которое только и подразумевалось в данном случае классиками марксизма-ленинизма.* Ибо только этот вид и может выступать в качестве низшей ступени логического мышления, соответствующего низшей, в смысле начальной, ступени изучения математики, представленной в форме школьного курса арифметики.

В проводимой Энгельсом и Лениным параллели заключена чрезвычайно важная мысль: подобно тому, как школьная арифметика подготовляет возможность изучения алгебры, а затем других, высших отделов математики, так и элементарная формальная логика подготовляет возможность понимания и применения диалектики, т. е. возможность диалектического мышления. Это вовсе не исключает наличия у самой математики постоянных величин своих высших отделов типа общей теории чисел, высшей алгебры, теории детерминантов и т. д. Математика постоянных величин и постоянных отношений отнюдь не исчерпывается только одной школьной арифметикой. Точно также сопоставление диалектики в данной связи только с элементарной формальной логикой отнюдь не исключает возможности существования у формальной логики других, высших отделов, а тем более существования особых математических дисциплин, частично опирающихся на общие основы формальной логики.

Итак, формальная логика в ее элементарном виде отражает первую, или начальную, ступень логического мышления. Поэтому во всех без исключения случаях мышление, совершающееся согласно диалектической логике, должно в качестве своей необходимой предпосылки учитывать требования формальной логики, но лишь постольку, поскольку они сохраняют свою силу и на более высокой ступени развития логического мышления. Очевидно также, что на более высоких ступенях развития мысли должна обнаруживаться ограниченность тех положений, которые соответствуют только первой, следовательно, самой низкой, его ступени. Однако эта ограниченность обнаруживается *по-разному* в зависимости от того, что́ имеют в виду под следующей, более высокой ступенью развития логического мышления. В одном случае, когда совершает-

ся переход к диалектическому мышлению, происходит качественный скачок, при котором изменяются самые основы процесса мышления. В другом случае, когда совершается переход к высшим, более сложным отделам самой формальной логики, общие с элементарной формальной логикой логические основы сохраняются прежними, но они получают лишь дальнейшее углубление.

Все это говорит о том, что соотношение диалектики с элементарной формальной логикой носит особый характер, качественно отличный от ее соотношения со специальными отделами формальной логики, а также с математической логикой. Это есть отношение *исторического подготовления*, отношение *двух качественно различных ступеней логического мышления*, короче говоря, *отношение последовательных стадий развития*.

В дальнейшем мы так и будем рассматривать соотношение между диалектикой и формальной логикой, помня при этом, что формальная логика в элементарном виде представляет собой как раз изложение ее общих основ. Поэтому разбор соотношения диалектики с элементарной формальной логикой означает, в первую очередь, разбор ее соотношения с общими основами формальной логики.

Специальные отделы формальной логики по своему содержанию (например, формальная теория суждения, включая и ту теорию, которую выдвинул автор данной работы в связи с применением «фазового метода» к формальной логике [13]), представляют собой лишь углубленное, более специализированное изложение тех же общих основ формальной логики, какое дается в любом элементарном изложении формальной логики. С этой стороны специальные отделы формальной логики не вносят ничего существенно нового в соотношение между диалектикой и формальной логикой, отличие состоит лишь в том, что, будучи детализированным и углубленным изложением общих основ формальной логики, они уже не могут рассматриваться как необходимая подготовительная ступень к диалектическому мышлению. Иначе говоря, между ними и диалектикой уже нет того отношения последовательных ступеней развития, какое существует между диалектикой и элементарной формальной логикой, а имеется такое соот-

[13] Сб. «Логические исследования». М., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 69—99; сб. «Применение логики в науке и технике». М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 421—501.

ношение, которое правильнее всего назвать сосуществованием. Оно состоит в том, что в результате развития логического мышления образовались две непосредственно не сопоставляемые ветви. Одна ветвь представляет собой переход на высшую ступень логического мышления, означающий качественный скачок, изменение самих основ логического мышления. Вторая — напротив, означает развитие тех же основ логического мышления, которые характеризуют и его начальную, исходную ступень. Говоря иначе, в первом случае мышление в своем развитии выходит за рамки первоначальной его ступени и вступает в качественно иную, более высокую область, а во втором случае оно целиком остается в прежних рамках, которые становятся основой детализированной теории формальнологического мышления. Поскольку во втором случае не возникают качественно новые моменты, постольку здесь не складываются и новые взаимоотношения между диалектикой и специальными отделами формальной логики. Но вместе с тем здесь уже исчезает отношение ступеней развития, которое характерно для диалектики при ее сопоставлении с элементарной формальной логикой. Поэтому непосредственного соприкосновения между диалектикой и специальными отделами формальной логики нет. Следовательно, здесь имеется отношение *независимости, обособленности*. Связь же между диалектикой и специальными отделами формальной логики осуществляется не непосредственно, а через общие основы формальной логики, на которых строятся и все специальные ее отделы и ее элементарное изложение.

По своим принципиальным логическим основам, как мы покажем ниже, диалектика и формальная логика существенно различны между собой и даже противоположны в диалектическом смысле, подобно тому, как диалектически противоположны анализ и синтез или, точнее сказать,— односторонне проведенный анализ и синтез, опирающийся на предшествующий ему анализ. Формальная логика в своих приемах по самой сути дела отвлекается от тех приемов, которыми оперирует диалектика, а потому ни о каком применении диалектики к формальной логике не может быть речи. Это касается как элементарной формальной логики, так и ее специальных теорий и учений. Всякая попытка строить формальную логику с помощью диалектики означает ее полное уничтожение, замену ее

общих основ совершенно иными, посящими диалектически противоположный характер.

Точно так же невозможно строить диалектику на основах формальной логики, поскольку диалектика по своему существу есть наука глубоко конкретная: она требует исходить всегда из конкретного единства противоположностей — общего и отдельного, единого и многообразного, существенного и являющегося, внутреннего и внешнего и т. д. Такая наука не поддается изложению с позиций формальной логики, если, конечно, сохранять ее общие основы. Всякая попытка соединить диалектику с формальной логикой на деле означает замену ее действительных основ совершенно другими, чуждыми ей основами.

Математическая логика в своей основе является абстрактно-формальной наукой, стоящей между математикой и логикой. Математику издавна при решении вопроса об общей классификации наук ставили рядом с логикой. Действительно, между обеими науками существует глубокая связь. Эта связь стала еще теснее после того, как сложилась и развилась современная математическая логика. Последняя, как уже отмечалось выше, не является ни частью математики, ни частью логики, а представляет собой самостоятельную научную дисциплину. Частично она опирается на те же общие логические основы, на которые опираются и различные виды собственно формальной логики. Однако, в отличие от последних, математическая логика отнюдь не сводится к детализации общих формально-логических основ. Она имеет свои собственные, специфические для нее задачи и приемы, которые, хотя и связаны в какой-то мере с общими принципами формальной логики, но не сводятся к ним.

Математическая логика представляет такую же частную научную дисциплину, как любая частная наука. Поэтому она находится в таком же отношении к диалектике, как и все частные науки. Это отношение предполагает не только возможность, но и прямую необходимость применения диалектического метода к любой частной науке в качестве общего метода научного познания и, вместе с тем, использование содержания любой частной науки в целях его философского обобщения и обогащения им диалектики.

Разумеется, в каждой отдельной частной науке ее взаимоотношение с диалектикой складывается по-разному в

зависимости от специфики ее предмета и метода исследования: в более абстрактных, поддающихся формализации науках, оно выступает иначе, чем в науках, изучающих конкретные виды материи и формы ее движения. Среди последних также имеются свои специфические различия, обусловленные бо́льшей или меньшей степенью абстрактности в подходе к изучаемому объекту, в силу чего и здесь имеются свои особенности в применении диалектики к той или иной науке. Например, в классической механике она применяется иначе, менее разносторонне, нежели в квантовой механике; в современной физике в целом — еще многообразнее и т. д.

Тем не менее для всех без исключения частных наук характерно одно и то же общее отношение с диалектикой — отношение взаимосвязи и, если можно так выразиться, взаимопомощи.

Абстрактность и формализм математической логики не препятствуют в принципе тому, чтобы между нею и диалектикой установилось отношение взаимосвязи и взаимопомощи, хотя это отношение отличается от существующего между диалектикой и естествознанием или другой частной наукой. Чтобы пояснить это, приведем два примера из области естественных наук. Один из них связан с возникновением чисто аналитических наук, например, анатомии растений, животных и человека, аналитической химии и др. Все такие науки являются односторонними по своему содержанию и своей направленности. Но они, как и другие частные науки, предоставляют возможность применения к ним диалектики, хотя оно и ограничивается рамками преследуемых этими науками целей разложения, расчленения, разделения предмета исследования на его составные или структурные части.

Другой пример представляет собой классическая механика. Ее создание и господство было тесно связано с выработкой и утверждением в естествознании метафизического метода мышления, ибо механика макротел исключает из своего рассмотрения все процессы развития, все качественные изменения, совершающиеся в природе. Тем не менее, несмотря на свою абстрактность и формализм, классическая механика полна собственной диалектики, в которой отражается диалектика всякого механического движения. Поэтому в правильном толковании классическая механика должна рассматриваться не как прибежище

метафизики, а как сфера специфического применения диалектики, хотя это применение иногда может казаться невозможным из-за своеобразия самого предмета классической механики (например, по причине полного абстрагирования от качественной стороны происходящих в природе процессов).

Это относится и к математике, с которой непосредственно соприкасается математическая логика. В «Диалектике природы» и «Анти-Дюринге» Энгельс подробно и разносторонне вскрыл присущие математике «диалектические вспомогательные средства и обороты» [14]. Этому не помешали абстрактность и формализм этой науки. Самое понятие переменной величины в ее отличие от постоянной уже предполагает снятие абстрактного тождества этой величины самой себе, появление бесконечно-малых изменений (различий) внутри данного тождества. Именно этим переменная величина и отличается с логической точки зрения от постоянной величины, для которой существенно постоянное наличие абстрактного тождества самой себе.

Тот факт, что математическая логика за свои исходные логические посылки частично берет общие принципы формальной логики, существенно отличные от принципов диалектики, не исключает возможности и необходимости применения здесь диалектики, так как принципы формальной логики отнюдь не исчерпывают собой всего богатства логических построений и логического содержания математической логики, которое вовсе не сводится к простому повторению или к простой детализации принципов формальной логики. Вот почему, в частности, отношение диалектики к математической логике иное, чем к самой формальной логике или к какому-либо ее разделу или виду.

Энгельс, например, отмечал, что, строя и формулируя свои аксиомы, математика вынуждена опираться на логику (имеется в виду именно формальная логика), хотя эта опора и выглядит весьма слабой. «Математические аксиомы представляют собой выражения крайне скудного умственного содержания, которое математике приходится заимствовать у логики,— писал он.— Их можно свести к двум следующим аксиомам:

1. Целое больше части...

2. Если две величины порознь равны третьей, то они равны между собой...

[14] Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 1.

Этими тощими положениями ни в математике, ни где-либо вообще никого не соблазнишь» [15].

И все же, несмотря на узость той логической основы, на которой строились названные математические аксиомы, Энгельс наглядно показал, как чрезвычайно широко применяется диалектика в области математики. И это потому, что сама математика не исчерпывается формальнологической абстракцией, на которую она пытается опираться в обосновании своих аксиом. Ее действительным содержанием является внешний мир с его диалектикой, отраженный специфическим образом со стороны количественных отношений происходящих в нем процессов. Вот почему Энгельс подчеркивал, что для того, чтобы продвинуться в математике дальше приведенных выше аксиом, «мы должны привлечь реальные отношения, отношения и пространственные формы, отвлеченные от действительных тел» [16].

То же самое полностью относится и к математической логике. Если бы она исчерпывалась в своей основе лишь принятыми за исходные формальнологическими положениями и принципами, на которые она частично опирается, то она не представляла бы особой частной научной дисциплины и не была бы тесно связана с математикой, как это наблюдается в настоящее время. Более того, она ничем бы не отличалась в таком случае от формальной логики и являлась бы просто одним из специальных ее отделов.

Между тем богатство своего содержания и многосторонность применения при решении самых разнообразных теоретических и практических задач математическая логика черпает именно из познания и специфического отражения реальных отношений, отвлекаемых ею от действительности совершенно так же, как это делает и математика, с которой связана математическая логика. Вот почему в математической логике, в отличие от формальной логики, может применяться диалектика, которая в специфической форме содержится в математической логике вместе с теми реальными отношениями, которые этой логикой отвлекаются от действительности.

Математическая логика в своей основе совершенно не исчерпывается только общими положениями формальной

---

[15] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 38.
[16] Там же.

логики, из которых она частично исходит. Это обнаруживается, например, в следующем. Закон исключенного третьего в его формальнологической трактовке не признается здесь всеобщим; из него допускаются исключения, лишающие его характера всеобщности, приписываемого ему формальной логикой. Следовательно, исходные формальнологические посылки подвергаются в математической логике существенным ограничениям. Об этом же свидетельствует появление бивалентной и многовалентной логик, которые уже не укладываются в тесные рамки формальной логики, хотя и сохраняют с нею нечто общее в своей основе.

3. СООТНОШЕНИЕ ДИАЛЕКТИКИ, ЛОГИКИ И МАТЕМАТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ КЛАССИФИКАЦИИ НАУК

В основе современной классификации наук лежит *принцип развития*. Раскрыть взаимную связь наук можно, лишь рассматривая их предмет и сам процесс познания этого предмета в развитии, в движении, в изменении, т. е. диалектически. Один статический подход не может дать удовлетворительного результата.

Это относится и к области логического мышления, которое также нужно рассматривать в его развитии, в его историческом движении. При этом мы можем исходить либо из филогенеза человеческого мышления, т. е. из его развития на протяжении всей истории его существования, либо из онтогенеза мышления, т. е. из развития мышления отдельного человека с момента его рождения. В обоих случаях мы получим совпадающие результаты.

Первой ступенью всякого логического мышления, как уже говорилось выше, служит элементарное формальнологическое мышление. В процессе своего развития оно может идти по трем различным направлениям, из которых одно является общим, необходимым, а два других относятся к специальным областям познания и необязательны для всех людей.

Общим необходимым является переход от начальной, формальнологической ступени мышления к диалектическому мышлению взрослого человека. Диалектическое мышление, независимо от того, пользуются ли им, осознавая лежащие в его основе законы, или же стихийно, присуще

только человеку и представляет высшую ступень его мышления. Энгельс отмечал, что людям общи с животными все виды рассудочной деятельности (имеется в виду формальнологическое мышление), которые уже в элементарной, т. е. неразвитой форме, присущи высшим животным. «По типу все эти методы — стало быть, все признаваемые обычной логикой средства научного исследования — совершенно одинаковы у человека и у высших животных. Только по степени (по развитию соответственного метода) они различны,— писал Энгельс.— ...Наоборот, диалектическое мышление... возможно только для человека, да и для последнего лишь на сравнительно высокой ступени развития...» [17].

Ленин указал, что диалектика органически присуща человеческому мышлению. Разбирая простейшие суждения (или предложения), он подчеркивал, что «в *любом* предложении можно (и должно), как в „ячейке" („клеточке"), вскрыть зачатки *всех* элементов диалектики, показав таким образом, что всему познанию человека вообще свойственна диалектика» [18].

Логическое мышление современного человека, начиная с элементарной формальнологической стадии, имеет закономерную тенденцию развиваться до диалектического мышления. Поэтому диалектическое мышление выступает как высшая ступень по сравнению с формальнологическим мышлением и, вместе с тем, как возникшее и развившееся из него.

В современной классификации наук это должно быть показано так, чтобы видна была исторически преемственная связь между элементарной формальной логикой как низшей ступенью и диалектикой как высшей ступенью развития логики, отражающей развитие самого логического мышления человека.

Но от элементарной формальной логики существует, как мы видели, переход не только к диалектике, но и к специальным отделам формальной логики. Последний не представляет собой вступления в область какой-то особой формы логического мышления. Специальные отделы формальной логики есть не что иное, как теоретическое исследование формальнологического мышления, его законов и

[17] Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 176.
[18] В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 359.

приемов, т. е. детализация самой формальной логики. Поэтому переход от формальной логики к специальным ее отделам подобен переходу от элементарного изложения какого-либо предмета к его полному научному изложению: в первом случае преобладает описательный способ изложения, во втором — объяснение и обобщение. Следовательно, переход от элементарной формальной логики к ее высшим отделам представляет собой не выход за исходные рамки первоначального вида логического мышления, а лишь более обстоятельный его анализ.

Третье направление развития — от элементарной формальной логики в сторону математической логики — есть выход за исходные рамки формальной логики как науки общего (философского) характера и переход в область частных наук, к каковым относится и математическая логика. Дальнейшее развитие мысли в сторону более высокой ступени совершается здесь уже на материале самой математической логики, но отнюдь не на собственно формальнологическом материале.

Таким образом, развитие и движение мысли от элементарного формальнологического мышления может совершаться в зависимости от обстоятельств в трех различных направлениях. Это и должна отразить современная классификация наук с помощью свойственных ей средств выражения различных связей между науками.

При этом имеет важное значение *соотношение философских и частных наук*. Помимо вопроса об отражении развития предмета или его познания человеком, в современной классификации наук встает особый вопрос об отражении общего и частного в применении к человеческому познанию, к логическому мышлению человека. Это касается не только диалектики и ее отношения к частным наукам, но и формальной логики и ее отношения к математической логике.

Очевидно, что диалектическая логика в современной классификации наук должна выступать как момент, или сторона, всей диалектики, поскольку диалектика представляет собой одновременно и логику и теорию познания материализма. Диалектика является философской наукой в отличие от всех частных наук, которые в свое время «отпочковались» от философии и в настоящее время в нее не входят, т. е. не являются науками философскими. Это относится и к математической логике.

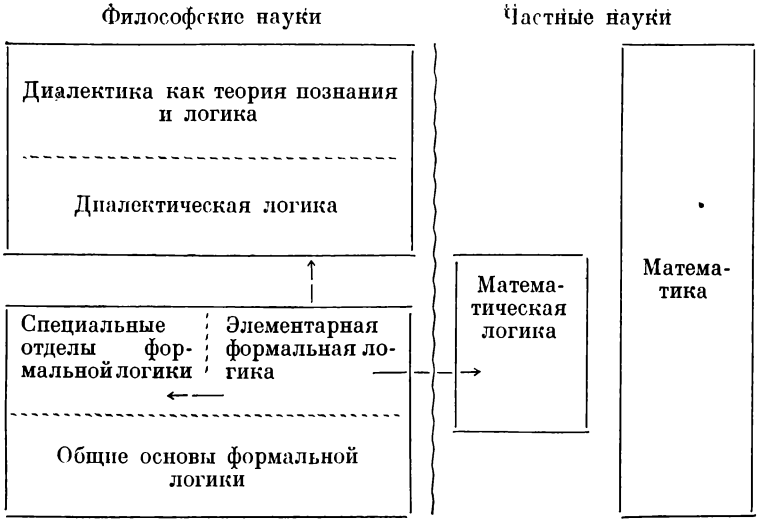
Что же касается элементарной формальной логики, то она по своей основе выступает как общая необходимая предпосылка диалектического мышления, следовательно, как необходимое условие философии. Философским характером обладает не только и даже не столько элементарная формальная логика, сколько ее специальные отделы, в которых как раз и дается то или иное философское обоснование законов и приемов формальной логики вообще.

В этой связи раскрывается действительный смысл сделанного в «Анти-Дюринге» известного указания Энгельса на то, что в настоящее время от прежней философии остались и сохранили самостоятельное значение в качестве философских наук формальная логика и диалектика. Приведенное положение полностью разделял и Ленин, отмечая его, например в статье «Карл Маркс» (1914). Это положение сохраняет свое значение и в настоящее время. Что касается математической логики, то она уже давно «отпочковалась» от философии.

Отсюда вытекают существенно различные отношения между диалектикой и формальной логикой, с одной стороны, диалектикой и математической логикой,— с другой. В первом случае речь идет об отношении *внутри* философской науки, которая охватывает собой две различные ступени человеческого мышления. Во втором случае речь идет об отношении между философией и одной из частных наук, находящейся *вне* самой философии, но связанной с нею подобно всем частным наукам. Современная классификация наук должна выразить эти взаимосвязи наук, основанные на отношении общего и частного.

Рассмотрев с разных сторон связи и отношения между интересующими нас отраслями знания, мы можем составить ту часть общей классификации наук, которая касается соотношения *диалектики, логики* и *математики.*

Поскольку при этом нас интересует исключительно одно только отношение между диалектической логикой и формальной логикой, мы оставляем в стороне вопрос о взаимосвязи диалектики, равно как и формальной логики, с математической логикой и с математикой, вопрос о взаимоотношениях между математикой и математической логикой. Поэтому в схеме мы ограничимся показом лишь того, в каких направлениях могут совершаться и совершаются в действительности переходы от элементарной формальной логики как исходной для всякого человеческого

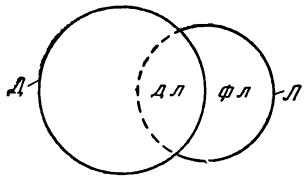


мышления к другим более сложным и развитым видам логики. В схеме эти переходы указываются стрелками. Переход, совершаемый в пределах одной и той же ступени логического мышления, обозначается горизонтальной стрелкой, направленной влево; переход, связанный с выходом за эти пределы и со вступлением на новую, более высокую, качественно отличную ступень, обозначается вертикальной стрелкой; переход от общего к частному (от науки общего, философского характера к частным наукам) показан горизонтальной стрелкой, направленной вправо. Пунктирными линиями отделены те области знания, которые образуют стороны более широких наук, а также те научные дисциплины, которые опираются на общую для них логическую основу. Разграничительной волнообразной линией обозначается водораздел между общими (философскими) и частными науками.

Разумеется, эта схема, как всякая другая, не в состоянии отразить всех взаимоотношений между включенными в нее науками, но она достаточна для наших целей, поскольку позволяет отразить основные, интересующие нас в данном случае отношения между диалектикой, логикой и математикой.

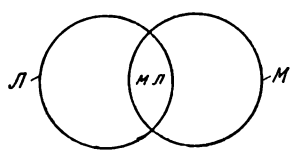
Для иллюстрации взаимосвязи между интересующими нас наукам можно воспользоваться обычными объемными

схемами, помня при этом об их условности и неполноте. Например, отношение между диалектикой (Д) и логикой (Л) можно представить следующим образом:

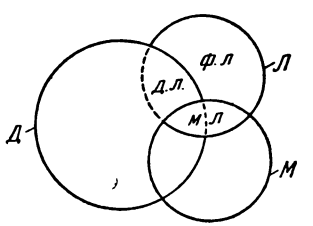


Здесь «*д. л.*» обозначает область диалектической логики, а «*ф. л.*» — формальной. Пунктиром отмечено, что диалектическая логика есть лишь сторона всей диалектики.

Точно также можно представить отношение между логикой (*Л*) и математикой (*М*), причем область их пересечения будет составлять математическую логику («*м. л.*»), как особую науку:



Если теперь мы захотим представить отношение всех трех наук — диалектики (*Д*), логики (*Л*) и математики (*М*), то получим следующую схему:



Эта схема показывает, что логика как наука складывается по крайней мере из трех вполне самостоятельных наук — диалектической логики, формальной логики и математической логики: *Л = д. л. + ф. л. + м. л.* На долю

собственно математической науки (*м*) приходится область *М* за вычетом математической логики: *м.* = *М* — — *м. л.*, причем область математической логики имеет точки соприкосновения не только с областью формальной, но и с областью диалектической логики.

Из сказанного следует, что математическая логика, будучи одной из частных наук, представляет собой промежуточную, так сказать, стыковую область научного знания, стоящую на грани двух других наук, в данном случае — логики и математики. В этом отношении она подобна таким наукам, как геофизика и биофизика, которые стоят на грани физики и геологии или физики и биологии. Обе они представляют собой распространение и применение метода одной науки (физики) к исследованию предмета других наук (геологии или биологии). В силу этого они не входят целиком ни в физику, ни в одну из остальных наук, а оказываются именно стыковыми, промежуточными между теми или другими двумя науками.

Аналогично этому и математическая логика соединяет в себе существенные черты двух наук — логики и математики, полностью не входя ни в математику, ни в логику (диалектическую или формальную), она составляет применение математических приемов к решению логических задач и вместе с тем логическую сторону самой математики. Это мы пытались изобразить на приведенных выше объемных схемах, выражающих отношения между диалектикой, логикой и математикой. Еще раз оговоримся, что приведенными схемами мы отнюдь не собираемся выразить все или хотя бы главные взаимосвязи между названными науками, а только те их внешние отношения, которые поддаются условному отображению в такого рода схемах.

Подводя итоги проведенного анализа, сопоставим отношения между диалектикой и различными видами логики. *Диалектика:* 1) находится в единстве и нераздельности с *диалектической логикой*, которая составляет лишь одну из ее сторон, или один из ее моментов, 2) имеет в качестве своей подготовки и предпосылки *элементарную формальную логику*, 3) не имеет со *специальными отделами формальной логики* прямой и непосредственной связи, 4) как наука общего философского характера соотносится с *математической логикой* как с частной наукой. С этим последним случаем сходно отношение между мате-

матической логикой как нефилософской наукой и формальной логикой как философской наукой.

В дальнейшем мы будем рассматривать соотношение диалектики, следовательно, и диалектической логики с формальной логикой, взятой в ее элементарном изложении; такое рассмотрение особенно необходимо тогда, когда затрагивается вопрос о диалектике как высшей ступени логического мышления и о формальной логике как его низшей ступени.

Задача дальнейшего изложения состоит в том, чтобы. во-первых, положения диалектической логики по каждому пункту сопоставить с положениями формальной логики, во-вторых, показать ограниченность законов и приемов формальной логики в тех областях, где вступают в силу законы и приемы диалектической логики.

II

ПРЕДМЕТ ЛОГИКИ И ЕГО РАЗЛИЧНЫЕ ТРАКТОВКИ

Рассмотрев соотношение между диалектикой и различными видами логики, обратимся к выяснению вопроса о самом предмете логики. При этом необходимо вначале выяснить, каков общий предмет обеих логик вообще, и формальной, и диалектической, а затем — каков специфический предмет той или другой в отдельности в их различии и противопоставлении друг другу. Вопрос о предмете математической логики мы здесь рассматривать не будем, поскольку эта логика, как уже говорилось выше, не является, по нашему мнению, философской наукой и относится к частным наукам. Поэтому ее предмет не может быть рассмотрен вне его связи с предметом математики и других частных наук.

Поскольку формальная логика, не говоря уже о логике диалектической, является философской наукой, при рассмотрении ее предмета неизбежна постановка гносеологических вопросов, и, прежде всего, вопроса об истине и о ее критерии. Подходя к проблеме предмета логики именно с гносеологической стороны, мы попытаемся выяснить познавательную функцию формальной логики как предпосылки логики диалектического мышления.

1. ВОПРОС ОБ ИСТИНЕ КАК ОСНОВНОЙ ВОПРОС ЛОГИКИ

Иногда логику определяют как науку о законах правильного мышления. Это определение неточно, так как понятие «правильность» имеет два различных значения: она употребляется, во-первых, в смысле правильного, т. е. верного отражения действительности, во-вторых, в

смысле подчиненности определенным правилам. При желании этот термин можно толковать то в одном, то в другом значении, что легко приводит к недоразумениям, недопустимым в логике.

Но дело не только в двусмысленности приведенного определения. Оно слишком узко и не выражает главного: чем занимается логика как наука. Такое сужение подобно тому, которое имело бы место при сведении языкознания и литературоведения к правилам грамматики и правописания. Главным в логике является изучение форм и законов всякого мышления, ведущего к истине, т. е. к познанию истины. Этим логика отличается от всех других наук и этим же она сближается с ними.

Каждая наука (например, физика, биология, политическая экономия, история и т. д.) ставит своей целью открытие истины в области изучаемого ею предмета. Физика достигает это своими специфическими способами и средствами, история — своими и т. д. Специфика приемов и средств научного исследования определяется спецификой изучаемых явлений и их законов в любой области природы и общества. Но при всем различии путей, какими познается истина при изучении физических, биологических, общественных и других явлений, у всех этих путей познания существуют некоторые общие черты, которые проявляются в процессе раскрытия любой истины вообще, независимо от того, в какой области внешнего мира или нашей собственной духовной деятельности эта истина раскрывается. Эти общие черты, присущие всякому мышлению, идущему к истине и находящему ее, и составляют предмет логики как науки. Задачей логики является изучение законов мышления, ведущего к истине, в чем бы эта истина ни открывалась. Поэтому логика обобщает результаты достижения истины всеми частными науками (физикой, биологией, историей и т. д.), изучающими отдельные предметы или стороны действительности. Логика выделяет общие законы мышления, ведущего к истине, из специфических их проявлений, свойственных только области физики, или только биологии, или только политической экономии и т. д. Тем самым логика представляет в общем виде путь всякого мышления к истине; она выявляет и формулирует общие законы мышления, следуя которым человек может познавать окружающий мир и свою собственную духовную деятельность.

Такое понимание логики включает в себя и то, которое обычно вкладывается в понятие логики как науки о законах правильного мышления: если мышление идет к истине, то это предполагает, во-первых, что оно идет к правильному (в смысле верному) отражению внешнего мира в нашем сознании; во-вторых, что оно подчиняется строгим правилам, без чего оно было бы хаотическим, случайным и не могло бы приводить к истинным результатам. Это означает, что не только диалектическая, но и формальная логика имеет отношение к вопросу об истине. Но первая раскрывает и изучает общие пути достижения истины, а вторая — лишь необходимые условия и предпосылки ее достижения.

Взгляд на логику как на науку об общих законах мышления, ведущего к истине, позволяет провести различие не только между логикой и частными науками о природе и обществе, но и между нею и другими науками, которые так же, как и она, изучают духовную деятельность человека, в том числе и его мышление. К таким наукам относится, в частности, психология. В отличие от логики психология изучает процесс мышления так, как он протекает в голове отдельного человека со всеми возможными его отклонениями от того пути, который ведет к истине. При этом психология учитывает все стороны психической деятельности человека, психические явления, которые сопровождают процесс мышления. Изучая, таким образом, мышление как естественно-исторический процесс, протекающий в индивидуальном человеческом сознании, психология выявляет законы этого процесса. При этом она описывает различные стороны или формы психической деятельности человека, в том числе и формы мышления, связывая их с другими формами и сторонами человеческой психики. В этом отношении она в принципе не отличается от естественных и общественных наук, которые ищут и находят частные истины в различных областях внешнего мира. Психология раскрывает такие же истины в области психической деятельности самого человека.

Напротив, логика не исследует процесс мышления в его индивидуальном виде, как он протекает в сознании отдельного человека (например, в сознании ребенка и т. д.), а изучает общий характер процесса мышления, независимо от того, какой именно объект и каким именно субъектом изучается. Общий характер процесса познания опре-

деляется тем, что его результатом является истина, раскрываемая и познаваемая человеком. Для логики предметом изучения являются общие пути познания, ведущие и приводящие к истине, т. е. истина сама по себе, как таковая. Ленин писал: «*Не* психология, *не* феноменология духа, **а** логика = вопрос об истине» [1]. В этом ленинском положении заключено указание на главное в предмете логики как науки.

В соответствии с этим мы можем дать следующее определение: *логика есть наука о законах и формах всякого мышления, ведущего к истине.*

Это определение охватывает собой не только область диалектической логики, но и область формальной логики, следовательно, охватывает всю область логики как науки.

В самом деле, открытие любой истины предполагает открытие чего-то нового, ранее неизвестного. Энгельс отвергает взгляд на диалектику как на какой-то инструмент простого доказательства. Подобным инструментом считают иногда формальную логику в ограниченном ее понимании. В противоположность этому Энгельс писал: «Даже формальная логика представляет прежде всего метод для отыскания новых результатов, для перехода от известного к неизвестному; то же самое, только в гораздо более высоком смысле, представляет собой диалектика...» [2].

Нахождение новых результатов, переход от известного к неизвестному означает открытие или установление новых истин. Таким образом, приведенное выше определение логики применимо не только к диалектической логике, но и к формальной логике в ее правильном понимании.

Это можно показать и на следующем примере. Начнем с констатации того, что то или иное предложение или истинно или ложно. Затем перейдем к составлению комбинаторной задачи путем сочетания истинных и ложных посылок с истинными и ложными выводами; это приведет нас к выяснению истинности или ложности более сложных логических построений и т. д. То обстоятельство, что вопрос об истинности или ее отрицании (ложности), даже если он поставлен в самом общем виде (как в приведен-

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 165.

[2] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1957, стр. 126—127.

ном случае), является здесь *исходным*, подтверждает высказанный выше взгляд на основной вопрос логики, который был сформулирован Лениным.

Так как в определение логики входит, таким образом, понятие истины, то возникает необходимость выяснить, что такое истина. Это тем более важно, если учесть, что различие между формальной и диалектической логикой, как мы покажем ниже, зависит прежде всего от различного понимания самой истины, от различной ее трактовки.

Будучи материалистическими науками (а только такие науки здесь и рассматриваются нами), диалектическая и формальная логики сходятся друг с другом в гносеологическом отношении: они принимают истину за верное, проверенное практикой отражение объективной действительности в сознании человека, за соответствие наших мыслей и наших знаний объективной реальности, которую мы изучаем.

Различие их проявляется в следующем. Формальная логика фактически принимает истину за готовый, неподвижный результат, за нечто данное, неизменное, но при этом эта логика не дает своей особой трактовки истины, не занимается специально этим вопросом. Напротив, для диалектической логики истина есть сам *процесс* совпадения субъекта с объектом; процесс адэкватного отражения внешнего мира в нашем сознании есть постоянное приближение человеческой мысли к объективной реальности, есть последовательное проникновение нашего познания все глубже и глубже в изучаемый предмет, в его сущность. «...Истина есть *процесс*...»[3],— писал Ленин. Диалектическая логика специально занимается изучением вопроса о том, что́ такое истина и в чем ее критерий.

Для диалектической логики важно выяснить вопрос о соотношении между абсолютной и относительной истиной. Развивающееся познание, двигаясь к абсолютной истине (как абсолютному, полному знанию), последовательно проходит через открытие бесконечного ряда относительных (неполных) истин. Абсолютная истина непрерывно складывается из этих относительных истин. Следовательно, истина не дается сразу, непосредственно, в законченном виде; ее открытие — это не одноактное событие, а бесконечное приближение субъекта к объекту, ко

[3] В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 192.

все более и более полному и точному его отображению в сознании человека.

Развивая это положение, Ленин писал: «Идея (читай: познание человека) есть совпадение (согласие) понятия и объективности... Познание есть *процесс* погружения (ума) в неорганическую природу ради подчинения ее власти субъекта и обобщения (познания общего в ее явлениях)... Совпадение мысли с объектом есть **процесс**: мысль (= человек) не должна представлять себе истину в виде мертвого покоя, в виде простой картины (образа), бледного (тусклого), без стремления, без движения... Познание есть вечное, бесконечное приближение мышления к объекту. *Отражение* природы в мысли человека надо понимать не „мертво", не „абстрактно", *не без движения, не без противоречий,* а в вечном ***процессе*** движения, возникновения противоречий и разрешения их» [4].

Напротив, формальная логика отвлекается от движения познания, от его внутренней противоречивости. Она рассматривает познание лишь с точки зрения уже достигнутого, готового результата и совершенно абстрагируется от того процесса, который исторически привел к этому результату. Поэтому вопрос о соотношении абсолютной и относительной истины вообще не возникает в рамках формальной логики. Поскольку формальная логика фактически принимает за истину готовое, законченное знание, постольку всякую истину она трактует, по сути дела, как истину неизменную, т. е. абсолютную.

В соответствии с этим каждая из обеих логик по-разному подходит к вопросу о соотношении истины и заблуждения. Формальная логика стремится рассматривать лишь такие ситуации, при которых в отношении любого высказанного нами положения можно однозначно определить, истинно оно или ложно. При этом допускается только одно из двух решений: либо истина, либо заблуждение. Ответ по формуле «либо — либо» (либо — да, либо — нет) свидетельствует в данном случае о том, что истина и заблуждение рассматриваются как полярно застывшие, абсолютно неподвижные противоположности, между которыми существует резкая грань. По одну сторону этой грани находится истина, по другую — заблуждение.

[4] Там же, стр. 185—186.

К такой ситуации приходят всегда, когда принимают, что данное предложение может быть *либо* истинным, *либо* ложным, среднее, переходное между истиной и заблуждением не допускается с самого начала, точно так же, как исключаются и все случаи превращения истины в заблуждение и заблуждения в истину.

Напротив, для диалектической логики истина и заблуждение носят относительный характер и при определенных условиях переходят друг в друга. Это происходит потому, что диалектическая логика оперирует «текучими», т. е. подвижными, изменчивыми категориями; она считает изменчивыми не только сами категории, но и отношения между ними; эта их изменчивость выражает развитие, движение познаваемого нами мира и его отражения в нашем сознании. Энгельс писал о кажущихся непреодолимыми противоположностях, в частности о противоположности истины и заблуждения: «Мы знаем, что эти противоположности имеют лишь относительное значение: то, что ныне признается истиной, имеет скрытую теперь ошибочную сторону, которая со временем выступит наружу; и совершенно так же то, что признано теперь заблуждением, имеет истинную сторону, в силу которой оно могло считаться прежде истиной...» [5].

Развивая эту мысль, Энгельс писал: «Истина и заблуждение, подобно всем логическим категориям, движущимся в полярных противоположностях, имеют абсолютное значение только в пределах чрезвычайно ограниченной области... Как только мы станем применять противоположность истины и заблуждения вне границ вышеуказанной узкой области, так эта противоположность сделается относительной (релятивной) и, следовательно, негодной для точного научного способа выражений. А если мы попытаемся применять эту противоположность вне пределов указанной области, как абсолютную, то мы уже совсем потерпим фиаско: оба полюса противоположности превратятся каждый в свою противоположность, т. е. истина станет заблуждением, заблуждение — истиной» [6].

В качестве примера, поясняющего, каким образом истина и заблуждение могут взаимно переходить друг в

---

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II. М., Госполитиздат, 1955, стр. 368.

[6] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 85—86.

друга, Энгельс привел закон Бойля-Мариотта. В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм», анализируя вопрос о соотношении абсолютной и относительной истины, также ссылается на этот пример.

Вслед за Энгельсом, Ленин показал, что абсолютной истиной можно считать констатацию какого-либо отдельного факта — исторического (например, дату рождения Наполеона), географического (например, нахождение Парижа во Франции) или какого-нибудь иного факта. В применении к таким положениям истина и заблуждение имеют действительно абсолютное значение, так как отрицание таких фактов есть и всегда будет заблуждением, хотя сами по себе такого рода факты еще не составляют подлинного знания. Взятые в отдельности, они оказываются весьма поверхностными, крайне скудными сведениями о соответствующем круге явлений. Как только мы двинемся вперед от этих элементарных сведений к подлинному знанию соответствующих явлений, их внутренних связей, их причинной обусловленности, их закономерностей, как это и делает настоящая наука, так сейчас же обнаружим недостаточность абсолютного противопоставления истины и заблуждения; перед нами сейчас же возникнет необходимость диалектически ставить и решать вопрос о соотношении абсолютной и относительной истины, и вместе с тем о тех границах, где одна из противоположностей (истина, заблуждение) переходит в другую.

Классическая формальная логика последовательно исключает из своего рассмотрения случай, при котором оказывается недостаточным ответ по формуле: либо истина, либо заблуждение[7]. В противоположность этому диалектическая логика охватывает собой оба случая в их взаимосвязи: во-первых, она полностью учитывает общий случай взаимоперехода при определенных условиях истины и заблуждения, который полностью исключает из своего рассмотрения формальная логика; во-вторых, она учитывает и тот частный случай, когда в известных границах обе противоположности сохраняют абсолютное значение,

[7] Мы здесь не имеем в виду таких модификаций современной логики, как поливалентная логика и вероятностная логика, которые пытаются преодолеть в данном пункте прямолинейную ограниченность классической формальной логики. Но уже этими попытками они выходят за ее собственные рамки, подобно тому, как это делает математическая логика.

выясняя одновременно, каковы эти границы и чем они определяются. Тем самым диалектическая логика определяет сферу приложения формальной логики и ее место в процессе познания в целом.

2. ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ МЫШЛЕНИЯ. АБСТРАКТНАЯ И КОНКРЕТНАЯ ЛОГИКА

Обычно содержанием мышления называется то, *что* мы мыслим, а его формой — то, *каким образом* мы мыслим. По своему содержанию наше мышление совпадает с внешним миром, являясь его отражением, его образом; в этом смысле оно тождественно с ним. В понятии объективной истины как раз и выражено это обстоятельство. Напротив, по своей форме наше мышление обладает известной специфичностью и подчинено особым законам, в которых особым образом конкретизируются общие законы диалектики. Понятие «форма мышления» охватывает то, что именуется структурой мысли, и те элементы, из которых она образуется. Изменение форм мышления (понятий, суждений и т. п.) есть изменение внутренней структуры мысли, при помощи которой в сознании человека все полнее и глубже отражается внешний мир с его законами.

Иногда высказывается неверная, на наш взгляд, точка зрения, будто формальная логика потому называется формальной, что изучает только чистые *формы* мышления в полном отвлечении от их содержания в противоположность логике диалектической, которая, будучи содержательной, занимается будто бы только *содержанием* нашего мышления, совершенно отвлекаясь от его форм.

Такая точка зрения является глубоко ошибочной. Она равносильна отрицанию самой диалектической логики, так как наука о мышлении, игнорирующая изучение форм мышления, может быть чем угодно, только не логикой. Говоря в первую очередь именно о диалектической логике, Энгельс отмечал, что «исследование *форм* мышления, логических категорий, очень благодарная и необходимая задача, и за систематическое разрешение этой задачи взялся после Аристотеля только Гегель» [8].

В другом месте, характеризуя материалистическую диалектику, содержащую в себе диалектическую логику в качестве одного из своих моментов или сторон, Энгельс-

[8] Ф. Энгельс. Диалектика природы, Госполитиздат, 1955, стр. 191.

писал: «Диалектика сводилась этим к науке об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления: два ряда законов, которые по сути дела тождественны, а по своему выражению различны лишь постольку, что человеческая голова может применять их сознательно, между тем как в природе — до сих пор большей частью и в человеческой истории — они пролагают себе дорогу бессознательно, в форме внешней необходимости, среди бесконечного ряда кажущихся случайностей. Таким образом, диалектика понятий сама становилась лишь сознательным отражением диалектического движения действительного мира» [9].

Если бы диалектическая логика, как это утверждают некоторые авторы, занимались одним только содержанием нашего мышления, отвлекаясь от его форм, то она полностью совпадала бы с объективной диалектикой, т. е. диалектикой природы и общества, и не касалась бы специфики самого процесса мышления. Между тем, как это много раз подчеркивали Энгельс и Ленин, изучение основных форм мышления (понятий, суждений, умозаключений) в их развитии составляет важнейшую задачу диалектической логики. Поэтому нельзя утверждать, будто диалектическая логика не должна заниматься исследованием форм мышления и что это делает только формальная логика. Сказанное не противоречит тому, что диалектическая логика, в отличие от формальной, является содержательной в том смысле, что она рассматривает формы мышления в нераздельном единстве с содержанием мышления, наполняющим эти формы. Но содержательность диалектической логики вовсе не означает, что она берет каждый процесс познания во всем его своеобразии как некоторое единичное или особенное, не поднимаясь до обобщения, до раскрытия всеобщего. Хотя диалектическая логика требует конкретного подхода при анализе каждого отдельного момента в процессе познания, но она не сводится только к этому, а поднимается до самых широких обобщений; при этом диалектическая логика отвлекается от частностей, от единичного и особенного, находит общие черты или законы движения нашей мысли к истине и выражает их в таких же общих положениях, как и формальная логика при формулировании своих законов.

[9] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II. стр. 367.

В чем же тогда заключается различие между диалектической и формальной логикой, обнаруживающееся у них при рассмотрении форм мышления со стороны связи этих форм с наполняющим их содержанием?

Формальная логика отвлекается, во-первых, от содержания мышления в том смысле, что она берет его форму только как нечто общее и совершенно не учитывает единичного и особенного, которое в этой форме может быть заключено; во-вторых,— и это самое главное,— она отвлекается от содержания мышления в смысле развития познания, его исторического характера; каждую форму мышления она рассматривает как уже существующую, данную одновременно со всеми остальными его формами, но не как возникающую на определенной ступени развития человеческой мысли и применяемую лишь на соответствующей ступени изучения того или иного предмета исследования.

Эта логика называется *формальной* или *абстрактной* именно потому, что она полностью абстрагирует формы мышления от их содержания, от исторических условий их возникновения и их применения.

Напротив, диалектическая логика рассматривает общее не в отрыве от особенного и единичного, а в единстве с ними. Любая форма мышления (например, понятие) с точки зрения диалектической логики представляет собой единство отмеченных трех моментов (всеобщности, особенности и единичности), взятых в форме всеобщности. Поэтому, хотя любая форма мышления или любой закон мышления и представлены в диалектической логике в их общем виде, не содержащем в явном виде указаний на признаки особенного и единичного, которые подверглись обобщению, все равно эти признаки всегда учитываются и подразумеваются ею в скрытом виде, как бы включаются в соответствующие формы и законы мышления.

При оперировании той или иной формой мышления в процессе конкретного научного анализа всегда встает задача раскрыть содержание, заключенное в этой форме, с тем, чтобы суметь правильно применить ее в данном конкретном случае. Это как раз и достигается раскрытием единства всеобщего, особенного и единичного, охватываемого этой формой.

В. И. Ленин писал: «Прекрасная формула: „Не только абстрактно всеобщее, но всеобщее такое, которое воплo-

щает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного" (все богатство особого и отдельного!)!!» [10].

Различие формальной и диалектической логики проявляется и в понимании ими процесса обобщения. Для диалектической логики — это процесс *обогащения* понятия признаками, чертами, определениями, качествами. Для формальной логики, наоборот,— это процесс *обеднения* понятия. В обоих случаях происходит, конечно, отвлечение от частного, отдельного, поскольку выделяется общее. Но в формальной логике при этом частные признаки просто отбрасываются, элиминируются, так что общее выделяется абстрактно, в полном отрыве от частного, отдельного. Так, если обозначить общие признаки буквой A, а частные — буквами b, c, d и т. д., то подлежащие обобщению предметы (или соответствующие им понятия) можно представить так: первый — $A + b$, второй — $A + c$, третий — $A + d$ и т. д. Отбрасывая частные признаки b, c, d и т. д., мы получаем общее понятие, соответствующее общему признаку перечисленных выше предметов (или понятий) — A. Очевидно, полученное общее понятие окажется обедненным по сравнению с теми понятиями, которые подверглись обобщению. Например, с точки зрения формальной логики понятие «человек» является более бедным признаками и определениями, чем понятия «мужчина» и «женщина» или понятия «взрослый» и «ребенок», так как, образуя общее понятие «человек», мы отбрасываем частные признаки — половые, в первом случае, возрастные, во втором.

Для диалектической логики процесс обобщения не сводится лишь к тому, что элиминируются частные признаки, хотя они в явном виде и не фигурируют при окончательном формулировании общего понятия. В этом случае отбрасываемые признаки неявно предполагаются при образовании общего понятия. Так, понятие «человек» с точки зрения диалектической логики отнюдь не является обедненным по сравнению с более частными понятиями «мужчина» и «женщина», «взрослый» и «ребенок»; напротив, оно выступает как более богатое признаками и определениями, так как предусматривает *и* мужчин, *и* женщин, *и* взрослых, *и* детей. Это можно выразить, поставив частные признаки в скобки как подразумевающиеся в отличие

[10] В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 87.

от общего признака, формулируемого явно: $A(+b+c+$ $+d+...)$.

В формальной логике в результате обобщения, равно как и в результате отвлечения, образуются *тощие* абстракции, лишенные конкретного содержания и обедненные по сравнению с исходным материалом, который был подвергнут обобщению; в диалектической логике при тех же операциях, проведенных иным способом, образуются содержательные абстракции, наполненные конкретным материалом и обогащенные по сравнению с исходным материалом.

Это можно показать, сопоставляя какие-либо два понятия об одном и том же предмете, одно из которых образовано по правилам формальной логики, другое — согласно принципам диалектической логики. Возьмем, например, понятие «материя». С точки зрения формальной логики, это понятие должно выражать собой предельно обедненное представление о материальном содержании вещей внешнего мира. Лишая их последовательно всех конкретных свойств и качеств, мы придем к некоторому крайне абстрактному, бессодержательному представлению о такой материи, которая выступала бы лишь «как таковая», а не в виде конкретных форм и вообще не в виде каких-либо тел. «Материя как таковая» — это бессодержательное всеобщее, оторванное от всего отдельного, особенного и единичного. Разумеется, реально *такое* всеобщее нигде не существует, так как в действительности всеобщее всегда находится в единстве с единичным и особенным. На это указывал Энгельс: «Материя как таковая, это — чистое создание мысли и абстракция. Мы отвлекаемся от качественных различий вещей, когда объединяем их, как телесно существующие, под понятием материи. Материя как таковая, в отличие от определенных, существующих материй, не является, таким образом, чем-то чувственно существующим. Когда естествознание ставит себе целью отыскать единообразную материю как таковую..., то оно поступает таким же образом, как если бы оно вместо вишен, груш, яблок желало видеть плод как таковой...» [11].

В другом месте Энгельс показал, что пустой, формально-логической абстракции «материи как таковой» противостоит диалектически понимаемая научная абстракция ма-

[11] Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 203.

терии, охватывающая все объективно существующие, т. е. телесные, вещи. Если нас спрашивают о «материи как таковой», понимаемой в формальнологическом смысле, т. е. как о лишенной якобы всех ее конкретных проявлений и качеств, то мы отвечаем, что такой материи мы не знаем, ибо ее никто еще не видел и не испытал каким-нибудь чувственным образом. Люди имеют дело, как пояснял Энгельс, только с различными реально существующими веществами. «Вещество, материя есть не что иное, как совокупность веществ, из которой абстрагировано это понятие; движение как таковое есть не что иное, как совокупность всех чувственно воспринимаемых форм движения; такие слова, как «материя» и «движение», суть не более, как *сокращения*, в которых мы охватываем, сообразно их общим свойствам, множество различных чувственно воспринимаемых вещей. Поэтому материю и движение *можно* познать лишь путем изучения отдельных веществ и отдельных форм движения; и поскольку мы познаем последние, поскольку мы познаем также и материю и движение *как таковые*» [12].

На этом примере мы видим, что формальнологической абстракции «материи как таковой», якобы лишенной всяких конкретных свойств, противостоит подлинно научная, содержательная абстракция материи, охватывающая всю *совокупность* реальных вещей со всеми их свойствами и качествами и представляющая собой лишь сокращенное, но отнюдь не обедненное их выражение.

Своим определением материи как философской категории В. И. Ленин подтвердил и конкретизировал приведенный выше взгляд Энгельса на материю. Ленинское определение материи как объективной реальности, данной нам в ощущениях, является диалектикологическим и охватывает все без исключения материальные тела внешнего мира, не лишая их при этом каких-либо присущих им конкретных свойств и проявлений. Здесь всеобщее (выраженное в определении материи) дано в нераздельном внутреннем единстве с особенным и единичным.

Противопоставляя научную абстракцию пустым, формальным абстракциям, В. И. Ленин писал: «Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно *правильное... от* истины, а подходит к ней. Абст-

[12] Там же, стр. 187.

ракция *материи, закона* природы, абстракция *стоимости* и т. д., одним словом *все* научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*» [13].

Объясняется это тем, что в диалектической логике всеобщее, поскольку оно берется в единстве с единичным и особенным, рассматривается как нечто более содержательное по сравнению с отдельным и единичным, взятыми изолированно, без учета их всеобщей связи с другими отдельными и единичными. По этому вопросу, касаясь диалектики абстрактного и конкретного, Энгельс писал: «Общий закон изменения формы движения гораздо конкретнее, чем каждый отдельный „конкретный" пример этого» [14].

Формальная логика противостоит диалектической логике точно так же, как формальная абстракция «материи как таковой» противостоит научному понятию материи как содержательной абстракции, определяемой согласно В. И. Ленину. Однако из этого вовсе не следует, что формальные абстракции вообще лишены познавательного, научного значения. В тех областях знания, которые поддаются формализации, абстракции такого рода играют важную роль. Но за пределами названных областей, т. е. там, где требуются глубоко содержательные абстракции (например, при определении основных понятий и категорий науки, в том числе и понятия материи), обнаруживается недостаточность, а порой и пустота формального подхода, а в связи с этим недостаточность формальных абстракций. Так это и произошло в случае образования понятия «материи как таковой». Поэтому вопрос стоит не так, что формальные абстракции вообще не нужны, но только так, что при пользовании ими необходимо предварительно установить, поддается ли формализации область знания, с которой мы имеем дело. Если да, то применение формальных абстракций не только допустимо, но и необходимо. Если нет, то их применение возможно лишь как условное, предварительное, следовательно, как строго ограниченное с тем, чтобы оно не подменяло собой применения необходимых при данных условиях содержательных абстракций и не препятствовало этому. В противном случае формальные абстракции утрачивают здесь свое научное,

[13] В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 161.
[14] Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 176.

познавательное значение и превращаются из необходимой формы мышления в тормоз его развития.

Но главное заключается в том, что диалектическая логика, в противоположность формальной логике, не только не отвлекается от исторического развития человеческого мышления, но полностью исходит из учета этого развития как своего специфического предмета, отличающего ее от логики формальной. Конкретность, содержательность диалектической логики состоит, таким образом, не только в том, что в ходе обобщения и абстрагирования она продолжает удерживать в неявном виде все богатство особенного и единичного, воплощая его в форму всеобщего, но и в том, что она учитывает *развитие* мышления, его движение от незнания к знанию, к раскрытию истины. Это и выражает ленинская формула «истина есть процесс».

Диалектическая логика рассматривает формы и категории мышления, т. е. структуру мысли, в их развитии, в их генезисе (в происхождении и становлении), в их изменении, совершающемся в связи с углублением и расширением содержания мышления. В противоположность этому формальная логика рассматривает формы (или структуру) мышления как нечто данное, готовое, не подлежащее дальнейшему изменению и развитию и независимое от глубины и широты содержания мышления на каждом историческом этапе развития человеческого познания.

Абстрактность формальной логики, ее формализм состоит, в первую очередь, именно в этом отвлечении от развития форм (структуры) мышления в их зависимости от содержания мышления. Именно поэтому формальная логика применяет любые формы мышления и их отдельные элементы совершенно одинаковым способом на любых ступенях развития мышления.

Напротив, конкретность, содержательность диалектической логики состоит прежде всего в том, что она учитывает зависимость тех или иных форм мышления от степени развития наполняющего их содержания. Диалектическая логика связывает развитие форм мышления с историческим развитием всего содержания мышления, которое наполняет их и изменяет их в соответствии с изменением и развитием самого человеческого знания.

Поэтому диалектическая логика ставит вопрос о соотношении между *историческим* и *логическим* в развитии научного познания, как специфический для нее вопрос,

в то время как формальная логика вообще игнорирует какую бы то ни было связь между логическим и историческим.

Диалектическая логика рассматривает логическое как обобщение исторического, как исторический процесс познания, представленный в строго последовательном виде и освобожденный от случайностей, т. е. в форме необходимости, которая ему присуща, но которая в данном случае рассматривается абстрактно, в ее чистом виде. Поэтому логика (имеется в виду именно диалектическая логика) выступает как итог, как квинтэссенция истории человеческого познания. Но само познание по своему содержанию есть лишь отражение развития внешнего мира; поэтому и логика (диалектическая) есть общий вывод из развития всего реального мира, всей действительности вообще.

Эту мысль неоднократно подчеркивал В. И. Ленин. Имея в виду диалектическую логику, он писал: «Логика есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития „всех материальных, природных и духовных вещей", т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод *истории* познания мира» [15].

В связи с этим В. И. Ленин показывал, что у Канта имелась *пустая* абстракция («вещь в себе»), тогда как Гегель требовал абстракций, соответствующих *сути,* говоря материалистически, соответствующих действительному углублению нашего познания. Отсюда, по Гегелю, следовало, что неверно, будто формы мышления представляют собой только «средства для пользования» и что они суть только «внешние формы», т. е. такие формы, которые являются лишь формами на содержании, а не самим содержанием. Как показал В. И. Ленин, Гегель требовал такой логики, в которой формы были бы содержательными «формами живого, реального содержания, связанными неразрывно с содержанием» [16].

Резюмируя свою работу над гегелевской «Наукой логики» и анализируя «План диалектики (логики) Гегеля», В. И. Ленин писал: «Диалектика Гегеля есть, **постольку,** обобщение истории мысли... В логике история

---

[15] В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 80—81 (в кавычки Ленин ставит слова Гегеля.— *Б. К.*).

[16] Там же, стр. 80.

мысли должна, в общем и целом, совпадать с законами мышления» [17]

В соответствии с этим мы будем далее характеризовать диалектическую логику как содержательную, конкретную, применяя эту характеристику и ко всем ее отдельным положениям и приемам, принципам и законам; напротив, формальную логику мы будем характеризовать как абстрактную, отвлекающуюся от исторического содержания нашего мышления и в этом смысле формальную.

3. ОБЛАСТЬ ДЕЙСТВИЯ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ

Современные авторы, признающие существование диалектической логики в качестве особой науки, высказывают весьма различные взгляды на то, чем она отличается от логики формальной по сфере своего действия или своего приложения. Одни авторы утверждают, что формальная логика характеризует первую, низшую ступень развития логического мышления, а диалектическая логика — его вторую, высшую ступень. На первой ступени действует, якобы, только одна формальная логика и совершенно не действует диалектическая; на второй ступени — только одна диалектическая, а формальная логика уже полностью утрачивает свою силу. Таким образом, сферы действия или приложения той и другой логики резко разграничиваются между собой.

Вариантом такой точки зрения служит утверждение, будто формальная логика есть логика явлений, а диалектическая логика есть логика сущности. Отсюда следует, что пока изучаются непосредственные явления диалектическая логика вообще не имеет приложения, и мышление ограничивается лишь формальной логикой. Когда же мы переходим к раскрытию сущности явлений, формальная логика целиком утрачивает свое значение и начинает действовать лишь одна диалектическая логика.

Другим вариантом той же точки зрения служит упомянутое выше разделение обеих логик по тому признаку, что формальная логика изучает монопольно формы мышления, а диалектическая — их содержание, не занимаясь самой структурой мысли, ее формами.

Г. В. Плеханов, как известно, также разграничивал мышление, совершающееся согласно законам диалектики,

[17] Там же, стр. 314.

и мышление, совершающееся согласно законам формальной логики; при этом он само мышление рассматривал в первом случае как соответствующее логике движения, а во втором — логике покоя. Но подобно тому, как покой есть частный случай движения, так, по Плеханову, и мышление по законам формальной логики есть частный случай диалектического мышления. Отсюда вытекало, что формальная логика должна входить в диалектику, являясь ее частным приложением. Тем самым обе логики разделялись соответственно тому, как разделяются покой и движение, и одновременно сливались в некую единую логику, в которой формальная логика оказывалась лишь частным случаем диалектической.

Все эти точки зрения, различаясь между собой по тем или иным пунктам, сходятся в главном, а именно в том, что отводят каждой из двух логик особую, вполне самостоятельную, резко отграниченную область приложения, куда полностью закрывается доступ для другой логики: там, где действует формальная логика, не может применяться диалектическая, и наоборот, там, где применяется диалектическая логика, уже не действует формальная. Плеханов же сначала разделял сферы приложения формальной и диалектической логик, а потом стирал между ними всякую грань, поскольку одна из них оказывалась у него в конце концов лишь частным случаем другой. На наш взгляд, все эти точки зрения являются неверными.

Действительное различие между формальной и диалектической логикой, обнаруживаемое со стороны области их действия, заключается, по нашему мнению, в следующем: диалектическая логика охватывает собой весь процесс познания, всю область мышления от его начала до его высшего развития, во всех его связях и опосредствованиях, со всех его сторон. Напротив, формальная логика ограничивается только одним моментом познания, а именно его начальной фазой, взятой в отвлечении от всего процесса мышления в целом. Выделив лишь один начальный момент познания, формальная логика *останавливается* на этом; следовательно, *для нее* это вместе с тем и заключительный этап познания. Но если его рассматривать по отношению ко всему действительному познанию человеком внешнего мира, то окажется, что формальная логика заранее ограничивает себя лишь областью начальной фазы познания.

В каждом конкретном случае познание вещи или явления начинается с того, что́ находится на поверхности изучаемого предмета, что́ составляет его внешние отношения с другими предметами. Это есть то, что́ наиболее распространено, что́ является относительно наиболее простым, массовидным, чаще всего встречающимся. Весь вопрос, вся суть его состоит в следующем: остановится ли мышление на этой первой ступени изучения предмета или же пойдет дальше? Формальная логика в своей принципиальной основе и, особенно, в своем элементарном виде характеризуется именно тем, что она останавливается на первой ступени познания и ограничивается ею. Все ее законы и правила, приемы и операции рассчитаны только на осуществление такой именно «остановки» (но это, разумеется, не относится к математической логике и тем более к математике).

Имея в виду элементарную формальную логику, В. И. Ленин писал: «Логика формальная, которой ограничиваются в школах..., берет формальные определения, руководясь тем, что наиболее обычно или что чаще всего бросается в глаза, и ограничивается этим» [18].

Напротив, диалектическая логика начинает все исследование заново, т. е. с того же пункта, с которого начинает и формальная логика, но с самого начала идет совершенно иным путем. Она не останавливается на начальном пункте познания, как это делает элементарная формальная логика, а движется *дальше,* проникает в глубь изучаемого предмета, исследует его во всех связях и отношениях, в его развитии, в его «самодвижении», рассматривает его конкретно, учитывая при этом решающую роль практики. «Логика диалектическая требует того, чтобы мы шли дальше» [19],— писал Ленин.

Диалектическая логика не есть простое продолжение формальной логики, которое начинается только с того пункта, на котором закончила свою функцию формальная логика. Диалектическая логика берет *весь* процесс познания в полном объеме, от его начального пункта до его полного развития. Она не останавливается ни на одной из его ступеней, не отрывает ни одного из его моментов от всего процесса в целом и не ограничивается никакими отдельными сторонами или пунктами его развития.

[18] В. И. Ленин. Сочинения, т. 32, стр. 72.
[19] Там же.

Именно *этим* она и отличается от формальной логики, для которой самым характерным, самым существенным является именно отмеченное выше ограничение рамками определенной фазы или стороны познания предмета, остановка на этой фазе или стороне.

Следовательно, наиболее существенное различие между обеими логиками состоит в том, что диалектическая логика изучает процесс мышления в полном его объеме, не останавливаясь и не ограничиваясь никакими его ступенями или моментами, а формальная логика останавливается на внешней стороне предмета, ограничивается ею и не идет дальше.

Диалектическая логика начинает изучение предмета с того же самого, с чего начинает и чем ограничивается формальная логика, но рассматривает это совершенно *иначе,* чем это делает формальная логика. Прослеживая диалектику «Капитала», Ленин отмечал: «Начало — самое простое, обычное, массовидное, непосредственное „бытие": отдельный товар...» [20]. Отсюда Ленин сделал общеметодологический вывод: «У Маркса в „Капитале" сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, *отношение* буржуазного (товарного) общества: обмен товаров...

Таков же должен быть метод изложения (resp. изучения) диалектики вообще (ибо диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики). Начать с самого простого, обычного, массовидного etc., *с предложения* любого...» [21].

Таким образом, речь идет вовсе не о том, что какую-то одну область мышления или познания можно отнести исключительно к компетенции формальной логики, а какую-то другую — только диалектической. В действительности одну и ту же начальную (да и не только начальную) стадию познания предмета рассматривают *одновременно и* формальная, *и* диалектическая логика, но рассматривают они ее существенно по-разному: первая берет ее как нечто законченное, готовое, завершенное и ставит на этом точку; для второй она есть лишь начальный пункт, исходный момент всего процесса познания, от которого она отправляется, чтобы охватить и понять все последующее его раз-

[20] В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 316.
[21] Там же, стр. 358—359.

витие. Это и имеет в виду Ленин, когда говорит, что формальная логика останавливается на начальной ступени, а диалектическая логика идет дальше.

Об этом же говорил и Энгельс, когда сопоставлял диалектику с формальной логикой. Он писал, что диалектика, «прорывая узкий горизонт формальной логики, содержит в себе зародыш более широкого мировоззрения» [22]. Прорывать узкий горизонт — это то же самое, что идти дальше, не останавливаясь на том, на чем останавливается логика, ограниченная узким горизонтом.

Проведенный анализ показывает несостоятельность указанных выше попыток разграничить обе логики различными и якобы исключающими одна другую сферами их приложения.

Допустим, например, что формальная логика есть логика явлений, а не их сущности, т. е. предположим, что она останавливается на явлениях. Но, как показано выше, диалектическая логика не выступает как логика одной только сущности. Эта логика охватывает весь процесс познания, начинающийся с изучения непосредственных явлений и проникающий все дальше и глубже в их сущность. В связи с этим, характеризуя диалектику, а значит и диалектическую логику, Ленин отмечал в качестве одного из ее элементов: «...Бесконечный процесс углубления познания человеком вещи, явлений, процессов и т. д. от явлений к сущности и от менее глубокой к более глубокой сущности» [23]. Поэтому никак нельзя считать, что пока изучается явление или внешняя сторона вещей и их отношений, мы применяем только формальную логику, и что лишь при переходе к раскрытию их сущности начинаем пользоваться диалектической логикой, причем только ею одной.

Несостоятельна и попытка отвести формальной логике в качестве ее специального предмета изучение форм мышления, а диалектической логике — изучение одного лишь его содержания. На самом деле если для первой характерно изучение форм мышления в отвлечении от их содержания и вне их развития, то для второй существенно рассмотрение форм и содержания мышления в их внутреннем единстве, в их взаимообусловленности. При этом приматом (определяющим моментом) служит содержание

[22] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 127.
[23] В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 214.

по отношению к форме мышления: смена форм мышления, их изменчивость определяется развитием наполняющего их содержания, усложнение и обогащение которого приводит к необходимости перехода от одних, более простых и низших форм мышления к другим, более сложным и высшим.

Аналогично решается вопрос и о противопоставлении двух логик, сделанном Плехановым. Допустим, что формальная логика действительно изучает те отношения, которые можно рассматривать как выражающие момент покоя. Однако сам покой при этом рассматривается не как момент или частный случай движения, а в полном отвлечении от движения, только как покой. Движение же в его отношении к нашему мышлению, например, движение понятий, формальная логика полностью игнорирует, а самые выражения «движение мышления», «развитие мышления» не только не имеют для нее никакого смысла и значения, но и полностью выходят за пределы области ее применения.

Покой как частный случай движения, как момент движения, в применении к процессу мышления учитывает и рассматривает только диалектическая логика. Она требует определенности мысли, достижения ею относительно неизменных, устойчивых результатов, возможности и при известных условиях необходимости давать строго определенные, однозначные ответы («да», «нет» и т. д.) в неразрывной связи с конкретным анализом конкретной ситуации, в которой рассматривается данный предмет или дается ответ на поставленный вопрос. Это значит, что ответы по формуле «да» или «нет» не являются прерогативой только одной формальной логики; при определенных условиях их может давать и обязательно дает и диалектическая логика. Разница тут только в следующем: формальная логика поступает так всегда, применительно к любым условиям; она нацело исключает возможность, а тем более необходимость при известных условиях давать ответы по формуле *и* «да», *и* «нет», тогда как диалектическая логика, напротив, тот или иной ответ, то или иное решение всегда связывает с учетом конкретных условий и в зависимости от них определяет, какого рода формула должна быть применена в данной конкретной ситуации.

В число таких конкретных условий, подлежащих учету при диалектико-логическом подходе к вопросу, входит

прежде всего развитие самого мышления, его *движение* к истине, его переход от незнания к знанию, от известного к неизвестному. Определенность, однозначность решения, в котором как бы отражен момент «покоя» или устойчивости, относительной неизменности мысли, оказываются для диалектической логики *именно частным случаем движения* мышления, которое привело нас к этому результату и вылилось в определенный итог развития нашей мысли. Следовательно, «покой» здесь оказывается, действительно, частным случаем движения, выражающим собой достигнутый результат данного движения мышления.

Таким образом, и тут получается, что один и тот же момент познания, который Плеханов назвал «покоем» в применении к мышлению, изучают одновременно и формальная и диалектическая логика, но изучают его поразному: первая подходит к нему абстрактно, изолирует его от процесса развития и движения мысли и противопоставляет его ее движению, вторая — подходит к нему конкретно, берет его в неразрывной связи с движением мысли, рассматривает его именно как частный случай ее движения.

Суть различия между двумя логиками в данном вопросе можно пояснить следующим примером: анатом, отделяя человеческую руку от мертвого тела, препарирует ее как нечто неподвижное, как часть, отрезанную от целого. Напротив, физиолог или лечащий врач изучают *ту же* руку у живого человека как часть целого организма, с точки зрения его жизнедеятельности, а не в отрыве от него. Ленин выделил из гегелевской логики следующую важную мысль: «...Отдельные члены тела лишь в своей связи суть то, что́ они суть. Рука, отделенная от тела, лишь по названию рука (Аристотель)» [24].

Этот пример хорошо поясняет различие подходов со стороны обеих логик к тому, что называют «покоем» мысли по отношению к ее движению: для формальной логики «покой» отделен от движения, как рука от тела; для диалектической логики «покой» берется в связи с движением, как рука у живого организма. Вот почему оказывается несостоятельным общее заключение Плеханова: раз покой есть частный случай движения, значит

---

[24] В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 194.

мышление по законам формальной логики есть частный случай диалектического мышления.

Если принять плехановскую точку зрения на соотношение формальной логики и диалектики, то тогда нельзя понять справедливого обвинения, неоднократно выдвигаемого Лениным против Плеханова. Ленин постоянно критиковал меньшевиков во главе с Плехановым за то, что они подменяли диалектику формальной логикой. Например, при определении характера русской революции 1905 г. они строили следующий силлогизм: «В буржуазных революциях вождем является буржуазия; русская революция — буржуазная; следовательно, ее вождь — буржуазия». Из этого формальнологического построения вытекал политически ошибочный, антимарксистский вывод: значит надо поддерживать буржуазию.

Ленин жестоко высмеивал эти «детски-простые» силлогизмы, представлявшие в глазах меньшевиков верх логической премудрости. Он категорически отвергал попытки меньшевиков решать сложнейшие вопросы революционной тактики при помощи школьно-азбучных приемов рассуждений, называя все это «образчиком метафизики». Разоблачая метод построения силлогизмов при решении вопросов революции как абсолютно несостоятельный, Ленин писал, что «затасканный Плехановым прием рассуждения: «революция буржуазная — надо поддерживать буржуазию» не имеет ничего общего с марксизмом» [25].

Почему же Ленин отверг подобный прием? Потому что, будучи присущ формальной логике, этот прием непригоден в обстановке, когда надо рассуждать, руководствуясь диалектикой, диалектической логикой, а не одними лишь формальнологическими построениями. Строя силлогизм, формальная логика исходит из некоторого абстрактного общего положения и пытается вывести только из него одного частные случаи, возникшие в конкретной исторической обстановке. Но если так можно рассуждать, да и то не всегда, в рамках школьных предметов, то никак нельзя ограничиваться такого рода приемами в сложнейших условиях классовой борьбы пролетариата. Ленин писал в связи с этим: «...Выводить конкретные положения об определенной тактике в определенном случае, об отношении

---

[25] В. И. Ленин. Сочинения, т. 11, стр. 373.

к различным партиям буржуазной демократии из общей *фразы,* об „общем характере" революции, вместо того, чтобы этот „общий характер русской революции" выводить из точного разбора конкретных данных об интересах и положении различных классов в русской революции;— разве же это не подделка? разве это не явная насмешка над диалектическим материализмом Маркса?

Да — да, нет — нет, а что сверх того, то от лукавого! Либо буржуазная, либо социалистическая революция, а остальное можно «вывести» из основного «решения» посредством простых силлогизмов!» [26].

Что получится, если принять плехановскую характеристику соотношения формальной логики и диалектики? Тогда всякое рассуждение по правилам формальной логики должно будет считаться частным случаем диалектического рассуждения. Поэтому прибегание к силлогизмам, типичным для формальной логики, не будет уже отказом от диалектики Маркса, а будет применением этой диалектики, ее конкретизацией, ее частным случаем. Между тем в действительности это не есть применение диалектики ни в каком ее виде, а есть, по словам Ленина, *подделка* под нее, *насмешка* над нею, и *не имеет ничего общего с марксизмом.*

Одно из двух: 1) если согласиться с Лениным в оценке позиции Плеханова и меньшевиков в вопросе о русской революции, то недопустимо считать оперирование формальной логикой частным случаем диалектики; 2) если же, наоборот, принять плехановскую характеристику, то неминуемо скатывание на антимарксистские позиции. Подлинный марксист безоговорочно принимает первое решение и целиком отвергает второе как несовместимое с марксизмом.

Однако возникает вопрос: если формальнологическое мышление нельзя считать частным случаем диалектического, то каким образом все же можно характеризовать их соотношение? На наш взгляд, это соотношение правильнее всего определить следующим образом: мышление по законам формальной логики есть необходимая предпосылка или условие мышления по законам диалектики, подобно тому, как изучение вещей, принимаемых за готовые, неизменные, есть предпосылка и условие для

[26] Там же, стр. 372.

изучения их в движении и развитии. «Надо было исследовать вещи, прежде чем можно было приступить к исследованию процессов,— писал Энгельс.— Надо сначала знать, что такое данная вещь, чтобы можно было заняться теми изменениями, которые в ней происходят» [27].

Очевидно, что изучение вещей как данных, готовых, осуществляется также через их «остановку» и «огрубление».

Это полностью применимо не только к изучению вещей, но и к изучению *понятий,* т. е. ко всему нашему мышлению. Формальная логика как в историческом развитии всего человеческого познания, так и в каждом отдельном акте мышления выполняет именно такую роль подготовления и осуществления условий для диалектического мышления. В этом — ее историческое и познавательное значение. Но надо помнить, что ограничение функции формальной логики как предпосылки диалектического мышления нельзя распространять на весь процесс познания, на все мышление, т. е. нельзя сводить мышление в целом к осуществлению лишь тех предпосылок для более широкого научного подхода к изучаемому предмету, которые формальная логика в себе заключает; нельзя пытаться исчерпать всю логику мышления одной лишь формальной логикой. В этом случае она сама неизбежно превратится в метафизику со всеми вытекающими отсюда последствиями. Поэтому, пользуясь формальной логикой, необходимо всегда иметь в виду ее ограниченность; пользуясь же диалектической логикой, надо постоянно учитывать ее неограниченный характер, ее применимость ко всем без исключения ступеням и моментам познания, в том числе и к самым начальным.

Вместе с тем, пользуясь приемами формальной логики, можно осуществить «остановку» в изучении процесса мышления и не обязательно лишь на самой первой его ступени. Если принимаются во внимание лишь самые обычные, наиболее распространенные, поверхностные определения или стороны изучаемого предмета, то мы получаем «школьную» формальную логику, о которой писали Энгельс и Ленин и рассмотрением которой мы по-преимуществу ограничиваемся в этой статье. Но если «остановка»

---

[27] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II. стр. 368.

будет нами осуществлена на более высокой ступени изучения объекта, например, при исследовании более общих, в том числе количественных отношений между изучаемыми предметами, то формальная логика уже утрачивает свой элементарно-школьный характер и превращается либо в более сложные разделы формальной логики, либо в те или иные разделы математической логики, уже выходящие за ее пределы. Как говорилось выше, математическая логика является самостоятельной научной отраслью, которая связана не только с некоторыми общими положениями формальной логики, но и с диалектикой, диалектической логикой.

Конечно, ограниченность формальной логики и опирающихся на нее специальных научных дисциплин не является ее недостатком, а тем более признаком ее несостоятельности. Все дело лишь в том, чтобы правильно применять ее положения, не распространяя их за рамки той области отношений вещей или понятий, в пределах которой они только и имеют силу.

Подытоживая результаты анализа, можно сделать такой вывод: предметом диалектической логики служит *развивающееся познание,* или *процесс мышления, ведущий к истине.* Предметом же формальной логики в любом ее виде служит *готовое знание,* рассматриваемое с точки зрения его структуры, т. е. результат, достигнутый в итоге определенного пути развития познания в отвлечении от самого процесса движения мысли к истине.

III

ТЕОРЕТИКО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛОГИКИ

1. ТРЕБОВАНИЕ ОБЪЕКТИВНОСТИ. НЕДОПУСТИМОСТЬ СУБЪЕКТИВНОЙ ПРОИЗВОЛЬНОСТИ

Исходя из того, что логика является частью философии, рассмотрим некоторые ее вопросы с гносеологической стороны.

Основным условием использования любых положений логики, любых ее формул и принципов является требование применять их не произвольно, а в соответствии с объективной обстановкой, с характером отношений изучаемых объектов. Всякая произвольность, всякий субъективизм в применении тех или иных логических положений ведут к грубым ошибкам, к искажению и извращению существа применяемых положений, к нарушению соответствия между логическим рассуждением и объективной реальностью. В этих случаях вследствие неправильного применения логических построений истина не может быть достигнута; в результате логика утрачивает свое главное назначение — указывать мышлению верный путь к познанию истины.

Это относится не только к формальной, но и к диалектической логике: конкретное применение ее положений требует учета объективных условий, в которых они применяются. Без соблюдения этого требования возможны грубые ошибки, искажающие самое существо диалектического подхода.

Как уже было сказано выше, при определенном условии формальная логика может легко перейти в метафизику. Таким условием является *абсолютизация* момента покоя, полное отрицание наличия движения мышления, его развития, полная остановка на каком-либо пункте позна-

ния, вызывающая резкое прерывание всего процесса мышления. В таком случае формальная логика из предпосылки подлинно научного мышления произвольно превращается в якобы исчерпывающий метод мышления, в единственную логику, исключающую всякое иное мышление, кроме совершающегося по ее законам. Такая абсолютизация формальнологических законом не свойственна самой формальной логике и никак не вытекает из ее правильно понятых основных положений. Это есть следствие метафизического подхода к ней, в силу которого отрицается диалектика, диалектическое мышление и делается попытка искусственно втиснуть весь процесс мышления в узкие рамки формальной логики.

Абсолютизация момента устойчивости в процессе мышления, момента относительной неизменности понятий или других форм мышления, короче говоря, момента покоя в применении к мышлению, есть метафизика. Сама формальная логика лишь *абстрагируется* от движения и развития мышления, но не отрицает наличие такового, не превращает момент покоя в абсолют. Метафизика, *абсолютизируя* покой, целиком отрицает развитие и движение мышления. Этим метафизика коренным образом отличается от формальной логики. Но это же обстоятельство показывает, при каких условиях и каким образом формальная логика может превратиться и нередко превращается на деле в метафизику: стоит только абсолютизировать ее положения, заменив временное *отвлечение* от развития (что допустимо в известных пределах) *отрицанием* развития, как немедленно относительно верные положения превращаются в неверные, относительная истина — в заблуждение и мы оказываемся в плену у метафизического способа мышления.

Ошибка здесь состоит, очевидно, в том, что нарушаются границы применимости формальной логики. Такое нарушение делается произвольно; оно привносится субъективно в ход рассуждений и не соответствует объективным отношениям вещей. Правильное употребление формальнологических правил и законов предполагает, что мы придерживаемся тех рамок, где объективно сами вещи и их отношения остаются относительно неизменными, устойчивыми; соответственно этому здесь такими же оказываются и наши понятия, поэтому мы применяем здесь правила и законы формальной логики в полном соответствии с самим

объектом познания, т. е. объективно и, значит, правильно. Но как только мы попытаемся применить правила и законы формальной логики за этими рамками, т. е. там, где необходимо учитывать движение и развитие мышления, так сейчас же приходим к противоречию с самим объектом. Последний не позволяет нам сводить движение к покою, изменчивость к неизменности, «текучесть» к неподвижности, к устойчивости. Если же мы все-таки это сделаем, то такое сведение может быть нами осуществлено только субъективно, произвольно, вопреки характеру изучаемого объекта.

Поэтому здесь, как и во всех подобных случаях, абсолютизация каких-либо отношений свидетельствует лишь о том, что мы сами навязываем природе или нашему мышлению то, что им несвойственно; все это осуществляет лишь наш рассудок, наша рефлексия наперекор тому, что имеет место в действительности. Так, в применении к пониманию противоречий, существующих в самой природе, Энгельс писал: «Центральным пунктом диалектического понимания природы является признание той истины, что эти противоположности и различия, хотя и существуют в природе, но имеют только относительное значение, и что, напротив, их воображаемая неподвижность и абсолютное значение привнесены в природу только нашей рефлексией» [1].

Устойчивость, относительная неизменность любых положений науки, возведенная в абсолют, означает их *догматизацию,* их омертвление, несовместимое с подлинной наукой.

В случае применения диалектики, диалектической логики совершаются извращения другого рода, хотя их гносеологические источники те же, что и при превращении формальной логики в метафизику и догматизм. И в этом случае наблюдаются абсолютизация и субъективизм, игнорирование относительности всех научных положений и нарушение требования строгой объективности при их применении.

Диалектика, диалектическая логика признает гибкость понятий, как и всех форм мышления, их «текучесть», изменчивость, их взаимные переходы друг в друга. Но, признавая это, она исходит из реально существующих про-

---

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1957, стр. 14.

цессов развития и изменения объектов, отражаемых нашим мышлением. Она не абсолютизирует изменчивости вещей и отражающих их понятий, не отрицает всякую их устойчивость, всякую их определенность. Напротив, изменчивость, «текучесть» вещей и понятий диалектика берет в полном соответствии с самой объективной действительностью, в единстве с относительной их устойчивостью, относительной неизменяемостью в известных пределах.

Здесь, как и всюду в диалектике, конкретизируется общее положение о единстве противоположностей, о диалектических противоречиях, существующих в самой реальности и отражаемых нашим сознанием. Энгельс писал: «*Противоположность,*— если вещи присуща противоположность, то эта вещь находится в *противоречии* с самой собой; то же относится и к выражению этой вещи в мысли. Например, в том, что вещь остается той же самой и в то же время непрерывно изменяется, что она содержит в себе противоположность между «устойчивостью» и «изменением», заключается *противоречие*» [2].

Если абсолютизация момента устойчивости ведет к метафизике и догматизму, то абсолютизация момента изменчивости, относительности ведет к *релятивизму,* к извращению диалектики в духе древнегреческого философа Кратила. Как известно, Кратил выступал против диалектики Гераклита именно с позиций чистого релятивизма, голого скептицизма, утверждая, что в одну и ту же реку нельзя вступить даже один раз. Критикуя чистый релятивизм махистов, Ленин подчеркивал: «Диалектика,— как разъяснял еще Гегель,— *включает в себя* момент релятивизма, отрицания, скептицизма, но *не сводится* к релятивизму. Материалистическая диалектика Маркса и Энгельса безусловно включает в себя релятивизм, но не сводится к нему...» [3].

Отрицание всякого элемента абсолютного, неизменного, устойчивого в природе или в ее отражении нашим сознанием есть отрицание подлинной диалектики, аналогично тому, как отрицание относительности противоположностей в природе и, соответственно, относительности наших знаний о них есть метафизика и догматизм. Диалектика подразумевает единство противоположностей, а не зачеркива-

---

[2] Там же, стр. 327.
[3] В. И. Ленин. Сочинения, т. 14, стр. 124.

ние одной из них ради превращения другой в абсолют. Такое зачеркивание, как уже говорилось выше, может быть осуществлено лишь произвольно, исходя из чисто субъективных соображений, вопреки тому, что существует объективно, независимо от субъекта. Этим отличаются софистика и чистый скептицизм от подлинной диалектики: диалектика рассматривает гибкость понятий, их «текучесть», изменчивость, взаимопревращаемость — равно как и всех других форм мышления — *объективно,* в соответствии с самой действительностью. Напротив, софистика и скептицизм трактуют все это субъективно, допуская произвол в применении понятий, в понимании их гибкости. Ленин сформулировал это обстоятельство следующим образом: «Всесторонняя, универсальная гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противоположностей,— вот в чем суть. Эта гибкость, примененная субъективно,= = эклектике и софистике. Гибкость, примененная *объективно,* т. е. отражающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечного развития мира» [4].

Ленин показал, что на место диалектики немедленно становится софистика и родственные ей течения, уводящие человеческую мысль в сторону от истины, как только объективный принцип заменяется субъективным: «*NB*: отличие субъективизма (скептицизма и софистики etc.) от диалектики, между прочим, то, что в (объективной) диалектике относительно (релятивно) и различие между релятивным и абсолютным. Для объективной диалектики *в* релятивном *есть* абсолютное. Для субъективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное» [5].

Сказанное выше можно представить в виде двух схем (см. стр. 121), показывающих соотношения, во-первых, между диалектической логикой и формальной логикой; во-вторых, между диалектической логикой и релятивизмом, софистикой, эклектикой, скептицизмом; и в-третьих, между формальной логикой и метафизикой (догматизмом).

На верхней схеме показано, как в зависимости оттого, применяются ли те или иные положения логики объективно или субъективно, мы получаем в итоге правильное

---

[4] В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 98—99.
[5] Там же, стр 358.

Применяя	объективно, имеем:	субъективно, имеем:
гибкость понятий	*диалектическую логику*, учитывающую также и относительную устойчивость понятий;	*софистику, скептицизм, эклектику;*
их устойчивость, «твердость» (в отвлечении от их гибкости)	*формальную логику;*	*догматизм.*

(второй столбец) и неправильное (третий столбец) решение вопроса. При этом выражение «объективно» означает — в соответствии с самой действительностью, а «субъективно» — в разрез с нею, на основании только произвольных соображений, исходящих от субъекта.

Разумеется, применение гибкости понятий в соответствии с объектом вовсе не означает, что в случае диалектической логики не учитывается относительная устойчивость понятий в ее диалектическом единстве с их гибкостью. Речь идет лишь о том, как трактуется гибкость понятия — объективно, как это имеет место в диалектической логике, или субъективно, произвольно, как это делают софистика, скептицизм и эклектика.

Тот же самый результат получается в случае, когда абсолютизируется одна из сторон реального противоречия, представляющего единство устойчивости и изменчивости, путем зачеркивания другой его стороны (нижняя схема).

Трактуя	как относительную = без зачеркивания противоположной ей стороны, имеем:	как абсолютную = с зачеркиванием противоположной ей стороны, имеем:
«текучесть», изменчивость понятий	*диалектическую логику;*	*релятивизм;*
их неизменность, завершенность (в отвлечении от их «текучести»)	*формальную логику;*	*метафизику.*

Обе схемы могут быть сведены в одну, так как они связаны между собой тем, что абсолютизация одной из сторон разбираемого противоречия осуществляется путем отказа от соблюдения объективности и, следовательно, путем допущения субъективности, произвола.

Возникает вопрос: что в логике является критерием для определения объективно-реального в отличие от субъективно-произвольного, т. е. критерием истинности наших мыслей?

2. ПРАКТИКА КАК КРИТЕРИЙ ИСТИНЫ В ЛОГИКЕ

Практика является единственным критерием истинности нашего познания на всем его протяжении — от его исходного пункта до относительного завершения каждого его круга. Практика есть критерий истины в пределах любой науки, в том числе и самой логики. Это относится не только к диалектической логике, которая выясняет роль практики в процессе познания, но и к формальной логике, которая, казалось бы, полностью отвлекается от этого вопроса и ни в какой мере не учитывает критерия практики.

Характеризуя теорию отражения, нераздельно связанную с диалектической логикой, В. И. Ленин писал: «...Вне нас существуют вещи. Наши восприятия и представления — образы их. Проверка этих образов, отделение истинных от ложных дается практикой» [6]. При этом Ленин исходил из общих положений марксистской философии, сформулированных Марксом и Энгельсом. В «Тезисах о Фейербахе» Маркс писал: «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью,— вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто *схоластический* вопрос» [7]. Так как именно формальная логика, по крайней мере в явном виде, изолируется от прямого обращения к практи-

---

[6] В. И. Ленин. Сочинения, т. 14, стр. 97.

[7] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II. стр. 383.

ке, Ленин справедливо характеризовал попытки опираться на нее при решении вопросов революционной практики, как попытки стоять «здесь на точке зрения логики формальной или схоластической, а не логики диалектической или марксистской».

Как показал далее Ленин, одно из требований диалектической логики состоит в том, что «вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку» [8].

По отношению к логическому мышлению и всему теоретическому познанию практика выполняет троякую роль. Во-первых, она представляет источник теоретического познания, его движущую силу, его стимул. Она дает для мышления необходимый фактический материал, подлежащий обобщению и логической обработке; тем самым практика питает мышление, не дает ему уходить в отвлеченную от жизни сферу, отрываться от действительности. Во-вторых, она предоставляет для мышления поле приложения его результатов, являясь его конечной целью. В-третьих, она служит постоянной основой для мышления на всем его пути, проверяя правильность достигаемых им результатов не только в общем итоге, достигаемом мышлением, но и на каждой ступени человеческого познания, начиная с ощущений.

Поэтому неправомерен спор о том, является ли практика особой («третьей») ступенью познания или же таких ступеней только две: чувственная и рациональная. Практику нельзя изолировать от какой-либо ступени познания, ее нельзя втиснуть в рамки лишь одной особой ступени, стоящей наряду с другими ступенями и вне их. На самом деле, практика пронизывает собой весь процесс познания от его начала и до относительного завершения каждого его круга.

Возможность абстрагирования от практики создается в результате того, что она не всегда выступает в своем непосредственном виде: при известных обстоятельствах она может выступать в опосредствованном виде, когда множество отдельных практических действий человека суммируются в некоторое общее положение. Однако при этом роль практики в мышлении не только не снижается,

---

[8] В. И. Ленин. Сочинения, т. 32, стр. 72.

а, напротив, возрастает еще больше, так как она начинает с этого момента действовать применительно не только к каждому отдельному случаю, а ко всем аналогичным случаям без исключения. «Если наши предпосылки верны,— говорил Энгельс,— и если мы правильно применяем к ним законы мышления, то результат должен соответствовать действительности...» [9]. Верность предпосылок дается непосредственно практикой, устанавливающей их соответствие действительности. Что же касается законов мышления, то связь их с практикой затушевана тем, что в этих законах практика представлена лишь в ее опосредованном, обобщенном виде.

Последнее обстоятельство дало повод кантианцам ввести в логику двойной критерий: материальный и формальный. Первый основан на учете показаний непосредственной практики в каждом отдельном случае. Например, мы можем проверить истинность посылок или вывода непосредственным сопоставлением их с самой действительностью. Второй же критерий, по мнению кантианцев, лишен такой материальности и носит чисто формальный характер: в этом случае истинность рассуждения проверяется лишь путем выяснения его согласованности с некоторыми общими правилами мышления, которые устанавливаются якобы априорно, совершенно независимо от какой-либо материальной деятельности человека, от его практики. Иначе говоря, под «истинностью» здесь понимается лишь формальная правильность.

На самом деле все обстоит не так, как это рисуют кантианцы. Никаких двух различных критериев истины в логике нет, а то, что выдается за таковые, есть две различные формы, в которых выступает один и тот же критерий истины — человеческая практика. Однако для формальной логики, которая отвлекается от роли практики в процессе мышления, выяснение этого вопроса вообще невозможно. Ответ на него дает только диалектическая логика, причем и в той части этого вопроса, которая касается формальной логики.

Критически перерабатывая гегелевскую логику, Ленин подчеркивал ведущую роль практики по отношению к логическому мышлению. Ленин отмечал, что категории логики суть *сокращения* бесконечной массы «частностей внеш-

---

[9] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 317.

него существования и деятельности», и что, в свою очередь, эти категории *служат* людям на практике [10].

Обращаясь далее к вопросу о том, как соотносятся «категории логики и человеческая практика», Ленин отмечал, что подведение целесообразной (практической) деятельности человека под категории логики, как делал Гегель,— это не просто игра, что тут имеется очень глубокое чисто материалистическое содержание. Но надо перевернуть те отношения, которые Гегель, будучи идеалистом, представил искаженно. Такое «перевертывание» («постановка на ноги») гегелевских взглядов выражено Лениным в следующей формулировке: «Надо перевернуть: практическая деятельность человека миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, *дабы* эти фигуры *могли* получить значение *аксиом*. Это Nota bene» [11].

Развивая дальше это положение и продолжая критику гегелевского идеализма, Ленин писал: «Для Гегеля *действование,* практика есть *логическое „заключение*", фигура логики. И это правда! Конечно, не в том смысле, что фигура логики инобытием своим имеет практику человека (= абсолютный идеализм), a vice versa [наоборот,— *Б. К.*]: практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики. Фигуры эти имеют прочность предрассудка, аксиоматический характер именно (и только) в силу этого миллиардного повторения» [12].

Этим Ленин наголову разбивает не только объективный идеализм Гегеля в понимании законов и форм мышления, выраженных в соответствующих фигурах логики, но и кантовский априоризм, разобщающий субъект и объект. В результате этого полностью рушится кантианская концепция о двух различных критериях истины. То, что неправильно именуется кантианцами формальным критерием, в противоположность материальному, есть тот же материальный критерий, но только закрепленный в сознании человека благодаря всей предшествующей практике, которую он представляет в резюмированном виде.

История науки знает много аналогичных примеров. Так, долгое время новые предложения по созданию «веч-

[10] См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 78.
[11] Там же, стр. 181—182.
[12] Там же, стр. 209.

ного двигателя» (perpetuum mobile) проверялись практически в каждом отдельном случае: конструировалось соответствующее механическое или какое-либо иное устройство, после чего обнаруживалось, что оно не действует на практике, т. е. не дает никакого движения. В итоге накопившихся многочисленных отрицательных результатов было сделано обобщение, полностью вытекающее из самой практики и резюмирующее весь предшествующий практический опыт, что вечный двигатель невозможен *в принципе*, что движение несотворимо, как и неразрушимо, а потому всякие новые предложения вечных двигателей нужно отвергать наперед, не тратя по-пустому времени, сил и средств на их проверку. Такой вывод очень сходен с критерием истины, который в формальной логике именуется формальным. Но совершенно ясно, что он есть прежде всего *материальный* критерий, причем взятый не в отношении к какому-либо одному единичному случаю, а ко всей совокупности таких случаев, уже прошедших практическую проверку и неизменно дававших отрицательный результат. Именно потому, что в этом выводе сконцентрирован сгусток предшествующей практической проверки, этот критерий действует сильнее, нежели отдельное испытание на практике каждой новой модели вечного двигателя, ибо практика здесь представлена не в виде одиночного акта, а в виде суммированного множества такого рода актов. Ленин же говорил в отношении правил формальной логики о таком множестве обобщаемых фактов, которое равносильно миллиардному повторению одного и того же практического результата.

Вот почему указанная Энгельсом верность посылок и правильность применения законов мышления, обеспечивающие достижение истины, вовсе не относятся к каким-то различным критериям истины. Это лишь две различные формы, в которых выступает в пределах логики один и тот же критерий истины — практика: в одном случае он выступает как единичный акт проверки, в другом — как обобщающий в себе весь предшествующий опыт проверки на практике аналогичных ситуаций.

Но если так обстоит дело с проверкой того, что повторяется многократно более или менее одинаковым образом, то в отношении сложных исторических, особенно революционных ситуаций вопрос о роли практики как критерия истины становится значительно сложнее и конкретнее.

Ведь каждая такая ситуация при всей ее подчиненности общим законам исторического развития всегда содержит в себе много особенного, неповторимого, специфического, что́ необходимо учитывать при ее анализе не в меньшей степени, чем действие общих законов истории. Выводы из такого анализа нельзя получить путем простейших силлогизмов, как это пытались делать Плеханов и другие меньшевики в отношении первой русской революции, и за что их беспощадно критиковал Ленин. Никакими формальными построениями невозможно определить конкретный способ действия, если не обратиться к самой практике, в данном случае к практике революционной борьбы.

Как указывал Ленин, «нужно изучить практический опыт», так как «практика в сто раз важнее всякой теории» [13]. В другом месте, подчеркивая всеобщность практики, он писал: «***Практика выше (теоретического) познания***, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности» [14]. Это значит, что, обращаясь к практике, мы вовсе не ограничиваемся учетом чего-то сугубо единичного, случайного, неповторимого в своей единичности, а, напротив, раскрываем единство этого единичного и особенного со всеобщим, которое также заключено в практике.

Покажем это на таком примере. В работе «Государство и революция» Ленин проследил, каким образом сам ход исторических событий вынудил революцию, по выражению Маркса, «концентрировать все силы разрушения» против государственной власти и вынудил поставить задачу, состоящую не в улучшении государственной машины, а в ее разрушении, уничтожении. «Не логические рассуждения, а действительное развитие событий, живой опыт 1848—1851 годов привели к такой постановке задачи» [15].

Ленин показывает дальше, что Маркс до такой степени строго держится на фактической базе, что в 1852 г. он не ставит еще конкретно вопроса о том, *чем* заменить эту подлежащую уничтожению государственную машину. Здесь опять-таки нельзя было решить такой сложный во-

---

[13] В. И. Ленин. Сочинения, т. 32, стр. 11.
[14] В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 205.
[15] В. И. Ленин. Сочинения, т. 25, стр. 381.

прос путем чисто логических рассуждений, не обращаясь к практике. Но практика, опыт еще не давали тогда необходимого материала для разрешения такого вопроса, который был поставлен историей позднее, в 1871 г. Именно практика Парижской Коммуны впервые ответила конкретно на вопрос о том, чем заменить разбитую государственную машину.

Никакая формальная логика не в состоянии решать такие сложные вопросы. Это целиком прерогатива диалектической логики, которая специально исследует влияние практики на теоретическое познание, на человеческое мышление вообще.

Огромное значение практики в качестве критерия истины в логике, как и вообще в любой науке, состоит также и в том, что она не оставляет места для догматизма, для омертвления и абсолютизации какого-либо теоретического положения. Этот критерий, как отмечал Ленин, не позволяет знаниям человека превратиться в абсолют. «Если то́, что подтверждает наша практика, есть единственная, последняя, объективная истина, — писал он,— то отсюда вытекает признание единственным путем к этой истине пути науки, стоящей на материалистической точке зрения... Но так как критерий практики,— т. е. ход развития *всех* капиталистических стран за последние десятилетия,— доказывает только объективную истину *всей* общественно-экономической теории Маркса вообще, а не той или иной части, формулировки и т. п., то ясно, что толковать здесь о «догматизме» марксистов, значит делать непростительную уступку буржуазной экономии» [16]. Еще раньше В. И. Ленин писал: «Не может быть догматизма там, где верховным и единственным критерием доктрины ставится — соответствие ее с действительным процессом общественно-экономического развития...» [17].

Так решается в диалектической логике вопрос о практике применительно к области научного познания вообще, в том числе и к области логики. Этим диалектическая логика существенно отличается от формальной логики как логики абстрактной, устраняющейся от решения вопроса о практике как критерии истины.

---

[16] В. И. Ленин. Сочинения, т. 14, стр. 130.
[17] В. И. Ленин. Сочинения, т. 1, стр. 280.

3. ФОРМАЛЬНОЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК НЕОБХОДИМАЯ ПРЕДПОСЫЛКА ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Теперь, когда нами рассмотрены различные стороны взаимоотношения между обеими логиками, можно поставить общий вопрос: каково познавательное значение формальной логики, трактуемой в качестве необходимой предпосылки диалектической логики?

Выше мы уже показали, что формальная логика, отражая абстрактно момент покоя, неизменности, подготовляет тем самым возможность познавать вещи и явления (соответственно, мысли о вещах и явлениях) в их изменении, развитии, движении. Иными словами, она выполняет в данном случае ту же познавательную роль, какую выполняет анатомия по отношению к физиологии при изучении живых существ.

Однако несмотря на всю важность отмеченного, не в этом состоит самое главное в характеристике познавательной роли формальной логики; это скорее производное от чего-то более существенного и основного. Таким более существенным и основным является *отделение хотя бы определенной части объективного*[18] *от субъективного в предмете познания и устранение из последнего того, что́ привнесено в него самим человеком в виде субъективных (логических) противоречий, что является следствием произвольных соображений, не отражающих ничего реально существующего.*

В самом деле: исследование может считаться научным лишь после того, когда человек научается отделять вымы-

---

[18] Мы выделяем здесь особо слова *«хотя бы определенной части объективного»*, так как формальная логика не имеет общего критерия для отделения объективного от субъективного. Поэтому в лучшем случае она в состоянии отделить только *одну какую-то часть* объективного в качестве безусловно достоверного от всего остального. Это она делает с помощью своих собственных, чисто формальных приемов, не ставя в явном виде гносеологического вопроса о соотношении и о различии между объективным и субъективным. Такой вопрос в состоянии поставить и решить только диалектическая логика в силу своего единства с диалектикой и теорией познания материализма. Об этом подробно будет сказано ниже, но уже сейчас мы считаем необходимым это отметить во избежание того, чтобы у читателя не возникло неправильного представления о том, будто формальная логика сама по себе обладает критерием объективности рассмотрения предмета.

сел от факта, фикцию от действительности. Пока он не научился этого делать, данная область не может еще стать наукой. Так было, например, в химии. Долгое время в ней безраздельно господствовали фантастические идеи алхимиков о «философском камне», обладающем якобы какими-то особыми чудотворными свойствами. Это был чистейший вымысел, голая фантастика, фикция, переплетавшаяся к тому же тесным образом с религиозными представлениями. Религия же всегда была и остается в корне враждебной науке, несовместимой с наукой. Даже Бойль, который во второй половине XVII в. начал превращать химию в науку, не сумел полностью отделить химию от алхимии, действительность от вымысла. Только позднее, с помощью первой своей теории (теории флогистона), химия, наконец, освободилась от алхимии. Но и теория флогистона содержала в себе ложный, вымышленный момент, так как никакого флогистона в действительности не существует. Поэтому окончательное превращение химии в науку произошло только после крушения и этой теории в конце XVIII в. С тех пор ненаучные представления, в основе которых лежат вымыслы и фантастика, часто именуются «алхимией».

Вымышленность есть признак ненаучности. Утопический социализм был ненаучным именно потому, что основывался не на действительных законах общественного развития, как это имеет место в научном социализме Маркса, а на положениях, взятых из головы.

Сказанное касается и самого процесса познания. Когда человек приступает к изучению какого-либо круга незнакомых ему явлений, то перед его мысленным взором встают, часто без ясного их различения, две группы совершенно разных, можно сказать противоположных с гносеологической точки зрения, данных: одни данные являются фактами, т. е. частью самой действительности, зафиксированной нашими органами чувств; другие представляют собой нечто кажущееся нам существенным, но лишенное в действительности реального бытия. Сюда относятся не только ложно воспринятые и ложно истолкованные нами показания наших органов чувств, но и все ложные представления, которые были получены нами не из познания самой действительности, а только из нашей головы.

Естественно, поэтому, что пока мы не научимся отделять одну группу данных от другой, мы не сможем пра-

вильно отражать познаваемый нами объективный мир с его законами. К тому, что является его действительным отражением, всегда будет примешиваться нечто произвольное, субъективное, лишенное объективного значения; в итоге у нас никогда не будет уверенности в том, что мы имеем дело в этом случае не с вымыслом, не с миражем, а с чем-то действительно существующим. Мы указывали уже на решающую роль практики как критерия, дающего исчерпывающий ответ на этот вопрос. Сейчас нас интересует именно с этой стороны познавательная роль формальной логики, которая сама есть лишь обобщение многотысячелетней человеческой практики.

В своей работе «Что такое „друзья народа“..?» Ленин назвал «метафизикой» оперирование общими вымышленными понятиями и концепциями, употребив в данном случае термин метафизика не в смысле антидиалектики, как это он делал позднее, а в смысле спекуляции чем-то придуманным, не опирающимся на факты. Он писал: «Это самый наглядный признак метафизики, с которой начинала всякая наука: пока не умели приняться за изучение фактов, всегда сочиняли... общие теории, всегда оставшиеся бесплодными. Метафизик-химик, не умея еще исследовать фактически химических процессов, сочинял теорию о том, что такое за сила химическое сродство?.. Метафизик-психолог рассуждал о том, что такое душа? Нелеп тут был уже прием. Нельзя рассуждать о душе, не объяснив в частности психических процессов: прогресс тут должен состоять именно в том, чтобы бросить общие теории и философские построения о том, что такое душа, и суметь поставить на научную почву изучение фактов, характеризующих те или другие психические процессы» [19].

Изучение и собирание фактов есть первая необходимая ступень в развитии науки. Только на основе этой ступени возможны теоретические обобщения, составляющие следующую ступень научного познания. Ленин указывал, например, на ученого-психолога, который «отбросил философские теории о душе и прямо взялся за изучение материального субстрата психических явлений — нервных процессов...» [20].

Формальная логика, на наш взгляд, как раз и выраба-

[19] В. И. Ленин. Сочинения, т. 1, стр. 126—127.
[20] Там же, стр. 127.

тывает общие приемы, позволяющие отсеивать факты от вымысла [21]. Следовательно, в мышлении она выполняет прежде всего *функцию специфического фильтра, или «сита», отделяющего то, что́ привнесено самим субъектом в процессе мышления, от того, что́ соответствует познаваемой действительности.* В этом состоит ее важнейшая познавательная задача, ее назначение, в этом — смысл ее существования. Отделяя факт от вымысла, формальная логика помогает всему последующему процессу познания.

Поэтому-то она и может выступать в качестве необходимой предпосылки всякого подлинно научного мышления, предпосылки диалектической логики. Все приемы и способы формальной логики, оцениваемые с гносеологической точки зрения, служат в конечном счете (но только это не всегда очевидно с первого взгляда) тому, чтобы выполнять именно такую задачу отделения объективного от субъективного. Но как только эта задача выполнена, формальная логика немедленно отходит на второй план, уступая место той логике, которая имеет своей задачей исчерпывающее познание самой действительности, а потому составляет подлинную основу всякого научного знания.

Как увидим ниже, свою функцию формальная логика выполняет при помощи негативных правил и законов: ведь ее задача — *не* допустить смешения факта с вымыслом, действительности с фикцией; поскольку же эта задача по самой своей сути негативна (*не* допустить!), постольку все ее правила и приемы, направленные на то, чтобы выполнить такую задачу, по необходимости носят (и не могут не носить) соответственно негативный характер. Но, разумеется, этот характер формальной логики не служит, хотя бы в малейшей степени, свидетельством ее неполноценности, а тем более ее ошибочности или ненужности. Ведь и в естествознании многие великие законы природы первоначально носили исключительно негативный характер, ибо их открытие было отрицательным ответом на многочисленные попытки «алхимиков от науки» создавать из ничего либо материю, либо ее движение,

---

[21] См. примечание на стр. 129. О том, каким конкретным способом формальная логика осуществляет эту функцию, будет подробно сказано в следующей части работы в связи с анализом формальнологического закона, запрещающего субъективные (логические) противоречия.

и т. д. Поэтому соответствующие законы гласили, что ни материя, ни движение *не* могут быть *ни* созданы, *ни* уничтожены. До сих пор эти великие истины современное естествознание формулирует как принципы сохранения.

Говоря проще, функцию формальной логики можно определить так: эта логика устраняет то, что́ привносит сам человек в процессе мышления, что́ мешает ему идти дальше внешней стороны изучаемых явлений в их глубины, проникать в их сущность, находить их действительные законы. Это касается смысла так называемых основных законов формальной логики (например, закона тождества) и всех применяемых ею приемов и операций (например, операции определения понятий). Во всех этих случаях, полностью проявляя свой негативный характер, формальная логика запрещает делать то, что приводило бы к смешению действительности с фикцией, фактов с вымыслом, т. е. с тем, что проистекает лишь из головы субъекта, навязывается им действительности, выдается за реальное, хотя оно таковым не является. Именно с этой гносеологической стороны нужно в первую очередь анализировать, как нам кажется, все законы и приемы формальной логики. Тогда не будет тех недоразумений, какие нередко возникают, когда делаются попытки универсализировать формальную логику, превратить ее в единственную логику, с одной стороны, или отбросить ее совсем, как несовместимую с диалектикой, с другой. Все это ведет к прямым ошибкам и противоречит духу и смыслу самой формальной логики.

Встает вопрос: какими способами формальная логика решает стоящую перед ней задачу устранения из материалов мышления того, что привнесено сюда самим субъектом?

В общем случае таким способом служит ей *абстрагирование* от всей той области, куда входят вымышленные данные, но куда, однако, могут входить и всегда входят также и некоторые реальные данные, причем нередко весьма существенные. Применяемый в формальной логике прием абстракции сам по себе рассчитан не на то, чтобы отделить вымышленное от действительного, а на то, чтобы для начала, т. е. для образования исходного пункта познания выделить из всей суммы данных некоторые простейшие, которые безусловно и достоверно могут счи-

таться реальными, соответствующими самой действительности.

Следовательно, в итоге применения приемов формальной логики мы получаем две неравноценные группы данных: одну из них составляют данные, отобранные при помощи формальнологического абстрагирования и образующие собой часть действительных данных; другую составляют, во-первых, остальные действительные данные, причем нередко наиболее важные с познавательной точки зрения, и, во-вторых, вымышленные данные, привнесенные произвольно субъектом.

Каким же образом формальная логика применяет прием абстрагирования, иначе говоря, каким образом она отбирает часть действительных данных, включая их в первую группу? Достигает она этого путем полного абстрагирования от момента движения, изменения, развития мысли, путем мысленного отвлечения одного лишь момента покоя, неизменности, неподвижности мысли. В результате из сферы ее рассмотрения устраняются не только все действительные процессы развития, движения мысли, но вместе с ними и все произвольные, навязанные субъектом перескоки мысли с одного предмета на другой, все изменения мысли, совершаемые в порядке подмены тезиса, подмены понятий, все противоречия «с самим собой», т. е. опять-таки привнесенные самим субъектом в процессе мышления и не соответствующие чему-либо реально существующему.

То, что́ остается после устранения указанных данных из мышления, носит безусловно и достоверно объективный характер, а потому может быть принято за отправное в процессе мышления, за необходимую предпосылку для дальнейшего движения мысли к истине, за исходную опору для мышления.

Но нужно подчеркнуть, что этим отправным пунктом (как бы он ни был важен) не исчерпывается и никогда не может исчерпаться весь процесс познания. Это лишь предпосылка для истинного знания, но еще не само знание предмета. Поэтому необходимо помнить, что вслед за применением законов и приемов формальной логики следует подлинно научное исследование, осуществляемое мышлением с помощью диалектической логики. Последняя, опираясь на практику как критерий истины, отбрасывает из всей суммы данных вообще все субъективно привнесен-

ное, произвольное и обращает свое внимание на изучение всего предмета в целом, конкретно, без абстрагирования от того, от чего по необходимости абстрагируется формальная логика.

Это надо всегда иметь в виду, когда речь заходит о границах применимости формальной логики. Для всех, кто изучает данный предмет, ее границами служит устранение из поля зрения субъективного, произвольного (независимо от того, устраняется ли только одно это субъективное или же вместе с ним и часть — и какая именно часть — объективных данных). Раз указанная задача выполнена, гносеологическая функция формальной логики оказывается исчерпанной. Но затем, при анализе всего предмета в целом, следовательно, и той части объективных данных, от которой формальная логика должна была отвлечься, создается новая ситуация: для того, чтобы проникнуть в эту, ранее не учитываемую часть объективных данных, надо применить уже *иные* приемы и способы, а именно приемы и способы диалектической логики, которые с формальной точки зрения кажутся нарушением ранее примененных приемов формальной логики. Но сами эти приемы формальной логики имеют гносеологическую задачу — устранить из сферы мышления произвольное, причем любым путем, не считаясь с тем, что вместе с произвольным уйдет из поля зрения и то, что подлежит обработке при помощи мышления. Когда же эта задача уже выполнена формальной логикой, применение приемов диалектической логики не может что-либо здесь нарушить и отменить, поскольку, повторяем, данная задача уже выполнена. Другими словами, приемы диалектической логики, несмотря на то, что с формальной стороны они кажутся противоречащими приемам формальной логики, не означают обратного включения в поле зрения исследователя вместе с временно исключенным отсюда объективным материалом также и чего-то субъективного, произвольного. Диалектическая логика категорически это запрещает.

Однако для того, чтобы идти дальше формальной логики, необходимо обязательно выйти за узкие рамки тех правил и законов, которые она установила с определенной гносеологической целью. Если этого не сделать, то весь круг объективных данных, от которого она абстрагируется, так и останется за пределами научного познания, научного мышления. Выход же за пределы формальной логи-

ки может произвести впечатление нарушения ее правил и законов (ведь речь идет именно о *выходе* за ее границы, следовательно, о «нарушении ее правил и законов»), но не в смысле, конечно, допущения элементарных логических ошибок, а в смысле перехода к более широкой точке зрения на предмет мышления.

Если же мы попытались бы на том основании, что законы и правила формальной логики носят якобы абсолютный характер и ни при каких условиях не должны нарушаться, заставить себя абстрагироваться навсегда от процесса развития, изменения мысли, то мы впали бы в ту самую ошибку, против которой нас как раз и предостерегает формальная логика: мы навязали бы действительности нечто произвольное, ей несвойственное, проистекающее исключительно от нас самих, т. е. субъективное. В итоге наше старание строго придерживаться повсюду только одной формальной логики привело бы нас неизбежно к тому, что мы превратили бы формальную логику в нечто абсурдное: мы нарушили бы ее познавательную функцию — изгонять произвольные, субъективные противоречия из данных мышления, так как сами стали бы навязывать мышлению то, что не соответствует действительности.

Об этом будет сказано подробнее в следующей части работы. Сейчас же отметим это обстоятельство в общем виде, поскольку непонимание его порождает многочисленные недоразумения, которые часто выдвигаются в качестве серьезных аргументов в дискуссионных статьях.

Оговоримся, что мы не претендуем здесь на то, чтобы дать исчерпывающее определение формальной логики и вообще давать ей какое-либо особое определение. Сейчас нас интересует лишь гносеологическая, познавательная ее сторона, которая касается соотношения субъекта с объектом. Мы хорошо понимаем, что высказанное нами по этому вопросу мнение может не разделяться представителями формальной логики, тем не менее мы готовы его отстаивать в любом споре. Заметим только, что данная нами трактовка гносеологических функций формальной логики не противопоставляется нами другим ее определениям и характеристикам, например, признанию, что она представляет собой логику выводного знания. Этой стороны формальной логики мы здесь просто не затрагиваем, потому что она не имеет прямого отношения к рассмотрению ин-

тересующего нас вопроса в данной гносеологической его связи. Заметим только, что выводное знание не представляет монополии формальной логики, так как в гораздо более полном виде выводное знание входит и в предмет диалектической логики. Например, диалектический метод восхождения от абстрактного к конкретному, от которого нацело отвлекается формальная логика, неразрывно связан с таким движением понятий и категорий, которое несомненно, является высшим образцом выводного (но уже, конечно, не формальнологического) знания.

С изложенных выше позиций мы рассмотрим далее вопрос о законах логического мышления, имея в виду в первую очередь основной закон диалектической логики и основной закон формальной логики в их взаимосвязи.

Б. М. Кедров

ЗАКОНЫ МАРКСИСТСКОЙ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ И ИХ ОТНОШЕНИЕ К ЗАКОНАМ ФОРМАЛЬНОЙ ЛОГИКИ

I

ОСНОВНОЙ ЗАКОН МЫШЛЕНИЯ И ДВЕ ФОРМЫ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ

Каждая наука имеет своей целью познание законов соответствующей области явлений. Поэтому вслед за выяснением вопроса о предмете науки надо рассмотреть законы, лежащие в ее основе. При этом следует различать законы самих явлений, существующие объективно и независимо от того, познаны они человеком или нет, и законы науки, представляющие собой отражение объективных законов в сознании человека, познавшего эти законы. Это обстоятельство особенно важно учитывать при анализе законов логики, которые сами суть законы мышления, т. е. отражения внешнего мира в сознании человека. Эти законы действуют и в том случае, если человек пользуется ими стихийно, бессознательно; так это бывает и с законами природы, когда их действие учитывается человеком на практике, но сами эти законы еще не открыты и не познаны. Например, человек, прыгая с двигающегося предмета вперед по направлению движения, чтобы не упасть, фактически учитывает действие закона инерции, но при этом вообще может и не знать о существовании такого закона.

Будучи открыты, законы логики, как и законы природы, становятся предметом специального исследования. Они получают точную формулировку, определяется область их применения, характер их взаимоотношения друг с другом и т. д.

Далее будут рассмотрены законы формальной логики и законы диалектической логики и их отношение друг к другу (при этом, как и выше, марксистская диалектическая логика для краткости будет именоваться диалектической логикой).

1. ОБ ОСНОВНОМ ЗАКОНЕ МЫШЛЕНИЯ

Мы не ставим здесь вопроса о том, обязательно ли у каждой науки есть свой основной закон. Но когда говорят, что та или другая наука имеет свой основной закон, то подразумевают такой ее закон, которым определяются, во-первых, остальные ее законы, во-вторых, общая структура всей данной науки, система ее понятий и категорий, и, в-третьих, применяемые ею приемы и способы, общий ее метод исследования. Очевидно, что это касается и логики, при условии, конечно, если она имеет в своей основе определенный закон, обладающий именно таким характером. Поскольку всякая логика есть наука о мышлении, то ее основным законом будет тот, который выступает в качестве основного закона мышления.

Отсюда следует, что в различных логиках различные законы мышления могут считаться основными, так что в каждой из них будет фигурировать свой особый закон в качестве основного закона мышления, определяющего остальные законы, структуру и метод *данной* логики, хотя с точки зрения другой логики он может трактоваться как некоторое частное правило или даже отрицаться вовсе. Критерием того, какая точка зрения является истинной, а какая — ошибочной или ограниченной, служит практика, о чем будет сказано ниже.

Мы показали выше, что предмет формальной логики составляет готовое знание, т. е. истина как нечто завершенное, данное, относительно неподвижное. В связи с этим мышление, с точки зрения формальной логики, выступает, во-первых, как взятое вне его развития, движения и изменения, во-вторых, как освобожденное от всяких вообще противоречий, как субъективных, так и реальных, в-третьих, как такое, структурные элементы которого (например, понятия или отдельные части суждения и т. д.) находятся лишь во внешних отношениях между собой, не образуя внутреннего единства. В соответствии с этим основным законом формальной логики (она сама выдает его за основ-

ной закон мышления) должен служить такой закон, применение которого во всех без исключения случаях позволяет рассматривать наше знание как неподвижное, готовое, а истину — как неизменную. Если в формальной логике действительно существует такой закон, то он должен выражать относительную неизменность или неподвижность мышления.

Ясно, что при рассмотрении процесса мышления с более широкой точки зрения такой закон не может считаться основным. Однако в пределах формальной логики он действительно представляется основным, так как именно такой закон определяет собой и всю ее структуру, и другие, вытекающие из него законы, и способы выражения результатов мышления в логической форме. Если данный закон дает возможность «остановить» в нашей абстракции процесс мышления и представить мышление как составленное из готовых результатов, из неподвижных истин, то тем самым с его помощью мы получим именно тот предмет, которым занимается формальная логика и которым только она и может заниматься.

Мы показали далее, что предметом диалектической логики служит развивающееся знание, т. е. истина как процесс, как движение человеческого мышления от незнания к знанию, от известного к неизвестному. Поэтому основным законом диалектической логики должен служить такой закон, применение которого позволяет рассматривать наше знание именно как развивающееся, а истину — как процесс. Очевидно, что таким законом в диалектической логике должен быть закон движения и развития мышления, рассматриваемого не ограниченно, как это делает формальная логика, а таким, каким оно существует на самом деле. С точки зрения формальной логики, такого закона мышления вообще не должно существовать или, лучше сказать, его не нужно учитывать, так как формальная логика отвлекается от развития и движения мышления, а потому, естественно, не может не отвлекаться и от закона его развития и движения.

Всякий закон раскрывает сущность того явления, к которому он относится. Поэтому основным законом диалектической логики должен быть такой закон, который отражает внутреннюю сторону или сущность процесса развития, движения мышления. Таким законом является закон развития мышления через противоречия. Подобно тому, как

«ядром» всей диалектики, по определению Ленина, является учение о единстве противоположностей [1], так это учение в его конкретном применении к области мышления составляет «ядро» диалектической логики. Отсюда следует, что основным законом этой логики служит закон единства и «борьбы» противоположностей, т. е. закон диалектического противоречия.

Наоборот, в формальной логике основным является закон непротиворечия, с помощью которого из сферы мышления устраняются всякие вообще противоречия; этот закон ограничивает область исследования только неподвижными истинами и готовым, законченным знанием. С помощью своего основного закона формальная логика элиминирует вместе с противоречиями мышления все вообще процессы его развития. Это означает, что основным законом формальной логики является по сути дела не закон самого мышления, а правило, по которому от сложного и многостороннего процесса мышления можно абстрагировать только один его момент — момент относительной неизменности, и полностью элиминировать противоположный ему момент изменчивости, «текучести» мышления, существующий в действительности в нераздельном единстве с моментом неизменности мышления.

Другой стороной того же, по сути дела, закона или, точнее сказать, правила формальной логики, является принцип абстрактного тождества; его принятие неизбежно влечет за собой «остановку» мышления, т. е. рассмотрение мышления только как совокупности готовых результатов, состоящих из неподвижных истин.

Основной закон логики может выступать в общей форме, когда он либо учитывает, либо элиминирует всякие противоречия вообще; но тот же закон может выступать и в частном, более конкретном виде, когда он либо учитывает, либо элиминирует лишь определенный тип противоречий. Благодаря этому наиболее четко обнаруживается характер логики: является ли она в данном случае логикой движущегося и развивающегося мышления (диалектическая логика) или же логикой неподвижного, «остановленного» мышления (формальная логика).

Анализ основного закона мышления в каждой логике (равно как и в метафизической логике, которая является

[1] См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 215.

абсолютизацией правил и приемов формальной логики) мы начнем с рассмотрения его частной формы — закона тождества. Заметим при этом, что, называя закон тождества частным случаем основного закона логики, мы отнюдь не лишаем его характера самостоятельного закона.

2. ЗАКОН ТОЖДЕСТВА — ЧАСТНАЯ ФОРМА ОСНОВНОГО ЗАКОНА

Известно, что основным законом (точнее сказать, основным правилом) формальной логики служит так называемый «закон тождества». Характеризуя его кратко, мы постараемся ответить на вопрос: почему он объявляется основным законом формальной логики. Закон тождества, как известно, гласит, что всякая мысль о вещи (a) должна оставаться неизменной в течение всего данного рассуждения: a есть a. Это положение является следствием и вместе с тем выражением того ограничительного условия, согласно которому формальная логика рассматривает лишь неизменные, неподвижные понятия и их отношения, равно как и другие формы мышления, отвлекаясь от их развития и изменения.

В самом деле: всякая неизменность означает, что вещь или мысль о вещи (a) всегда (или только в данных пределах) остается равной самой себе ($a = a$), что это тождество вещи или мысли с самой собой остается неподвижным. Следовательно, здесь тождество резко противостоит различию, с которым связано всякое изменение. Изменение, каким бы малым оно ни было, всегда предполагает, что в пределах еще сохраняющегося тождества вещи или мысли с самой собой уже возникло какое-то сколь угодно малое различие с исходным состоянием этой вещи или мысли, что изменившаяся вещь или мысль уже чем-то отличается от той, какой она была перед этим. Если признать, что совершается развитие и изменение вещи или мысли, то нужно признать, что полного тождества вещей или мыслей с самими собой не существует и что всякое их тождество обязательно предполагает возникновение каких-то различий «внутри» данного тождества, т. е. относительно устойчивого тождества.

Энгельс определял изменение именно как возникновение все новых и новых различий в пределах данного тож-

дества. Он писал, что «постоянное изменение» есть «снимание абстрактного тождества с самим собою...» [2].

Напротив, если отвлечься от изменения и развития, а тем более, если их вообще отрицать, то мы придем к утверждению, что существует только тождество вещи или мысли с самой собой (*а* есть *а*). При этом исключается возможность возникновения различия в пределах данного сохраняющегося тождества. Следовательно, формула «*а* есть *а*», или «*а* = *а*», выражает собой то, что факт развития и изменения не учитывается — от этого факта либо отвлекаются (формальная логика), либо он отрицается вовсе (метафизика).

То, что неизменно, всегда равно самому себе; то, что всегда равно самому себе, неизменно. Это два различных способа выразить одно и то же положение, одну и ту же мысль.

Равенство самому себе, неизменность является существенным моментом при установлении какого-либо отдельного факта, с чего начинается, собственно говоря, всякое познание. Отдельный твердо установленный факт остается фактом при всех условиях, следовательно, остается всегда равным самому себе. Это касается любых отдельных фактов — естественнонаучных или исторических. Таков, как показал Ленин вслед за Энгельсом, факт, касающийся даты смерти какого-либо человека, например, Наполеона. «Если ты не можешь утверждать,— писал Ленин,— что положение «Наполеон умер 5-го мая 1821 г.» ошибочно или неточно, то ты признаешь его истинным. Если ты не утверждаешь, что оно могло бы быть опровергнуто в будущем, то ты признаешь эту истину вечной» [3].

Вечная, неизменная истина и есть истина, всегда равная самой себе, каковой является констатация всякого действительного факта, взятого в независимости от всего остального.

Соответственно тому, что формальная логика лишь *отвлекается* от развития и изменения, а метафизика *отрицает* их, мы имеем дело с двумя различными проявлениями закона тождества: *абстрактное* тождество в случае формальной логики, *абсолютное* тождество — в случае метафизики. Между этими двумя формулировками имеется суще-

---

[2] Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 169.
[3] В. И. Ленин. Сочинения, т. 14, стр. 119.

ственная разница: в первом случае отвлекаются, абстрагируются от различий в пределах данного тождества, *не отрицая* их; во втором — отрицают возникновение различий в пределах тождества, т. е. *абсолютизируют* последнее.

Энгельс писал: «*Абстрактное тождество*... неприменимо в органической природе... Но уже в неорганической природе тождество как таковое в действительности не существует. Каждое тело беспрерывно подвержено механическим, физическим, химическим воздействиям, которые все время производят в нем изменения, модифицируют его тождество. Абстрактное тождество и его противоположность по отношению к различию уместны только в математике — абстрактной науке, занимающейся умственными построениями, хотя бы и являющимися отражениями реальности,— причем и здесь оно постоянно снимается» [4].

Различие между формальной логикой и метафизикой особенно ясно выступает в том, что первая отвлекается от развития и изменения форм мышления, а вторая отрицает изменение и развитие не только форм мышления, но и вещей внешнего мира, т. е. материальных объектов. Это обстоятельство весьма важно учитывать при критике позитивизма и неопозитивизма. «*Принцип тождества* в старометафизическом смысле есть основной принцип старого мировоззрения: $a = a$,— писал Энгельс.— Каждая вещь равна самой себе. Все считалось постоянным — солнечная система, звезды, организмы. Естествознание опровергло этот принцип в каждом отдельном случае, шаг за шагом; но в области теории он все еще продолжает существовать, и приверженцы старого все еще противопоставляют его новому: «вещь не может быть одновременно сама собой и другой»» [5].

Энгельс показал далее, что абстрактное тождество, понимаемое не только в смысле формальнологического отвлечения от развития и изменения, но и в смысле метафизического их отрицания, может применяться в известных, строго ограниченных пределах без того, чтобы в этих пределах приводить к каким-либо заметным ошибкам. Это такие пределы, внутри которых сама вещь или соответствующая ей мысль, понятие реально остаются относительно неизменными, устойчивыми, не претерпевают заметных

---

[4] Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 168—169.
[5] Там же, стр. 170.

изменений и прежде всего не претерпевают качественных изменений, состоящих в переходе одной вещи в другую, одного понятия в другое.

«Как и все метафизические категории,— писал Энгельс, имея в виду также, очевидно, и категории формальной логики,— абстрактное тождество годится лишь для *домашнего* употребления, где мы имеем дело с небольшими масштабами или с короткими промежутками времени; границы, в рамках которых оно пригодно, различны почти для каждого случая и обусловливаются природой объекта... Но для обобщающего естествознания абстрактное тождество совершенно недостаточно даже в любой отдельной области, и хотя в общем и целом оно практически теперь устранено, но теоретически оно все еще властвует над умами...» [6].

Заметим, что здесь Энгельс не делает особого различия между формальной логикой и метафизикой. Поэтому он говорит про «метафизические категории», подразумевая также и формальнологические, и называет «абстрактное тождество», имея в виду также и «абсолютное тождество».

Диалектическое тождество, будучи конкретным, противостоит абстрактному тождеству формальной логики, и, будучи относительным, противостоит абсолютному тождеству метафизики. Оно не только не отрицает различий, постоянно возникающих внутри тождества в процессе изменения и развития вещей, но и не отвлекается от них, причем не только в случае развития вещей, но и в случае развития понятий о вещах. «... Если *все* развивается,— писал Ленин,— то относится ли сие к самым общим *понятиям* и *категориям* мышления? Если нет, значит, мышление не связано с бытием. Если да, значит, есть диалектика понятий и диалектика познания, имеющая объективное значение» [7].

Относительность тождества, понимаемая диалектически, означает, что тождество и различие составляют единство и одно не существует без другого. Более того, это означает, что одно существует в другом, одно переходит в другое. Энгельс отмечал, что тождество и различие, как и все главные противоположности, «если их рассматривать раздельно, превращаются друг в друга» [8]. Поэтому «эти

---

[6] Там же, стр. 170.
[7] В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 251.
[8] Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 170.

противоположности имеют лишь относительное значение» [9] и не представляют собой непреодолимых противоположностей, какими их представляет метафизика. Любая вещь в природе, живая и даже неживая, в силу происходящих в ней невидимых для глаза движений микроскопически малых частиц (молекул, атомов, электронов, внутриядерных частиц и т. д.) претерпевает в каждый момент времени те или иные изменения, следовательно, перестает быть равной самой себе, какой она была в предшествующее мгновение.

Например, человек с каждым новым ударом своего сердца, с каждым вздохом легких и т. д. претерпевает известные изменения своего тела, так что он уже не тождественен в абсолютном смысле слова тому человеку, каким он был перед этим ударом сердца или вздохом. Тем не менее вызванные указанными физиологическими явлениями изменения внутри тела человека настолько малы, что ими можно пренебречь, от них можно отвлечься и говорить о данном человеке так, как будто в нем вообще никаких изменений не произошло. Однако это допустимо лишь в строго определенных пределах. Если же совершающиеся весьма малые — каждое в отдельности — изменения суммируются, то рано или поздно наступает такой момент, когда подобное отвлечение становится уже недопустимым. Это относится и к тем изменениям, которые совершаются в духовной жизни человека, включая и его мышление.

«Чем больше развивается физиология,— писал Энгельс,— тем важнее становятся для нее эти непрерывные, бесконечно малые изменения, тем важнее, стало быть, становится для нее также и рассмотрение различия *внутри* тождества, и старая, абстрактно формальная точка зрения тождества, согласно которой органическое существо надо трактовать как нечто просто тождественное с собою, постоянное, оказывается устарелой» [10]. Энгельс называет фактом, доказанным наукой в подробностях, то, что «истинное, конкретное тождество содержит в себе различие, изменение», хотя «большинство естествоиспытателей все еще воображает, что тождество и различие являются непримири-

---

[9] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, стр. 368.

[10] Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 169.

римыми противоположностями, а не односторонними полюсами, которые представляют собою нечто истинное только в своем взаимодействии, во включении различия *в* тождество» [11].

Ленин, работая над гегелевской логикой, уделил много внимания закону тождества. Он подчеркивал гегелевскую мысль о том, что различие и тождество существуют во внутреннем единстве, образуя тем самым диалектическое противоречие. Составляя соотношение: «Тождество — различие — противоречие», Гегель связывал с различием, в частности, противоположность, а с противоречием — основание. При этом Гегель, как указывает Ленин, выяснял односторонность, неправильность «закона тождества» ($A = A$): «Если все тождественно с собой,— писал Гегель,— то оно не различно, не противоположно, не имеет основания» [12]. Но это не так: «Все вещи различны»,— отмечал он,— т. е. «A есть также не A» [13]. Однако, несмотря на это, обычное мышление ставит рядом тождество и различие, не понимая движения, перехода одного из этих определений в другое.

Далее Ленин выписывает из «Науки логики» Гегеля следующее место, подчеркивая в нем два очень важных выражения: «Поскольку они [сторонники закона тождества $A = A$ — *Б. К.*] держатся за это **неподвижное** тождество, имеющее свою противоположность в различии, то они не видят, что они тем самым обращают тождество в **одностороннюю** определенность, которая как таковая лишена истинности», или, другими словами, «содержит лишь *формальную, абстрактную,* неполную истину» [14].

Мы видим, что Энгельс и Ленин вполне сходятся в оценке закона тождества как формального, абстрактного, рассчитанного на то, чтобы элиминировать различие, тогда как в действительности различие органически включено в тождество, так что одно не существует без другого.

Даже само название «конкретное тождество», данное Энгельсом в противоположность «абстрактному тождеству» формальной логики и «абсолютному тождеству» метафизики, получает у Ленина прямое подтверждение в том, что

---

[11] Там же, стр. 170.
[12] В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 123.
[13] Там же.
[14] Там же.

Ленин по поводу гегелевского выражения «не абстрактное, мертвое, неподвижное, а конкретное»,— заметил: «Характерно! Дух и суть диалектики!» [15].

Вместе с тем и Энгельс и Ленин отмечают познавательное значение формальной логики, а значит и закона тождества, как предпосылки истинного, т. е. диалектического, мышления. Что касается Гегеля, то в ряде случаев у него обнаруживается явная недооценка этой существенной роли формальной логики в общей перспективе развития человеческого познания. В пылу полемики против нее Гегель сводил иногда закон тождества к «невыносимой пустоте» [16].

Анализ проблемы тождества объясняет, почему и в диалектической логике на первое место выдвигается именно та форма основного закона мышления, которая касается вопроса о тождестве. Как мы видели, идея абстрактного тождества в формальной логике является исходным положением, придерживаясь которого формальная логика может сразу же удалить из поля зрения, элиминировать процессы изменения и развития форм мышления (например, понятий). Ибо все, что при любых обстоятельствах остается тождественным самому себе, должно быть свободным от всяких изменений, от всяких различий, возникающих внутри тождества в процессе изменения.

Преодолевая ограниченность и абстрактность формальной логики, диалектическая логика, естественно, должна начинать с преодоления абстрактной односторонности того именно общего положения, которым, как исходным, руководствуется в своих построениях формальная логика. Чтобы расчистить путь для проникновения идеи развития в учение о мышлении, о его законах и формах, необходимо показать ограниченность и недостаточность положения об абстрактном тождестве. Этого можно достигнуть с помощью одного только способа, а именно, через раскрытие конкретного тождества, представляющего собой диалектическое единство и взаимопроникновение тождества и различия.

Таким образом, если принцип абстрактного тождества есть первая и общая предпосылка для исключения идеи развития мышления из области логики (поскольку мысли объявляются равными себе), то принцип конкретного тож-

---

[15] В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 88.
[16] Там же, стр. 81.

дества есть столь же общая и первая предпосылка для включения этой идеи в область логики, т. е. для построения диалектической логики.

Итак, мы имеем три различных трактовки тождества: абстрактное тождество — в формальной логике, абсолютное тождество — в метафизике, конкретное или относительное тождество — в диалектике, в диалектической логике.

Последняя трактовка выражает собой закон развития, закон изменения в его применении к внешнему миру и к нашему мышлению. Он имеет два выражения, или два проявления. Первое касается того случая, когда различия, возникающие внутри тождества, еще не суммировались и не привели к образованию нового качества, не вызвали перехода одной вещи в другую, одного понятия в другое. Второе проявление закона конкретного, или относительного, тождества касается случая, когда суммирование постоянно возникающих различий внутри определенного тождества совершилось и когда вследствие этого происходит полное нарушение данного тождества, внутри которого возникали различия в процессе развития данной вещи или данного понятия.

Второй случай показывает, что закон тождества в диалектической логике предполагает признание не только относительности тождества, рассматриваемого в его единстве с различием, но и относительности определенных границ существования данного тождества, рассматриваемых в той же связи тождества и различия. Это означает, что в законе диалектического тождества конкретизируется применительно к предмету диалектической логики общий закон марксистской диалектики о переходе количественных изменений в качественные. В данной конкретной его форме закон гласит: в процессе изменения и развития в предмете или понятии, сохраняющем до известной границы свое относительное тождество с самим собой, возникают различия, приводящие к постоянному «снятию» абстрактного тождества изменяющегося предмета или понятия с самим собою; на определенной ступени развития постепенно возникавшие различия, накапливаясь, суммируются и вызывают полное нарушение сохранявшегося до тех пор относительного тождества вещи или понятия; в результате этого происходит скачок в ходе развития, перерыв постепенности, и тождество переходит в различие: данная вещь переходит в другую вещь, данное понятие — в другое понятие,

Это свидетельствует о том, что в области диалектической логики действуют те же общие законы диалектики, какие действуют в области естествознания и общественных наук. Но здесь они принимают особую специфическую форму, соответствующую специфике самого предмета диалектической логики, а именно специфике развивающегося познания, мышления.

Сами законы мышления выступают как отражение законов внешнего мира, соответственно тому, как мышление вообще есть лишь отражение природы и общества. Естествознание дает замечательные подтверждения этого. В биологии теория развития основана на том, что внутри тождества признается существование различий. Примером может служить наличие разновидностей одного и того же вида: представители одного вида тождественны (в относительном смысле) между собою, поскольку они принадлежат к одному виду, но в то же время, различаясь между собою, принадлежат к разным разновидностям. Но, как это отмечал Дарвин и его последователи (среди них особенно К. А. Тимирязев), разновидность есть зачинающийся вид: новые виды возникают и развиваются из разновидностей ранее существовавших видов. Таким образом, различия возникшие первоначально *внутри* прежнего вида, усиливаясь и накопляясь, приводят к нарушению исходного тождества в пределах данного вида и к выходу за его границы, т. е. к образованию нового вида.

Утверждение, что разновидность есть форма существования вида, не противоречит сказанному: оно выражает соотношение между видом и разновидностью как сосуществующими одновременно, тогда как признание, что разновидность есть зачинающийся вид, выражает соотношение между ними в историческом, так сказать, генетическом, а не только структурном разрезе.

В неорганической природе также можно найти соответствующие примеры. Долгое время каждый химический элемент рассматривался как состоящий из совершенно тождественных атомов, наделенных одинаковыми свойствами, в частности, одинаковой массой. Такой взгляд согласовывался с общим мнением о неизменности атомов, о их неспособности к развитию. В XX в. это ложное мнение было разрушено до основания, и периодический закон Менделеева выступил как закон развития вещества в неорганической природе. Внутри тождества атомов, прежде считавшемся

абсолютным, обнаружились в пределах одного и того же элемента различия в таких свойствах, как масса атомов, их стабильность или нестабильность (способность к радиоактивному распаду). Впоследствии были обнаружены различия даже в химических свойствах, особенно у легких элементов.

Например, у кислорода, всем атомам которого в XIX в. приписывалось одно и то же значение массы, или атомного веса (а именно 16), теперь обнаружились по крайней мере шесть разновидностей, или изотопов, с массой от 14 до 19 Из них только три изотопа (O^{16}, O^{17} и O^{18}) оказались стабильными, остальные же три — радиоактивными. Если рассматривать элемент (вид атомов) и его изотопы (разновидности) статически, т. е. только со структурной точки зрения, то можно сказать, что изотоп есть форма существования элемента, так как каждый элемент существует в виде одного или нескольких изотопов. Но если подойти к этому вопросу с исторической, генетической точки зрения, то окажется, что изотопы одного элемента выступают как своеобразные зародыши другого элемента, подобно тому, как в живой природе разновидность есть зачинающийся вид.

Если мы расположим в ряды (по величине атомных масс) изотопы углерода *C*, затем азота *N*, кислорода *O* и фтора *F*, то получим следующую картину (жирным шрифтом отмечены стабильные изотопы):

$$\begin{array}{cccccccc} \boldsymbol{C^{12}} & \boldsymbol{C^{13}} & C^{14} & C^{15} & & & & \\ N^{12} & N^{13} & \boldsymbol{N^{14}} & \boldsymbol{N^{15}} & N^{16} & N^{17} & & \\ & & O^{14} & O^{15} & \boldsymbol{O^{16}} & \boldsymbol{O^{17}} & \boldsymbol{O^{18}} & O^{19} \\ & & & & F^{17} & F^{18} & \boldsymbol{F^{19}} & \text{и. д,} \end{array}$$

Стрелки показывают, что по достижении известной границы количественные различия в значении массы у атомов вызывают полное нарушение ранее существовавшего относительного их тождества и переход к новому элементу, который образуется не из любых, а только из определенных изотопов (например, фтор образуется в данном случае только из изотопа кислорода O^{19}).

Познавательное значение закона абстрактного тождества, как и всей формальной логики, состоит в устранении

субъективного произвола из сферы мышления, в предупреждении ошибок, порождаемых этим произволом, в результате которого нарушается соответствие наших рассуждений действительности. Утверждая в общей, абстрактной форме, что $a = a$, формальная логика требует того, чтобы предмет нашего рассуждения не менялся произвольно в ходе этого рассуждения, чтобы одно понятие не подменялось и не смешивалось с другим. Никакая диалектика не может быть применена правильно, не может дать положительного результата, если будут допущены подобные ошибки.

Но формальная логика ничего не говорит о том, как следует поступать, если объективно происходит изменение предмета рассуждения в ходе самого рассуждения, когда применяемое нами понятие меняется, отражая этим изменчивость бытия, или когда одно понятие переходит в другое, отличное от него и даже противоположное ему. Такие вопросы уже не составляют предмета формальной логики, не входят в ее компетенцию, а потому не учитываются ею. Если она *запрещает* произвольное изменение предмета рассуждения, произвольную подмену и смешение понятий, то от действительного изменения предмета рассуждения и соответствующих понятий она *отвлекается*, абстрагируется, так как это составляет задачу высшей логики, а именно логики диалектической. Ей и передается исследование таких вопросов, остающихся открытыми до тех пор, пока мы находимся в сфере одной только формальной логики.

Закон тождества в формальной логике обеспечивает, таким образом, *элементарную определенность* мышления, изгоняя из мышления всякого рода двусмысленности, произвольные толкования, ведущие к софистике. Однако ошибочно полагать, будто всегда и при всех условиях всякая определенность мысли есть следствие применения одних только законов и правил формальной логики. Так можно думать, если принять плехановскую формулу о том, что предметом диалектики является движение, а предметом формальной логики — покой как момент или частный случай движения. Сопоставляя, по-плехановски, покой с определенностью результатов мышления, мы придем к ошибочному утверждению, будто всякая определенность мышления обязана применению лишь законов формальной логики, но не диалектики; последняя тем самым обрекает-

ся на одну чистую «текучесть» и неопределенность мышления.

Между тем, именно диалектическая логика в силу своего конкретного характера в несравненно большей степени, чем формальная, требует, чтобы решения любых вопросов были всегда определенны и конкретны (что зависит от их правильной постановки). Так, в частности, она требует, чтобы выдвигаемые в политике лозунги не были общи, абстрактны, неопределенны, а, напротив, всегда были конкретны, точно определены и соответствовали обстановке, времени и месту, в которых они выдвигаются. В заметке «Спорьте о тактике, но давайте ясные лозунги!» Ленин писал в 1905 году: «Но партия борющегося класса обязана при всех этих спорах не упускать из виду необходимости совершенно ясных, *не допускающих двух толкований,* ответов на конкретные вопросы нашего политического поведения: да или нет? делать ли нам теперь же, в данный момент, то-то или не делать?

Эти ясные ответы обязательны и для того, чтобы не преувеличивать, не запутывать разногласий, и для того, чтобы рабочий класс знал с полнейшей точностью, какие именно конкретные советы дают ему те или иные с.-д. в данный момент» [17]. Далее Ленин привел таблицу из 11 таких вопросов, на которые (за вычетом первых трех) меньшевистская «Искра» и большевистский «Пролетарий» давали прямо противоположные ответы, причем только лозунги «Пролетария» соответствовали требованиям диалектики, диалектической логики.

Как можно было бы вообще противопоставить революционную позицию оппортунистической, если бы диалектика, на которую полностью опирается первая позиция, исключала бы определенность даваемых ответов на актуальные политические вопросы современности?

Вместе с тем Ленин предупреждал против превращения выдвигаемых лозунгов в шаблон, в нечто окостеневшее; он указывал на то, что «всякий лозунг получает способность затвердевать больше, чем нужно» [18].

Различие диалектической (конкретной) логики и логики формальной (абстрактной) проявляется и в том, как трактуется ими самая определенность мысли. Диалектиче-

---

[17] В. И. Ленин. Сочинения, т. 9, стр. 237.
[18] В. И. Ленин. Сочинения, т. 28, стр. 203.

ская логика, диалектика эту определенность понимает как максимальное соответствие мысли объективным условиям, подтверждаемое глубочайшим анализом исторической обстановки, тогда как формальная логика, абстрагируясь от этого, понимает ее лишь как следствие простого соблюдения элементарного правила мышления $a = a$, т. е. как соблюдение предельно абстрактного требования не подменять тезиса. Поэтому ошибочно приписывать всю определенность мысли (так же, как и определенность решений и лозунгов) законам только одной формальной логики, для которой сама определенность мысли выступает чрезвычайно бедно, бессодержательно и чисто негативно.

Закон тождества в каждой из трех своих трактовок (формальнологической, диалектикологической и метафизической) тесно связан с законом противоречия как общей формой основного закона логики. Закон противоречия также выступает в трех различных трактовках в зависимости от того, имеем ли мы дело с формальной логикой, метафизикой или диалектикой (соответственно — диалектической логикой).

3. ОБЩАЯ ФОРМА ОСНОВНОГО ЗАКОНА. ЗАКОН ПРОТИВОРЕЧИЯ

Так называемый закон противоречия, или, точнее сказать, закон логического непротиворечия в формальной логике гласит, что две мысли, из которых одна утверждает что-то о данном предмете, а другая — отрицает это же самое о том же предмете, в одном и том же отношении, в одно и то же время, не могут быть обе истинными. Одна из них обязательно должна быть ложной. Положение a не может в одно и то же время, в одном и том отношении быть равным b и не быть равным b, т. е. быть одновременно и b и не-b.

Иногда этот закон формулируется таким образом: предмет не может обладать одновременно противоречивыми свойствами, признаками или состояниями. Но в такой формулировке данный закон неизбежно превращается в метафизическое отрицание объективных противоречий в природе и обществе, а также в нашем мышлении. С этой точки зрения должно отрицаться, например, объективное противоречие механического движения (перемещения), когда движущееся тело в один и тот же момент времени находит-

ся в данной точке пространства и не находится в ней, поскольку оно в ней не покоится, а перемещается через нее в процессе движения.

Характеризуя абстрактное тождество, Энгельс писал, что его формула $a = a$ имеет свою отрицательную форму: a не может в одно и то же время быть равно a и не равно a [19].

Отсюда вытекает формула формальнологического закона непротиворечия: a не есть не-a (или $a \neq$ не-a). Чаще встречается другая формулировка того же закона: два высказывания, из которых одно утверждает что-либо b о предмете a, другое же отрицает это в отношении того же предмета, не могут быть истинными одновременно.

Отсюда вытекает вторая формула это же закона формальной логики: недопустимы два высказывания — a есть b и a не есть b (или $a = b$ и $a \neq b$).

При этом подчеркивается, что нечто (b), например, признак, состояние и т. д., приписываемые предмету a или отрицаемые у него, должны рассматриваться в одно и то же время, в одном и том же отношении. Если признак или состояние берутся в разное время или в разных отношениях, а тем более по отношению к другому предмету, то на эти случаи закон непротиворечия не распространяется, так как тогда либо нарушается тождество предмета $a = a$ (предмет меняется), либо нарушается тождество признака $b = b$ (приписываемый признак оказывается не равным отрицательному признаку).

Анализируя содержание и применение данного закона формальной логики, можно обнаружить следующее. Подобно тому, как в случае тождества мы видели у формальной логики и у метафизики неодинаковое отношение к возникающим внутри тождества различиям, так и в случае противоречий, действующих во внешнем мире и в нашем мышлении, мы обнаруживаем два различных решения: одно, даваемое формальной логикой, другое, даваемое метафизикой. Первая, будучи абстрактной логикой, *отвлекается* от реальных, живых противоречий действительности, поскольку она отвлекается от самого процесса развития, изменения мышления. Вторая же вообще *отрицает* наличие внутренних противоречий как в природе и обществе, так и в нашем мышлении.

---

[19] См. Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 168.

Отвлечение формальной логики от реальных противоречий и их отрицание метафизикой есть следствие и выражение того, что первая отвлекается от развития, а вторая отрицает таковое. В самом деле, если мы захотим исследовать те или иные отношения вещей или понятия вне их развития, а тем более отрицая их развитие, их изменение, то нам неизбежно придется отвлекаться от внутреннего *источника* развития или же отрицать его существование вообще, если мы станем на позицию метафизики. Нельзя исследовать и учитывать живые, движущие противоречия, если мы заранее ограничим себя изучением вещей и понятий в их полном покое, в их неподвижности и неизменности. И наоборот: если мы наперед исключим, по тем или иным соображениям, живые противоречия из нашего рассмотрения, то вместе с ними мы исключим из поля нашего зрения и само развитие, поскольку невозможно рассматривать развитие при полном отвлечении от его движущей силы, от его источника.

Внутренних противоречий лишено только то, что неподвижно, мертво, т. е. все застывшее, покоящееся. То, что движется, живет — всегда полно противоречий, которые невозможно игнорировать при рассмотрении предмета или понятия в его движении, в его изменении.

Подобно тому, как метафизика распространяет абстрактное тождество также и на вещи, а формальная логика — только на понятия и вообще на формы мышления, так и в случае противоречия формальная логика лишь *отвлекается* от реальных, диалектических противоречий и их проявления в сфере нашего мышления, тогда как метафизика отрицает всякие противоречия вообще, не только в мышлении, но и в самой действительности.

Поскольку формальная логика отвлекается от реальных противоречий, заранее исключая их из своего исследования, постольку единственными противоречиями, с которыми она может иметь дело, оказываются так называемые «логические противоречия», т. е. *логические ошибки,* возникающие по причинам субъективного порядка и привносимые нами в ход наших рассуждений. Это противоречия человека с самим собой, которые не отражают никаких реальных противоречий, а являются следствием лишь неправильности, нелогичности нашего мышления.

Разумеется, *такие* противоречия не имеют ничего общего с диалектическими противоречиями, и формальная ло-

гика поступает совершенно правильно, категорически запрещая их и возводя такое запрещение даже в особый закон. Но это запрещение противоречий формальной логикой не имеет ничего общего с отрицанием метафизикой реальных противоречий в самой действительности. Формальная логика отвлекается от реальных, существующих объективно противоречий и запрещает противоречия, возникающие субъективно, в силу ошибочности, нелогичности мышления отдельных людей, как не соответствующие объективной действительности.

Диалектика, диалектическая логика, изучая развитие мышления, отражающее развитие объективного мира, учитывает реальные противоречия, действующие как во внешнем мире, так и в отражающем его мышлении человека. Эти реальные противоречия, составляя источник всякого развития, представляют для диалектической логики особый, можно сказать, исключительный интерес.

Самое существо диалектики Ленин определял как учение о противоречиях. «*Диалектика* есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) *тождественными противоположности*,— при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга,— почему ум человека не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую» [20]. Далее Ленин резюмировал: «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его... есть *суть*... диалектики» [21].

Мысль человека переходит от непосредственных явлений, от их поверхности к изучению их сущности, проникая в их глубинные отношения. Этот переход совершается во всякой науке, когда от эмпирических данных познание движется к их теоретическому обобщению, к раскрытию законов изучаемых явлений. Но в основе любой сущности лежат объективные противоречия, составляющие источник развития всех вещей и явлений мира. Поэтому проникновение в сущность обязательно сопровождается раскрытием внутренних противоречий.

Внешне эти противоречия выражаются в той же форме, что и противоречия, запрещаемые формальной логикой (противоречия вымышленные, нереальные). Их можно выразить двумя формулами, о которых говорилось выше:

[20] В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 97—98.
[21] Там же, стр. 357.

1) a = не-a и 2) одновременное совмещение двух взаимоисключающих отношений $a = b$ и $a \neq b$. Поэтому с чисто формальной стороны, если ограничиться лишь анализом формулы его выражения, невозможно определить, о каком противоречии идет в том или ином случае речь: о реальном, существующем в самой действительности и отраженном наукой в логической форме, или же о вымышленном противоречии, которое не существует в самой действительности и которое должно быть исключено из сферы мышления и не должно смешиваться с противоречием первого рода.

На это обстоятельство обращал особое внимание Ленин, требуя ясного и четкого разграничения противоречий того и другого рода. Он указывал, что смешение реальных противоречий, подлежащих обязательному учету и изучению, со словесными или «логическими» противоречиями, которые должны категорически изгоняться из мышления, есть методологическая основа излюбленных аргументов врагов диалектики, диалектической логики. В статье «Об отношении рабочей партии к религии» Ленин писал: «Подобное возражение принадлежит к числу ходячих возражений против марксизма, свидетельствующих о полном непонимании марксовой диалектики. Противоречие, смущающее тех, кто возражает подобным образом, есть живое противоречие живой жизни, т. е. диалектическое, не словесное, не выдуманное противоречие» [22].

Необходимость различения живых, реальных, диалектических противоречий и противоречий словесных, выдуманных, «логических», составляет одно из важнейших положений марксистско-ленинской диалектики, диалектической логики. Ленин много раз возвращался к этому вопросу, видя в нем тот пункт, который, в частности, отделяет позицию революционного марксизма от позиции измены марксизму. Так, в отношении одного ренегата «из марксистов» Ленин писал, что этот ренегат, наверное, усмотрит вопиющее противоречие в следующем утверждении: с одной стороны признавать капиталистическое развитие России, а следовательно, имманентную тенденцию этого развития к максимально полному и максимально чистому господству буржуазии и в экономической, и в политической сфере, а с другой стороны, объявлять уже неспо-

[22] В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 375.

собной к самостоятельному, творческому историческому действию либеральную буржуазию.

«„Противоречие“ это,— отмечал Ленин, ставя слово противоречие в кавычки,— есть противоречие живой жизни, а не противоречие неправильного рассуждения» [23]. По такому же поводу Ленин говорил на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию: «Спрашивается, впали ли мы в противоречие с собой, когда звали трудящихся на революцию, обещав им мир, а привели к походу всего цивилизованного мира против слабой, усталой, отсталой, разбитой России, или впали в противоречие с элементарными понятиями демократии и социализма те, кто имеет наглость бросать нам подобный упрек? Вот вопрос» [24]. Ленин, анализируя позицию большевиков, подробно разъясняет их отношение к империалистической и гражданской войне, показывая на исторических примерах, что никакого противоречия «с собой» у большевиков нет, что о таком «противоречии» может твердить только совершенно невежественный человек или же враг, маскирующийся под социалиста и демократа. Но именно в этом случае у самого врага обнаруживается явное противоречие: он объявляет себя защитником демократии и социализма, а сам на деле ведет себя как злейший враг и демократии и социализма. Это противоречие он пытается скрыть, бросая большевикам обвинение: «Вы обещали мир и вызвали войну». При этом умышленно спутываются два понятия: война империалистическая, против которой боролись всегда большевики, и война революционная, которую вынужден вести российский пролетариат для защиты своих завоеваний от напавшего на него международного империализма вкупе с русской контрреволюцией. «И поэтому мы говорим: — заключает Ленин,— всякий, кто претендует на звание демократа или социалиста каких угодно оттенков и так или иначе, прямо или косвенно, пускает в народ обвинения в том, что большевики затягивают гражданскую войну, войну тяжелую, войну мучительную, тогда как они обещали мир,— есть сторонник буржуазии...» [25].

Решительно отвергая выдвинутое против большевиков обвинение в том, что они противоречат сами себе, Ленин

[23] В. И. Ленин. Сочинения, т. 17, стр. 76.
[24] В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, стр. 313.
[25] Там же, стр. 315—316.

вскрывает наличие таких субъективных противоречий у самих врагов пролетарской революции.

Ошибочно полагать, будто признание объективных, реальных противоречий в самой действительности в какой-либо степени влечет за собой допущение субъективных противоречий, являющихся результатом нарушения законов формальной логики. В работе «О карикатуре на марксизм» Ленин подчеркивал, что ««логической противоречивости»,— при условии, конечно, правильного логического мышления,— не должно быть *ни* в экономическом *ни* в политическом анализе» [26].

Наличие такой «противоречивости» свидетельствует, как показывает Ленин, отнюдь не о диалектичности мышления, а лишь о том, что оно элементарно нелогично. Например, в статье «Итоги дискуссии о самоопределении» Ленин критикует за наличие такой именно «логической противоречивости» утверждения польских социал-демократов, которые запутались в ряде противоречий. «...Как же можно,— спрашивает, в частности, Ленин,— с одной стороны, объявлять национальные войны „в эру империализма“ *невозможными,* а с другой стороны, выдвигать „опасность“ национальных войн? Это не логично» [27].

Резкое разграничение обоих родов противоречий проводится Лениным и в других работах [28]. Это делается именно потому, что, имея внешне одинаковую формулировку, оба рода противоречий могут быть смешаны друг с другом, если подходить к ним лишь с формальной стороны и не вдаваться в существо дела. Между тем диалектическая логика требует прежде всего содержательного анализа, раскрытия существа дела и не допускает ограничения одной лишь формальной стороной. В труде «Развитие капитализма в России» Ленин раскритиковал поверхностную точку зрения буржуазных теоретиков-экономистов на процесс воспроизводства общественного продукта в капиталистическом хозяйстве. Необходимость такой критики объяснялась и тем, что для правильного понимания существа данного процесса необходимо было вскрыть реальное, диалектическое противоречие, которое буржуазным теоретикам понять было не под силу: стоя на чисто формальной

---

[26] В. И. Ленин. Сочинения, т. 23, стр. 29.
[27] В. И. Ленин. Сочинения, т. 22, стр. 321.
[28] В. И. Ленин. Сочинения, т. 23, стр. 35.

точке зрения, они не видели разницы между противоречиями реальными и вымышленными и сводили все противоречия к противоречиям в учении, во взглядах, в доктрине. Наличие противоречий *любого* рода для подобных «теоретиков» служило свидетельством порочности, логической несостоятельности данного учения, взгляда, доктрины. Вскрывая эту путаницу, это смешение объективного с субъективным у буржуазных ученых, Ленин писал: «Развитие производства (а, следовательно, и внутреннего рынка) преимущественно на счет средств производства кажется парадоксальным и представляет из себя, несомненно, противоречие. Это — настоящее «производство для производства» — расширение производства без соответствующего расширения потребления. Но это — противоречие не доктрины, а действительной жизни; это — именно такое противоречие, которое соответствует самой природе капитализма и остальным противоречиям этой системы общественного хозяйства. Именно это расширение производства без соответствующего расширения потребления и соответствует исторической миссии капитализма и его специфической общественной структуре...» [29].

Формальная логика, абстрагируясь от всех противоречий, как субъективных, так и объективных, в силу этого не в состоянии объяснить реальные противоречия, присущие самой действительности. Она их не отрицает, но она их обходит, мысленно элиминирует, не имея в своем распоряжении приемов и способов для их раскрытия и изучения. Единственно, что она говорит в отношении противоречий, так это то, что их не должно быть в мышлении. Вскрывая противоречие в политической позиции русской либеральной буржуазии, Ленин констатировал: «Это противоречие необъяснимо с точки зрения простой формальной логики. Но его вполне объясняет логика классовых интересов буржуазии. Буржуазия боится полной свободы, полного демократизма, ибо она знает, что сознательный, т. е. социалистический, пролетариат воспользуется свободой для борьбы против господства капитала. Буржуазия хочет поэтому, в сущности, не полной свободы, не полного самодержавия народа, а сделки с реакцией, сделки с самодержавием... Противоречивое классовое положение буржуазии между самодержавием и пролетариатом неизбежно порождает,

[29] В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 34.

независимо даже от воли и сознания тех или иных отдельных лиц, бессмысленные и нелепые формулы «соглашения»» [30].

В статье «Разногласия в европейском рабочем движении» Ленин вскрыл и другие противоречия, присущие буржуазии и ее классовому положению в современном обществе. При этом Ленин снова подчеркнул, что противоречивость тактики буржуазии есть следствие не личных мотивов ее представителей, а объективных обстоятельств ее собственного положения. Ленин писал: «Буржуазия переходит от одного метода к другому не по злостному расчету отдельных лиц и не по случайности, а в силу коренной противоречивости ее собственного положения» [31].

Раскрывая природу этих противоречий, Ленин указывал, что нормальное капиталистическое общество не может успешно развиваться без известных политических прав населения; с этим связано и требование известного минимума культурности населения, порождаемое условиями самого капиталистического способа производства с его высокой техникой, гибкостью, быстротой развития всемирной конкуренции и т. д. Отсюда проистекают «колебания в тактике буржуазии, переходы от системы насилия к системе якобы уступок...» [32].

Прослеживая в той же работе «диалектический характер общественного развития, идущего в противоречиях и путем противоречий», Ленин подчеркивал общественный характер этих противоречий. «Капитализм,— писал Ленин,— прогрессивен, ибо уничтожает старые способы производства и развивает производительные силы, и в то же время, на известной ступени развития, он задерживает рост производительных сил. Он развивает, организует, дисциплинирует рабочих,— и он давит, угнетает, ведет к вырождению, нищете и т. д. Капитализм сам создает своего могильщика, сам творит элементы нового строя, и в то же время, без „скачка“, эти отдельные элементы ничего не изменяют в общем положении вещей, не затрагивают господства капитала. Эти противоречия живой жизни, живой истории капитализма и рабочего движения умеет охватить марксизм, как теория диалектического материализма» [33].

---

[30] В. И. Ленин. Сочинения, т. 10, стр. 46.
[31] В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 320.
[32] Там же, стр. 320—321.
[33] Там же, стр. 318.

Формальная логика не в силах объяснить *такие* противоречия; для нее все противоречия одинаковы, и она их берет — без разбора и анализа — за общие скобки. Только диалектическая логика, различающая противоречия объективные, реальные и субъективные, вымышленные и проникающая своим теоретическим анализом в самую сущность наблюдаемых явлений, может сделать то, что не по силам формальной логике и не соответствует ее задачам.

Проведенный выше анализ позволяет решить с точки зрения диалектической логики вопрос о том, какие противоречия допустимы, а какие нет. Этот вопрос явился камнем преткновения для ряда логиков, которые усмотрели в признании диалектических противоречий в мышлении нарушение требований формальной логики и на этом основании пришли к отрицанию самой диалектической логики.

Формальная логика, отвлекаясь от развития нашего мышления, тем самым отвлекается и от реальных противоречий, отражаемых мышлением. Отвлекаясь от них, она запрещает всякие *иные* противоречия, возникающие в случае логической ошибки, когда человек противоречит самому себе. Но если бы даже формальная логика решила не отвлекаться от реальных противоречий и каким-то образом учитывать их, то все равно она оказалась бы бессильной перед лицом такой задачи, так как органически не способна отразить *единство* противоположностей, их внутреннюю взаимосвязь. Самое большее, что она может дать, это чисто внешнее рассмотрение двух внешне соположенных сторон противоречия, механически расчлененного на противоположные части. При этом формальная логика не может выяснить, как действительно совмещаются и взаимопроникают друг в друга обе противоположности; она абсолютно неприспособлена к рассмотрению таких задач, от них она может только отвлекаться.

Здесь мы сталкиваемся с обстоятельством, которое нельзя упускать из виду при рассмотрении вопросов логики: чисто формальный подход, основанный на учете лишь голых формул, выражающих то или иное положение, еще не обеспечивает выяснения самого главного в разбираемом вопросе — его существа. Для этого необходим содержательный анализ, который может дать только диалектическая логика. В самом деле: формальная логика *запрещает* противоречия в мышлении, причем противоречия она представляет в виде определенных формул. Диалектическая

логика, напротив, не только допускает существование противоречий, но обязывает при всех условиях изучать их, пользуясь для их выражения теми же формулами, какими пользуется и формальная логика. Закон противоречия в диалектической логике как раз и гласит, что реальное противоречие должно быть отражено в мышлении в форме признания единства *а* и не-*а* (каждая вещь и есть *а* и в то же время не есть *а*; иначе говоря, она есть и *а* и не-*а* одновременно). Вещь *а* может одновременно и обладать и не обладать данным свойством, признаком, состоянием *b*; иначе говоря, она в одно и то же время в одном и том же отношении и есть *b* и не есть *b* (или: есть и *b* и не-*b* одновременно).

Содержательный анализ показывает, однако, что формальная логика запрещает одни (а именно «логические», субъективные) противоречия, а диалектическая логика учитывает совершенно *другие* противоречия (реальные, живые), причем и те и другие возникают именно в нашем мышлении: первые — в результате элементарной логической ошибки, вторые — в результате отражения самой действительности. Очевидно, что без содержательного анализа, т. е. без диалектической логики, невозможно правильно решить вопрос о допустимости противоречий в мышлении.

Закон противоречия является главным в диалектической логике. Остальные ее законы суть лишь его развитие и детализация, как это мы уже видели на примере закона конкретного тождества. Отмечая последний как частный случай проявления общего закона противоречия, Ленин выделил соответствующие места из гегелевской «Логики» и подчеркнул их: «**Абстрактное** тождество с собой еще **не есть жизненность**, но так как положительное в себе самом есть отрицательность, то тем самым оно выходит вне себя и **вызывает свое изменение.** Таким образом нечто жизненно, лишь поскольку оно содержит в себе противоречие и есть именно та сила, которая в состоянии вмещать в себе и выдерживать это противоречие. Если же нечто существующее не в состоянии в своем положительном определении вместе с тем перейти в свое отрицательное и удержать одно в другом, если оно неспособно иметь в самом себе противоречие, то это нечто не есть живое единство, не есть основание, но в противоречии идет к гибели» [34].

[34] В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 129—130.

Формулы выражения противоречия в диалектике и формальной логике, будучи с внешней стороны сходны между собой, имеют то существенное различие, что в диалектике учитываются не субъективные, а объективные, реальные противоречия. Соответственно этому закон противоречия в диалектике гласит: a = не-a или иначе: $a = b$ и одновременно a = не-b (или $a \neq b$). Это есть формулировка источника всякого развития, «само» движения всего сущего. Там, где развитие отрицается (метафизика) или не учитывается (формальная логика), не может признаваться и этот закон. Поэтому, формальная логика дает своему основному закону, соответствующему закону противоречия в диалектической логике, прямо противоположную формулировку, выражающую этот закон как закон *непротиворечия.*

Почему же формальная логика вводит особый закон, запрещающий противоречия в мышлении? Формально логическое мышление, как уже говорилось выше, это подготовка и предпосылка диалектического мышления, т. е. мышления, достигающего полного истинного знания. Если бы не было предварительной фильтрации всего мыслительного материала в целях отделения вообще всех противоречий с помощью того познавательного «сита», которым служит формальная логика с ее законом непротиворечия, то в сферу нашего внимания попадали бы сразу различные по своему гносеологическому характеру противоречия. Не имея средства отделять объективные противоречия от субъективных, мы не располагали бы с самого начала такими данными, о которых было бы достоверно известно, что они носят безусловно объективный характер и во всяком случае свободны от субъективных, произвольных противоречий. Начиная любое исследование, мы сразу же сталкивались бы с обоими видами противоречий: во-первых, с противоречиями объективными, существующими в самой действительности и лишь отражаемыми в нашем мышлении, и, во-вторых, с противоречиями субъективными, существующими лишь в нашем мышлении и не имеющими реального содержания.

Формальная логика как раз выполняет роль того «сита», через которое предварительно «пропускаются» наши мысли, могущие содержать оба рода противоречий. С помощью формальной логики из сферы нашего мышления временно устраняются *всякие* противоречия. Оставшиеся

после этого данные, хотя и являются заведомо неполными, но зато носят строго объективный характер, и поэтому должны изучаться подобно тому, как изучается все реальное, действительно существующее. В результате такой «фильтрации» из нашего мышления устраняются во всяком случае все субъективные противоречия, как недопустимые, произвольные. Короче говоря, для того чтобы избежать субъективных противоречий, формальная логика условно запрещает всякие противоречия в мышлении.

После осуществления этой формальнологической процедуры наше мышление, сталкиваясь с реальными противоречиями, вынуждено их изучать, но, конечно, так, чтобы не принять за реальное нечто вымышленное, несуществующее в самой действительности. Но здесь формальная логика ничем не может помочь. Выполняя функцию своеобразного познавательного «сепаратора», отделяющего определенную часть мыслительного материала, имеющего объективный характер, от остального материала, в том числе и от возможных примесей, субъективно привнесенного в виде логических противоречий, она на этом и заканчивает свою роль в качестве логической пропедевтики. Сама она никак не приспособлена к тому, чтобы выделенный и очищенный ею, а тем более отсеянный ею материал познания анализировать по существу. Это целиком входит в задачу диалектической логики, которая раскрывает, каким образом наше мышление может и должно отражать реальные, живые противоречия, отделяя их от субъективных, вымышленных, абсурдных.

Весь мыслительный материал после того, как он прошел через познавательное «сито» формальной логики, оказывается разделенным, грубо говоря, на две части.

Первую его часть составляет то, что́ удержало в себе «сито» формальной логики. Это — достоверно установленные и непротиворечивым образом констатируемые *факты*. Эти факты, как часть самой действительности, как зерна абсолютной истины, служат исходным материалом для дальнейшей работы человеческой мысли, которая находит внутреннюю связь между этими фактами, объясняет их смысл и значение. Для решения этой более сложной задачи приемы формальной логики оказываются уже недостаточными; они способны лишь подготовить исходный материал для его дальнейшей теоретической обработки, которая в основном выполняется уже с помощью диалектической логики.

Таким образом, речь здесь идет о первой ступени познания. Энгельс указывал, что в любой научной области «надо исходить из данных нам *фактов*» и что, следовательно, «нельзя конструировать связей и вносить их в факты, а надо извлекать их из фактов и, найдя, доказывать их, насколько это возможно, опытным путем» [35].

При этом выясняется также и то, какие данные, принятые сначала за твердо установленные факты, в действительности оказываются не фактами, а результатом неверных наблюдений или ошибочных умозаключений. Например, Д. И. Менделеев писал: «Если бы не было указаний периодической законности, так бы и считалось долго, что галлий имеет удельный вес 4,7, как было определено сперва, потому что ничто бы не указывало на неверность определения, ничто не побуждало проверять трудное получение и выделение галлия. Закон природы здесь, как и в массе иных случаев, указывает неверность, нередко существующую в „фактах“, которые, в сущности, такие же „сделанные“ (от factum est) данные, как и законы природы» [36].

Но это уже осуществляется не элементарными приемами формальной логики, а более сложными научными приемами, которыми оперирует диалектическая логика.

Некритическое принятие всего, что выдается за факт, при неумении теоретически осмыслить самый этот факт Менделеев характеризовал как такой прием, при котором приходится «итти ощупью, покоряться факту, а не обладать им...» [37]. Таким образом, в ходе научного познания осуществляется не только построение здания теории на фундаменте уже установленных фактов, но и критическая проверка и переоценка самих этих фактов с точки зрения сделанных на их основе теоретических выводов и обобщений. Выработкой приемов, решающих эту задачу, занимается диалектическая логика.

Вторую часть мыслительного материала образует то, что было отсеяно познавательным «ситом» формальной логики. Эта часть включает в себя как верное, так и неверное, т. е. все то, что не подошло под формальные требова-

---

[35] Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 26.

[36] Д. Менделеев. Периодический закон. М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 262 (примечание).

[37] Там же, стр. 227.

ния в силу своей изменчивости, текучести, гибкости, противоречивости. Дальнейший анализ этого отсеянного и временно отложенного мыслительного материала берет на себя диалектическая логика. Его разбор является необходимым моментом анализа и первой части мыслительного материала, так как проникновение в его внутреннюю сущность невозможно без учета и разбора всего того, что отсеяло познавательное «сито» формальной логики. Чтобы раскрыть сущность явлений и фактов, необходимо понять их как единство противоположностей, как нечто внутренне противоречивое, а это означает, что дальнейший анализ первой части мыслительного материала, прошедшего предварительное «сепарирование», неразрывно связан с анализом второй его части. Вернее сказать, анализ второй его части как раз и является дальнейшим анализом его первой части,— что составляет, по сути дела, один и тот же познавательный процесс.

В анализе второй части мыслительного материала, прошедшего предварительное «сепарирование», первой операцией, без которой нельзя двинуться вперед, является отделение реальных противоречий от вымышленных. Такое дальнейшее «сепарирование» осуществляет уже диалектическая логика присущими ей приемами и способами.

Но этим функции диалектической логики далеко не исчерпываются. Признания того, что отражение реальных противоречий в нашем мышлении само не должно содержать субъективных противоречий, т. е. не должно расходиться с действительностью, недостаточно еще для того, чтобы понять, каким образом реальное противоречие отражается логически в нашем мышлении. Такое негативное признание есть не более, чем указание на то, чего не нужно допускать в область мышления при отражении в нем реальных противоречий. Но уже в формальной логике известно, что отрицательное определение вообще не есть определение. Поэтому и в данном случае требуется уточнение, и диалектическая логика дает его в ясно выраженной положительной форме. Реальное противоречие может и должно быть отражено в нашем мышлении только в логически адекватной форме, т. е. в форме диалектического противоречия (a = не-a), существующего в нашем мышлении именно как противоречие, в частности, как совмещение двух противоречивых суждений. Например, нечто является одновременно в одном и том же отноше-

нии *и* прерывным *и* непрерывным, или — *и* необходимым *и* случайным и т. д. Это конкретные примеры реально существующего единства противоположностей, отраженного в нашем мышлении в форме диалектических противоречий.

То, что было сказано выше по поводу познавательного «сита» формальной логики и «сепарирования» мыслительного материала есть лишь условный образ, который позволяет наглядно представить себе «механизм» действия познавательных приемов, направленных на отделение объективного от субъективно привнесенного, текучего от относительно постоянного, противоречивого от лишенного всяких противоречий и т. д. Сказанное о «сите» и «сепарировании» не следует понимать буквально, словно в действительности существуют какие-то резко разграниченные познавательные области, на которые всегда и именно в такой последовательности делится весь мыслительный материал. Это — только образ, позволяющий уяснить познавательное значение формальной логики в ее соотношении с диалектической логикой.

Выше мы столкнулись с двумя совершенно неодинаковыми понятиями непротиворечивости. Они столь же различны между собой, как и понятия реального противоречия и «логического» противоречия. Обычно, говоря о внутренне непротиворечивой теории или аргументации, имеют в виду отсутствие в них логического противоречия, когда их автор или защитник, противореча самому себе, в одном месте говорит то, что сам же опровергает в другом месте. В этом случае выдвигаемое положение оказывается, конечно, логически несостоятельным. Следовательно, здесь подразумевается «логическая непротиворечивость» в обычном формальнологическом смысле.

Иначе обстоит дело в случае отражения реального противоречия. Если то же самое формальнологическое требование «непротиворечивости», которое имеет силу только в смысле недопущения субъективных противоречий, применять здесь в *ином* смысле, в смысле недопущения *никаких* противоречий *вообще*, то неизбежен переход на позиции метафизики, отрицающей реальность противоречий и, во всяком случае, возможность их адекватного отражения в мышлении в форме противоречий. Поэтому диалектическая логика, полностью поддерживая требование о недопустимости «логических противоречий», со

своей стороны выдвигает требование об отражении в мышлении реальных противоречий в адекватной форме диалектических противоречий, следовательно, *противоречивым* (в диалектическом понимании) способом. Таким образом, диалектика мышления адекватно отражает реальные противоречия действительности, отражает их в противоречивой форме, но «логически непротиворечиво».

Никаких недоразумений и никакой путаницы здесь не может возникнуть, если при употреблении одинаковых слов, имеющих разное значение, каждый раз точно устанавливать, какой смысл в них вкладывается. Лучше всего указанные слова — противоречивость и непротиворечивость — ставить в кавычки, когда они употребляются в формальнологическом смысле (как это делал Ленин), и без кавычек, когда учитываются реальные процессы, отражаемые с помощью приемов диалектической логики.

Разумеется, никаких особых, новых, якобы «чисто диалектических» форм мышления вовсе не требуется выдумывать для того, чтобы с их помощью можно было бы отражать диалектические противоречия действительности. Для отражения их в мышлении, равно как и вообще для разработки всей диалектической логики, исходными являются те формы мышления (понятия, суждения, умозаключения), с которыми имеет дело формальная логика. Ленин показал, что даже самые простые элементарные высказывания, вроде «Жучка есть собака» содержат в себе все элементы диалектики, следовательно, для раскрытия ее элементов, т. е. для обоснования самой диалектической логики, требуется брать те формы, которыми оперирует и формальная логика. Суть заключена в отличном от формальной логики *подходе* к этим формам: диалектика обнаруживает и прослеживает скрытые в этих формах диалектические противоречия, от которых абстрагируется формальная логика.

Сопоставляя различные трактовки основного закона мышления в формальной логике, метафизике и диалектической логике, можно прийти к следующим его формулировкам:

1) закон субъективного непротиворечия — в формальной логике, которая отвлекается от реальных противоречий и запрещает «логические» противоречия,

2) закон абсолютного непротиворечия — в метафизике, которая вообще отрицает всякие противоречия,

3) закон объективного противоречия — в диалектической логике, которая признает реальные противоречия и их адекватное отражение в нашем мышлении.

Что касается софистики, то произвольным нарушением требований и правил формальной логики она создает искусственные противоречия и оперирует ими так, как если бы это были реальные противоречия. Это означает, что софистика допускает любые произвольные, субъективные противоречия, занимаясь словесной игрой в противоречия. Учитывая все сказанное выше относительно основного закона мышления, можно составить следующую схему:

Противоречия	запрещаются:	допускаются:
объективные, отражаемые в мышлении,	*метафизика*;	*диалектическая логика*;
субъективные	*формальная логика*	*софистика.*

Сопоставить различные трактовки закона противоречия целесообразно и с точки зрения того, допускается или нет смешение объективных противоречий с субъективными. Ни формальная логика, ни, тем более, диалектическая логика этого категорически не допускают. Напротив, метафизика и софистика, решая по-разному вопрос о своем

Тезис	распространяется только на соответствующую группу противоречий, которая в принципе не отождествляется с другой группой, отличной от нее по гносеологическому признаку (как объективное от субъективного):	распространяется на все противоречия вообще при отождествлении объективных с субъективными:
о противоречивости	*диалектическая логика;*	*софистика;*
о непротиворечивости	*формальная логика;*	*метафизика.*

отношении к противоречиям, исходят из смешения тех и других противоречий между собой: если при этом (на том основании, что запрещены «логические противоречия») запрещаются всякие, следовательно, и объективные противоречия, то мы приходим к метафизике; если же (на том основании, что допускаются объективные противоречия) допускаются, под видом «диалектики», и субъективные противоречия, мы приходим к софистике. Это показано на схеме (см. стр. 171).

Переход формальной логики в метафизику совершается тогда, когда допускается запрещение объективных противоречий на том основании, что запрещены противоречия «логические», субъективные. Это есть абсолютизация формальной логики, ее распространение на ту область знания, для которой она не приспособлена и на которую она не рассчитана. То же самое происходит и тогда, когда смешиваются субъективные противоречия с объективными и совершается подмена одних другими. В обоих случаях — а они суть различные варианты одной и той же логической ошибки — формальная логика превращается в метафизику и приходит в противоречие с действительностью; между тем весь арсенал формальной логики предназначен для предупреждения таких логических ошибок и противоречий в мышлении.

Аналогичным образом диалектика и диалектическая логика переходят в софистику, как только их положения и законы начинают трактовать субъективистски. Этому способствуют классовые тенденции в мировоззрении человека, совершающего такую ошибку. Так, Маркс писал о Прудоне: «Прудон по натуре был склонен к диалектике. Но так как он никогда не понимал подлинно научной диалектики, то он не пошел дальше софистики. В действительности это было связано с его мелкобуржуазной точкой зрения. Мелкий буржуа... составлен из «с одной стороны» и «с другой стороны»... Он — воплощенное противоречие. А если при этом, подобно Прудону, он человек остроумный, то он быстро привыкает жонглировать своими собственными противоречиями и превращать их, смотря по обстоятельствам, в неожиданные, кричащие, подчас скандальные, подчас блестящие парадоксы» [38].

---

[38] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, стр. 354.

Такова по своему характеру всякая софистика; она подменяет объективную диалектику, отражаемую в нашем мышлении, игрой в субъективные противоречия, занимается подменой противоположных понятий и т. п. Это составляет излюбленный логический прием всякого ревизионизма, в том числе и современного. Недаром Маркс подчеркивал, что с софистическим подходом неразрывно связаны шарлатанство в науке и политическое приспособленчество [39].

Но, разумеется, формальная логика не может служить средством борьбы против софистики и метафизики, так как она не в силах решить и даже ясно поставить логические вопросы с их гносеологической стороны и выяснить, когда речь идет об объективных противоречиях, а когда — о субъективных. Единственно надежным оружием против софистики и метафизики, испытанным в длительной борьбе со всякими отступлениями от истины, служит диалектическая логика, которая в корне противоположна любой метафизике и любой софистике. Только она позволяет находить правильное решение тех вопросов, которые оказались запутанными и извращенными софистикой или метафизикой. Обладая, в отличие от формальной логики, средствами содержательного анализа, диалектическая логика может достичь того, чего формальная логика из-за своего абстрактного, формального характера никогда не смогла бы достичь. Без тщательного и всестороннего содержательного анализа невозможно доказать ложность и несостоятельность ни софистики, ни метафизики, вскрыть общий источник совершаемых ими искажений. Таким гносеологическим их источником является в данном случае смешение субъективного с объективным, произвольное навязывание объекту того, что ему не свойственно и что является результатом субъективных мнений человека, неправильно и неверно мыслящего.

От рассмотрения закона противоречия мы переходим к закону, который и в формальной и в диалектической логике представляет дальнейшее развитие и конкретизацию соответствующего закона противоречия.

---

[39] См. там же.

II

ЗАКОН ИСКЛЮЧЕННОГО ТРЕТЬЕГО И ЕГО АНТИПОД

1. ЗАКОН ИСКЛЮЧЕННОГО ТРЕТЬЕГО

Этот закон отвечает на вопрос о том, как надо поступать, когда в мышлении появляется или может появиться какое-то противоречие, субъективное — в случае формальной логики, объективное — в случае диалектической логики. В первом случае формальная логика вырабатывает определенные правила для того, чтобы освободиться от существующего противоречия или предупредить возможное противоречие. Во втором случае диалектическая логика вырабатывает свои приемы и способы для того, чтобы проследить движение и развертывание реального противоречия и особенно, конечно, его разрешение или преодоление в ходе объективного развития событий.

Следовательно, существенное различие в данном случае между формальной и диалектической логикой сводится к следующему. Первая, запрещая противоречия в мышлении, ищет способ или прием, с помощью которого можно было бы в *общем* случае исключать, устранять любые противоречия из области мышления, не допускать их туда.

В случае противоречивой ситуации она требует, чтобы ответ на соответствующий вопрос давался: *либо* да, *либо* нет. «Третье» — уклончивое, неопределенное (*и* да *и* нет) — и есть в данном случае противоречие. Его-то, с точки зрения формальной логики, и необходимо изъять, исключить из мышления. Либо да, либо нет, третьего (т. е. их противоречивого соединения) не дано,— вот суть этого общего приема, с помощью которого формальная логика исключает противоречия и который она именует «законом

исключенного третьего». Особенно большую роль этот закон играет в тех случаях, когда надлежит делать выбор и решать по формуле «либо-либо»: либо истина, либо ложь и не допускать чего-то среднего, переходного между ними.

Диалектическая логика, напротив, исходит из наличия реальных противоречий и их отражения в нашем мышлении. Но если противоречия *существуют,* то они должны разрешаться, преодолеваться в ходе развития, так как иначе не было бы их собственного движения, а вместе с этим не было бы вообще развития и движения как во внешнем мире, так и в нашем мышлении. Поэтому диалектическая логика изучает конкретные пути и способы (или формы) *разрешения* противоречий. Она устанавливает, что в зависимости от типа противоречия форма его разрешения может быть отличной, своеобразной. Но при всех условиях, если противоречие выступает в мышлении как утверждение чего-нибудь («да») и как одновременное отрицание этого же самого в том же отношении («нет»), с точки зрения диалектической логики, «третьим» может быть либо конкретное решение данного противоречия, и тогда оно должно быть учтено, изучено и отражено нашим мышлением, либо неверное, не существующее в самой действительности, выдуманное его решение, и тогда оно должно быть отвергнуто как фиктивное. С этим вопросом, в частности, связан закон диалектической логики, соответствующий закону исключенного третьего формальной логики.

Диалектика знает два основных типа противоречий: антагонистические и неантагонистические. Первые непримиримы по самой своей сути. Они представляют столкновение, конфликт взаимоисключающих, враждебных, несовместимых друг с другом тенденций в развитии или сторон вещи, явления. В силу своей взаимной враждебности обе эти тенденции или стороны не могут сохраняться неопределенно долгое время в состоянии их взаимной борьбы. Их развитие сопровождается обострением столкновений между ними, что в конце концов приводит к разрешению назревшего противоречия путем уничтожения одной из сторон противоречия, к насильственной ликвидации одной из двух противоречивых тенденций, лежавших в основе всего данного процесса. Такова борьба основных философских направлений — материализма и идеализма, в которой

отражается в конечном счете борьба враждебных классов современного общества.

Для этого типа противоречий невозможно совмещение обеих противоположностей в некотором итоговом синтезе. Будучи непримиримыми между собой, одна из них всецело исключает другую, стремится к ее подавлению и даже прямому уничтожению. Поэтому *такое* противоречие может разрешиться только по формуле: «либо — либо, третьего не дано». Попытка найти здесь какой-то третий, средний путь, какой-то компромисс, примирение между обоими непримиримыми направлениями или сторонами антагонистического противоречия означает либо глубокое заблуждение или самообман, либо сознательное допущение ошибки с целью притупления остроты борьбы, с целью ее затушевывания. Классики марксизма-ленинизма квалифицировали такие поиски «среднего» пути там, где идет борьба непримиримых противоположностей, как шарлатанство. Это вполне справедливо, так как только шарлатан может проповедовать какой-то особый, якобы «средний» путь там, где его нет и в принципе быть не может.

В программной работе «Что делать?» Ленин, исходя из принципиальной непримиримости буржуазной и социалистической идеологий и из отсутствия между ними какого-либо «среднего», примиряющего пути, писал: «...Вопрос стоит *только так*: буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет (ибо никакой «третьей» идеологии не выработало человечество, да и вообще в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда внеклассовой или надклассовой идеологии). Поэтому *всякое* умаление социалистической идеологии, *всякое отстранение* от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной» [1].

Такую же четко определенную линию Ленин проводил и в области философии. Здесь он со всей резкостью ставил вопрос: либо — материализм, либо — идеализм, и нет никакой «третьей», «средней» линии, которая не была бы попыткой эклектически примирить непримиримое, смешать различные кусочки, взятые из двух прямо противоположных философских направлений. Характеризуя с этих позиций борьбу Энгельса против Дюринга, Ленин писал: «Либо последовательный до конца материализм, либо ложь

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 5, стр. 355—356.

и путаница философского идеализма,— вот та постановка вопроса, которая дана в *каждом параграфе* «Анти-Дюринга»...» [2].

Приведя слова Иосифа Дицгена о том, что из всех партий самая гнусная есть партия середины, Ленин писал: «Правда! «Реалисты» и т. п., а в том числе и «позитивисты», махисты и т. д., все это — жалкая кашица, презренная *партия середины* в философии, путающая по каждому отдельному вопросу материалистическое и идеалистическое направление. Попытки выскочить из этих двух коренных направлений в философии не содержат в себе ничего, кроме «примиренческого шарлатанства»» [3].

Приведенные положения целиком применимы и к современным условиям идеологической, в том числе и философской борьбы: сегодня, как и 50—60 лет назад, со всей остротой стоит вопрос о непримиримости борющихся между собой в корне враждебных идеологий — социалистической и буржуазной, а в философии — двух основных направлений — материализма и идеализма. Сейчас, как и в те времена, когда Ленин писал свои работы, только люди типа современных ревизионистов и отступников от марксизма, а также представителей буржуазного мировоззрения могут проповедовать существование какой-то «средней» идеологии и «среднего» философского направления вроде «неопозитивизма», которое якобы преодолевает противоположность между материализмом и идеализмом.

Разрешение антагонистического противоречия по формуле: «либо — либо, третьего не дано», становится очевидным и неизбежным в момент крутых поворотов истории, в условиях жесточайших битв между враждебными социальными силами. Такое разрешение противоречий становится наиболее очевидным в момент максимального обострения этих противоречий, их крайнего напряжения. В общественно-историческом развитии этому соответствуют эпохи социальных революций. Энгельс писал: «В истории движение путем противоположностей выступает особенно наглядно во все критические эпохи у ведущих народов. В подобные моменты у народа есть выбор только между двумя полюсами дилеммы: «или — или», и притом вопрос

---

[2] В. И. Ленин. Сочинения, т. 14, стр. 323.
[3] Там же, стр. 325—326.

ставится всегда совсем не так, как этого желало бы политиканствующее филистерство всех времен» [4].

Именно в такой критический момент истории, накануне Октябрьской революции 1917 года, Ленин писал в статье «Грозящая катастрофа и как с ней бороться»: «Стоять на месте нельзя — в истории вообще, во время войны в особенности. Надо идти либо вперед, либо назад. Идти вперед, в России XX века, завоевавшей республику и демократизм революционным путем, *нельзя,* не *идя* к социализму, не делая *шагов* к нему...

А если бояться идти вперед, *это значит* идти назад...» [5]

Раскрывая основное противоречие русской революции, Ленин показывал, что оно решается теоретически и практически в ходе революционной борьбы пролетариата по формуле «либо — либо, середины никакой нет». Например, он спрашивал: в чьих интересах государство направляет деятельность крупнейшего предприятия, ставшего монополией? На этот вопрос, как показал Ленин, может быть дан один из двух прямо противоположных ответов:

« — либо в интересах помещиков и капиталистов; тогда мы получаем не революционно-демократическое, а реакционно-бюрократическое государство, империалистическую республику,

— либо в интересах революционной демократии; тогда *это и есть шаг к социализму*...

Тут середины нет. Объективный ход развития таков, что от *монополий* ... вперед идти *нельзя*, не идя к социализму.

Либо быть революционным демократом на деле. Тогда нельзя бояться шагов к социализму.

Либо бояться шагов к социализму, ...— тогда неминуемо... *реакционно-бюрократически* подавлять «революционно-демократические» стремления рабочих и крестьянских масс.

Середины нет.

И в этом основное противоречие нашей революции» [6]. Здесь мы видим, что развитие событий по формуле «либо — либо» Ленин связывает именно с наличием острейшего противоречия внутри развивающегося предмета.

[4] Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 166.
[5] В. И. Ленин. Сочинения, т. 25, стр. 333.
[6] Там же, стр. 332—333.

Резюмируя этот глубоко диалектический анализ исторической обстановки в канун октября 1917 г., Ленин ставил главную задачу перед русским революционным пролетариатом и его марксистской партией: «Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также *и экономически*...

Погибнуть или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей» [7].

В качестве одного из решающих условий победы пролетарской революции, ее залога Ленин называл большевистскую установку на то, чтобы вырвать крестьянство из-под влияния буржуазии. И эта конкретная задача также решалась по формуле «либо — либо, третьего не дано». Спустя пять с лишним лет Ленин вновь подчеркнул эту же задачу, стоявшую уже в новых исторических условиях. Он писал: «...В последнем счете судьба нашей республики будет зависеть от того, пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст «нэпманам», т. е. новой буржуазии, разъединить себя с рабочими, расколоть себя с ними» [8].

Знаменитый ленинский тезис «кто — кого?» был выдвинут в условиях новой экономической политики, когда борьба классов — буржуазии и рабочего класса — развернулась в России со всей остротой на экономическом фронте. Этот тезис был только иным выражением, иной формулировкой все той же общей формулы марксистской диалектики: «либо — либо, третьего пути нет».

В плане речи о замене разверстки налогом Ленин сделал следующую запись: «...Буржуазная или социалистическая революция?

Решит борьба...

Кто кого? 2 разных класса...» [9]. Следовательно, подчеркивал Ленин, назревшее антагонистическое противоречие решается только на поле классовой битвы, а не в порядке логических выводов. Формула «или — или» есть выражение этого решения.

Итак, эта формула есть способ разрешения антагонистических противоречий, особенно ясно выступающий в момент их высшего обострения, т. е. в условиях наиболь-

[7] Там же, стр. 338.
[8] В. И. Ленин. Сочинения, т. 33, стр. 444.
[9] В. И. Ленин. Сочинения, т. 36, стр. 493.

шего напряжения борьбы между враждебными силами, например, враждебными классами.

Второй тип противоречий составляют неантагонистические противоречия; будучи прямо противоположными антагонистическим противоречиям, они и разрешаются прямо противоположным образом по сравнению с последними.

Это приводит нас к особому закону диалектической логики, совершенно неизвестному, да и вообще невозможному в формальной логике, который мы сформулируем как закон «включенного третьего».

2. ЗАКОН ВКЛЮЧЕННОГО ТРЕТЬЕГО КАК ЗАКОН РАЗРЕШЕНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ ОПРЕДЕЛЕННОГО ТИПА (ЧАСТНАЯ ФОРМА)

Специфическим для диалектической логики законом мышления является такой закон, который представляет собою антипод закона исключенного третьего. Согласно этому закону, «третье» (т. е. то, что существует кроме двух полярных противоположностей) не только не исключается из числа возможных решений, но оказывается решением, единственно возможным, единственно реализуемым в самой действительности. Мы рассмотрим здесь два типичных случая: 1) когда происходит *разрешение* некоторых (но далеко не всех!) неантагонистических противоречий, выливающееся в образование высшего синтеза ранее разобщенных противоположностей; 2) когда имеет место *выражение* (или отражение) в нашем мышлении реального, конкретного противоречия самой действительности, которое предполагает единство противоположностей. Следовательно, в обоих случаях речь идет о включении единства противоположностей как третьего по отношению к обеим его противоречивым сторонам.

Начнем с первого случая. Выше мы видели, что для разрешения антагонистического противоречия существенна формула «или — или», вытекающая из принципиальной враждебности и непримиримости борющихся сторон; напротив, для разрешения неантагонистических противоречий существенна формула «и — и» (вместо «или — или», действующей при разрешении антагонистических противоречий).

Рассмотрим типичный случай раскрытия противоречия в процессе научного познания. Наше познание не может раскрыть и познать противоречие, лежащее в основе изу-

чаемого предмета, сразу же, как только оно с ним столкнется; в связи с этим сам процесс познания противоречий протекает противоречиво: сначала реальное противоречие расчленяется в нашей абстракции на противоречивые стороны; обе его стороны берутся вначале абстрактно, в их противопоставлении одна другой,— так, словно они и в действительности существуют изолированно друг от друга. После того, как обе противоречивые стороны действительно познаны в их противопоставлении одна другой и взаимоизоляции, наступает момент, когда раскрывается их внутренняя связь и взаимозависимость, их взаимный переход друг в друга, короче говоря, их *единство*.

Этим путем развились и сформировались все современные естественнонаучные теории и учения, в которых раскрывается объективная диалектика и противоречивость различных явлений природы. Например, современная теория строения материи опирается на квантовую механику, в которой раскрывается единство двух противоречивых физических сторон материи — ее прерывности и непрерывности, волнового и корпускулярного характера ее микрообъектов. Раскрытию такого единства противоположностей предшествовало изучение порознь каждой из обеих сторон данного противоречия. Это привело к тому, что сначала возникали односторонние физические теории вещества и света, в основу которых ложилась та или другая, но только одна из двух противоречивых сторон действительности: либо только одна прерывность, дискретность, корпускулярность, либо только одна непрерывность, волнообразность процесса. Так, в учении о свете сначала возникла корпускулярная теория истечения (Ньютон), которой противопоставлялась волновая теория (Гюйгенс). В XIX в., благодаря открытию дифракции и, особенно, интерференции света (Френель), победила волновая теория. Электромагнитная теория света (Максвелл) явилась ее дальнейшим развитием. Однако на рубеже XIX и XX вв. был открыт прерывный (квантовый) характер процесса излучения и поглощения света; родилась теория квантов (Планк). Но истинный синтез, охвативший собой обе противоположности в их внутреннем единстве, пришел лишь в 20-х годах XX в. в квантовой механике, основу которой составила идея (де Бройль) о том, что каждой частице сопоставлена определенная волна и каждой волне — определенная частица.

Следовательно, разрешение противоречия прерывности и непрерывности, возникшего в учении о строении материи, было осуществлено по формуле «и — и», которая отразила собой происшедший теоретический синтез в этой области. Напротив, все попытки решать данное конкретное противоречие по формуле «или — или», приписывая истинность только одной из абстрактно взятых сторон противоречия — прерывности или непрерывности,— неизменно завершались неудачей. Все такие попытки исходили из отрицания противоречия как единства противоположностей; поэтому-то они и были направлены на то, чтобы на место реального, диалектического противоречия поставить якобы непротиворечивым образом лишь одну из его сторон, взятую отдельно и обособленно от другой его стороны.

Здесь мы обнаруживаем, что разрешение неантагонистического противоречия, подобного только что рассмотренному, совершается согласно закону отрицания отрицания, представляющему собой то, что Энгельс называл развитием путем противоречия [10]. Сначала, в порядке абстрактного отражения одной из сторон противоречия, независимо от другой его стороны и от всего изучаемого предмета в целом, возникает определенное одностороннее положение (теза); поскольку же существует другая, противоположная ему сторона, то рано или поздно возникает противоположное ему и отрицающее его положение (антитеза); сторонники обоих противоположных положений вступают в борьбу друг с другом, в ходе которой устраняются односторонности и искажения, присущие каждому одностороннему взгляду, и раскрывается их связь и взаимный переход одного в другой (синтез). Этот синтез отнюдь не является в истории науки простым примирением обоих противоположных взглядов, а тем более — их эклектическим сложением. Напротив, синтез в науке означает раскрытие действительного единства обеих противоречивых сторон, которые ранее отражались односторонне, а потому неполно и даже искаженно; в результате раскрытия действительного единства противоположностей происходит критическая переработка обоих предшествующих воззрений, что сопровождается обязательным преодолением абстрактной односторонности каждого из них и мета-

[10] См. Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 1.

физического преувеличения той или иной стороны противоречия.

Если выдвижение антитезы можно рассматривать как первое отрицание, то синтез представляет собой в данном случае отрицание отрицания, которое и осуществляется в момент преодоления развившегося противоречия между двумя прямо противоположными и в равной степени односторонними взглядами. Это есть вместе с тем и разрешение самого реального противоречия, которое достигается в результате раскрытия его как единства противоположностей.

В данном случае «третьим» оказывается само противоречие; оно здесь не только не исключается по формуле «либо — либо», но, напротив, прямо включается в качестве необходимого результата предшествующей борьбы неантагонистических противоположностей. То, что в данном случае речь идет именно об определенном способе *разрешения* противоречия, подчеркнуто Лениным в его конспектах гегелевской «Логики». По поводу рассуждений Гегеля о том, что «разрешенное противоречие есть, следовательно, основание, сущность, как единство положительного и отрицательного», Ленин замечает, что «разрешение противоречия, сведение позитивного и негативного к „только определениям" превращает *сущность*... в *основание*» [11]. В связи с этим Ленин отмечает мысль Гегеля о том, что результатом сложения «+» и «—» будет нуль, тогда как результат противоречия не есть только нуль.

Ленин далее рассматривает вопрос об отношении между формальнологическим законом исключенного третьего и диалектическим разрешением противоречия в ходе развития. Ленин и здесь приводит сначала высказывания Гегеля; Гегель считал этот закон приемлемым только тогда, когда формула «нечто есть или А или не-А; третьего нет» указывает, что все есть противоположное, все имеет свое положительное и свое отрицательное. «Но если понимать это, как обычно понимают, что из всех предикатов либо данный либо его небытие, тогда „тривиально"!!» [12].

В последнем случае Гегель, как отмечает Ленин, отвергал утверждение, будто третьего нет. «Есть третье в самой этой тезе, само *А* есть третье, ибо *А* может быть

---

[11] В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 124.
[12] Там же, стр. 126.

и $+A$ и $-A$. «Итак,— заключал Гегель,— само нечто есть то третье, которое должно было бы быть исключено» [13].

Третьим, таким образом, оказывается сам противоречивый предмет познания, точнее сказать, присущее ему реальное противоречие. Отразив это противоречие в нашем сознании, мы тем самым разрешаем его мысленно. Ленин замечает по поводу приведенного выше рассуждения Гегеля: «Это остроумно и верно. Всякая конкретная вещь, всякое конкретное нечто стоит в различных и часто противоречивых отношениях ко всему остальному, ergo, бывает самим собой и другим» [14].

Формальнологическая формула «либо — либо», казалось бы, не противоречит диалектической формуле, по которой разрешаются антагонистические противоречия (расхождение между ними в данном случае обнаруживается только при содержательном анализе). В случае же формулы «и — и» несовместимость диалектики с формальной логикой обнаруживается и по форме и по существу: для формальной логики органически, в принципе неприемлема формула «и — и», так как она явно допускает противоречия в мышлении как отражение реальных противоречий и как отражение способа их разрешения. Если такой подход к вопросу абсолютизируется, так что противоречия вообще отрицаются как во внешнем мире, так и в нашем мышлении, то это приводит тут же к метафизике. «Для метафизика,— писал Энгельс,— вещи и их мысленные отображения, т. е. понятия, суть отдельные, неизменные, застывшие, раз навсегда данные предметы, подлежащие исследованию один после другого и один независимо от другого. Он мыслит сплошными непосредствованными противоположностями; речь его состоит из «да — да, нет — нет; что̀ сверх того, то от лукавого». Для него вещь или существует или не существует, и точно так же вещь не может быть самой собой и в то же время иной. Положительное и отрицательное абсолютно исключают̀ друг друга; причина и действие по отношению друг к другу тоже находятся в застывшей противоположности. Этот способ мышления кажется нам на первый взгляд совершенно очевидным потому, что он присущ так называемому здравому смыслу» [15].

---

[13] В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 126—127.
[14] Там же, стр. 127.
[15] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 21.

Энгельс показывает далее, что здравый человеческий смысл, согласующийся в известных пределах с метафизическим образом мышления, «рано или поздно достигает тех пределов, за которыми он становится односторонним, ограниченным, абстрактным и запутывается в неразрешимых противоречиях, потому что за отдельными вещами он не видит их взаимной связи, за их бытием — их возникновения и исчезновения, из-за их покоя забывает их движение, за деревьями не видит леса» [16].

Различие между формальной логикой (т. е. здравым смыслом) и метафизикой здесь, как и везде, заключается в том, что формальная логика отвлекается, абстрагируется от противоречий, не отрицая их реальности, а метафизика абсолютизирует этот прием формальной логики, утверждая, что противоречий вообще не должно существовать.

Напротив, диалектическая логика не только признает существование реальных противоречий и необходимость их отражения в нашем мышлении, но и рассматривает специфические для каждого типа противоречий формы или способы их разрешения. Следовательно, и тут диалектическая логика ставит вопрос совершенно конкретно, исходя из необходимости проведения в каждом данном случае конкретного, содержательного анализа. Она исходит из того, что нельзя во всех случаях жизни дать один какой-то общий, неизменный рецепт для решения любых противоречий и одну единственную, соответствующую этому рецепту формулу их решения. В одних случаях необходимо применить одну формулу (например, «либо — либо»), причем всякая попытка применить здесь другую формулу («и — и») приводит к примиренчеству, к отказу от подлинной диалектики, к исканию какого-то «третьего» или «среднего», мифического, не существующего в самой действительности пути. Напротив, в других случаях эта же самая формула («либо — либо») ведет к метафизике, к зачеркиванию реального противоречия, к отказу от диалектики, т. е. к тому же по существу гносеологическому результату, к которому приводила формула «и — и» в первом случае. Здесь же формула «и — и» оказывается единственно применимой, единственно соответствующей объективной диалектике вещей и явлений.

Ответить на вопрос, какую из этих формул и когда можно и нужно применять, а какую нельзя применять в дан-

[16] Там же. стр. 22.

ных условиях при данных обстоятельствах, может только диалектика, основывающаяся на содержательном анализе. То, что необходимо при решении антагонистических противоречий, оказывается совершенно неприемлемым при решении неантагонистических противоречий, и наоборот. Поэтому, не выяснив предварительно существа дела и характера данного противоречия, нельзя пытаться применять какие-либо формулы вообще во избежание серьезных ошибок. Формула должна вытекать из содержания, должна соответствовать ему и определяться им.

Заметим, что отрицание отрицания, будучи всеобщим законом диалектики, действует, конечно, и при разрешении антагонистических противоречий; оно и здесь выступает как заключительное звено процесса, в котором разрешается данное противоречие по формуле «либо — либо». Но здесь оно уже не играет роли синтеза, соединяющего в себе обе противоречивые стороны действительности. Напротив, уничтожением одной из сторон антагонистического противоречия создается новая основа для дальнейшего развития, причем в зависимости от обстоятельств на этой новой основе могут возникнуть новые противоречия того же антагонистического характера (как это наблюдалось в истории при всех социальных революциях, когда господство одного эксплуататорского класса сменялось господством другого эксплуататорского класса). Но при иных условиях, как это имеет место в результате победы социалистической революции, отрицание отрицания в историческом развитии может наступить в форме отрицания всякой эксплуатации человека человеком, в форме перехода к обществу, где нет эксплуататорских классов (социализм), а затем — и классов вообще (коммунизм).

В диалектической логике, говоря о разрешении реальных противоречий, следует также учитывать и то, каким образом возникают и отражаются эти противоречия в нашем мышлении. В одних случаях, когда речь идет о противоречии, уже существующем в природе или обществе, его отражение в мышлении происходит таким образом, что сначала отражаются отдельные его стороны, выступающие в нашем мышлении как несовместимые одна с другой. В таком случае разрешение данного противоречия означает раскрытие единства между этими, уже ранее познанными порознь сторонами противоречия, т. е. доведение до конца его раскрытия и познания. В других случаях речь

идёт о другом: о развитии в ходе истории реального противоречия, о том, как оно обостряется, достигает предельного напряжения (в случае антагонистического противоречия), или же, напротив, как оно сглаживается, ослабляется, стирается (в случае неантагонистического противоречия). В этих случаях наше мышление отражает лишь то решение реального противоречия, которое происходит в самой действительности, а не то, которое возникает в мышлении в процессе противоречивого познания существующего в природе противоречия, которое уже было когда-то решено в природе (например, когда заряженное положительным электричеством атомное ядро оделось в оболочку из отрицательно заряженных электронов). Тогда было реально, в самой природе разрешено противоречие между положительным и отрицательным электричеством, которое составляет одно из проявлений диалектических противоречий в области физики.

Следовательно, и в этом отношении вопрос о том, каким образом надо рассматривать и трактовать диалектические противоречия в нашем мышлении, требует содержательного анализа для того, чтобы не смешивать решение противоречия, возникшего в нашем мышлении в ходе познания реального противоречия, с разрешением противоречия, осуществляемым в самой действительности в силу объективного ее развития и лишь отражаемого в нашем мышлении.

В отношении закона исключенного третьего имеется тот же гносеологический аспект, какой уже отмечался нами в отношении закона противоречия: формальная логика направлена к тому, чтобы устранить из области мышления фиктивные, «логические» противоречия, а диалектическая логика — к тому, чтобы раскрыть и проследить развертывание действительных, реальных противоречий. Следовательно, и здесь возникает тот же вопрос об объективном, подлежащем изучению, и субъективном, подлежащем исключению и устранению.

Когда формальная логика предлагает делать выбор по закону исключенного третьего, то она преследует только одну цель — избежать «логического», или субъективного, противоречия. Если даны два суждения: «бумага белая» и «бумага не белая», то, согласно формальной логике, сказав одно, надо отбросить другое, так как иначе возникнет «логическое противоречие», при котором человек противоре-

чит сам себе. В диалектической логике «выбор» делается самой историей, объективно, в силу ее реального развития: побеждает одна из двух непримиримых между собой тенденций развития в зависимости от объективного характера самих борющихся противоположностей, причем диалектика указывает конкретно, какая именно, ибо в конечном счете всегда побеждает прогрессивная тенденция, направленная к утверждению нового.

Диалектика учит также, что в зависимости от объективного характера обеих противоположностей противоречие может быть иногда разрешено или преодолено путем их синтеза, их соединения. Следовательно, сама постановка вопроса с гносеологической точки зрения здесь совершенно иная, нежели в формальной логике, которая стремится избежать субъективного противоречия. В диалектике же речь идет о том, как разрешаются и преодолеваются объективные противоречия и как это, в свою очередь, отражается в нашем мышлении.

3. ЗАКОН ВКЛЮЧЕННОГО ТРЕТЬЕГО КАК ОБЩЕЕ ВЫРАЖЕНИЕ ЕДИНСТВА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ (ОБЩАЯ ФОРМА)

Переходим к рассмотрению второго случая, который состоит в том, что реальное противоречие отражается в нашем мышлении как единство противоположностей. В отличие от первого случая, здесь речь идет не о разрешении определенного противоречия в ходе его развертывания, а лишь о его отражении и выражении как существующего и действующего. Но поскольку отражаются не изолированные друг от друга полярные противоположности, а их единство, это отражение образуется в соответствии с той же формулой «и — и», как это мы видели в предыдущем случае.

Закон исключенного третьего («или — или»), понимаемый в смысле недопущения никаких противоречий, т. е. согласно формальной логике и метафизике, выступает как признание абсолютно резких разграничительных линий и как резкое противопоставление абстрактно взятых полярных противоположностей (при исключении всего переходного и промежуточного между ними). В таком виде этот закон является таким же игнорированием (в случае формальной логики) или отрицанием (в случае метафизи-

ки) развития, как и законы тождества и непротиворечия в их формальнологической и метафизической трактовке. Энгельс писал, что абсолютно резкие разграничительные линии «несовместимы с теорией развития... «Или — или» становится все более и более недостаточным... Для такой стадии развития естествознания, где все различия сливаются в промежуточных ступенях, все противоположности переходят друг в друга через посредство промежуточных членов, уже недостаточно старого метафизического метода мышления» [17].

Далее Энгельс указывает, что диалектика, подобно современному естествознанию, не знает абсолютно резких разграничительных линий и безусловного, пригодного повсюду «или — или», «переводит друг в друга неподвижные метафизические различия, признает в надлежащих случаях наряду с «или — или» также «как то, так и другое» и опосредствует противоположности...» [18]. Здесь Энгельс показывает, что диалектика, диалектическая логика не сводит все противоречия к какой-либо одной их форме, выражаемой либо формулой «или — или», либо формулой «и — и». В зависимости от конкретных условий развития в надлежащих случаях наряду с одной формулой «или — или» («или то, или другое»), она оперирует также формулой «и — и» («и то, и другое»).

Это обстоятельство особенно важно учитывать при анализе развития классовой борьбы в конкретно-исторической обстановке, сложившейся в определенной стране, в определенное время. Учет лишь одних полярных противоположностей по принципу «либо — либо» и игнорирование реальных, противоречивых явлений живой действительности легко приводит к грубейшим теоретическим и политическим ошибкам. Вернемся к ленинской критике Плеханова и меньшевиков по вопросу об отношении к русской революции 1905 г. Ленин, как мы уже отмечали, показал, что меньшевистская концепция по данному вопросу сводилась к формуле «да — да, нет — нет, а что сверх того, то от лукавого!». Этому соответствовала установка: либо буржуазная революция, либо социалистическая революция, а остальное можно «вывести» из основного «решения» посредством простых силлогизмов [19].

[17] Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 167.
[18] Там же.
[19] См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 11, стр. 372.

Творчески развивая марксистскую теорию с помощью диалектики, диалектической логики, Ленин показал, что в условиях новой исторической эпохи империализма и пролетарских революций буржуазная революция совершается существенно иначе, чем в предыдущие исторические эпохи. Движущей силой такой революции становятся теперь народные массы, пролетариат и крестьянство, а буржуазия переходит в лагерь контрреволюции.

В результате этого в новых конкретно-исторических условиях такая революция приобретает буржуазно-демократический характер. Она не только не отгораживается от социалистической революции, а напротив, становится ее непосредственным прологом, перерастая в нее в ходе своего собственного развития. Вот почему, критикуя меньшевистско-плехановскую схему как абстрактную, оторванную от жизни, Ленин писал: «Революция в России не буржуазная, ибо буржуазия не принадлежит к движущим силам теперешнего революционного движения России. И революция в России не социалистическая, ибо она *никоим образом* не может привести пролетариат к *единственному* господству или диктатуре» [20].

Таким образом, конкретный анализ живых диалектических противоречий, сложившихся в русском обществе в период революции 1905 г., привел Ленина к выводу о том, что формула «или — или» здесь совершенно не пригодна и что, во-первых, надо учитывать особый тип буржуазной (буржуазно-демократической) революции в эпоху империализма, и, во-вторых, особое ее отношение к социалистической революции (в смысле возможности ее перерастания в последнюю). Таким образом, противоположные черты и признаки той и другой революции (буржуазной и социалистической) оказались в данном случае не разложенными по разным «полочкам» общественно-исторического развития, а диалектически взаимосвязанными между собою и взаимообусловливающими друг друга. Это и выражается в данном случае формулой диалектической логики «и — и».

В результате проникновения идеи развития в науку, обнаруживаются переходные области между ранее разорванными разделами этой науки. Формула «или — или», согласно которой до тех пор распределялся материал между этими разделами науки, становится недостаточной. Так, до

[20] В. И. Ленин. Сочинения, т. 11, стр. 372.

середины XIX в. физика и химия резко обособлялись друг от друга. Поэтому можно было вполне однозначно определять — к какой из них относится тот или иной факт, то или иное явление. Если к физике, то оно уже не могло быть отнесено к химии, и наоборот. Однако после открытия закона сохранения и превращения энергии главное внимание ученых постепенно стало переноситься на изучение области взаимного перехода физической и химической форм движения (энергии), на взаимосвязь и взаимообусловленность физических и химических свойств и проявлений материи. Все это привело к открытию и более глубокому познанию таких процессов природы, которые не были только физическими или только химическими, но были одновременно и физическими и химическими. Это означало, что при их исследовании следовало руководствоваться не прежним формальнологическим принципом «или — или», а диалектикологическим принципом «и — и». Здесь вновь подтверждалось положение Энгельса о том, что формула «или — или», которая предполагает наличие резких разграничительных линий, будучи абсолютизирована, действительно несовместима с теорией развития и что она вынуждена уступить место формуле «и — и» («как то, так и другое»), как только теория развития и связанное с нею представление о переходах проникают в данную область знания.

Если же держаться за формулу «или — или», несмотря на то, что уже обнаружилась ее недостаточность, то любой переход между ранее изолированными друг от друга сторонами (или противоположностями) будет исключен из поля зрения исследователя в ущерб научному познанию. Это прекрасно показал Энгельс на примере электрохимии: «При изложении действия электрической искры на процесс химического разложения и новообразования Видеман заявляет, что это касается, скорее, химии. А химики в этом же случае заявляют, что это касается уже более физики. Таким образом, и те и другие заявляют о своей некомпетентности в месте соприкосновения науки о молекулах и науки об атомах, между тем как именно *здесь надо ожидать наибольших результатов*» [21].

Очевидно, это проистекало от того, что вопрос здесь надо было решать не по принципу формальной логики

[21] Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 235.

(«или — или»), а по принципу диалектической логики, ибо физическая химия есть *и* физика *и* химия, т. е. ни физика без химии, ни химия без физики. Мы видим, таким образом, что формуле «или — или» противостоит не только формула «и — и», но и формула «ни — ни» в смысле отрицания изолированных противоположностей (или вообще сторон предмета): *ни* то, *ни* другое в их обособлении между собой, в их отрыве друг от друга. Энгельс употребляет такую именно формулу, когда говорит, например, в связи с вопросом о делимости материи, что материя — и то и другое, и делима и непрерывна, и в то же время ни то ни другое (в смысле: ни только делима, ни только непрерывна) [22].

Особенно важно учитывать следующее обстоятельство: противоположности едины также и в том смысле, что они взаимно проникают друг в друга и взаимопереходят друг в друга [23]; поэтому всякая попытка слишком «крепко» ухватиться за одну из них приводит к тому, что одна противоположность незаметно переходит в другую [24]. Формула «и — и» является единственно возможной для выражения такого противоречия.

Анализируя конкретную социальную обстановку в данной стране, изучая расстановку в ней классовых сил, особенно важно учитывать переходные, средние в классовом отношении группы. Меньшевики, применяя абстрактное «либо — либо» (либо — пролетариат, либо — буржуазия), неправильно относили русское крестьянство (включая середняка) к буржуазии. Между тем, понимание особенностей развития буржуазно-демократической революции в России, возможности и необходимости ее перерастания в социалистическую революцию опиралось, в первую очередь, как это доказал Ленин, на признание того, что среднее крестьянство не есть буржуазия, а есть *мелкая* буржуазия, т. е. класс промежуточный, переходный между буржуазией и пролетариатом. Этот класс не является ни буржуазией, ни пролетариатом, но соединяет в себе противоречивые классовые черты, благодаря которым его дальнейшее развитие в условиях капитализма идет путем дифференциации, т. е. расслоения на деревенский пролетариат (бедноту) и деревенскую буржуазию (кулачество).

---

[22] См. Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 194.
[23] См. там же, стр. 1.
[24] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 442.

Наличие таких противоречивых тенденций в историческом развитии среднего крестьянства было вскрыто Лениным в труде «Развитие капитализма в России».

Позднее Ленин неоднократно подчеркивал, что «пролетариат должен разделять, разграничивать крестьянина трудящегося от крестьянина собственника,— крестьянина работника от крестьянина торгаша,— крестьянина труженика от крестьянина спекулянта.

В этом разграничении *вся суть* социализма» [25].

Разграничение двух указанных противоположных сторон и означает уменье видеть здесь противоречие живой действительности.

Попытка решать вопрос о классовой природе среднего крестьянства, как и вообще всей мелкой буржуазии, по принципу «либо — либо» (либо — пролетариат, либо — буржуазия, третьего не дано), как это делали меньшевики, а позднее — троцкисты, неминуемо приводит к глубокой ошибке,— к зачислению крестьянства в класс буржуазии, а из этого следует, что и отношение к нему как классу должно быть такое же, как и к буржуазии. Между тем правильная, марксистская линия в этом вопросе, обоснованная Лениным и проводимая под его руководством нашей партией, исходила из того положения, что буржуазия — классовый враг пролетариата, а среднее крестьянство — его союзник в борьбе за победу социализма.

Но, очевидно, что если в среднем крестьянстве соединяются противоречивые в классовом отношении стороны и тенденции его развития, то разрешается это противоречие в ходе исторического развития в соответствии с формулой «или — или» (или — назад, к капитализму, или — вперед, к социализму и коммунизму).

Таким образом, в зависимости от того, какая сторона данного противоречия подвергается анализу и что́ именно в этом противоречии раскрывается, нужно одновременно применять обе формулы: «или — или» и «и — и». Разумеется, выбор применяемых формул отнюдь не зависит от личного усмотрения, а целиком определяется объективным характером самого противоречия.

Столь же абстрактным, а потому неправильным, является объявление всего современного общества состоящим только из двух прямо противоположных по своей социаль-

---

[25] В. И. Ленин. Сочинения, т. 30, стр. 92—93.

ной природе лагерей, один из которых образует группа социалистических стран, другой — группа империалистических стран. Как показал Н. С. Хрущев в выступлениях на XV Генеральной Ассамблее ООН (1960 г.), кроме этих двух основных группировок (или лагерей) существует еще группа нейтральных стран («нейтралов»), которую нельзя ни при каких условиях ни игнорировать, ни отождествлять с группой стран империализма. Относиться к этим странам-«нейтралам» так же, как и к странам империализма, было бы серьезной ошибкой, отступлением от принципов диалектики, диалектической логики, заменой их формальным подходом, знающим только одно единственное решение по формуле «либо — либо».

Аналогичной ошибкой является наблюдаемое иногда стремление представить всю современную философию как состоящую якобы только из двух крайних гносеологических направлений — материализма и идеализма, взятых абстрактно, в их чистом виде. Маркс и Энгельс, а за ними Ленин, всегда подчеркивали, что это основное деление философских направлений не исключает, что в самой действительности имеется множество переходных, промежуточных форм, которые нельзя игнорировать и вычеркивать из числа реально существующих философских школ. К таким промежуточным философским течениям относится агностицизм, отдельные представители которого могут стоять к одному из основных философских лагерей ближе, чем к другому. В свое время Сталиным была сделана попытка, в духе формальнологической схемы («либо — либо»), объявить агностицизм не промежуточным течением, стоящим между материализмом и идеализмом, а чистым идеализмом. Это противоречило прямому указанию Ленина, который в одном из «Десяти вопросов референту» отмечал, что при основном делении философских систем на *материализм и идеализм,* «средними между тем и другим, колеблющимися между ними считает Энгельс *линию* Юма в новой философии, называя эту линию «агностицизмом»...» [26].

Это не значит, конечно, что возможно хотя бы малейшее принципиальное примирение материализма с идеализмом: оно абсолютно невозможно. Тем не менее марксистский анализ расстановки борющихся философских направ-

[26] В. И. Ленин. Сочинения, т. 14, стр. 3.

лений всегда должен исходить из того, что́ конкретно существует, а не из того, что́ должно или могло бы быть, если бы в чистом виде существовали только два течения: последовательный материализм, с одной стороны, и столь же последовательный идеализм, с другой.

Но было бы еще более грубой ошибкой, если бы мы за промежуточными и переходными философскими течениями и группами просмотрели бы *основные* направления в философии, просмотрели бы определяющий фактор развития всей современной философии, каковым была и остается борьба между материализмом и идеализмом. Это значило бы скатиться с позиций диалектической логики на позиции софистики, свойственной многим течениям буржуазного мировоззрения и современного ревизионизма. Основные полярные противоположности не могут быть никогда устранены или завуалированы указанием на существование промежуточных и переходных явлений, но они не могут быть и «очищены» от этих явлений и представлены абстрактно существующими. Здесь, как и везде, важен конкретный анализ противоречий, встречающихся в самой действительности и требующих для своего изучения применения в одних случаях формулы «или — или», в других — «и — и» («ни — ни»), в третьих — той и другой одновременно.

Приведем еще один пример, когда решение вопроса по формуле «либо — либо» приводит к абстрактным и даже неверным решениям и когда, поэтому, единственно возможным решением является решение по формуле «и — и». Теория развития может служить таким примером.

Указывая на противоречивость тенденций общественного развития, Ленин писал: «А действительная жизнь, действительная история *включает* в себя эти различные тенденции, подобно тому, как жизнь и развитие в природе включают в себя и медленную эволюцию и быстрые скачки, перерывы постепенности»[27].

На основании формальнологических рассуждений, которые исключают «третье», считалось, что может существовать одно из двух: либо только постепенные изменения, и тогда они не являются скачками, либо только скачки, и тогда они не содержат в себе никакой постепенности. Именно в этом «либо—либо» некоторые наши ученые

[27] В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 319.

усмотрели суть революционной диалектики. Между тем, как показывает сама действительность, т. е. развитие как естественных, так и общественных явлений, те и другие при определенных конкретных условиях могут соединять в себе одновременно и скачок (т. е. качественное изменение) и постепенность (как особую форму этого скачка). Чтобы отразить такой противоречивый *факт*, необходимо отказаться от абсолютизации в данном случае формулы «или — или» (*или* скачок, *или* постепенность) и прибегнуть к более гибкому, диалектическому взгляду на процесс развития, на скачкообразность его характера. Этот более гибкий, диалектический взгляд состоит в допущении *и* того, *и* другого. Например, возникновение и развитие биологических видов совершается, как это показал еще Дарвин, именно путем таких постепенно протекающих качественных изменений без резких, внезапных скачков. Это тоже скачки, но имеющие конкретную форму постепенно протекающих процессов. Точно так же и развитие языка происходит путем таких постепенно протекающих качественных изменений, без резких скачков в процессе развития.

Если игнорировать такие противоречивые, диалектические по своей природе формы протекания скачков и признать (согласно принципу «либо — либо») только одну единственную их форму, а именно форму резких изменений, революций или взрывов, то неизбежны серьезные ошибки упрощенческого характера. Тогда окажется единственно возможным и якобы диалектическим такое решение, которое допускает наличие внезапных «революционных» переворотов в языке или появление новых видов путем внезапных «порождений», как это допускает мутационная теория де Фриза и аналогичные ей в методологическом отношении более поздние, антидарвиновские по существу, воззрения. Исходя из таких именно соображений, Плеханов объявил теорию де Фриза истинной диалектикой. Эта ошибка была связана с его формальнологическим подходом к данному вопросу, что не являлось и здесь частным случаем диалектического рассуждения.

Соединение признаков, ранее считавшихся абсолютно противоположными и несовместимыми, всегда производит впечатление нарушения правил формальной логики (наподобие образования понятия «деревянное железо»), хотя оно и отвечает самой действительности. Однако, наруше-

нием этих правил является лишь произвольное, субъективное соединение противоположных и противоречивых признаков, тогда как диалектическая логика допускает в мышлении только такие противоречия, которые отражают действительно существующие противоречия. Например, физика уже давно открыла такие переходные («критические») состояния, в которых вещество не является *ни* жидким, *ни* газообразным. Такую же диалектику природы раскрывает и биология. «С тех пор,— писал Энгельс,— как было достигнуто сжижение последних, «истинных» газов, как было установлено, что тело может быть приведено в такое состояние, в котором капельно-жидкая и газообразная формы неразличимы,— агрегатные состояния потеряли последний остаток своего прежнего абсолютного характера... А с тех пор, как биологию стали разрабатывать в свете эволюционной теории, в области органической природы также начали исчезать одна за другой застывшие разграничительные линии классификации; с каждым днем множатся почти не поддающиеся классификации промежуточные звенья... и отличительные признаки, ставшие почти символом веры, теряют свое безусловное значение: мы знаем теперь, что существуют млекопитающие, кладущие яйца...» [28].

В физике примером, аналогичным тому, который привел Энгельс из области биологии, может служить открытие таких, соединяющих в себе противоположные признаки, состояний вещества, как, например, «горячий лед» (твердая фаза воды, существующая при температуре выше 80° *C*), «жидкие кристаллы» (в дополнение к ранее известному состоянию «твердая жидкость» — стекло, лава) и т. д. В химии таким примером является преодоление издавна проводимого резкого разделения всех химических элементов на металлы и неметаллы. Прежде такое деление на указанные два класса проводилось абсолютно резко по формуле «или — или» (*или* металл, *или* неметалл), но оно уже давно показало свою несостоятельность, так как наряду с крайними или типичными формами (каковы, например, щелочные металлы, с одной стороны, и галогены, с другой), существует множество элементов, которые образуют собой промежуточные или переходные группы. Некоторые из них являются явно

[28] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 13.

«амфотерными» элементами: в различных условиях они ведут себя то как металлы, дающие основные окислы, то как неметаллы, дающие кислотные окислы. Другие элементы оказываются обладающими металлическими, основными свойствами при низких степенях окисления, и неметаллическими, кислотными — при высоких и т. д. Одни свойства, таким образом, могут при известных условиях переходить в другие. Строго говоря, большинство элементов не является *ни* металлами, *ни* неметаллами; вместе с тем многие из них ведут себя *и* как металлы *и* как неметаллы.

Здесь мы вновь сталкиваемся с необходимостью пользоваться, в зависимости от обстоятельств, обеими формулами («и — и», «или — или»), причем диалектика состоит именно в том, чтобы правильно, в соответствии с самой действительностью, применять именно ту формулу, которая отвечает этой действительности. Открытие Менделеевым периодического закона в значительной степени стало возможным потому, что Менделеев отказался от абсолютно резкого деления элементов на указанные два класса и подошел к их классификации с учетом переходных форм между обоими классами. Эти переходные формы позволили ему связать в одно целое все элементы, не разрывая их на какие-то обособленные друг от друга классы или группы.

Число таких примеров можно умножить до бесконечности. Все они показывают, что с признанием противоположностей абстрактными, а тем более абсолютными, связан принцип рассмотрения их по формуле «или — или». Наоборот, признание относительности всех противоположностей требует перехода к формуле «и — и», или, соответственно, «ни — ни», причем применение формулы «или — или» ограничивается в таком случае совершенно конкретными условиями (например, моментом разрешения антагонистических противоречий). А выражение реального, живого, диалектического противоречия, независимо от его характера, от его природы, предполагает применение формулы «и — и», так как речь идет в этом случае не об изолированных, абстрактно взятых противоположностях, а об их внутреннем единстве, об их взаимообусловленности и взаимопроникновении.

Итак, подобно тому, как это мы уже отмечали в отношении первых двух законов мышления, разбираемые

в этой статье два закона логики получают различную трактовку и различное выражение в формальной логике, метафизике и диалектической логике. Для формальной логики и метафизики имеет место только один закон — закон исключения, или запрещения, противоречия («третьего»), причем формальная логика делает это в порядке абстрагирования от реальных противоречий и их мысленных образов, а метафизика — в порядке абсолютного их отрицания.

Диалектическая логика, в противоположность метафизике и в отличие от формальной логики, рассматривает данные законы, во-первых, как законы разрешения противоречий, трактуя «третье» только с этой точки зрения. В зависимости от типа противоречия она усматривает возможность двоякого их решения: в одном случае противоречивые стороны (или положения) *а* и не-*а* соединяются в общем синтезе по формуле «и — и», как это имеет место в случае единства неантагонистических противоположностей; в другом случае *а* или не-*а* ликвидирует одно другое по формуле «или — или», не соединяясь в общем синтезе, как это имеет место в случае разрешения «борьбы» неантагонистических противоположностей.

Следовательно, речь идет о совершенно различных законах, где под «третьим» подразумевается противоречие — реальное или «логическое». Для формальной логики и метафизики это — закон *исключения* противоречия, для диалектической логики — закон *разрешения* или *выражения* противоречия. Этого нельзя забывать ни при каких условиях, чтобы не смешать закон исключения противоречия с законом разрешения и выражения противоречия, как это иногда случается с некоторыми нашими логиками.

III

ЗАКОН ОСНОВАНИЯ. СООТНОШЕНИЕ ЗАКОНОВ ЛОГИКИ И ДИАЛЕКТИКИ

3. ЗАКОН ВКЛЮЧЕННОГО ТРЕТЬЕГО

Основание и, соответственно, обоснование наших рассуждений выступает как отражение основания самих вещей и явлений. Поэтому раскрытие основания мысли предполагает проникновение в сущность изучаемого предмета; это достигается путем прослеживания того, как разрешается лежащее в основе этого предмета противоречие, составляющее его сущность. Так осуществляется в диалектической логике переход к основанию вслед за рассмотрением процесса разрешения противоречий. Здесь налицо преемственность между законами исключенного и включенного «третьего» (как выражающими противоречие и его разрешение) и законом основания.

Что касается формальной логики, то соответствующий ее закон, именуемый законом достаточного основания, не связан логически с остальными тремя ее законами. Три первых ее закона имеют между собой ясно выраженную связь. Закон тождества исключает противоречие в частном случае, когда дело касается соотношения тождества и различия, поскольку только таким способом можно элиминировать развитие,— в данном случае развитие мышления. Закон непротиворечия, будучи отрицательным выражением закона тождества, исключает всякое противоречие из области мышления. Закон исключенного третьего показывает, как надо проводить такое исключение по формуле «либо — либо».

Особняком от них и казалось бы вне всякого отношения к вопросу о противоречиях мышления и о его разви-

тии стоит закон достаточного основания, требующий только одного: чтобы каждая мысль, каждое положение не выдвигались без серьезных оснований и на *что-то* опирались (на что именно, это остается открытым). Иначе говоря, этот закон требует выводить новые положения из каких-то уже твердо установленных, апробированных и неопровержимых данных (или других положений, которые обладают характером доказанных истин).

Но если по своему содержанию закон достаточного основания в явной форме не связан с другими законами формальной логики, то по своему предельно абстрактному характеру он обнаруживает глубокое родство, полнейшее сходство с ними. Как и в трех других законах, в законе достаточного основания абстрактность, бессодержательность формальной логики раскрывается в полной мере: эта логика не говорит и не может сказать, *какое* именно основание должно считаться «достаточным», *где* и *каким* образом его надо искать. Она только утверждает, что оно должно быть. Работая над гегелевской логикой, Ленин записал: «Излишне прибавлять: *достаточное* основание. Недостаточное не есть основание» [1]. Следует учесть только, что формальная логика словом «достаточное» указывает на то, что основание должно быть действительным основанием, а не кажущимся, не вымышленным.

Но, как указывал Гегель, сам Лейбниц, введший в логику этот закон, понимал его гораздо глубже. Он противопоставлял достаточность основания механической причинности как одностороннему объяснению способа действия и искал «отношения» причин, в котором видел «целое как существенное единство» [2].

В таком понимании «достаточности основания» заключено нечто несравненно большее, чем в крайне общем, бессодержательном требовании, чтобы для всего было указано основание и чтобы без основания не выдвигалось никаких положений. Действительным *основанием* всех явлений служит их всеобщая универсальная закономерная связь, в которой отдельные причины представлены не изолированно одна от другой, а в их взаимодействии, в их соотношении. Эта мировая связь событий выступает как нечто целое, как существенное единство. Лейбниц как

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 133.
[2] Там же.

диалектик подходил к пониманию того, что односторонности механистического взгляда на причинную, закономерную связь явлений должен быть противопоставлен широкий, многосторонний взгляд, учитывающий всеобщую закономерную связь явлений как цельную, существенную, единую основу отдельных событий и, соответственно, высказываний о них. Таким образом, Лейбниц не ограничивался только голой констатацией того, что все имеет или должно иметь достаточное основание, но показал, *какие* именно основания нельзя считать достаточными (в силу их неполноты и односторонности), а *какие* — можно (в силу их полноты и всесторонности). А это есть уже прямой выход за рамки формальной логики с ее предельной абстрактностью.

Диалектическая логика видит реальное основание любых явлений и высказываний о них во всеобщей закономерной связи явлений, взятой в целом и рассмотренной со всех сторон, во всех ее отношениях. В требовании диалектической логики, которое Ленин сформулировал в работе «Еще раз о профсоюзах...» [3], указывается на то, что действительное знание предмета основывается на его всестороннем охвате, на изучении всех его связей и «опосредствований». Именно таким путем познание может раскрыть и раскрывает действительное основание всех вещей и явлений мира, а тем самым — и мыслей о них.

Подчеркивая слова Гегеля о том, что цельность, совокупность моментов действительности в своем развертывании оказывается необходимостью, Ленин отмечает: «Развертывание всей совокупности моментов действительности $N\,B$ = сущность диалектического познания» [4]. Здесь важно указание именно на универсальность и многогранность всеобщей связи явлений, которая лишь неполно, частично отражается понятиями *причина* и *следствие*. Поэтому-то, в силу своей односторонности, они не могут служить достаточным, т. е. полным, исчерпывающим основанием вещей и, соответственно, мыслей о них. Тем более это касается любого отдельного, вырванного из общей связи факта или случайно подобранной группы фактов. В таком выборе «основания» всегда есть много произвольного, субъективного, что не только не раскрывает подлинного

---

[3] См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 32, стр. 72.
[4] В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 147.

основания, но служит средством для его маскировки, для его затушевывания. Так, неполнота основания при известных условиях может вообще перейти в нечто произвольное, т. е. в отрицание действительного основания.

Касаясь вопроса о причинности, Ленин писал, что причина и следствие суть «лишь моменты всемирной взаимозависимости, связи (универсальной), взаимосцепления событий, лишь звенья в цепи развития материи» [5]. Он отмечал, как *Nota bene,* т. е. как особо важное положение — всесторонность и всеобъемлющий характер мировой связи, лишь односторонне, отрывочно и неполно выражаемый каузальностью. «Каузальность,— писал Ленин,— обычно нами понимаемая, есть лишь малая частичка всемирной связи, но (материалистическое добавление) частичка не субъективной, а объективно реальной связи» [6].

Понять явление можно лишь тогда, когда отдельные его стороны и вообще все особые его стороны, которые входят в его жизнь и историю, будут раскрыты как вытекающие из общей связи, которая лежит в основе их всех. По поводу соответствующего рассуждения Гегеля Ленин сделал замечание: «Все „отдельные стороны“ и целое» [7].

Раскрывая дальше это положение и поднимая его до уровня общего требования диалектической логики, Ленин подчеркивал, что только во взаимосвязи и цельности факты могут служить основанием для проводимого рассуждения; но взятый изолированно, а потому как случайно вырванный, отдельный факт сам по себе ничего не может обосновать.

В работе «Статистика и социология» (1917 г.) Ленин писал, что точные, бесспорные факты — вот что особенно необходимо для того, чтобы серьезно разобраться в сложном и трудном вопросе, который к тому же нередко оказывается умышленно запутанным. «Но как собрать факты? как установить их связь и взаимозависимость?»,— спрашивает Ленин и отвечает: «В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание *отдельных* факти-

---

[5] Там же, стр. 149.
[6] Там же, стр. 150.
[7] Там же, стр. 153.

ков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в их *целом,* в их *связи,* не только „упрямая", но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой, или кое-чем еще похуже» [8].

Следовательно, здесь имеется прямое и совершенно конкретное указание диалектической логики на то, *где* нужно находить действительное основание и *как* надо избегать ошибочной «игры в фактики», т. е. искусственного придумывания ложного основания, создания лишь видимости основания там, где его нет в действительности. Для этого, как учит Ленин, необходимо не подбирать интересующие нас примеры, выхватывая их из всей их совокупности, а брать ее как целую и анализировать ее именно как целое. Тогда будет устранена опасность субъективизма и произвола и будет создан действительный фундамент или основание для правильных логических рассуждений и выводов. «Вывод отсюда ясен,— писал Ленин,— надо попытаться установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно бы было опираться... Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого* исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится «субъективная» стряпня...» [9].

В другом месте Ленин кратко определил это требование следующим образом: «Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории» [10].

В более развернутом виде это же требование сформулировано Лениным в лекции «О государстве» как требо-

---

[8] В. И. Ленин. Сочинения, т. 23, стр. 266.
[9] Там же, стр. 266—267.
[10] В. И. Ленин. Сочинения, т. 35, стр. 200.

вание видеть основную линию всего развития и не потерять ее во множестве второстепенных данных. Ленин говорил: «Самое надежное в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений,— самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» [11].

В этом требовании выступает одно из общих положений диалектической логики, которое Ленин включил в число ее характерных черт и которое, в противоположность логике формальной, абстрактной, гласит: «...Абстрактной истины нет, истина всегда конкретна» [12].

Это положение относится ко всем законам диалектической логики и служит их общей характеристикой как законов конкретных, направленных на познание конкретной, т. е. единственной истины, в отличие от законов формальной логики, как законов абстрактных, служащих лишь предпосылкой или предварительным условием истинного знания.

Ленин, указывая на необходимость в качестве основания для любых выводов брать всю совокупность относящихся к ним данных, всегда выделял из этой совокупности главное, решающее, которым определяются все остальные, зависящие от него обстоятельства. Так, говоря об основании (или базе), на котором должен строиться анализ процесса социального развития в той или иной отдельной стране, Ленин подчеркивал, что характеристика этого процесса может быть правильно дана лишь на основе анализа главных признаков исторической эпохи, иначе никакая детализация признаков, касающихся отдельных стран, не может достичь цели: «...Только знание основных черт данной эпохи может послужить базой для учета более детальных особенностей той или иной страны...» [13].

---

[11] В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, стр. 436.
[12] В. И. Ленин. Сочинения, т. 32, стр. 72.
[13] В. И. Ленин. Сочинения, т. 21, стр. 125.

Но, разумеется, знания только одних общих черт переживаемой исторической эпохи недостаточно для учета конкретно-исторической обстановки в каждой отдельной стране. Это — только общая база, которую еще необходимо далее конкретизировать, дополнить анализом данных, относящихся именно к этой стране.

Исключительно важным является ленинское указание на то, что диалектика, следовательно, и диалектическая логика ни при каких условиях не может служить основанием для каких-либо субъективистских выводов, лишенных объективной базы, для личных ошибок и колебаний. Этим диалектика в корне отличается от софистики, которая как раз и является такого рода оправданием и «обоснованием» субъективного произвола как в теории, так и в политике. В работе «Шаг вперед, два шага назад» Ленин предупреждал: «Но великую гегелевскую диалектику, которую перенял, поставив ее на ноги, марксизм, никогда не следует смешивать с вульгарным приемом оправдания зигзагов политических деятелей, переметывающихся с революционного на оппортунистическое крыло партии, с вульгарной манерой смешивать в кучу отдельные заявления, отдельные моменты развития разных стадий единого процесса. Истинная диалектика не оправдывает личные ошибки, а изучает неизбежные повороты, доказывая их неизбежность на основании детальнейшего изучения развития во всей его конкретности. Основное положение диалектики: абстрактной истины нет, истина всегда конкретна...» [14]. Таким образом, и этот закон диалектической логики, как и остальные ее законы, имеет тот же гносеологический разрез: он направлен на то, чтобы отражать объективные условия развития и изгонять из области мышления и политической деятельности все субъективное, произвольное, привнесенное личными мотивами и соображениями и не имеющее основания в самой действительности.

Очевидно, что перечисленные выше элементы основания наших рассуждений, которые диалектическая логика выдвигает в качестве закона конкретного основания, предполагают такой весьма важный момент, как учет всей человеческой практики, о чем подробно говорилось выше. Рассматриваемый закон диалектической логики был сформулирован в развернутом виде Лениным в его работе

[14] В. И. Ленин. Сочинения, т. 7, стр. 380.

«Еще раз о профсоюзах...» в виде четырех требований, которые диалектическая логика выдвигает в первую очередь, когда заходит речь о том, чтобы «идти дальше» формальной логики по пути к действительному знанию предмета [15].

Подводя итог анализу соотношения формальной и диалектической логики в части закона основания, можно сказать следующее: в формальной логике этот закон служит способом установления фактов путем отделения непосредственных данных действительности от всего произвольного, вымышленного. Это прежде всего *логика констатации и собирания фактов.* Но она ничего не может дать для объяснения фиксируемых фактов. Для этого необходимо идти дальше и прибегнуть к помощи диалектической логики. Связывая и сопоставляя между собой уже установленные факты, подвергая их марксистскому анализу, она дает возможность проникнуть вглубь событий, найти и понять их сущность, их движущие силы, их закономерность. Соответственно этому диалектическая логика выступает в данном случае как *логика истолкования фактов, взятых в их взаимосвязи.*

Что же касается софистики, то «основания», на которых она строит рассуждения, столь же произвольны и субъективны, как и в метафизике, с той лишь разницей, что здесь осуществляется не абсолютизация формальной логики, а нарушение ее путем игнорирования конкретных условий времени, места и обстоятельств.

Например, социалисты-шовинисты пытались «обосновать» несостоятельными ссылками на Маркса и Энгельса свою измену принципам пролетарского интернационализма, призывая рабочих сражаться на стороне буржуазии ради ее империалистических интересов. С этой целью они вырывали из трудов основоположников марксизма различные оценки и высказывания, касающиеся прогрессивных буржуазно-национальных и национально-освободительных движений конца XVIII—XIX вв., и механически распространяли их на первую мировую войну, которая носила империалистический, захватнический характер. «Софизм этих рассуждений состоит в том,— писал Ленин,— что совершают подмен, ставя прежнюю, давно минувшую, историческую эпоху на место настоящей» [16].

---

[15] См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 32, стр. 72.
[16] В. И. Ленин. Сочинения, т. 21, стр. 162.

На такую же софистику опирались и троцкисты, когда они пытались доказать невозможность построения социализма в одной отдельно взятой стране. Они точно так же выхватывали отдельные высказывания Маркса и Энгельса, относившиеся к условиям домонополистического капитализма, когда капитализм развивался еще по восходящей линии, и механически применяли эти положения в условиях империализма, когда развитие капитализма пошло уже по нисходящей линии.

Итак, закон основания в диалектической и формальной логике, равно как в метафизике и софистике, отвечает общему характеру того или иного учения, которое формулирует соответственным образом этот закон.

2. СОПОСТАВЛЕНИЕ ЗАКОНОВ ЛОГИКИ

Для того, чтобы яснее определить основные черты законов мышления, необходимо сопоставить между собой рассмотренные выше законы мышления в их трактовке как формальной логикой, так и диалектической логикой, а также — метафизикой.

Законы формальной логики суть законы фиксированного, готового, как бы остановленного или завершенного знания. Поскольку всякая остановка, хотя бы мысленная, есть лишь момент движения, лишь абстракция, постольку все законы или правила формальной логики предельно абстрактны; они отвлекаются от всякого содержания и прежде всего от того содержания, которое связано с процессом познания как исторически развивающимся процессом. Через все ее законы красной нитью проходит отвлечение от развития, от изменения. Соответственно этому закон тождества есть отвлечение от заключенного в тождестве различия как от конкретного проявления противоречия в мышлении, отображающего соответствующее реальное противоречие самой действительности. Закон противоречия (точнее сказать, непротиворечия) есть отвлечение не только от данного частного противоречия — тождества и различия,— но от всяких реальных противоречий вообще; он выражает запрещение «логических противоречий», лишенных объективной основы. Закон исключенного третьего есть способ исключения всякого противоречия из мышления, как «логического», так и реального, ибо «третье», если бы оно допускалось, и было бы противоречием. Нако-

нец, закон достаточного основания есть предельно абстрактное признание того, что в рассуждении надо исходить из чего-то достоверного, твердо установленного, бесспорного.

Метафизика не имеет своих особых законов мышления. Она опирается на законы формальной логики, но возводит их в абсолют, распространяя на всю область познания в качестве единственных и всеобъемлющих законов. Тем самым она искажает их действительное познавательное значение. Всюду, где формальная логика лишь *отвлекается* от развития, от реальных противоречий и их отражения в мышлении, метафизика *отрицает* это развитие и эти противоречия. Поэтому абстрактное тождество превращается у нее в абсолютное, логическая непротиворечивость — в абсолютную непротиворечивость; исключенное третье как исключение «логического противоречия» — в исключение всякого противоречия вообще, в том числе и всех реальных противоречий. В этих условиях закон достаточного основания на деле превращается в допущение произвола, в субъективное навязывание объективному миру не свойственных ему черт.

Законы диалектической логики суть законы живого, развивающегося познания, отражающего развитие внешнего мира. Поскольку это развитие совершается диалектически противоречиво, постольку эти законы можно назвать также законами противоречиво развивающегося познания. Эти законы находятся в противоречии как с законами формальной логики, так и с их метафизическим истолкованием, т. е. искажением. Различие здесь заключается в том, что противоречие с формальной логикой носит в данном случае неантагонистический характер, являясь вполне закономерным и необходимым, а противоречие с метафизикой носит антагонистический характер и делает невозможным совмещение диалектического мышления с метафизическим. Законы диалектической логики как конкретные противостоят законам формальной логики как абстрактным; одновременно они противостоят (как выражающие относительный характер всех противоположностей) метафизике, которая приписывает противоположностям абсолютный характер. Понятие *«конкретное тождество»* противостоит понятию *«абстрактное тождество»* в формальной логике и вместе с тем, будучи относительным, оно противостоит понятию *«абсолютное тождество»* в метафизике. Призна-

ние реальных противоречий и необходимости их отражения адекватным, т. е. столь же противоречивым, образом в мышлении противостоит, с одной стороны, абстрактному подходу формальной логики, отвлекающейся от всяких противоречий и запрещающей лишь «логические противоречия», а, с другой стороны, в корне ложному подходу метафизики, отрицающей существование всяких противоречий вообще. Поскольку и формальная логика и метафизика исключают противоречия из области мышления (а метафизика также из области всей реальной действительности), то из двух противоречивых положений та и другая предлагают всегда выбирать только одно, так как в противном случае было бы допущено противоречие. Исключенному третьему как исключению или устранению противоречия диалектическая логика противополагает определенный способ разрешения реального противоречия, причем в зависимости от характера противоречия и способ его разрешения неодинаков. Для антагонистического противоречия это — исключение «третьего», под которым в данном случае понимается «примирение» непримиримого, что невозможно, или же нахождение какого-то мифического «третьего» пути, которого в действительности не существует. Антагонистическое противоречие разрешается лишь путем уничтожения одной из его сторон по принципу *либо — либо*.

В случае неантагонистического противоречия «третье» есть их соединение, их синтез в некое высшее единство, которое становится разрешением данного противоречия и вместе с тем исходным пунктом для возникновения нового противоречия на более высокой основе в процессе дальнейшего развития предмета. В более общем случае «третьим» оказывается сам предмет познания, представляющий собой единство противоположностей.

Наконец, абстрактному достаточному основанию формальной логики, которое в руках метафизиков, а также софистов, превращается в оправдание любого субъективного произвола при превращении реально-относительного в мнимо-абсолютное, диалектическая логика противопоставляет совершенно конкретное основание; последнее составляет всеобщую закономерную связь явлений, которая рассматривается многосторонне, во всей ее сложности и внутренней противоречивости. Абстрактному основанию формальной логики противостоит, таким образом, вполне

конкретное основание, а субъективному «основанию» метафизики и софистики — строго объективное основание.

Из сказанного следует, что все без исключения законы мышления диалектической логики суть различные стороны или моменты отражения реальных противоречий в сознании человека: конкретное тождество, с которого начинается рассмотрение, есть один из важных случаев противоречия; далее следует вопрос о противоречии в его полном объеме; затем идет речь о разрешении и выражении противоречий различных типов; наконец, выясняется основание всего этого в противоречивой связи явлений. Следовательно, все только что перечисленные законы есть лишь различные проявления основного в диалектике и диалектической логике учения о противоречии как ядре диалектики. В данном случае это ядро выступает специфическим образом применительно к сфере мышления. Попытаемся теперь все сказанное относительно законов логики представить в виде сводной схемы (см. стр. 212—213).

В этой схеме отражено следующее. Законы формальной логики являются предельно общими, абстрактными правилами, руководствуясь которыми мышление должно лишь избегать элементарных логических ошибок. Законы диалектической логики являются конкретными, т. е. являются законами в подлинном смысле этого слова; они адекватны действительности, обеспечивают полное знание, способствуя раскрытию истины во всем ее объеме. «Законы» метафизики не являются вообще законами мышления в принятом значении этого слова, а, напротив, представляют собой приемы искажения настоящих законов и правил мышления, законов познания.

Всякая попытка абсолютизировать формальную логику и ее правила, распространить их за пределы их действительной применимости, универсализировать их, превратив в единственные законы мышления, самую формальную логику превращает в метафизику. Этот переход формальной логики в метафизику и эклектику оказывается иногда совершенно незаметным для того, кто его совершает, так как очень нетрудно признать несуществующим все то, от чего приходится полностью отвлекаться, абстрагироваться по необходимости, в силу специфического характера формальной логики. Правильное применение формальной логики никогда не может привести и не приводит к метафизике, не надо только объявлять несуществующим и включать

	Законы и их формулирование в		
	диалектической логике	формальной логике	метафизике
1. Закон тождества	Закон конкретного, относительного тождества ($a = a$ и $a \neq a$)	Закон абстрактного тождества ($a = a$)	«Закон» абсолютного тождества ($a = a$)
2. Закон противоречия	Закон объективного, реального противоречия ($a =$ не-a)	Закон субъективного («логического») непротиворечия ($a \neq$ не-a)	«Закон» абсолютного непротиворечия ($a \neq$ не-a)
3. Закон исключенного третьего Третье =	Закон разрешения (преодоления) реального противоречия («*или — или*») =мнимому «примирению» антагонистических противоположностей	Закон запрещения («исключения») противоречия («*или — или*») =вымышленному («логическому») противоречию	«Закон» запрещения («исключения») противоречия («*или — или*») =всякому противоречию вообще
4. Закон включенного третьего	а) Закон разрешения (преодоления) реального противоречия («*и — и*»)	Закона нет	Закона нет

Третье = единству противоположностей	Третье = соединению неантагонистических противоположностей в высшем синтезе	Третье полностью игнорируется и запрещается	Третье полностью отрицается
. . . . .	. . . . .	. . . . .	. . . . .
	б) Закон выражения реального противоречия («*и — и*», «*ни — ни*»)	По формуле «*или — или*»	По формуле «*или — или*»
	Третье = соединению конкретных противоположностей в действительности	допускаются лишь абстрактно-полярные противоположности	допускаются лишь абсолютно-полярные противоположности
5. Закон основания:	Закон конкретного объективного основания	Закон абстрактного («достаточного») основания	«Закон» субъективного «основания»
. . . . .	. . . . .	. . . . .	. . . . .
Основание =	= учету: а) многосторонней связи явлений,	= отвлечению а) от связи явлений (абстрактная односторонность подхода),	=отрицанию и произвольному игнорированию: а) связи явлений (абсолютная односторонность подхода),
	б) их развития,	б) от их развития (учет абстрактного момента неизменности),	б) их развития (полное омертвление предмета),
	в) практики как совокупности конкретных действий, событий и т. д.,	в) от практики,	в) практики (вырывание изолированных фактов из их общей связи),
	г) конкретности истины	г) от живой действительности (абстрактность истины)	г) живой действительности (мертвый схематизм)

в формальную логику то, от чего она должна в силу своей собственной природы полностью абстрагироваться. Все, что не составляет предмета изучения формальной логики, входит в круг вопросов, разбираемых диалектической логикой. Последняя сохраняет все ценное, что дает формальная логика, устраняющая из мышления логические противоречия, т. е. субъективные, произвольные, привнесенные сюда субъективно и не соответствующие действительности. В остальном же диалектическая логика, опираясь на свои собственные законы, осуществляет своими способами содержательный логический анализ, требуемый наукой.

Сказанное можно резюмировать следующим образом:

Сравнительная характеристика законов логики	Диалектической, т. е. логики конкретной	Формальной, т. е. логики абстрактной	Метафизики, т. е. логики неверной
Законами логики служат:	законы конкретного мышления, адекватного действительности	предельно общие правила абстрактного мышления	приемы абсолютизации формальных правил мышления, искажающие действительность

3. О СПЕЦИФИЧНОСТИ ЗАКОНОВ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ

Рассмотрим еще один вопрос: как соотносятся специфические законы мышления, которые формулирует диалектическая логика, с законами всей диалектики как наиболее общими законами природы, общества и мышления. Очевидно, что первые суть конкретизация вторых применительно к области мышления; вместе с тем между ними имеются и определенные различия.

Закон конкретного тождества представляет собой конкретизацию закона единства и «борьбы» противоположностей применительно к раскрытию единства тождества и различия. Вместе с тем он является конкретизацией закона перехода количественных изменений в качественные применительно к определению тех границ, в которых сохраняется относительное тождество, отражающее собой относительную устойчивость и качественную определенность изменяющейся вещи или мысли о ней.

Закон объективного противоречия является конкретным воплощением закона единства и «борьбы» противоположностей в сфере мышления. Этот закон может трактоваться как закон отражения мышлением реальных противоречий в логически адекватной, следовательно, противоречивой форме, при условии абсолютного недопущения фиктивных, «логических противоречий» с самим собой.

Закон исключенного и включенного третьего касается способов разрешения и выражения противоречия; он есть конкретизация не только обоих предыдущих законов диалектики (перехода количества в качество и единства противоположностей) но и, в особенности, закона отрицания отрицания. Закон отрицания отрицания выступает здесь по-разному; он проявляется и в случае разрешения антагонистических противоречий согласно формуле «или — или» (когда «третье» исключается) и еще яснее — в случае разрешения неантагонистических противоречий согласно формуле «и — и» (когда «третье» включается в виде итогового синтеза, который как раз и воплощает в себе диалектическое отрицание отрицания). Действие закона отрицания отрицания обнаруживается всегда, когда мы от разобщенных в нашей абстракции противоположностей приходим к раскрытию их единства.

Закон конкретного основания представляет собой конкретизацию общих принципов или черт диалектики, предметом изучения которой служит всеобщая связь явлений и всеобщее развитие, движение и изменение всех вещей и явлений мира. В этом законе воплощается выдвигаемое диалектикой требование конкретности истины, осуществление которого возможно лишь при условии рассмотрения любого предмета в его всесторонней связи с остальными предметами мира и в его развитии и изменении.

Таким образом, законы диалектической логики — по существу те же общие законы диалектики, которые действуют не только в мышлении, но и в природе и обществе. Однако когда мы говорим именно о законах диалектической *логики,* а не диалектики вообще, то имеем в виду их конкретное проявление в специфически характерной для логики форме, за которой скрывается то же общее содержание, какое присуще вообще всем законам и принципам диалектики. Такая конкретизация общих законов применительно к определенной области науки имеет весьма существенное значение. Это можно сравнить с тем, что дает ис-

торический материализм: будучи применением диалектического материализма к объяснению и пониманию общественных явлений, он имеет специфические законы и категории, в которых конкретизируются, применительно к данному объекту, общие законы и категории материалистической диалектики. Специфичность законов и категорий диалектической логики столь же важна, как и специфичность законов и категорий исторического материализма. Подобно тому, как нельзя представлять себе последние только как закон единства и «борьбы» противоположностей и т. д. или как категории случайности и необходимости и т. п., так нельзя этого делать и в отношении диалектической логики: она имеет свои собственные, особенные законы и категории, которые нельзя свести целиком к лежащим в их основе общим законам и категориям диалектики.

Указанное обстоятельство имеет весьма важное значение. Противники диалектической логики утверждают, будто никакой такой логики нет и что это — просто другое название диалектики. Если бы она существовала как особая логическая наука, помимо формальной логики, говорят они, то были бы известны и ее особые законы мышления. Однако диалектическая логика, по их словам, якобы не дала никаких специфических законов мышления. Законы, которыми она оперирует, это и по существу и по форме суть общие законы диалектики (переход количества в качество, единство и «борьба» противоположностей, отрицание отрицания). То же касается и принципов диалектики (принцип всеобщей связи, принцип развития).

Поэтому если мы, анализируя законы диалектической логики, будем ограничиваться показом лишь того, что процесс мышления подчиняется общим законам диалектики, и не раскроем *специфичности* их действия в сфере мышления, то мы не сможем отвести главного довода, выдвигаемого противниками диалектической логики против нее как особой логической науки.

Вот почему мы считали чрезвычайно важным показать, что Маркс, Энгельс и Ленин по сути дела сформулировали и применяли в своих научных трудах и в своей практической деятельности особые законы диалектического мышления, что, следовательно, диалектическая логика действительно имеет свои *особые* законы, законы мышления, противоположные метафизике и отличные от законов формальной логики.

При трактовке этих законов логики важно отмечать в них не только то общее, что они имеют с аналогичными законами развития, действующими во внешнем мире (в природе и обществе), но и то, что в них имеется особенного, свойственного только им как законам *мышления*. Это особенное выступает тогда, когда рассматривается развитие не самих объектов (вещей и явлений) внешнего мира, а их мыслительных отражений, т. е. *понятий*.

Нам представляется недостаточным при изложении диалектической логики ограничиваться только показом действия общих законов диалектики в сфере мышления, ибо некоторые противники диалектической логики, по крайней мере открыто, не отрицают того, что диалектика и ее общие законы применимы и к мышлению, а именно к анализу его содержания. Они «только» отрицают наличие в области мышления каких-либо иных, специфических для мышления законов, кроме законов формальной логики, т. е. кроме законов абстрактного тождества, непротиворечия, исключенного третьего и достаточного основания. Но если принять, что в сфере мышления действуют только эти логические законы, то тем самым отрицается вся диалектическая логика и остается лишь одно декларативное признание, что диалектика распространяется также и на область мышления, но не конкретизируется здесь применительно к особенностям самого предмета (мышления). Тогда действительно диалектическая логика была бы только иным названием диалектики, ничем не отличающейся от нее не только по существу, но и по форме. Между тем диалектика, будучи всеобщей по своему характеру, выступает по особенному в каждой области знания, и ее нельзя понимать как некоторое абстрактное учение, приложимое совершенно одинаковым образом к любому предмету, поскольку, де, все течет, все изменяется, все связано и все взаимодействует. Диалектика требует ставить все вопросы сугубо конкретно, а не «вообще», и в этом ее суть.

Вот почему так важно, на наш взгляд, при обосновании права диалектической логики на существование показывать и доказывать, что абстрактным законам формальной логики она противопоставляет свои, несравненно более общие, а главное более конкретные и содержательные законы мышления, которыми люди широко пользуются в процессе достижения подлинного знания и в практической деятельности, в процессе раскрытия и проверки истины.

Все четыре закона формальной логики суть не что иное, как бледная и односторонняя абстракция некоторых отдельных *моментов* соответствующих законов диалектической логики (конкретного тождества, противоречия, разрешения противоречия и конкретного основания), но взятых в отрыве от самих этих законов, как целых, т. е. взятых не диалектически, а чисто формально. Только в этом, в сущности, и состоит на наш взгляд вся познавательная ценность законов формальной логики, подготавливающих возможность использования законов диалектической логики. То, что выдается иногда за всеобщность и универсальность законов формальной логики, есть не более, как всеобщность пропедевтики, необходимой для подлинно научной логики — логики полного, исчерпывающего, истинного и вечно развивающегося знания. Такой научной логикой и является марксистская диалектическая логика.

Часть третья

В. А. Лекторский,
Н. В. Карабанов

ПОНЯТИЕ ТОЖДЕСТВА В ФОРМАЛЬНОЙ И ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКЕ

I

ПРОБЛЕМА ТОЖДЕСТВА В ФОРМАЛЬНОЙ ЛОГИКЕ

В учебниках по формальной логике в качестве одного из законов мышления обычно называют закон тождества: «*а* есть *а*», или «$a = a$». Среди логиков существуют различные мнения по поводу того, считать ли закон тождества главным законом мышления или производным от других законов (противоречия и исключенного третьего). Однако никто из них, как правило, не сомневался в том, что формальнологический закон тождества является одним из основных законов мышления [1].

Однако известно, что возникновение и развитие диалектической логики в XIX в. сопровождалось нападками на формальнологический закон тождества. Гегель видел в формуле «$a=a$» пустую тавтологию: «...Этот закон мышления *бессодержателен* и никуда далее не ведет» [2]. «...И если это предложение есть абсолютная истина, то нужно сказать, что такая абсолютная болтовня ценится весьма низко; ничто не считается более скучным и несносным, чем беседа, пережевывающая лишь одно и то же,— чем такого рода речь, которая, однако, якобы есть исти-

[1] Например, Лейбниц считал, что все рассуждения в математике и логике основаны лишь на действии закона тождества (который он, правда, не отделял от закона противоречия).

[2] Гегель. Сочинения, т. V. М., Соцэкгиз, 1937, стр. 484.

на»[3]. «...Если, например, на вопрос: *что такое растение*? дают ответ: *растение есть растение*, то все общество, на котором испытывается истинность такого рода предложения, одновременно и признает ее и столь же единогласно заявляет, что этим *ничего* не сказано»[4].

Если мы не находим критики формальнологического закона тождества в работах основоположников диалектико-материалистической логики — Маркса и Энгельса (у Энгельса имеется лишь критика метафизического истолкования этого закона), то такие представители диалектической логики, как Плеханов и Деборин, сомневаются в том, что закон тождества является необходимым законом мышления[5]. В недавно вышедшей книге венгерского логика-марксиста Б. Фогараши утверждается: «Принцип тождества в своей традиционной форме (*а* есть *а*.— *Авт.*) стоит в связи с метафизическим пониманием действительности и является соответствующим ей логическим выражением... Принцип тождества в его традиционной форме устарел, он относится к пройденному этапу развития науки»[6].

В настоящее время проблема выяснения действительного смысла тождества в формальной и диалектической логике стоит острее, чем когда-либо. Это объясняется как развитием диалектической логики, некоторые представители которой в той или иной форме отвергают закон тождества формальной логики, так и развитием самой современной формальной логики (математической логики, логической семантики). Понятие тождества фигурирует в математической логике не только при формулировании закона тождества, но и при исследовании «тождественно-истинных формул», «тождественных преобразований». В современной логике развита специальная «теория тождества». Одной из центральных проблем логической семантики является проблема тождества значений предложений, предикатов, имен («проблема синонимии»). В системах модальной логики вводятся понятия необходимого и случайного тождества.

---

[3] Гегель. Сочинения, т. V. М., Соцэкгиз, 1937, стр. 487.

[4] Там же.

[5] Гегель. Сочинения, т. I, стр. LXXVIII. Вступительная статья А. Деборина «Гегель и диалектический материализм».

[6] Б. Фогараши. Логика. М., ИЛ, 1959, стр. 82. Подобные рассуждения можно найти в книге Эли де Гортари «Введение в диалектическую логику». М., ИЛ, 1959, стр. 148.

Уже в рамках формальной логики выяснение смысла понятия тождества не является праздным делом [7]. Тем более заслуживает внимания изучение того, в каком отношении формальнологическое понимание тождества находится к учению диалектической логики о конкретном тождестве как тождестве противоположностей. Решение данного частного вопроса может способствовать также выяснению общей проблемы соотношения формальной и диалектической логики.

1. ПОНЯТИЕ АБСТРАКТНОГО ТОЖДЕСТВА В ФОРМАЛЬНОЙ ЛОГИКЕ.

Традиционная формальная логика формулировала принцип тождества в виде «$a=a$» или «a есть a». При этом данный принцип получал двоякое истолкование: онтологическое (указание на необходимость тождественности себе реальных предметов, ситуаций, о которых идет речь, по крайней мере, в продолжение речи, как на условие правильного логического рассуждения) и логическое (указание на необходимость сохранения в процессе рассуждения постоянства значений понятий) [8].

Поскольку в традиционной логике можно обнаружить и отдельные фрагменты логических исчислений, постольку принцип тождества мог выступать и в качестве аксиомы или теоремы этих исчислений [9].

Заметим сразу же, что данная интерпретация принципа тождества не представляет собою ничего метафизического, так как признание относительной устойчивости, относительного постоянства вещей, ситуаций, процессов отнюдь не противоречит точке зрения диалектики. Другое дело, метафизическая абсолютизация принципа «$a = a$», истолкование его в качестве выражения вечности и неизменности неких равных самим себе сущностей. Против такой абсолютизации смысла «$a = a$», имевшей место

---

[7] Следует заметить, что сказанное относится не только к современной формальной логике (хотя к ней это относится в первую очередь), но также и к традиционной. Уже у логиков XIX в. можно отметить несколько разных толкований закона тождества.

[8] «Философская энциклопедия». М., 1961, т. I, стр. 7.

[9] Я. Лукасевич. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. М., 1959, стр. 112.

в истории философии и логики, решительно выступал Ф. Энгельс [10].

Принцип тождества играет важную роль в математической логике, которую можно рассматривать как современный вид формальной логики. Принцип тождества выступает, с одной стороны, как принцип синтаксического метаязыка, утверждающий тождество самой себе каждой формулы логистической системы. В качестве принципа метаязыка семантики принцип тождества выражает постоянство значений выражений формализованного языка (получаемого в результате интерпретации логистической системы). Наконец, принцип тождества выступает в качестве выводимой формулы самих логистических систем, выражая при интерпретации этих систем постоянство ситуаций, свойств, предметов и т. д., выражаемых в языке через предложения, предикаты, имена предметов и т. д.

В исчислении высказываний принцип тождества обычно записывается в виде «$a \equiv a$» или «$a \supset a$», где « $\equiv$ » — знак эквивалентности, который можно рассматривать как формальный аналог содержательного выражения обычной речи: «Только и если только, ..., то...», а «$\supset$»— знак материальной импликации, который в некоторых отношениях аналогичен выражению «если ..., то», «a» — знак высказывания. В исчислении предикатов первого порядка принцип тождества выражается в виде формулы. $(x)\,[f(x) \equiv f(x)]$ или $(x)\,[f(x) \supset f(x)]$, где «(...)» — квантор общности, содержательно читаемый как «для всякого предмета...», «x» — знак предмета (предметная переменная), «f» — знак предиката. Важно заметить, что и в других логических исчислениях (например, в исчислениях предикатов высших порядков) мы всегда можем найти формальные аналоги принципа тождества. Некоторый интерес представляет запись принципа тождества в исчислении классов. Классы обычно определяются через предикаты : $x \in F = Df\ f(x)$, где F — обозначение класса, а «$\in$» выражает принадлежность предмета классу в качестве его члена. Формулу $(x)\,[(x) \supset f(x)]$ можно представить как $(x)\,[(x \in F) \supset (x \in F)]$, а последнюю формулу в виде сокращения $F \subset F$, где «$\subset$» — знак включения од-

[10] См. Ф. Энгельс. Диалектика природы. Госполитиздат, 1955, стр. 170.

ного класса в другой. Принцип тождества, таким образом, выступает в исчислении классов в виде формулы, утверждающей, что каждый класс является собственным подклассом.

Заметим, что в качестве выводимой формулы логических исчислений принцип тождества может быть как аксиомой этих исчислений, так и теоремой (например в логической системе Рассела — Уайтхеда он выводится как теорема).

До сих пор мы говорили о том, что наличие закона тождества в качестве выводимой формулы логических исчислений необходимо предполагает постоянство ситуаций, свойств, предметов той области, на которую распространяется интерпретация.

Формальнологический закон тождества, понимаемый не только как закон логического исчисления, но и в более широком плане — как принцип метаязыка — вообще говорит лишь о том, что тождество самим себе ситуаций, предметов и т. д. является *необходимой предпосылкой* правильного логического рассуждения. Но принцип тождества ничего не говорит о том, каким образом, при помощи каких логических средств нужно самоотождествить предметы (следовательно, отличить их друг от друга). Возникает вопрос: можно ли вообще, оставаясь в рамках формальной логики, построить теорию отождествленных предметов? (Если бы такую теорию удалось построить, то затем, на ее основе, можно было бы построить и теорию отождествления ситуаций, свойств и т. д.).

Попытка выражения условий тождества двух предметов средствами математической логики принадлежит Расселу, который сформулировал следующее определение знака тождества « = »:

$$(x = y) = Df \cdot (f)\,[f(x) \supset f(y)]$$

Это определение нужно следующим образом выразить в словах: «два предмета тождественны, если каждое свойство одного из них является одновременно свойством другого предмета». Данную формулировку обычно называют «принципом Лейбница» (иногда «принципом Лейбница — Рассела») или «принципом тождества неразличимых», так как эта формула позволяет умозаключать от совпадения всех свойств двух предметов к тождеству самих предметов. Из принципа Лейбница легко выводятся и остальные зако-

ны так называемой «теории тождества», формулирующие свойства рефлексивности, симметрии и транзитивности для отношения тождества: $x = x$; если $x = y$, то $y = x$; если $x = y$, $y = z$, то $x = z$ [11].

Вышеприведенная формулировка принципа тождества неразличимых играет принципиальную роль в логической системе Рассела. Хотя формальная логика имеет дело с исчислением истинных высказываний (формул, предикатов), которые, естественно, формулируются для переменных, а не индивидуальных предикатов, однако возможность определить индивидуальный предикат « = » исключительно с помощью логических переменных, а также возможность представить принцип Лейбница в виде логической тавтологии свидетельствуют, с точки зрения Рассела, о логическом характере и самого принципа и отношения « = ». Поскольку Рассел использует знак « = » в своем логическом определении понятия числа, то приведенная выше интерпретация принципа тождества неразличимых используется при доказательстве общего философского тезиса о сведении математики к логике.

Однако принцип тождества неразличимых не перестает быть объектом самой серьезной логической и философской критики, справедливо вскрывающей сомнительный и даже абсурдный характер той его формулировки, которую дал Рассел. В самом деле, если тождество есть нечто неразличимое, то знак « $\overline{=}$ » выражает вовсе не особый тип отношения между объектами, а просто наличие одного единственного объекта. Уже Л. Витгенштейн отметил: «...сказать о двух предметах, что они тождественны бессмысленно, а сказать об одном предмете, что он тождествен самому себе, значит ничего не сказать» [12].

«Тождество объектов я выражаю тождеством знаков, а не с помощью знака тождества. Различие объектов — различием знаков» [13].

Витгенштейн сомневается и в тавтологическом характере принципа Лейбница — Рассела. Согласно Витгенштейну возможно представить такое положение дел («такой мир»), при котором принцип тождества неразли-

[11] H. Reichenbach. Elements of Symbolic Logic. N. Y., 1948, p. 243.

[12] Л. Витгенштейн. Логико-философский трактат, стр. 76, 5.5303.

[13] Там же, 5.53.

чимых не будет действовать: «Расселевское определение « = » не годится, так как согласно ему нельзя сказать, что два объекта имеют общими все свойства. (Даже если это предложение никогда неверное, оно все же имеет смысл.)» [14] Эта линия критики принципа Лейбница развивается в последнее время рядом зарубежных логиков: так, М. Блэк отмечает, что принцип тождества неразличимых в сущности выражает узко-эмпирический, позитивистский принцип верификации, который вступил в противоречие с развитием современной науки [15]. Г. Рейхенбах тоже считает, что лейбницевский принцип тождества неразличимых является ранней формулировкой верификационистской теории значения (правда, Рейхенбах не отвергает сам принцип верификации) [16].

Показательно, что во «Введении» к «Логико-философскому трактату» Б. Рассел признал: «...Витгенштейн подверг концепцию тождества разрушительной критике, от которой, по-видимому, нет спасенья» [17].

Но каков же вывод из всей этой «разрушительной критики». Сам Витгенштейн предлагает отказаться от употребления знака «=» в логике и математике: «...Знак тождества не является существенной составной частью логической символики» [18]; «...в уравнении существенно то, что оно не необходимо для того, чтобы показать, что оба выражения, связываемые знаком равенства, имеют одинаковое значение, так как это может быть понято из самих этих двух выражений» [19]. Однако это предложение вряд ли может быть принято, поскольку знак « = » играет в математике принципиальную роль. Некоторые зарубежные логики пытаются дать другую интерпретацию принципу тождества неразличимых. Так, Г. Рейхенбах считает, что правильная формулировка принципа Лейбница может быть дана лишь на метаязыке: «Два символа обозначают одну и ту же вещь, если любые два предложения, содержащие эти символы в соответствующих местах, имеют

---

[14] Л. Витгенштейн. Логико-философский трактат, 5.5302.
[15] M. Black. The Identity of Indiscrenibles. «Mind», vol. 61, 1952;
[16] H. Reichenbach. Elements of Symbolic Logic, p. 7—8.
[17] Л. Витгенштейн. Логико-философский трактат, стр. 20.
[18] Там же, стр. 76, 5.533.
[19] Там же, стр. 89, 6.232.

одинаковые истинностные значения»[20]. С нашей точки зрения, рейхенбаховская интерпретация принципа тождества неразличимых вполне рациональна. Но как раз в этой интерпретации подчеркивается, что отношение тождества, понимаемое как неразличение, и не может быть отнесено к реально существующим предметам. С точки зрения Рейхенбаха, знак «=» по своей природе является не «обозначающим» (denotative), т. е. относящимся к реальным предметам, а «выражающим» (expressive), т. е. имеющим чисто логическую функцию. Правда, путем различных условных соглашений можно придать знаку «=» и «обозначающую» функцию, однако это не меняет его первичной «выражающей» природы. Важно отметить, что формулировка Рейхенбаха уже предполагает наличие тождества самой себе реальной вещи, также как и самотождественность символов и предложений. Таким образом, проблема анализа условий отождествления и различения предметов в рамках формальной логики этой формулировкой в сущности снимается.

Часть логиков и математиков вообще не дает определения отношения тождества, считая его интуитивно данным. Дело в том, что использование в логике и математике знака « = », а также доказательство относящихся к нему законов, вовсе не требует обязательного формулирования принципа Лейбница— Рассела. Можно показать, что, например, для доказательства законов теории тождества (формулирующих свойства рефлексивности, симметрии и транзитивности отношения тождества) вполне достаточно следующих двух аксиом: 1) $x = x$ и 2) $(x = y) \supset [f(x) \supset \supset f(y)]$[21].

Из сказанного выше можно сделать существенный вывод: подчеркивая необходимость самотождественности предметов, ситуаций, логических знаков и т. д. в качестве условия правильного логического мышления, формальная логика вместе с тем оказывается не в состоянии дать анализ реальных условий отождествления и различения предметов. Такой анализ может быть дан лишь диалектической логикой, т. е. наукой, изучающей генезис содержательных форм познания.

---

[20] H. Reichenbach. Elements of Symbolic Logic, p. 241.

[21] П. С. Новиков. Элементы математической логики, 1959, стр. 286—287.

2. ОГРАНИЧЕННОСТЬ ФОРМАЛЬНОЙ ЛОГИКИ В УЧЕНИИ О ТОЖДЕСТВЕ

Традиционный эмпиризм в теории познания (восходящий к Локку) следующим образом отвечал на вопрос о том, как происходит отождествление предметов. Имеется группа предметов, обладающих как общими чертами, так и чертами, отличающими их друг от друга. Если мы абстрагируем от предметов общие черты и игнорируем различия, то мы производим *отождествление* предметов между собой. В этом случае можно говорить о том, что мы имеем дело с *одним и тем же* предметом, выступающим в разных формах. При этом важно подчеркнуть, что выбор свойств, по которым осуществляется сравнение предметов, считается обусловленным точкой зрения субъекта. Именно точка зрения субъекта, его представление о том, какие признаки предметов следует считать существенными в данных условиях, и определяет сам круг отождествляемых между собой предметов.

Эта субъективистская тенденция, присущая эмпирической теории познания, перерастает в откровенный релятивизм в работах современных неопозитивистов и близких к ним философских школ (вроде школы «логического анализа»). Приведем один пример. В книге Р. Крошей-Вильямса анализируется смысл слова «тот же самый» (same) [22]. Автор предлагает читателю рассмотреть следующую ситуацию. Мистер Браун, школьный учитель, находится в поле и стоит недалеко от белой линии, отмеченной на земле. Джонс и Смит — два школьника, которые с разных сторон быстро приближаются к этой линии. Джонс пересекает линию в 3 час. 45 мин., а Смит — на полсекунды позже. Таковы факты. Как можно их описать? Скажем ли мы, что Джонс и Смит прибыли в *одно и то же* время, или заявим, что один прибыл позже другого? «Очевидно, то, что мы скажем, зависит от цели, которую имел м-р Браун, прося Джонса и Смита приблизиться» [23]. Если м-р Браун просто хотел, чтобы Джонс и Смит принесли ему стул, то он скажет (а вместе с ним и мы), что они прибыли в *одно и то же* время. Если же м-р Браун просил ребят посорев-

---

[22] R. Crawshey-Williams. Methods and Criteria of Reasoning. London, 1957, p. 22—23.

[23] Ibid., p. 23.

новаться в беге, то он скажет, что школьники прибыли в *разное* время.

Этим примером (и другими подобными ему) Крошей-Вильямс пытается доказать, что отождествление или различение предметов и событий обусловлено тем «контекстом», в котором их берет субъект; выбор же «контекста» в последнем счете зависит от цели субъекта: «...Если два качества вполне справедливо называются тождественными, это само по себе не является достаточным основанием для вывода о том, что они также вполне справедливо не могут быть названы различными (и наоборот)» [24]. Нет объективно существующих тождественных или различных предметов, событий, фактов. Тождественными или различными делает их человек, субъект, причем то, что тождественно в одной ситуации, в одном «контексте», для одной цели субъекта, не является таковым в другой ситуации, для другой цели субъекта и т. д.

Хотя вопрос об отождествлении в процессе познания и не относится прямо к формальной логике, во многих старых учебниках по формальной логике в качестве теоретико-познавательного «довеска» фигурировала эмпирическая теория отождествления. Следует сказать, что и в современных учебниках формальной логики, в том числе в учебниках, написанных марксистами, можно встретить рассуждения о том, что существенность выбранных признаков не является обязательным условием отождествления предметов, или точнее, что эта существенность определена не самим по себе взятым предметом, а той ситуацией, в которой предмет выступает. В книге А. В. Савинова [25] специально подчеркивается, что отождествить предмет, имея перед собою два его разных состояния, можно и по несущественному признаку: достаточно, чтобы он был специфическим, т. е. присущим именно данному предмету и никакому другому. Не приходится сомневаться в возможности, указанной А. В. Савиновым (автор подтверждает ее многочисленными примерами). Однако наличие этой возможности предполагает, что мы уже умеем выделять «специфический» признак предмета, т. е. признак, присущий именно данному предмету и никакому другому. Как мы это делаем, где у нас гарантия того, что именно данный

[24] Ibidem.

[25] А. В. Савинов. Логические законы мышления. Л., Изд-во ЛГУ, 1958, стр. 147.

признак является специфическим? Очевидно, мы можем признать его специфичность в том случае, если знаем о связи этого признака с существенными особенностями предмета. Иными словами, мы приходим к необходимости выявления такого отношения тождества, которое обусловлено существом, природой самого исследуемого предмета.

Нельзя отрицать, что процесс отождествления, который описывают эмпирики, действительно имеет место в познании. На характер отождествления, на выбор круга отождествляемых предметов действительно оказывает влияние также и цель субъекта. Дело, однако, в том, что данные факты не имеют отношения к существу процесса познания, который характеризуется постоянной тенденцией к вычленению собственных свойств объекта, остающихся постоянными, «инвариантными» при всех изменениях «точки зрения» субъекта [26]. В «чистом» виде данная тенденция познания обнаруживается в научно-теоретическом мышлении, преследующем единственную цель: отразить предмет совершенно объективно, независимо от отдельных, частных целей субъекта.

При помощи каких логических средств раскрывается научно-теоретическим мышлением объективное отношение тождества? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к анализу конкретного материала: разберем, как происходит отождествление различных пространственных объектов в геометрии. Предварительно остановимся на некоторых положениях математической теории групп, поскольку современная геометрия неотделима от методов этой теории.

В алгебраической (абстрактной) теории групп дается следующее определение понятия группы: группа есть совокупность объектов произвольной природы (которые в дальнейшем называются элементами и обозначаются буквами a, b, c, d,...), удовлетворяющая требованиям таких аксиом:

1) с каждой парой элементов совокупности, взятых в определенном порядке, сопоставлен по определенному закону некоторый элемент этой совокупности: $c = ab$ (где c называют произведением a и b);

---

[26] С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание. М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 125—129, а также сб. «Вопросы диалектического материализма». М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 301—303.

2) каковы бы ни были три элемента a, b, c, всегда имеет место равенство $(ab) \cdot c = a \cdot (bc)$ — закон ассоциативности.

3) существует такой элемент e, что для любого элемента a имеет место равенство $ae = a$; элемент e называется *единицей* группы;

4) каким бы ни был элемент a, существует такой, зависящий от a элемент x, что имеет место равенство $ax = e$; элемент x называется *обратным* элементу a и обозначает a^{-1}.

Исходя из данных аксиом, нетрудно доказать такое предложение: по данным элементам a и b всегда, и притом однозначно, определяется элемент x, который удовлетворяет равенству $ax = b$, именно $x = a^{-1}$. В группе всегда и притом однозначно, определяется действие, обратное групповому умножению.

До сих пор речь шла об абстрактной группе, т. е. о такой, в теории которой безразлична природа ее элементов и природа группового умножения. Любая такая группа является набором *разнокачественных* элементов, т. е. некоторым *качественным* многообразием. Групповые свойства являются *структурными*, т. е. свойствами *связей* элементов. Разные элементы группы играют разную роль: например, особая роль принадлежит групповой единице, элементу e.

Особый интерес для нас в дальнейшем будут представлять конкретные группы преобразований.

Предварительно введем математическое понятие преобразования. Пусть M — произвольное множество. Если с каждым элементом x множества M сопоставлен некоторый элемент $x' = f(x)$ этого же множества, то мы будем говорить, что дано отображение множества M в себя.

В том случае, если 1) разным элементам x_1 и x_2 всегда соответствуют разные элементы $x'_1 = f(x_1)$ и $x'_2 = f(x_2)$ и 2) для каждого элемента x' множества M существует такой элемент x, что $x' = f(x)$, т. е. каждый элемент множества M является образом некоторого элемента этого множества,— отображение $x' = f(x)$ называется взаимно-однозначным преобразованием множества M.

При рассмотрении всех возможных взаимно-однозначных преобразований некоторого множества M нетрудно показать, что совокупность всех таких преобразований представляет собой *группу*, если умножение двух элементов группы, т. е. двух преобразований, понимать как после-

довательное осуществление сначала первого из двух преобразований, а затем второго.

Преобразование $e(x) = x$, оставляющее все элементы на своих местах, называется *тождественным* (тождественное преобразование группы преобразований соответствует групповой единице абстрактной группы). Очевидно, если $x' = f(x)$ — некоторое взаимно-однозначное преобразование и $x' = f^{-1}(x)$ — обратное ему, то $f[f^{-1}(x)] = x = e(x)$ и $f^{-1}[f(x)] = x = e(x)$, т. е. произведение данного преобразования и обратного ему есть тождественное преобразование.

Заметим, что группой преобразований данного множества не обязательно должна быть группа *всех* преобразований. Группой преобразований данного множества называют *любую* определенную совокупность преобразований, удовлетворяющих требованиям групповых аксиом.

Можно показать, что для того, чтобы некоторая определенная совокупность множества M была группой, вполне *достаточно* соблюдения лишь следующих двух требований:

1) если a, b суть преобразования данной совокупности, то их произведение ab также должно входить в эту совокупность;

2) если a — какое-то преобразование данной совокупности, то обратное преобразование a^{-1} также должно быть преобразованием данной совокупности.

Поэтому, если совокупность преобразований удовлетворяет двум вышеуказанным требованиям, она тем самым удовлетворяет требованиям всех четырех групповых аксиом и, следовательно, является группой.

Формулированные выше групповые свойства относятся или к любой группе вообще, или к любой группе преобразований. Разные группы отличаются друг от друга по *качеству* тех элементов, которые их составляют (в частности, группы преобразований отличаются по характеру составляющих их преобразований).

Начиная с работ знаменитого немецкого математика Ф. Клейна, теория групп чрезвычайно плодотворно применялась в геометрии, причем различные геометрии с конца XIX в. начинают рассматриваться как теории инвариантов соответствующих групп.

Остановимся в связи с этим на понятии геометрии данной группы.

Пусть дано множество произвольных элементов M и некоторая группа его преобразований G. Будем называть множество M пространством, его элементы — точками, а каждую совокупность точек — фигурой. Фигуру A мы назовем *эквивалентной* или *равной* фигуре B в том случае, если в группе G существует преобразование, превращающее фигуру A в фигуру B (нетрудно доказать, что в таком случае существует и обратное преобразование, превращающее фигуру B в фигуру A).

Ф. Клейн предложил называть *геометрическими* такие свойства фигур пространства M и такие связанные с фигурами величины, которые инвариантны относительно любого преобразования из данной группы G. Систему предложений о свойствах фигур и величин, инвариантных относительно всех преобразований группы G, называют геометрией группы G.

Ф. Клейн предложил также рассматривать различные геометрии как теории инвариантов соответствующих групп. Эта идея Клейна помогла вскрыть глубокие связи, существующие между разными геометриями.

Исходя из групп преобразований, можно дать классификацию геометрий. Например, в метрической геометрии две фигуры считаются эквивалентными (равными) независимо от положения, которое они занимают, поскольку считается, что *движением плоскости* одну фигуру можно перевести, *превратить* в другую. Иными словами, *метрическая* геометрия — это теория инвариантов относительно всех возможных движений плоскости в себе самой. Геометрия, на эквивалентность фигур которой не влияет ни величина расстояний и углов, ни параллелизм прямых, является *проективной* геометрией. Геометрией, в которой при отображении инвариантным остается параллелизм прямых, называется *аффинной*. В аффинной геометрии, например, квадрат и параллелограмм являются эквивалентными (равными) фигурами.

В топологии при групповых преобразованиях инвариантным остается только свойство связанности. Поэтому в ней не проводится, например, никакой принципиальной разницы между квадратом и кругом, поскольку путем определенной деформации (топологического преобразования) должно одну из этих фигур превратить в другую.

Для нас важно обратить внимание на то, что условия равенства геометричных фигур непосредственно перехо-

дят в условия их тождества. Если только *специально* не оговорено, что геометрические фигуры, которые переводятся друг в друга в данной группе преобразований, являются отличными друг от друга, то они считаются *тождественными,* т. е. одной и той же фигурой. Так, в метрической геометрии как бы мы не располагали данный треугольник относительно осей координат, он считается *одной и той* же геометрической фигурой. В проективной геометрии каким бы ни был треугольник — прямоугольным, тупоугольным и т. д.— он считается одним и тем же треугольником, поскольку прямоугольный, тупоугольный и т. д. треугольники превращаются друг в друга в проективной группе преобразований.

Сделаем некоторые выводы.

1. В геометрии равенство (и тождество) фигур понимается не как неразличимость их свойств, а как особого типа связь между ними. Различие фигур, связанных отношением тождества, всегда предполагается в геометрии, поскольку взаимно-однозначные преобразования осуществляются на множестве M (пространство), элементы (точки) и совокупности элементов (фигуры) которого считаются различными — в противном случае не имело бы смысла говорить о самом множестве M.

2. Приравнивание и отождествление осуществляется не путем сравнения свойств фигур, а посредством *движения, изменения, превращения* одной фигуры в другую. Каждое из групповых преобразований отличается от другого, поскольку сама группа выступает как некоторое качественное многообразие (см. выше). Следовательно, в геометрии тождество выступает не как отношение, исключающее различие, и даже не как такое, которое существует наряду с различием, а как отношение, *включающее* в себя различие, как *тождество различных* фигур.

3. Сама возможность преобразования, превращения одной фигуры в другую, замещения одной фигуры другой существует лишь в рамках определенной целостной *системы.* В данном случае такой системой является группа преобразований. Разные группы преобразований допускают разные возможности для замещения. Группа является таким структурным образованием, свойства которого не сводимы к сумме свойств составляющих его элементов.

Таким образом, в геометрии мы столкнулись именно с тем типом тождества, который в диалектической логике

(Гегель, Маркс, Ленин) получил название *конкретного тождества*, т. е. тождества, включающего в себя различие, в противоположность *абстрактному*, формальному тождеству, которое понимается как неразличимость.

Со свойством тождественности геометрических фигур связана известная проблема, поставленная в XVIII в. Д. Беркли с позиций субъективного идеализма. Беркли рассуждал следующим образом: «...Когда я доказываю какое-нибудь предложение, касающееся треугольников, то предполагается, что я имею в виду общую идею треугольника, что должно быть понимаемо не так, чтобы я мог образовать идею треугольника, который не будет ни равносторонним, ни неравносторонним, ни равнобедренным, но только так, что частный треугольник, который рассматривается мною, безразлично, будет ли он того или иного рода, одинаково заменяет или представляет собою все прямолинейные треугольники всякого рода и в этом смысле общ» [27]. Выступая против теории абстракции и противопоставляя ей свою «теорию представительства» (частный треугольник «представляет собою все прямолинейные треугольники всякого рода и в этом смысле общ»), Беркли вместе с тем не мог объяснить, каким же образом частное может выступать в роли общего.

Э. Гуссерль, критикуя «теорию представительства» Беркли, подчеркнул, что любое понятие есть нечто идеальное, а поэтому не может быть отождествлено с эмпирически данным. Например, идеальное понятие треугольника вообще противопоставляется всем эмпирически данным треугольникам, изображенным на доске или на бумаге. Общее содержание понятия, тождественное в понятии, которое по Гуссерлю дано непосредственно в акте интеллектуального созерцания родовых признаков, отрывается от частного, многообразного, которое дано в чувственном созерцании.

Тождественность треугольника самому себе понимается не как нечто, существующее объективно, в самих вещах, а как что-то идеальное, лежащее по ту сторону эмпирического разнообразия вещей. Тождество и здесь, таким образом, отрывается от различного и противопоставляется последнему. И в полном согласии с духом

---

[27] Д. Беркли. Трактат о началах человеческого познания. СПб., 1905, стр. 47.

объективного идеализма тождественное содержание понятия «треугольник» превращается в особую сущность.

На самом деле, как мы это видели, тождественность треугольника самому себе выявляется в группе проективных преобразований. Данное тождество устанавливается не в результате эмпирического сравнения разных треугольников (прямоугольных, косоугольных, равнобедренных, равносторонних и т. д.), а через выполнение проективных преобразований, через геометрическое *конструирование*, переводящее один треугольник в другой.

Поэтому, если мы рассматриваем данный треугольник (прямоугольный, косоугольный, равнобедренный и т. д.) как «треугольник вообще», то это становится возможным лишь потому, что данный треугольник можно перевести в любой другой, осуществив проективное преобразование. Треугольник рассматривается, таким образом, не «сам по себе», а как элемент группы проективных преобразований, т. е. в связи с другими элементами этой группы.

Отсюда ясно, почему в математике решение задачи в общем виде нередко сводится к ее решению в *частном* случае. Нужно, чтобы частный случай был таким, из которого путем преобразований можно было бы вывести все другие частные случаи (т. е. чтобы этот частный случай принадлежал к данной группе преобразований).

Такой случай известный математик Д. Пойа называет «ведущим частным случаем». Приведем пример, иллюстрирующий использование ведущего частного случая в решении задачи [28].

Площадь многоугольника равна A, его плоскость образует с другой плоскостью угол α. Многоугольник ортогонально проектируется на вторую плоскость. Найти площадь проекции.

Форма многоугольника не дана. Однако имеется бесконечное разнообразие возможных форм. Какую форму рассмотреть вначале, так чтобы решение задачи в частном случае дало бы возможность получить решение в общем виде? «Существует одна форма, с которой особенно легко иметь дело: прямоугольник, основание которого параллельно линии l пересечения плоскости проектируемой фигуры с плоскостью проекции». Если a — основание прямоуголь-

---

[28] Д. Пойа. Математика и правдоподобные рассуждения. М., ИЛ., 1957, стр. 43.

ника, b — его высота, а следовательно, его площадь ab, то соответствующие величины для проекции будут a, $b \cos \alpha$ и $ab \cos \alpha$. Если площадь такого прямоугольника равна A, то площадь его проекции равна $A \cos \alpha$. «Этот частный случай прямоугольника с основанием, параллельным l, не только особенно доступен; он является ведущим частным случаем. Другие случаи следуют из него; решение задачи в ведущем частном случае включает в себя решение задачи в общем случае».

В самом деле, исходя из прямоугольника с основанием, параллельным l, можно распространить правило «площадь проекции равна $A \cos \alpha$» на все другие фигуры. Сначала на прямоугольные треугольники с катетом, параллельным l (разбивая на две равные части тот прямоугольник, с которого мы начали). Затем на любой треугольник со стороной, параллельной l (соединяя два прямоугольных треугольника); наконец, на произвольный многоугольник (разбивая его на треугольники упомянутого вида).

Важно подчеркнуть, что геометрия вовсе не является каким-то специфическим объектом для обнаружения конкретного тождества, т. е. тождества как отношения различных предметов. Необходимость такого понимания тождества может быть продемонстрирована на материале любой науки. Задача выявления способов отождествления предметов остро стоит, например, перед психологией.

В психологии данная проблема выступает в виде вопроса о так называемой константности восприятия. Например, карандаш, который воспринимается нами с расстояния в 50 *см*, дает на сетчатке изображение в два раза меньшее, чем тот же карандаш, воспринимаемый с расстояния в 25 *см*. Однако видимая нами величина карандаша в обоих случаях одна и та же. Иными словами, предмет сохраняет для нас *тождественность* самому себе. Это называется в психологии константностью видимой величины предмета при изменениях дистанции восприятия.

Таким образом, субъект воспринимает не проекцию предмета на сетчатку, а сам предмет, существующий независимо от субъекта и от того, в каком отношении к нему субъект находится.

Но как соотнести константность восприятия с постоянным изменением проекции предмета на сетчатку в связи с изменением расстояния предмета от глаза и изменением угла, под которым расположен предмет по отношению к

глазу? На важность этой проблемы обращал внимание К. Маркс: «...Световое воздействие вещи на зрительный нерв воспринимается не как субъективное раздражение самого зрительного нерва, а как объективная форма вещи, находящейся вне глаз» [29].

Достижения современной научной психологии позволяют дать верное, материалистическое решение проблемы. Чувственный образ возникает в результате взаимодействия субъекта и объекта, в результате *практического*, реального контакта субъекта с предметом, контакта, дающего возможность *соотносить* образ с предметом и корректировать первый, исходя из свойств предмета. Константность восприятия является продуктом сложных функциональных мозговых систем, сформировавшихся в предметно-практической деятельности субъекта. Так, константность видимой величины предмета определяется тем, что человек, действуя с предметом, воспринимает не только его очертания, но и удаление предмета от себя; устанавливает определенную зависимость между тем и другим.

Константность восприятия проявляется также в виде постоянства воспринимаемой формы предмета при его поворотах относительно линии взгляда. Форма плоского предмета вполне адекватно изображается на сетчатке глаза лишь тогда, когда плоскость данного предмета перпендикулярна к линии взора. Если существует отклонение от этого положения, то изображение на сетчатке в большей или меньшей мере отличается от формы предмета. Однако видимая форма предмета остается константной. Очевидно, принципиальный механизм константности видимой формы предмета при изменениях его положения тот же, что и механизм константности видимой величины предмета при изменениях дистанции наблюдения.

Следует обратить внимание на следующее. Уже в чувственном познании субъект переходит к непосредственному определению объективных свойств *самой* вещи. Однако в чувственном познании лишь только начинается дифференциация объективного, обусловленного самим предметом, от субъективного, зависящего от условий восприятия предмета субъектом. Задача развитого познания состоит в том, что отразить объективно-реальный предмет таким, каким он есть на самом деле, в его тождест-

[29] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 78.

венности самому себе, в его независимости от тех или иных условий познания его субъектом [30].

В процессе познания это обнаруживается при выявлении инварианта свойств объекта через приведение данного объекта во взаимоотношение к другим объектам (иногда через преобразование одного объекта в другие). Познание характеризуется поисками все более устойчивых инвариантов объекта и в связи с этим заменой одних инвариантных определений другими.

В этом отношении представляют интерес работы известного французского психолога и логика Ж. Пиаже, поскольку в центре его теории находится проблема формирования инвариантного образа объекта. Философские взгляды Пиаже, а также некоторые его психологические обобщения не могут быть признаны правильными [31]. Вместе с тем, собранный Пиаже экспериментальный материал и некоторые сделанные им выводы заслуживают внимания [32].

Существо интеллекта Пиаже видит в системе операций. Операция, как внутреннее действие, производна от реального, предметного действия. Операция является продолженным внутрь («интериоризованным») и преобразованным внешним предметным действием. Как внутреннее действие она совершается мысленно через использование образов, символов, знаков, замещающих реальные вещи. Но операция отличается от реального, предметного действия не только своим «внутренним» и сокращенным характером. Не всякое внутреннее (интериоризованное) действие уже является операцией. Внутреннее действие становится операцией лишь тогда, когда оно в определенной взаимозависимости с другими действиями организуется в некоторую *систему,* в некоторое *структурное целое.* При этом такая система операций характеризуется тем, что в ней одни операции *уравновешиваются* другими, обратными по отношению к первым.

[30] С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание, стр. 125—129.

[31] Критику философских установок Пиаже мы дали в другом месте; сб. «Вопросы диалектического материализма», стр. 303—308; см. также В. А. Лекторский и В. Н. Садовский. Основные идеи генетической эпистемологии Ж. Пиаже. «Вопросы психологии», № 4, 1961.

[32] Основные результаты работ Пиаже изложены в Introduction a la épistémologie génétique, vol. I—III. Paris, 1950, а также в «Logic and Psychology». London, 1952.

Например, в такой системе операций, как классификация, имеются не только операции по установлению отношения включения ($A + A' = B$; $B + B' =$ C и т. д.), но и обратные им операции вычитания ($B - A' = A$; $C - B' = B$ и т. д.).

Обратимость операции, таким образом, предполагает существование симметричной и обратной ей операции, которая, исходя из результатов первой, восстанавливает исходное положение. Обратимость операций и означает создание «равновесия» внутри их системы.

Полной обратимости достигает лишь интеллект, тогда как более низким формам связи с объектом (таким познавательным структурам, как восприятие, навык) полная обратимость недоступна.

В генетическом плане обнаруживается, что чем младше ребенок, тем необратимее его мышление.

Пиаже подчеркивает, что о сформированности операций, об организации их в операторные структуры следует судить по тому, в какой мере объект операций сохраняется *тождественным*, инвариантным, несмотря на все производимые с ним преобразования. Пиаже считает, что образование таких инвариантов или «понятий сохранения» и образует ту логическую основу, которая делает возможным образование различных понятий. В этом плане Пиаже рассматривает, например, формирование понятия числа у ребенка.

Пиаже различает три вида количественных отношений. Первый вид — это *интенсивное* количество, которое определяет простую связь целого и части. Этот вид количества непосредственно связан с логическим группированием и выражается в употреблении слов: «все», «некоторые», «один», «ни один» и т. д. В этой системе выполняются такие операции (где $<$ — знак включения в класс, а $\rightarrow$ — знак логического следования): $A < B$; $B < C$; $\rightarrow A < C$ и т. д. (и обратные им: $B - A = A'$; $C - B = B'$ и т. д.). В логической операторной системе выполняются законы ассоциативности, транзитивности и другие. Обратимость операций говорит об инвариантности, тождественности объекта логических операций.

Экстенсивное количество характеризуется сравнением частей между собою без спецификации целого. Если в операциях системы интенсивного количества имело место лишь сравнение A и B (было известно, что $A < B$ и что,

следовательно, $B - A = A'$), то в операциях системы экстенсивного количества уже происходит сравнение между собою A и A', B и B и т. д. Правда, самосравнение происходит без дальнейших спецификаций. И в этой системе операций объект сохраняется тождественным, инвариантным, поскольку существуют обратные операции, восстанавливающие исходное положение. Ясно однако и то, что инвариантность объекта теперь выступает в *другой форме*, чем на ступени операций, входящих в систему интенсивного количества.

Наконец, третий вид количественных отношений — это количество метрическое, или числовое, которое характеризуется тем, что A и A' не только сравниваются между собой (как было на предшествующей стадии), но и специфицируются в смысле установления того, сколько раз та или иная единица содержится в A и A' в отдельности (например, если $A = A'$, то $B = A + A' = 2A$ и т. д.). Лишь на этой стадии человек приобретает способность приводить предметы во взаимно-однозначное соответствие друг другу. На ступени метрического количества у ребенка возникает понятие числа.

Инвариантность, тождественность объекта оперирования, т. е. числа, достигается введением операций, обратных основным действиям с числами (вычитание для сложения, деление для умножения и т. д.). Эта же потребность сохранения инвариантности объектов вынуждает в дальнейшем расширять систему объектов, вводя отрицательные, дробные, иррациональные числа и т. д.

Таким образом, согласно Пиаже, понятие числа — результат длительного развития, включающего в себя реальную предметную деятельность ребенка, а также смену ряда операторных структур.

Пиаже считает, что формирование понятий о количестве в таком порядке, как «интенсивное количество → экстенсивное количество → метрическое количество», характеризует не только возникновение понятия числа, но и понятий геометрии и физики. В геометрии интенсивному количеству соответствует понятие топологического пространства, экстенсивному количеству — проективное и аффинное пространства, а метрическому количеству — метрическое пространство Эвклида (таким образом, ребенок начинает с овладения понятием топологического пространства и лишь на сравнительно поздней стадии развития

овладевает отношениями метрического пространства). В физике экстенсивному количеству соответствует понятие «моментов» времени, интенсивному количеству — «интервалы» времени, а метрическому количеству — «метрическое» время.

Если инвариантность объектов в математике связана с сохранением основных свойств таких математических объектов, как число и пространство, то в физике инвариантность выступает в форме законов сохранения массы, веса и т. д.

Пиаже в своей концепции развития интеллекта исходит из понятий «структура», «инвариант» и «равновесие». «Структура» определяется как целостная система, имеющая свои специфические особенности, которых не имеет каждый из составляющих ее элементов в отдельности, и в которой характер элементов зависит от особенностей целого. Пиаже подчеркивает структурный характер и восприятия, и мышления. Следует, однако, сказать, что этим его концепция еще не отличается от других психологических и гносеологических теорий: на структурность познания обращается внимание и в современной идеалистической «гештальт-психологии» и в неокантианской философии Э. Кассирера и т. д.[33] Специфическим для теории Пиаже является другое: интерпретация самого характера познавательных структур, а также путей их формирования, их места во взаимодействии субъекта и объекта.

Пиаже считает, что, развиваясь, знание субъекта об объекте становится все более инвариантным, т. е. все более устойчивым к изменяющимся условиям опыта, к изменению позиции субъекта в отношении объекта. Объект становится все более *тождественным* для субъекта. Пиаже приходит к мысли о возможности и необходимости применения теории инвариантов, в частности, математической теории групп в психологическом и гносеологическом изучении процесса познания. Познавательные структуры, складывающиеся на различных стадиях развития интеллекта, Пиаже математически представляет в виде различных групп преобразований (в отношении логических опе-

[33] И. Ф. Овчинников *с позиций диалектического материализма* показал неразрывную связь категорий «вещь» и «качество» с категорией «структура». «Вопросы философии», 1960, № 6, стр. 127—139.

раторных структур Пиаже считает более целесообразным применять термин «группировка», поскольку эти структуры не обладают некоторыми групповыми свойствами). Важно отметить, что, с точки зрения Пиаже, инвариант группы преобразований в познавательной структуре является отражением *самого объекта*, его собственных свойств, т. е. независимым от той или иной частной системы отсчета, в которой эти свойства обнаруживаются. Обратимость операций познавательных структур и выводится Пиаже прежде всего из требований теории групп (как уже указывалось, в группе всегда существует операция, обратная основной) [34].

Попытка Пиаже применить к изучению процесса познания теорию групповых инвариантов является вполне правомерной. Но следует критически относиться к попытке Пиаже связать теорию инвариантов с теорией равновесия. Возникновение инварианта групповых преобразований (и, следовательно, появление обратимости интеллектуальных операций) Пиаже связывает с уравновешиванием операций внутри интеллектуальной структуры и, как следствие этого, с равновесием субъекта и объекта. Пытаясь из теории равновесия вывести интеллектуальное развитие, Пиаже приходит к идеалистическим выводам, например, к тому, что понятия математики отражают не структуру объекта, а внутреннюю координацию действий самого субъекта. Мы не имеем возможности останавливаться в данной статье на идеалистических моментах теории Пиаже. Заметим только, что можно показать отсутствие логической связи между учением Пиаже о развитии интеллектуальных операторных структур и его рассуждениями о «внутренней тенденции» действий субъекта к взаимному «уравновешиванию».

Для нас важно сделать следующие выводы из работ Пиаже.

Эти исследования приводят нас к понятию *конкретного тождества* в психологии. Предмет сохраняет свою тождественность для субъекта только потому, что этот предмет включен в определенную *систему* отношений, в групповую структуру, т. е. между измерениями, происходящими с

[34] Известный математик Н. Винер также пытается с помощью теории групповых инвариантов решить проблему константности восприятия. Н. Винер. Кибернетика. М., Изд-во «Сов. радио», 1958, стр. 167.

предметом, и первоначальным его состоянием существует определенная устойчивая связь, зависимость, позволяющая восстановить первоначальное состояние предмета из любого его состояния. В само восприятие предмета уже включено условие возможности его изменения, преобразования. Иными словами, предмет выступает как тождественный самому себе только потому, что *внутри* этого тождества уже содержится различие.

Но работы Пиаже не только подтверждают нам то, что уже известно о диалектическом тождестве и его отличии от тождества абстрактного, они позволяют выяснить новые вопросы.

Прежде всего выясняется, что конкретное содержательное тождество, т. е. тождество, содержащее внутри себя различие, предполагает наличие также и простого тождества, т. е. тождества, которое внутри себя различий не содержит.

Пиаже показывает, что понятие тождественного себе, инвариантного себе объекта возникает у ребенка не сразу. Но в то же время наличие у ребенка самой возможности объединять элементы своего опыта в операторные структуры говорит о том, что тождественность этих *элементов* себе, также как и тождественность себе *действий* субъекта сразу даны ребенку, даны уже в его первоначальном опыте.

Это обстоятельство важно верно понять. С одной стороны, Пиаже показывает, что само *конкретное* тождество проходит ряд этапов в своем развитии, так что на каждой стадии интеллектуальной эволюции какие-то отношения всегда сохраняют свою тождественность, инвариантность (интеллектуальное развитие ребенка связано с расширением круга таких отношений). В этом случае речь идет о конкретном тождестве, т. е. о тождестве различного. С другой стороны, из работ Пиаже следует, что отправная точка интеллектуальной эволюции характеризуется тождественностью себе простейших чувственно-данных элементов и действий субъекта. Так, когда Пиаже говорит, что начальным этапом в развитии пространственных представлений у ребенка является понятие топологического пространства, то это означает, что инвариант группы топологических преобразований непосредственно дан субъекту в простейшем чувственном опыте.

Этот вывод можно подтвердить и на том геометричном материале, который обсуждали выше (см. стр. 233).

Мы исходили из данности множества произвольных элементов M и некоторой группы его преобразований G. Мы называли множество M пространством, его элементы точками, а каждую совокупность точек фигурой. Далее мы показывали, что равенство и тождество фигур обусловлены наличием групповых преобразований, превращающих одну фигуру в другую. Но тождество себе элементов множества M (точек), а также тождество себе каждого из преобразований уже предположено. И если тождество геометрических фигур является тождеством различного, то тождество элементов является простым тождеством.

Не следует, однако, смешивать простое содержательное тождество с тем абстрактным тождеством неразличимых, о котором шла речь в начале статьи. Если абстрактное тождество вообще исключает всякое различие, то простое содержательное тождество, хотя и не содержит различия внутри себя и не является поэтому тождеством различных сторон, в то же время необходимо предполагает различие. Так, тождество самому себе каждого элемента множества M лишь потому имеет смысл, что оно предполагает отличие каждого элемента от всех других. В противном случае вообще не имело бы смысла говорить о множестве M.

Итак, мы можем выделить следующие типы отношения тождества, каждый из которых занимает свое место в процессе познания:

1) простое содержательное тождество (тождество, предполагающее различие);

2) конкретное, расчлененное содержательное тождество (тождество, включающее в себя различие).

Известный исследователь первобытного мышления Л. Леви-Брюль в свое время выдвинул гипотезу о «пралогическом» характере мышления первобытных народов. Пралогическое мышление якобы подчиняется особому «закону сопричастности» (партиципации) и нарушает логические законы противоречия и тождества. «...Для первобытного мышления противоположность между единицей и множеством, между тождественным и другим и т. д. не диктует обязательного отрицания одного из указанных терминов при утверждении противоположного, и наоборот...

Так, например, Трумаи (племя северной Бразилии) говорят, что они — водяные животные. Бороро (соседнее

племя) хвастают, что они — красные арара (попугаи). Это вовсе не значит, что только после смерти они превращаются в арара, или что арара являются превращенными в бороро и поэтому достойны соответствующего обращения. Нет, дело обстоит совершенно иначе. „Бороро,— говорит фон-ден-Штейнен,—...совершенно спокойно говорят, что они уже сейчас являются настоящими арара, как если бы гусеница заявила, что она бабочка". Значит, это не имя, которое они себе дают, это даже не провозглашение своего родства с арара, нет, на чем они настаивают, это то, что между ними и арара существует тождество по существу. Фон-ден-Штейнен считает непостижимым, как они могут считать себя одновременно человеческими существами и птицами с красным оперением. Однако для мышления, подчиненного „закону партиципации", в этом нет никакой трудности» [35].

Приведенные нами результаты исследований Пиаже помогают понять ошибку Леви-Брюля, поскольку работы Пиаже имеют отношение не только к интеллектуальному развитию ребенка, но и к интеллектуальному развитию человечества (онтогенез всегда связан с филогенезом). Ясно, что в данном случае речь идет не о законе тождества как законе логического исчисления (данный закон появляется только тогда, когда интеллект достигает в своем развитии стадии формальных операций с предложениями или высказываниями), а о законе тождества как содержательном, металогическом законе, указывающем на сохранение предметом постоянства, тождественности себе. Работы Пиаже показывают, что, действительно, многие предметные отношения, являющиеся тождественными себе, инвариантными для взрослого современного человека, не являются таковыми для ребенка или для первобытного человека. Эту сторону дела и выделил Леви-Брюль. Однако его вывод о несоблюдении первобытным человеком закона тождества неверен, поскольку, как показывают работы Пиаже, признание каких-то отношений тождественными себе всегда предполагается познанием. Неверна поэтому и характеристика первобытного мышления как «пралогического». Мышление всегда логично. Другое дело, что сами познавательные логические структуры подвержены развитию.

[35] Л. Леви-Брюль. Первобытное мышление. М., Изд-во «Атеист», 1930, стр. 48—49.

Оценка концепции Леви-Брюля имеет принципиальное значение, поскольку в свое время некоторые теоретики-марксисты выдавали рассуждения Леви-Брюля о «пралогическом» мышлении за открытие «первобытной диалектической логики».

Работы Пиаже помогают нам, с другой стороны, лучше понять характер конкретного содержательного тождества. Они показывают, что конкретное тождество является не просто тождеством различных сторон, но *тождеством противоположностей,* тождеством, которое включает в себя два взаимоисключающих отношения. Так, Пиаже подчеркивает, что объект приобретает тождественность себе в том случае, когда он включен в определенную операторную структуру, в которой для каждой операции существует симметричная и *обратная* ей операция, и которая, исходя из результатов первой, восстанавливает исходное положение. Обратимость операций, «уравновешенность» противоположных операций внутри системы и характеризуют тождественность предмета самому себе.

II

ПРОБЛЕМА ТОЖДЕСТВА В ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКЕ

1. ПОНЯТИЕ КОНКРЕТНОГО ТОЖДЕСТВА В ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКЕ

Положение диалектической логики о необходимости понимания конкретного тождества как тождества противоположностей (к которому стихийно, помимо своей воли приходят в своих конкретных исследованиях некоторые буржуазные ученые, в частности Пиаже, и которое они часто формулируют недостаточно точно, в неадекватной терминологии) строго и последовательно развито в работах классиков диалектического материализма — Маркса, Энгельса, Ленина. Однако изложение проблемы тождества в диалектической логике мы специально начали не с анализа классических марксистских работ, а с демонстрирования того, что понятие конкретного тождества отвечает запросам современной науки, что к этому понятию вынуждены обращаться даже те ученые, которые субъективно весьма далеки от диалектического материализма [1].

[1] Французский философ Э. Мейерсон исходит из того, что отождествление вообще является основной функцией интеллекта. Под этим углом зрения он анализирует развитие современного естествознания и пытается показать, как «априорное» стремление интеллекта к отождествлению ведет к формулировке законов сохранения в физике и химии (Э. Мейерсон. Тождественность и действительность. СПб., Изд-во «Шиповник», 1912). «Философия тождества» Мейерсона имеет определенное влияние на современных французских ученых. В частности, эта точка зрения была развита далее философом и логиком А. Лаландом.

Между тем, в основе философии Мейерсона лежит необоснованное предположение об априорном характере интеллектуальной функции отождествления. Мейерсон не различает простое и конкретное тождество и не видит того, что конкретное отождествле-

Теперь целесообразно проанализировать случай классического использования понятия конкретного тождества в «Капитале» К. Маркса.

Исследуя процесс обмена товара *A* на товар *B*, Маркс на основании факта взаимозаменяемости, *взаимопревращаемости* товаров, приходит к выводу о тождестве товара *A* и товара *B*. «... В стоимостном отношении товара *A* к товару *B*, холста к сюртуку, товар вида сюртук не только качественно отождествляется с холстом как воплощение стоимости [Werthkörper] вообще, но определенному количеству холста, напр. 20 арш., приравнивается определенное количество воплощенной стоимости, или эквивалента, напр. 1 сюртук» [2]. «...Холст и сюртуки как величины стоимости суть выражения известного единства, суть вещи, имеющие одну и ту же природу. Холст = сюртуку есть основа этого уравнения» [3].

Тождественность холста и сюртука выражается в том, что они обладают одной и той же стоимостью.

Однако стоимость товаров *A* и *B*, т. е. их тождество, не есть нечто, стоящее отдельно от разнокачественности этих товаров, лежащее по ту сторону различия *A* и *B*. Стоимость как раз и выражается в форме отношения двух противоположных полюсов — *A* и *B* и не существует вне этого отношения полярностей. Тождество двух товаров не есть формальное, абстрактное тождество типа $A=A$. «Я не могу, напр., выразить стоимость холста в холсте. 20 арш. холста = 20 арш. холста не есть выражение стоимости» [4]. Тождество товаров *A* и *B* есть тождество различных моментов, *тождество противоположностей*.

«...Стоимость холста может быть выражена лишь относительно, т. е. в другом товаре. Относительная форма стоимости холста предполагает поэтому, что какой-нибудь иной товар противостоит ему в эквивалентной форме. С другой стороны, этот иной товар, фигурирующий в качестве эквивалента, не может в то же время находиться

ние отлично от поисков общего, повторяющегося в разных предметах. Тем более он не может дойти до понимания тождества противоположностей как момента в изменении, развитии. Мейерсон представляет тождество как нечто статичное и неподвижное. Сказанное относится и к А. Лаланду.

[2] К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 59—60.

[3] Там же, стр. 56.

[4] Там же, стр. 55.

в относительной форме стоимости» [5]. «Относительная форма стоимости и эквивалентная форма — это соотносительные, взаимно друг друга обусловливающие, нераздельные моменты, но в то же время друг друга исключающие или противоположные крайности, т. е. полюсы одного и того же выражения стоимости; они всегда распределяются между различными товарами, которые выражением стоимости ставятся в отношение друг к другу» [6].

Далее Маркс показывает, что за полярным отношением товара *А* и товара *В* скрывается внутреннее противоречие между потребительной стоимостью и меновой стоимостью, свойственное *каждому* товару в отдельности. Каждый товар в отдельности представляет собою единство тождества и различия, т. е. диалектическое противоречие. Исследуя это противоречие в развитии, Маркс вскрывает генезис и развитие форм стоимости.

Интересно следующее примечание, сделанное Марксом к анализу форм стоимости. «В некоторых отношениях человек напоминает товар. Так как он родится без зеркала в руках и не в качестве фихтеанского философа: «Я есмь я», то человек сначала смотрится, как в зеркало, только в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку» [7].

Известно, что в философии И. Г. Фихте закон тождества «$А = А$» (понимаемый как первое основоположение логики) обосновывается трансцендентальным единством самосознания «*я* = *я*». Поскольку в формуле «*я* = *я*» тождество понимается как полное неразличение, естественно, что из этой формулы при всем желании невозможно вывести положение «я есть не-я» (а именно на такое выведение претендует Фихте). Уже Гегель показал метафизический характер положения Фихте «*я* = *я*» и положения Шеллинга о всегда равной себе, неразличимой внутри себя субстанции и обосновал необходимость диалектического понимания тождества как тождества противоположностей.

Кратко остановимся на понимании Гегелем категории тождества. Это важно не только для того, чтобы выяснить точку зрения по данному вопросу философа, сделавшего

---

[5] Там же.
[6] Там же.
[7] Там же, стр. 59, примечание 18.

столь много для диалектической логики. Критический разбор гегелевского понимания проблемы тождества поможет внести ясность в вопрос о взаимоотношении учения о тождестве в формальной и диалектической логике, поскольку именно от Гегеля идет определенная путаница, до сих пор мешающая разобраться в этом вопросе.

Отметим прежде всего рациональное в гегелевском понимании категории тождества. Гегель выделяет категорию конкретного тождества как тождества противоположностей и показывает недопустимость его рассмотрения вне различия. Тождество «в своем равенстве с собой неравно себе и противоречиво, а в своем различии, в своем противоречии тождественно с собой... в нем самом совершается это движение перехода одного из этих определений в другое; и это — так именно потому, что каждое из них есть в самом себе противоположность самого себя» [8].

Но Гегель выделяет также и простое тождество, которое еще не содержит внутри себя различия, хотя и предполагает это различие вне себя. «Сущность есть простая непосредственность, как снятая непосредственность... Сущность есть, следовательно, простое *тождество* с собой» [9]. Простое тождество есть такое определение сущности, «со стороны которого она скорее есть отсутствие определений» [10]. Такие различные моменты, которые не являются моментами конкретного тождества, но которые предположены простым тождеством, Гегель называет «разностями» и подчеркивает их индифферентность друг к другу. На ступени разности мышление не доходит еще до точки зрения конкретного тождества и понимает тождественное как сходное, повторяющееся в различных предметах. «Внешняя рефлексия соотносит разное с одинаковостью и и неодинаковостью. Это соотнесение, *сравнение,* переходит туда и обратно от одинаковости к неодинаковости и от последней к первой» [11].

Гегель отличает от простого тождества абстрактное, формальное тождество «$A = A$», принимаемое в формальной логике в качестве закона мышления. Гегель считает, что в формальной логике «тождество фиксируется, как абсолютно отделенное от разности, и принимается в этой

---

[8] Гегель. Сочинения, т. V, стр. 483.
[9] Там же, стр. 482.
[10] Там же, стр. 479.
[11] Там же, стр. 493.

отделенности за некое существенное, значимое, истинное...» [12]. Гегель критикует формальнологический закон тождества и, считая формальнологический закон противоречия лишь другой формой выражения закона тождества, приходит к следующему выводу: «...Начало тождества или противоречия, взятое в том смысле, что оно должно выражать как истину лишь абстрактное тождество в противоположность различию, не есть закон мышления, а есть, наоборот, противоположность такого закона...» [13].

Следует подчеркнуть, что, несмотря на наличие рациональных моментов в учении Гегеля о тождестве, идеалистический подход Гегеля к субординации диалектических категорий помешал ему правильно разрешить проблему тождества в диалектической логике.

Гегель считал, что категория конкретного тождества полностью снимает категорию простого тождества, так что конкретное тождество оказывается «истиной» простого, а простое тождество — лишь моментом конкретного, тонущим в этом последнем. Вместе с появлением конкретного тождества простое тождество якобы теряет всякое значение и лишается самостоятельности. Выше мы показали, что в действительном познании дело обстоит далеко не так. Ошибка Гегеля в данном вопросе состоит в отрицании всякого значения формальнологического закона тождества ($A = A$) и в постулировании положения о том, что понимание конкретного тождества как тождества противоположностей влечет за собой нарушение формальнологических законов тождества и противоречия, которые Гегель принципиально не различал.

В действительности, как мы уже отмечали выше, формальнологический принцип тождества $A = A$ играет определенную роль в процессе познания, отнюдь не исключая различия и развития реальных предметов.

Продемонстрируем содержание понятия тождества противоположностей на материале ленинского анализа проблемы перехода домонополистического капитализма в империализм.

Рассмотрение новой эпохи капитализма потребовало изучения диалектики перехода старых черт, сторон и свойств капитализма в новые, противоположные формы,

---

[12] Там же, стр. 485.
[13] Там же, стр. 489.

присущие ему при империализме. Исследование диалектики превращения капитализма в империализм занимает у Ленина центральное место. Принцип тождества противоположностей рассматривается и как закон объективного развития и превращения капитализма в империализм и как закон познания новых противоречий буржуазного общества.

Буржуазные теоретики и оппортунисты не смогли разобраться в «механике» замены старого капитализма с господством свободной конкуренции новым капитализмом с господством монополий. Они доказывали, что старый капитализм отжил свой век и ему на смену пришел новый империалистический капитализм. Но они затушевывали диалектическую сущность перехода от капитализма к империализму и оказались бессильными вскрыть экономические корни, причины образования империализма. Превращение капитализма в империализм они рассматривали крайне эклектически, в отрыве от действия экономических законов развития капиталистического способа производства, в отрыве от движения наиболее существенных противоречий и противоположностей буржуазного общества.

Диалектика развития новейшей стадии капитализма резко отличалась по своему содержанию от развития старого капитализма. Философская, политическая, экономическая науки столкнулись с проблемой специфики содержания, особенностей превращения капитализма в более высокую ступень своего развития. Диалектика как логика научного исследования должна была также ответить на «вопрос о том, переходом к чему является новейший капитализм, капитализм в его империалистической стадии» [14].

Империализм возникает из капитализма как своей конкретной противоположности. Чтобы понять диалектику образования империализма, нужно было прежде всего раскрыть единство капитализма с империализмом. Империализм возникает не на пустом месте, а внутри капиталистического способа производства. Последовательно рассматривая содержание процесса становления и развития основных свойств предшествующего капитализма, Ленин приходит к выводу, что на высших ступенях развития капитализма во всех его экономических отношениях сохраняются антагонистические противоречия, благодаря кото-

[14] В. И. Ленин. Сочинения, т. 22, стр. 207.

рым и создаются условия для превращения основных свойств капитализма в свою противоположность, в империализм. В. И. Ленин писал: «Империализм вырос как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма вообще. Но капитализм стал капиталистическим империализмом лишь на определенной, очень высокой ступени своего развития, когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность...» [15]. Таким образом, империализм представляет собой высшую стадию капиталистического способа производства. Но в то же время империализм содержит в себе существенные отличия от низшей ступени развития капитализма, поскольку ряд основных черт и свойств старого капитализма превратились в свою противоположность.

Оппортунисты и ревизионисты давали свое, метафизическое определение содержания империализма. Если для марксистской материалистической диалектики империализм — это высшая стадия развития антагонистических противоречий капитализма, то для метафизики и эклектики — это стадия затухания и ослабления основных противоречий капиталистического способа производства. Если для марксистской материалистической диалектики переход от старого капитализма к новейшему капитализму связан с появлением новых антагонистических противоречий, то для метафизики и эклектики переход от старого капитализма к новому определяется превращением ранее антагонистических, непримиримых противоречий в неантагонистические, примиримые противоречия. Если марксистская диалектика использовала закон тождества противоположностей для всестороннего объективного познания перехода от старого капитализма к империализму, то оппортунисты и ревизионисты гибкость понятий, доходящую до тождества противоположностей, применяли не объективно, а субъективно, эклектически. Так, у К. Каутского содержание понятия империализма оторвано от объективной основы его развития, от капиталистического способа производства, в результате чего он дал не научное определение империализма как высшей стадии капитализма, а бессодержательную абстракцию «ультраимпериализма».

Бессодержательность каутскианского понятия «ультраимпериализм» заключается прежде всего в том, что в нем

---

[15] Там же, стр. 252

исключаются основные противоречия и конфликты капитализма. Если подлинный марксист-диалектик рассматривает империализм как развитие основных свойств капитализма вообще, то метафизик и эклектик Каутский понятие «империализм» совершенно отрывает от антагонизмов и конфликтов, вытекающих из самой природы капитализма. Каутский заявлял, «что под империализмом надо понимать не «фазу» или ступень хозяйства, а политику, именно определенную политику, «предпочитаемую» финансовым капиталом, что империализм нельзя «отождествлять» с «современным капитализмом»» [16].

Выступая против отождествления империализма с современным капитализмом, Каутский считал, что они абсолютно разобщены друг от друга. С одной стороны, империализм есть продукт высокоразвитого промышленного капитализма, но, с другой стороны, «если понимать под империализмом «все явления современного капитализма» — картели, протекционизм, господство финансистов, колониальную политику — то тогда вопрос о необходимости империализма для капитализма сведется к «самой плоской тавтологии»» [17]. Это эклектическое определение империализма прямо направлено против существа конкретного тождества противоположностей. Полный отрыв империализма от капитализма приводил к самой плоской метафизике, затушевывающей противоречивость современного капиталистического способа производства. С точки зрения эклектики и софистики, гибкость понятий при изучении превращения капитализма в империализм состоит не в том, чтобы, как писал К. Каутский, заниматься «плоской тавтологией» и доказательством, что империализм — это *тоже капитализм* со всеми своими старыми и новыми конфликтами и противоречиями, а в том, чтобы показать, как империализм *абсолютно* отличается от старого капитализма и его социальных конфликтов. Если империализм не тождествен капитализму, а есть лишь одна из форм внешней политики новейшего капитализма, писал Каутский, то тогда не невозможно, что капитализм переживет еще одну новую фазу, фазу ультраимпериализма, когда вместо борьбы произойдет объединение империалистов всего мира, когда при сверхимпериализме прекратятся эксплуа-

[16] В. И. Ленин. Сочинения, т. 22, стр. 254.
[17] Там же.

тации и войны. Эта мертвая, эклектическая абстракция ультраимпериализма была абсолютно бессодержательной и служила средством отвлечения внимания от глубины неравномерности экономического и политического развития и антагонистических противоречий при империализме как высшей стадии развития капитализма.

Раскрывая метафизическую бессодержательность абстрактного понятия «ультраимпериализм», В. И. Ленин указывал: «Если понимать под чисто-экономической точкой зрения «чистую» абстракцию, тогда все, что́ можно сказать, сведется к положению: развитие идет к монополиям, следовательно, к одной всемирной монополии, к одному всемирному тресту. Это бесспорно, но это и совершенно бессодержательно, вроде указания, что «развитие идет» к производству предметов питания в лабораториях. В этом смысле «теория» ультра-империализма такой же вздор, каким была бы «теория ультра-земледелия»» [18].

Пустым понятие «ультраимпериализм» становится ввиду того, что в нем не содержится отношения тождества в различном, не выявлена диалектическая противоречивость перехода от капитализма к империализму, не отражены новые глубокие социальные противоречия и конфликты империализма как высшей стадии капитализма. Вводя понятие «ультраимпериализм», Каутский стремился не к более глубокому познанию новых противоречивых сторон развития новейшего капитализма, а к отвлечению внимания трудящихся от глубины реальных антагонизмов на высшей стадии капитализма.

В. И. Ленин указывал: «Бессодержательнейшие разговоры Каутского об ультра-империализме поощряют, между прочим, ту глубоко ошибочную и льющую воду на мельницу апологетов империализма мысль, будто господство финансового капитала *ослабляет* неравномерности и противоречия внутри всемирного хозяйства, тогда как на деле оно *усиливает* их» [19].

Ленин рассматривает монополию как узловой пункт движения противоречий при империализме. Он показал, что появление монополии означает не снятие и притупление противоречий капитализма, а их дальнейшее развитие и углубление.

---

[18] Там же, стр. 258.
[19] Там же, стр. 258—259.

Тождество противоположностей берется здесь не как набор отдельных фактов и примеров, вырванных из системы развития империализма, а как основной принцип, закон познания объективного развития капитализма в новых исторических условиях. Объективный, всесторонний анализ процесса перехода от капитализма к империализму показывает, что этот переход есть развитие и прямое продолжение основных свойств капиталистических производственных отношений, в ходе которых общественные антагонизмы не только не исчезают, но еще вновь порождаются и углубляются благодаря деятельности монополистического капитала.

Объективное содержание превращения основных свойств капитализма в свою противоположность при империализме заключается не в примирении и сглаживании, а в появлении новых неразрешимых антагонизмов внутри капиталистического способа производства. Капитализм и империализм тождественны между собою, так как оба они основаны на капиталистической частной собственности, но в то же время они отличаются друг от друга, так как капитализм основан на свободной конкуренции, а империализм — на господстве монополий. Содержание понятия монополии тоже не представляет собой метафизического абстрактного тождества, лишенного внутренних противоречий. Капиталистическая монополия содержит антагонистические противоречия в самой своей сущности, ибо это не просто монополия, а *капиталистическая* монополия, выросшая в недрах капиталистических производственных отношений. Капиталистическая конкуренция превращается в монополистическую конкуренцию. «Перед нами уже не конкуренционная борьба мелких и крупных, технически отсталых и технически передовых предприятий. Перед нами — удушение монополистами тех, кто не подчиняется монополии, ее гнету, ее произволу» [20].

Объективное отражение этого противоречивого процесса в познании невозможно путем абстрактного тождества. Для метафизического метода может существовать или конкуренция без монополии, или монополия без конкуренции, которые подлежат исследованию одна после другой и одна независимо от другой. С точки зрения метафизического понимания противоположностей, конкуренция в

[20] В. И. Ленин. Сочинения, т. 22, стр. 194.

капиталистическом обществе абсолютно исключает монополию, а образование монополистических союзов абсолютно исключает конкурентную борьбу между ними. Метафизик не может понять, что это — объективное тождество противоположностей, что в одно и то же время, в одном и том же отношении при империализме существуют, развиваются *и* монополии *и* конкуренция. Такое непонимание обнаруживается у метафизиков и эклектиков при рассмотрении ими образования монополий из конкуренции в домонополистическом капитализме.

Исходя из метафизической концепции развития, они доказывали невозможность сохранения конкуренции в условиях существования международных монополистических союзов. Отвечая на вопрос, чем именно выразится переход свободной конкуренции в монополию, буржуазные экономисты в один голос утверждали, что монополии ослабляют неравномерность, конкуренцию, противоречия внутри капиталистического хозяйства. К проблеме превращения конкуренции в монополию при империализме буржуазные теоретики подходили с меркой метафизического способа мышления, с представлением о том, что противоречия при переходе от конкуренции к монополии возникают как случайные исключения из общих принципов развития империализма. Они абстрактно противопоставляли конкуренцию монополии, а монополию конкуренции, считая, что в период высшей стадии развития капитализма конкуренция уничтожается монополией. На этих же метафизических позициях стоял и Каутский, который также проповедовал затухание противоречий в период перехода от конкуренции к монополии. Диалектический анализ превращения конкуренции в монополию при империализме он подменил эклектизмом, который не имел ничего общего с законом тождества противоположностей.

Разоблачая эклектические трюки Каутского по вопросу о переходе от конкуренции к монополии, Ленин указывал: «Выходит, что монополии в экономике совместимы с немонополистическим, ненасильственным, незахватным образом действий в политике. Выходит, что территориальный раздел земли, завершенный как раз в эпоху финансового капитала и составляющий основу своеобразия теперешних форм соревнования между крупнейшими капиталистическими государствами, совместим с неимпериалистской по-

литикой. Получается затушевывание, притупление самых коренных противоречий новейшей ступени капитализма вместо раскрытия глубины их, получается буржуазный реформизм вместо марксизма» [21].

Опираясь на закон тождества противоположностей как закон познания, Ленин на основе объективного анализа деятельности монополий показывает, что в новых условиях развития капитализма произошел процесс смены капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополиями, но в то же время монополия, вырастая из свободной конкуренции, не устраняет ее, а существует над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и глубоких антагонизмов, конфликтов, столкновений. Превращение свободной конкуренции в монополию рассматривается как переход явления в свою противоположность, когда некоторые основные свойства капитализма и свободной конкуренции превратились в свойства монополистического капитализма. Объективные причины превращения свободной капиталистической конкуренции в капиталистическую монополию вытекают из противоречивого развития конкуренции в капиталистическом обществе. Ленин отмечает, что этот процесс совершается путем развертывания непримиримых противоречий в сущности капиталистического способа производства. «Свободная конкуренция есть основное свойство капитализма и товарного производства вообще; монополия есть прямая противоположность свободной конкуренции, но эта последняя на наших глазах стала превращаться в монополию, создавая крупное производство, вытесняя мелкое, заменяя крупное крупнейшим, доводя концентрацию производства и капитала до того, что из нее вырастала и вырастает монополия...» [22].

На основе конкретного анализа многочисленных фактов и явлений Ленин вскрывает содержание превращения конкуренции в свою противоположность как движение непримиримых противоположностей, вытекающих из природы самой капиталистической конкуренции. При империализме монополии являются прямой противоположностью конкуренции, но они не ликвидируют последнюю. Свободная конкуренция превратилась в монополисти-

---

[21] В. И. Ленин. Сочинения, т. 22, стр. 257.
[22] Там же, стр. 252.

ческую, но она не перестала быть капиталистической конкуренцией. Свободная конкуренция отличается от монополистической, но между ними имеется существенное совпадение. При превращении конкуренции в монополию неравномерность и антагонизмы не только не ослабляются, но, наоборот, порождаются новые социальные конфликты и противоречия современного капитализма.

Развитие современного капиталистического общества полностью подтверждает ленинское положение об обострении и углублении антагонистических противоречий в период империализма. Никогда еще конфликт между производительными силами и производственными отношениями не был так глубок, как в эпоху новейшей стадии развития капитализма. Империализм сделал все, чтобы до конца обострить полярные классовые и национальные противоположности во всем капиталистическом мире. Раскрывая внутреннюю диалектику развития антагонистических противоречий в период перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, представители коммунистических и рабочих партий отметили, что противоречия империализма ускорили перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм». Усиливая власть монополий над жизнью нации, государственно-монополистический капитализм соединяет силу монополий с силой государства в единый механизм для спасения капиталистического строя, для максимального увеличения прибылей империалистической буржуазии посредством эксплуатации рабочего класса и ограбления широких слоев населения»[23]. Таким образом, превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм так же обостряет классовые и национальные антагонизмы, внутренние и внешние противоречия, как в свое время их обострил переход от домонополистического капитализма к монополистическому капитализму. Это до конца опровергает все доводы буржуазных идеологов, оппортунистов и ревизионистов о том, будто перерастание старого капитализма в новейший государственно-монополистический капитализм было обусловлено не поляризацией классовых и национальных противоположностей, а их

---

[23] «Документы совещания представителей коммунистических и рабочих партий». Госполитиздат, 1960, стр. 9—10.

постепенным сглаживанием и стиранием до конца, до полного превращения современного капитализма в так называемое народное государство всеобщего благоденствия, якобы полностью избавленное от непримиримых классовых и национальных конфликтов и противоречий.

Остановимся теперь на той роли, которую закон тождества противоположностей играет в современной физике. Важнейшее методологическое значение этого закона для современной физики отчетливо видно при попытках разрешения проблемы соотношения корпускулярных и волновых свойств материи. Современная физика достигла такой глубины проникновения в объект, что пришла к необходимости синтеза, объединения в единое этих двух противоположностей, ранее считавшихся абсолютно разобщенными. Понятия волны и частицы были выработаны в физике вначале независимо друг от друга и отражали различные материальные образования. Физики считали, что корпускулярными свойствами обладает только частица вещества. Волновые свойства связывались с наличием непрерывных сред — полей. Однако дальнейшее изучение физических процессов привело к открытию одновременного наличия и волновых и корпускулярных свойств у одних и тех же объектов в одно и то же время. «Материя, то есть вещество и свет,— отмечал С. И. Вавилов,— одновременно обладает свойствами волн и частиц, но в целом это не волны и не частицы и не смесь того и другого»[24] Современная физика вплотную занимается проблемой тождества, совпадения корпускулярного и волнового характера материи[25].

С принципиальных диалектических позиций проблему тождества корпускулярных и волновых свойств материи впервые начал рассматривать известный французский физик Поль Ланжевен. Он показал, что факт двойственной природы света и вещества, проявляющийся в двух аспектах — волновом в одних случаях и корпускулярном в дру-

---

[24] С. И. Вавилов. Собрание сочинений, т. IV. М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 291.

[25] Например, статьи Луи де Бройля «Интерпретация волновой механики» и Ж. П. Вижье. «К вопросу о теории поведения индивидуальных микрообъектов». «Вопросы философии», 1956, № 6, стр. 80—106.

гих,— требует осуществить их синтез и раскрыть характер совпадения волновых и корпускулярных свойств материи.

П. Ланжевен указывал: «Должны ли мы примириться с такого рода противоречием, с положением вещей, в некотором роде гегелевским, диалектическим, когда мы констатируем наличие противоречий, не реализуя, однако, их синтеза? Безоговорочное принятие такого решения и самоуспокоение представляются мне крайне нежелательными, в особенности, если учитывать основные тенденции нашей науки, которая, наоборот, всегда стремилась к наиболее полному и всеобъемлющему синтезу, путем расширения старых представлений или создания новых в тех случаях, когда в этом возникала необходимость» [26].

Чтобы преодолеть дуализм в методе изучения корпускулярных и волновых свойств материи, ученые, считал П. Ланжевен, должны в точности выяснить связь между двумя противоположными аспектами, волновым и корпускулярным.

Многие буржуазные философы, пользуясь метафизическим методом мышления, не могли объяснить диалектическую противоречивость корпускулярных и волновых свойств. Столкнувшись с действием закона тождества противоположностей и в конкретных физических процессах, буржуазные ученые стали отрицать реальность внутренней противоречивости между волнами и частицами в микрообъектах. Вместо того, чтобы оперировать гибкими, подвижными понятиями, правильно отражающими изменчивость и противоречивость волновых и корпускулярных аспектов материи, они пытаются реальное противоречие между волнами и корпускулами представить как разобщенные, никогда одновременно не существующие аспекты действительности. Метафизический подход к объяснению волновых и корпускулярных свойств микрообъектов состоит в том, что волновые и корпускулярные свойства рассматриваются не как тождество физических противоположностей, а как исключающие друг друга процессы в микрообъектах. Новые физические факты и открытия, подтверждающие учение диалектики о движении путем противоположностей, философы-метафизики пытаются объяснить путем таких представлений и понятий, в которых

---

[26] П. Ланжевен. Избранные произведения. М., ИЛ, 1949, стр. 356.

нет места закону взаимного проникновения противоположностей как закону познания. Например, так называемая диалектика дополнительности, защищаемая некоторыми современными философами, представляет собой прямой отказ от объяснения противоречивых — волновых и корпускулярных — свойств микрообъектов. Трудности познания противоречивых свойств микрообъектов они пытаются разрешить метафизическим способом. Так, П. Иордан утверждает: «Волновая и корпускулярная теория света взаимно противоречат друг другу; однако до сих пор вместо разрешения этого противоречия мы видели лишь комбинацию из двух взаимно противоречащих теорий, комбинацию в форме отношения, позволяющего вычислить собственную длину волны на основании знания энергии кванта света и обратно...» [27].

Это рассуждение о взаимоисключающем характере волновой и корпускулярной теорий потребовалось Иордану для доказательства полного отсутствия реального противоречия в микрообъектах. По мнению Иордана, это противоречие носит не реальный, а «парадоксальный» характер, эти противоположные теории приложимы якобы только к двум совершенно различным, абсолютно взаимоисключающим друг друга экспериментам. Волны и корпускулы, которые якобы наблюдаются во взаимоисключающих друг друга экспериментах, не существуют одновременно в одном и том же микрообъекте.

Такое объяснение отрицает противоречивое единство волновых и корпускулярных свойств микрообъектов. «Просветительская сила этой идеи,— пишет Иордан,— состоит в разрешении казавшейся неразрешимой загадки и противоречия, которое ясно демонстрируется в знаменитой проблеме диалектической природы света. Свойства света, связанные с его волновой природой, с одной стороны, и свойства, связанные с его корпускулярной природой — с другой, являются «дополнительными» по отношению друг к другу в том смысле, что они никогда не могут проявиться в одном и том же эксперименте в одно и то же время (и, следовательно, встать в активное прямое противоречие).... В силу этого удивительного механизма дополнительности природа объединяет в один и тот же физический объект свойства и закономерности, которые

[27] P. Iordan. Physics of the 20th century. N. Y., 1944, p. 100.

противоречат друг другу, так что они никогда не могут существовать непосредственно в одно и то же время» [28].

На самом деле подобные философские выводы затушевывают противоречивые отношения между волнами и корпускулами. Вместо адекватного отражения в диалектике понятий противоречивых свойств микрообъектов, буржуазные философы рассматривают волны и корпускулы как независимые друг от друга образования, которые никогда не могут «встать в активное прямое противоречие».

Вместо объективного рассмотрения механизма синтеза волновых и корпускулярных свойств микрообъектов они доказывают, что эти противоречивые тенденции являются только «дополнительными» и никогда не могут проникать друг в друга.

С точки зрения сторонников «диалектики дополнительности», противоречие между волнами и частицами имеет чисто умственное происхождение. Так, французская ученая П. Детуш, воюя против реальности диалектического противоречия, заявляет: «Если в духе одновременно могут существовать два представления, из которых одно является отрицанием другого..., то в самих фактах не существует никакого воплощения идеи противоречия, и, в противоположность духу, можно утверждать полную позитивность природы. Тождество противоречий, противоположность единого и многого — только наши мысли...» [29].

Признание «диалектики» противоречий только в мыслях Детуш потребовалось для обоснования отсутствия противоречивости между волнами и корпускулами в микрообъектах.

Приходя к выводу, что только в мышлении можно найти диалектику противоречий, Детуш считает невозможным обнаружить противоречивость в самих микрообъектах. С одной стороны, рассматривая противоречие как только противоречие неправильного мышления, Детуш утверждает, что «мы ясно сознаем априорный характер противоречия и его чисто умственное происхождение... Природа представляет собой только положительные события, явления природы являются лишь утверждениями самих себя и не находятся ни в какой связи с противоречием» [30].

---

[28] P. Iordan. Foundations of Physics, pp. 131—132.

[29] P. Destouches-Fevrier. Manifestations et sens de la notion de complémentarité. «Dialectica», vol. 2, N 3/4, p. 408.

[30] Ibid., p. 405.

С другой стороны, Детуш вынуждена признать, что современная наука в своем развитии столкнулась с такими явлениями и процессами в микрообъектах, которые приводят к теориям, где «понятие противоречия является центральным, и что эта наука ищет выхода из трудностей в пересмотре понятия противоречия, или, точнее, в замене априорного способа противопоставления одного утверждения другому новыми способами противопоставления» [31].

С точки зрения Детуш, выход из этого тупика состоит не в том, чтобы признать наличие противоречия в самой природе вещей и адекватно их отражать в процессе познания, как этого требует марксистская диалектическая логика, а в том, чтобы подменить диалектическую концепцию развития и познания «диалектикой дополнительности», в которой и речи нет о реальных противоречиях и которая полностью изгоняет объективные противоречия из диалектики понятий .

По мнению Детуш, преимущества «диалектики дополнительности» по сравнению с марксистской диалектикой, ядром которой является закон взаимного проникновения противоположностей, состоит в том, что она якобы представляет собой «тип полностью позитивной диалектики», в которой противоречивые элементы только дополняют друг друга или настолько объединяются, что образуется гармоничное единство и объективные противоположности исчезают. В «диалектике дополнительности», пишет Детуш, мысль не встречает никакого препятствия, никакого противоречия, но, напротив, удовлетворительное и гармоническое построение элементов, которые дополняют и зависят друг от друга.

Основное содержание так называемой «диалектики дополнительности» состоит прежде всего в том, что в ней вообще нет никакой диалектики вещей и понятий. «Диалектика дополнительности» просто устраняет из природы реальные противоположности и противоречия, а не дает им теоретического объяснения.

В «диалектике дополнительности» тождество противоположностей не признается ни как закон объективного мира, ни как закон познания. Совпадение противоположностей представляет собой недопустимый факт, противоречащий гармонии природы. «Диалектика дополнительно-

---

[31] Ibidem.

сти» требует такой логики исследования, в которой разум никогда бы не сталкивался с противоположностями и переходами явлений в свою противоположность в изучаемых процессах и предметах.

Антидиалектическая сущность «диалектики дополнительности» заключается также в том, что она вырывает непроходимую пропасть между противоположностями, рассматривая их в различных планах, независимо один от другого. В «диалектике дополнительности», указывает Детуш, разум работает одновременно в двух планах, которые взаимоисключаются, и таким образом, логика, которая применяется в одном из этих планов, не применима в другом. А это и объясняет появление тех противоречий в одном из этих планов, которые исчезают в другом плане. Следовательно, «диалектика дополнительности» как метод познания прямо противоположна диалектической логике, которая изучает и адекватно отражает единство противоположностей, осуществляющееся в объективном мире.

Марксистская диалектика не противопоставляет волновые и корпускулярные свойства материи как исключающие друг друга. Выступая против метафизического подхода к противоречиям микромира, С. И. Вавилов указывал, что вопрос о соотношении противоположных и волновых и корпускулярных свойств у микрообъектов может быть правильно разрешен только признанием одновременного существования противоположных — волновых и корпускулярных — свойств у микрообъектов. Единство противоположных тенденций у микрообъектов Вавилов иллюстрировал на следующем примере: «Если опыт Ньютона производить с чрезвычайно слабым светом, то при некоторых условиях есть возможность наблюдать статические беспорядочные колебания яркости светлых колец, свидетельствующих о том, что энергия света и в этом типично волновом явлении сосредоточена в отдельных центрах фотона. С другой стороны, если освещать окрашенную ткань через узкие отверстия, то при выцветании обнаруживаются дифракционные явления» [32].

Таким образом, сознательное использование диалектического закона тождества противоположностей как закона познания начинается при том методе исследования, когда с самого начала противоположности рассматриваются не в

[32] С. И. Вавилов. Собрание сочинений, т. IV, стр. 191.

отрыве друг от друга, а в диалектическом единстве друг с другом. Известный французский физик-марксист Ж. П. Вижье пишет: «Эта точка зрения, представляющая собой объективный синтез волновых и корпускулярных аспектов микрообъектов, сводится к тому, что они рассматриваются одновременно и как волны и как частицы: каждый микрообъект является одновременно и волной и частицей» [33].

Методологическое значение закона диалектической логики о тождестве противоположностей состоит в том, что он позволяет решать вопросы о конкретных способах выражения в понятиях реальных противоречий исследуемых объектов так, чтобы при этом получилось правильное отражение диалектики непрерывно развивающегося мира.

«Диалектика,— писал Энгельс,— которая точно так же не знает hard and fast lines [абсолютно резких разграничительных линий] и безусловного, пригодного повсюду «или — или», которая переводит друг в друга неподвижные метафизические различия, признает в надлежащих случаях наряду с «или — или» также «как то, так и другое» и опосредствует противоположности,— является единственным, в высшей инстанции, методом мышления, соответствующим теперешней стадии развития естествознания. Разумеется, для повседневного обихода, для научной мелкой торговли метафизические категории сохраняют свое значение» [34].

В данной статье мы пытались показать, что смысл содержательного отношения тождества раскрывается не в формальной, а в диалектической логике как 1) простое тождество, т. е. тождество, предполагающее различие, 2) как конкретное тождество, т. е. тождество противоположностей. Принятие диалектического закона конкретного тождества противоположностей не означает отрицания формальнологического закона тождества. Диалектическая логика понимает тождество противоположностей как единство противоположных сторон в структуре одного и того же целостного предмета, которые в определенных условиях превращаются друг в друга.

---

[33] «Вопросы философии», 1956, № 6, стр. 98.

[34] Ф. Энгельс. Диалектика природы, Госполитиздат, 1955, стр. 167.

Часть четвертая

ПОНЯТИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ И ФОРМАЛЬНОЙ ЛОГИКЕ

Й. Элез

I

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ И ФОРМАЛЬНАЯ ЛОГИКА ОБ ОБЪЕКТИВНЫХ И СУБЪЕКТИВНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЯХ И КРИТЕРИИ ИХ РАЗЛИЧЕНИЯ

Проблема противоречий ставится и решается материалистической диалектической логикой как часть общей проблемы отношения между формальнологическими и диалектическими закономерностями мышления и их роли в познании. В данной статье рассматриваются следующие вопросы проблемы; во-первых, отличие формальнологических противоречий от диалектических, отношение формальнологического принципа недопущения противоречия к диалектическому принципу признания противоречия; во-вторых, критерий различения диалектического и формальнологического противоречий.

1. ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ И ФОРМАЛЬНОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Диалектическое противоречие — это объективное совмещение и борьба взаимоисключающих, взаимообусловливающих и взаимопроникающих друг друга противоположностей внутри единой вещи или понятия. Такое противоречие существует во всех природных, общественных и духовных процессах независимо от нашего сознания; оно составляет сущность диалектического движения и носит универсальный характер.

Формальнологическое противоречие — это лишь внешнее абсолютное взаимоисключение утвердительного и отрицательного определений одной и той же вещи или понятия без отождествления взаимно-противоречащих сторон, без перехода одного определения в другое. Такое противоречие встречается лишь в рассуждении, причем в неправильном рассуждении. В необходимости устранения подобных противоречий заключена рациональность формальнологического принципа непротиворечия. Вместе с тем несостоятельны попытки его метафизической абсолютизации и трактовки этого принципа как закона действительности и универсального закона мышления, как всеобщего принципа определенности всякого содержания, независимо от природы этой определенности.

Наиболее распространенной формулировкой принципа непротиворечия является следующая: не могут быть вместе истинными два суждения, из которых в одном что-либо утверждается, а в другом то же самое отрицается. Обычно добавляют: «в одно и то же время» и «в одном и том же отношении». В указаниях на одновременность («в одно и то же время») и однозначность («в одном и том же отношении») многие логики усматривают специфику формальнологического определения противоречия.

Если определение формальнологического противоречия освящено многовековой традицией, то признание и утверждение диалектических противоречий до сих пор является предметом споров между логиками — представителями различных философских направлений. Часть логиков отрицает наличие специфически диалектических противоречий. Этих логиков можно условно разделить на две группы.

Первая группа диалектическое противоречие отождествляет с формальнологическим противоречием. К ней, например, среди современных логиков, принадлежат представители «логического атомизма», «философии логического анализа» и логического позитивизма, который исследование формальнологической правильности превращает в логику.

Вторую группу составляют те логики, которые на словах хотя и признают диалектическое противоречие, однако на деле отрицают его, сводя к так называемому противоречию «в разное время» или «в различных отношениях».

В этом отношении характерным является следующее рассуждение: «Именно потому, что в *самой действительности* предмет не может в одно и то же время и в одном и том же отношении обладать и не обладать одним и тем же свойством, наше мышление, если оно хочет правильно отражать действительность, должно быть логически непротиворечивым. Таким образом, в основе закона непротиворечия лежит закон действительности, имеющий первостепенное значение, этот закон и отражается в нашем мышлении в качестве закона непротиворечия... Но, с другой стороны, мы знаем, что в *диалектике* противоречия допускаются, более того, диалектика учит нас, что противоречия являются движущей силой развития. Однако термин «противоречие» употребляется здесь в совершенно ином смысле, и смешение двух различных понятий представляет собой очень серьезную ошибку. Одним из крупных философских заблуждений Гегеля было то, что он в известной мере способствовал этому смешению. Рассматривая формальную логику до некоторой степени как существенный момент «метафизического», то есть недиалектического мышления, Гегель оспаривал истинность основных законов формальной логики. Однако формальная логика не является метафизической по своей сущности. Метафизика же не только использовала формальную логику, но и извратила ее во многих отношениях. Какова сущность метафизического извращения закона непротиворечия? Это извращение заключается в следующем. Не ограничиваясь утверждением, согласно которому одному и тому же не может быть нечто присуще и не присуще в *одно и то же* время и *в одном и том же* отношении, идут дальше и говорят, что одному и тому же не может быть нечто присуще даже в *различных* отношениях и в *разное* время. Следовательно, отрицается, что вещам и явлениям свойственны противоположные тенденции, находящиеся в борьбе друг с другом, а также, что любое явление в ходе своего развития может превратиться в свою противоположность» [1].

Совершенно непонятно, каким образом «противоположные» тенденции могут вступать в отношения единства и борьбы, если они «противоречат» одна другой в разное

---

[1] Г. Клаус. Введение в формальную логику. М., ИЛ, 1960, стр. 87—88.

время и в различных отношениях! Такое противоречие немыслимо, так же как немыслим кулачный бой, где вступившие в драку махали бы руками в разное время и не в направлении друг против друга. Это не что иное, как «борьба» существующего с несуществующим, «борьба» живых с мертвецами, или с теми, кто еще не появился на свет божий. Именно о такой «борьбе» говорят приводимые указанной группой логиков примеры «противоречий» в разное время и в различных отношениях.

В качестве примера такого «противоречия» представители этой группы приводят такой случай: пусть p означает «разделение властей на три власти прогрессивно», тогда $\bar{p}$ означало бы «разделение властей на три власти не прогрессивно». Каждое из этих двух положений истинно. Однако,— спрашивают эти логики,— имеет ли здесь место нарушение принципа непротиворечия? И отвечают: разумеется, нет, ведь указанные предложения истинны оба вместе не в отношении к одному и тому же времени.

Требование разделения властей на три власти, выдвигавшееся буржуазией в XVII и XVIII вв., являлось передовым политическим лозунгом в борьбе против абсолютного господства феодалов и как таковое было прогрессивным. В современных условиях это требование являлось бы реакционным, ибо, будучи в прошлом направленным на ограничение власти князей, в настоящее время оно означало бы ограничение власти народа. Оба сопоставляемых здесь утверждения представляют собой относительные истины, которые не подчиняются закону непротиворечия. С этой точки зрения можно выдвинуть следующие два положения: «Разделение властей на три власти было прогрессивным в XVIII в.» и «Разделение властей на три власти не было прогрессивным в XVIII в.». Оба положения — истинны. Разделение властей на три власти в XVIII в. было прогрессивным, если иметь в виду борьбу буржуазии против феодализма. Однако одновременно оно было и реакционным в том смысле, что в случае удовлетворения названного требования широкие массы народа были бы отстранены от решения коренных государственных вопросов. Если учесть упомянутое различие «в отношениях», то кажущееся логическое противоречие выдвинутых положений исчезнет полностью. Однако,— заключают представители указанной группы логиков,— суждения, полученные таким образом, не являются суждениями, между

которыми не существует никакой связи. Напротив, они представляют собой выражение в форме суждения двух сторон диалектического противоречия.

В дальнейшем мы покажем несостоятельность такой точки зрения. А пока ограничимся утверждением, что, на наш взгляд, нет диалектического противоречия там, где взаимнопротиворечащие стороны не отрицали бы одна другую *одновременно* и в *одном и том же отношении*. Отрицание данного положения по-существу приводит и к отрицанию диалектики как учения о единстве противоположностей, к отказу от признания всесторонней гибкости понятий, доходящей до тождества противоположностей.

В реальном процессе познания фактически имеет место различение различного и отождествление различного, противоположного и противоречивого. Если быть в согласии с этими фактами живого и плодотворного познания, то, на наш взгляд, нужно отказаться, *во-первых,* от точки зрения, согласно которой непротиворечивость является единственной формой отображения в мышлении реального диалектического противоречия; *во-вторых,* от точки зрения, согласно которой формальнологическое, абстрактное противоречие является логической формой проявления действительного диалектического противоречия; *в-третьих,* от точки зрения, согласно которой отношение между принципом диалектического противоречия и формальнологическим принципом непротиворечия само представляет формальнологическое противоречие, и поэтому не могут быть вместе истинными оба эти принципа и, следовательно, один или другой должен быть отвергнут как ложный.

Эти ошибочные точки зрения, являющиеся результатом метафизического и абстрактного подхода к решению рассматриваемой проблемы, неизбежно приводили к ложной альтернативе: или логика непротиворечия или логика противоречия.

С одной стороны, начиная с Аристотеля, принцип непротиворечия рассматривается как отрицание всякого противоречия, как признание, что всякое противоречие есть абсурд, что оно ни при каких условиях не истинно и поэтому не отображает действительности. Диалектический принцип противоречия объявляется логически несовместимым с принципом непротиворечия и в соответствии с этим формальным критерием исключается как абсолютно ложный.

С другой стороны, начиная с Гегеля, некоторые философы принцип непротиворечия не признают за принцип действительного мышления, а вместо него выдвигают принцип противоречия ($A = A$ и не $= A$) как источник всякого движения. Однако у Гегеля этот принцип сводится, в конечном счете, к закону движения в абстрактном виде, т. е. движения чистого разума, которое состоит в том, что разум себя утверждает, себя отрицает и отрицает свое отрицание.

В действительности диалектика не отвергает принципа, согласно которому A не может в одно и то же время быть не $= A$, а исправляет его. Принцип непротиворечия, выставляемый формальной логикой как аксиома, на которой основывается истинное мышление, в учении Гераклита был снят раньше, чем он был сформулирован как аксиома здравого человеческого рассудка.

В противоположность учению Гераклита о том, что все есть и одно и другое, Аристотель выставляет положение, согласно которому «то, что существует, это всегда — или ⟨что-нибудь⟩ одно, или ⟨некоторое⟩ множество, в котором каждая составная часть есть одно» [2], и оно не может быть и не быть то, что есть. «Вообще люди, выставляющие это положение (утверждающие возможность противоречия.— *И. Э.*), уничтожают сущность и суть бытия» [3]. Вместо гераклитовского положения о том, что становление возможно только в виде непрерывного перехода из одной противоположности в другую и в виде единства уже сформировавшихся противоположностей, Аристотель формулирует принцип непротиворечия как закон бытия и истинного мышления. Это для него «самое достоверное из всех начал», «по отношению к которому невозможно ошибиться» и которое «должно выступать как безусловное». Этим началом «должен владеть всякий, кто постигает какую-либо вещь»; его «необходимо знать человеку, если он познает хоть что-нибудь», и человек должен его «иметь в своем распоряжении уже с самого начала» [4]. На принципе непротиворечия, являющемся аксиомой истинного мышления и началом для всех других аксиом, основывается вся дедуктивная система истинного познания. Тот, кто отрицает это основное начало, отрицает существование вещей

[2] Аристотель. Метафизика. М.— Л., Соцэкгиз, 1934, стр. 54.
[3] Там же, стр. 65—66.
[4] Там же, стр. 62—63.

и все сводит к случайным особенностям, ибо, если нет единого значения, нет сущности, нет понятия.

Невозможно, чтобы одно и то же одновременно было и не было присуще одной и той же вещи и в одном и том же отношении. «И если невозможно, чтобы противоположные вещи вместе находились в одном и том же..., а в то же время там, где имеется противоречие, одно мнение противоположно другому,— тогда, очевидно, одному и тому же человеку невозможно вместе принимать, что та же самая вещь существует и не существует...» [5]. Если принимать, что нечто в одно и то же время есть и не есть, то невозможно было бы говорить об одном общем критерии истинности. Все было бы одновременно и истиной и ложью. Собственно говоря, можно на словах и признавать, что нечто в одно и то же время есть и не есть, однако, изменяя таким образом значение того или иного слова в процессе суждения и умозаключения, невозможно прийти ни к каким результатам, ибо иметь не одно значение — это значит не иметь ни одного значения. Если же у слов нет определенных значений, тогда утрачена всякая возможность рассуждать друг с другом, а в действительности — и с самим собой; невозможно ничего мыслить, если не мыслишь каждый раз что-нибудь одно; если же мыслить возможно, тогда для предмета мысли можно установить одно имя. Понятие должно быть тождественно себе; истина едина и не может содержать в себе противоречия. При определении того, что есть истина, а что ложь, необходимо принадлежность определенного предиката той или иной вещи либо утверждать, либо отрицать,— «но не допустимо, чтобы то и другое одновременно было присуще тому же самому...» [6].

Если что-либо утверждается, тогда может быть только истина или ложь, но «не может быть ничего посредине между двумя противоречащими ⟨друг другу⟩ суждениями...» [7]. Это не относится к тому случаю, когда имеются два утверждения «в области высказываемых в связи противоположных вещей». Например, утверждение «Сократ здоров» противоположно утверждению «Сократ болен», но в этих случаях не является всегда необходимым, чтобы

---

[5] Там же, стр. 63.
[6] Аристотель. Категории. М., Соцэкгиз, 1939, стр. 42.
[7] Аристотель. Метафизика, стр. 75.

одно высказывание было истиной, другое — ложью. Только в том случае, если Сократ существует, одно из этих утверждений будет истинным, другое ложным, а если его нет, тогда оба ложны.

«Напротив, если взять утверждение и отрицание, ⟨в этом случае⟩ всегда — существует ли ⟨вещь⟩, или нет — одно из двух будет ложным и другое — истинным» [8]; но какое из них истинно, а какое ложно, — об этом принцип непротиворечия ничего не говорит.

Такая несовместимость утверждения и отрицания в формальной логике называется контрадикторным противоречием. В учении о контрадикторных понятиях отрицательное понятие рассматривается не как некое утвердительное, а фиксируется лишь как абстрактно отрицательное. Поэтому отношение между утвердительным и отрицательным понятиями есть противоречие, а отношение между утвердительным понятием и отрицающим его содержанием, выраженным в форме утвердительного понятия, не есть противоречие. Ограниченность, абстрактность и формализм этого учения состоит прежде всего в том, что оно рассматривает отношения между понятиями в отрыве от предметов мышления, от объективной действительности. В этом мы убеждаемся сразу, как только начинаем конкретизировать отрицательное понятие, а отношение противоречия между понятиями (и внутри них) рассматривать как мысленное отображение объективных противоречий. Да и сам вопрос о том, противоречат ли понятия одно другому, невозможно решить одним анализом их формы, не прибегая к анализу конкретного содержания.

Из предшествующего изложения взглядов Аристотеля относительно противоречия видно, что он не ставил вопроса о различении объективных и субъективных противоречий. Подход Аристотеля к этой проблеме характерен тем, что он не признавал существования диалектических противоречий ни в бытии, ни в мышлении, так как, по его мнению, то, что противоречиво, не может быть ни действительным, ни истинным. Аристотель признавал существование только формальнологических противоречий. Последние являются не отображением несуществующих диалектических противоречий, а абсурдом как с точки зрения истинного мышления, так и с точки зрения действитель-

[8] Аристотель. Категории, стр. 41.

пости. Следовательно: мышление, чтобы быть последовательным, истинным, должно освободиться от таких противоречий; критерием их обнаружения в мышлении является принцип непротиворечия, не допускающий отождествления двух взаимнопротиворечащих сторон, ибо такое отождествление представляет абсурдное противоречие и заблуждение.

Аристотелевский принцип непротиворечия, основывающийся на формальнологическом тождестве, и по сей день рассматривается многими логиками как требование устранения из мышления всякого противоречия — как признака непоследовательности и неистинности познания. Законы мышления рассматриваются лишь с точки зрения формального согласования мыслей между собой, безотносительно к конкретному их содержанию, их отношению к действительности. В качестве основного критория такого согласования выдвигается непротиворечивость между понятиями и суждениями. При этом многие формальные логики открыто или молчаливо приняли мнение И. Канта о том, что не существует никакого всеобщего материального критерия истинности мышления, так как такой критерий был бы contradictio in adjecto.

Общий критерий для согласования познания с его предметом, по мнению Канта, невозможен, потому что он должен был бы абстрагировать все конкретные различия отдельных предметов и одновременно быть критерием этих различий, по которому можно было бы установить, что определенное познание согласуется с предметом, к которому относится, а не с каким-либо другим предметом. «Всеобщий материальный критерий истинности,— писал Кант,— невозможен, это было бы даже противоречием. Ведь как о б щ е з н а ч и м ы й для всех объектов вообще, он должен был бы быть совершенно абстрагированным от всех их отличий и вместе с тем, как материальный критерий,— касаться именно этих отличий, чтобы можно было определять, согласно ли знание именно с тем объектом, к которому его относят, а не с каким-нибудь объектом вообще,— что́, собственно, ничего не говорило бы» [9]. Материальная истина, по мнению Канта, состоит в соответствии познания именно с тем предметом, к которому оно относится. То, что истинно по отношению к одному предмету,

[9] И. К а н т. Логика. Пг., 1915, стр. 43.

может быть ложным по отношению к другому. Следовательно, бессмысленно требовать всеобщий признак истины познания «в его материи», ибо это заключает в себе противоречие.

«Если же теперь вопрос идет о всеобщих формальных критериях истинности,— продолжает Кант,— то тут решение легко, потому что таковые, конечно, могут быть. Ибо формальная истинность состоит исключительно в согласии знания с самим собою, при полной абстракции от всяких объектов вообще и от всех их отличий. И поэтому всеобщие формальные критерии истинности — не что иное, как общие логические признаки согласия знания с самим собою или, что то же, со всеобщими законами рассудка и разума» [10].

Вместе с тем, Кант первый попытался провести различие между формальнологическим и реальным противоречиями. Он посвятил этой проблеме специальную работу «Опыт введения в философию понятия отрицательных величин» (1763 г.). Исходным пунктом этой работы служит вопрос об использовании одного из понятий математики в философии. Философы, отмечает Кант, до сих пор пренебрегали понятием отрицательных величин, что приводило к многочисленным ошибкам, и поэтому следует показать, во-первых, «какое применение это понятие может вообще иметь в философии» [11] и, во-вторых, что реальное основание не есть логическое основание.

Поясняя характер реального основания понятием отрицательной величины, Кант напоминает, что реальное основание бывает либо положительным, либо отрицательным. Последнее не является логическим противоречием. Положительное основание принимает такую форму: в силу того, что есть нечто одно, есть также и нечто другое. Отрицательное основание, соответственно, выражается так: в силу того, что есть нечто одно, нет чего-либо другого. Отношение, выражаемое реальным отрицательным основанием, совпадает с реальной противоположностью.

Противоположение (т. е. когда одно упраздняет как раз то, что полагается другим) может быть двояким: или логическим (через противоречие), или реальным (без противоречия).

---

[10] И. Кант. Логика, стр. 44.
[11] И. Кант. Сочинения, т. II. М., Соцэкгиз, 1940, стр. 137.

«Логическая противоположность» (формальнологическое противоречие) состоит в том, что два предиката одной и той же вещи в силу противоречия упраздняют друг друга, следствием чего является совершенное ничто. «Тело, находящееся в движении, есть нечто; тело, которое не находится в движении, тоже есть нечто (cogitabile); но тело, которое находилось бы в движении и в то же время, в том же самом смысле, не находилось бы в движении, есть ничто» [12]. Логическое противоречие есть, следовательно, нечто немыслимое, нерациональное, ибо, с точки зрения формальной логики, невозможно, чтобы что-нибудь было A и не — A, чтобы что-либо одновременно двигалось и не двигалось в одном и том же направлении, и т. п. Согласно принципу непротиворечия, реальная противоположность должна была бы также представлять собой нечто невозможное, нечто, что нельзя ни представить, ни мыслить. Стало быть, существуют такие истины, как реальная противоположность, которые непонятны и необъяснимы с помощью принципа непротиворечия. Хотя правила логики не в состоянии ее объяснить, она, по мнению Канта, существует, имеет реальное значение, которое должно быть признано в философии.

«Реальная противоположность», которая не подчиняется принципу непротиворечия, состоит, согласно Канту, в том, что «два предиката одной и той же вещи противоположны, но не по закону противоречия» [13], т. е. формальнологическому принципу непротиворечия. И здесь одно отрицает как раз то, что утверждается другим, но в другом смысле, чем при логическом противоречии: это не простое отрицание без утверждения, а такое, при котором следствием является нечто мыслимое (cogitabile). Сила, движущая тело в одном направлении, и равное стремление того же тела двигаться в противоположном направлении возможны в одной и той же вещи одновременно. Следствием здесь является покой как нечто представимое.

Мы имеем здесь истинную противоположность,— отмечает Кант,— «ибо то, что полагается в силу одной тенденции, при предположении, что действует только она одна, упраздняется другой, и обе тенденции суть истинные

[12] Там же, стр. 139.
[13] Там же.

предикаты одной и той же вещи, присущие ей одновременно. Следствием этого также является ничто, но в другом смысле, чем при противоречии (nihil privativum, irraesentabile). Это ничто в дальнейшем мы будем называть нулем = 0...» [14].

Следовательно, «реальная противоположность также основывается на отношении друг к другу двух предикатов одной и той же вещи» [15], но здесь нет того отношения, согласно которому два предиката какой-либо вещи в силу противоречия упраздняют друг друга и свои последствия. Так, например, с точки зрения принципа непротиворечия, невозможно одновременно обладать и не обладать капиталом, в то время как с точки зрения реального противоречия это вполне возможно, например, в том случае, когда у кого-нибудь есть пассивный долг, равный активному долгу: здесь нет никакого формальнологического противоречия, но есть реальное, которое означает несуществование и долга и капитала — ноль. Согласно мнению Канта, математики пользуются понятием этой реальной противоположности для своих величин, и чтобы отметить такие величины, они обозначают их знаками «+» и «—». В применении к приведенному примеру это означает, что долг выступает как «отрицательный капитал» и, наоборот, капитал — как «отрицательный долг», но не в смысле голого отрицания или отрицания капитала или долга. Допустим, что у кого-нибудь есть на +100 капитала и на —100 долга, тогда одно (капитал) исключает как раз то, что полагается другим (долг).

Вполне возможно, что некоторые современные логики попробуют отделаться от этого противоречия путем «уточнения терминов», т. е. определяя долг только как отрицание или простое отсутствие капитала, но тогда капитал сам должен быть отмечен знаком 0, и данный капитал, взятый вместе с долгом, представлял бы тогда имущественную ценность, выражаемую равенством 100 + 0 = 100, что ложно.

Современные упразднители диалектики, наверное, усмотрят здесь «противоречие» в разное время и в различных отношениях. Однако Кант отметил такое возможное истолкование понимания им противоречий вообще, реаль-

---

[14] И. Кант. Сочинения, т. II, стр. 139—140.
[15] Там же, стр. 140.

ных, в частности, ибо противоречащие друг другу определения, по его мнению, должны:

во-первых, принадлежать одному и тому же субъекту, ибо, если допустить, что в одной вещи есть одно определение, а в другой — еще какое-то определение, то в этом случае еще никакого реального противоположения нет;

во-вторых, определение не может отрицать ничего другого кроме того, что утверждается другим определением, ибо здесь вообще не было бы никакого противоположения;

в-третьих, эти определения, поскольку они противоречат друг другу, не могут быть оба отрицательными, ибо в последнем случае ни одним из них не полагалось бы того, что упразднялось бы другим.

Отмечая, что все реальные основания в мире противоположны друг другу, Кант пишет: «...Я утверждаю, что если возникает A, то при естественном изменении мира должно возникнуть также и $-A$, т. е. не может быть естественного основания какого-либо реального следствия без того, чтобы оно в то же время не было основанием некоторого другого следствия, являющегося по отношению к первому следствию его *отрицанием*» [16].

Вопрос здесь не в том, есть ли реальное противоречие, а в том, как его выразить в мышлении, если всякое разъяснение понятий совершается логическим путем. Выдвигая этот вопрос на первый план, Кант метко замечает, что объяснение реальной противоположности, которое должно быть первым вопросом для всякого человека, не составляет для метафизиков никакого вопроса. Истолковывая понятия (например, понятия непроницаемости), выражающие отрицательную величину в смысле логического отрицания, Кант называет непроницаемость отрицательным притяжением, отвращение — отрицательным вожделением, ненависть — отрицательной любовью, безобразие — отрицательной красотой, порицание — отрицательной похвалой, запрещение — отрицательным повелением, наказания — отрицательными наградами, опровержение — отрицательным доказательством и т. д. Кант заявляет, что это не пустая игра словами, ибо эти выражения указывают одновременно на определенное отношение к известным уже понятиям, в чем может убедить каждого самое элементарное знакомство с математикой.

---

[16] Там же, стр. 161.

На этом основании можно заключить, чем, по мнению Канта, характеризуются те и другие противоречия.

Реальные противоречия имеют место лишь там, где две вещи в качестве положительных оснований исключают последствия друг друга. Везде, где есть положительное основание, а следствие тем не менее оказывается нулем, имеется реальное противоположение, т. е. это основание находится в соединении с другим положительным основанием, представляющим собой отрицание первого. В каждом реальном противоречии оба предиката должны быть положительными, но такими, чтобы при их соединении следствия их в одном и том же субъекте взаимно уничтожались. В реальном противоречии одно также упраздняет то, что полагается другим, но не через формальнологический принцип противоречия. Они не познаются одним логическим путем и не могут быть выражены посредством суждения, но единственно только посредством понятия.

Логическое противоречие существует лишь в неправильном мышлении и не является отражением реальных противоречий. Оно представляет собой нечто немыслимое и нерациональное не только с точки зрения логики, но и с точки зрения действительности. Логическое противоречие есть простое отрицание без утверждения, т. е. совмещение двух предикатов какой-либо вещи, которые в силу противоречия упраздняют и друг друга и свои последствия, и в результате получается ничто. Логическая противоположность не есть реальная противоположность, а логическое отрицание не есть отрицательная величина. Принцип непротиворечия в формулировке Аристотеля рационален, ибо он требует исключения из мышления абсурдных противоречий.

Что касается критерия отличия логических противоречий от реальных, то здесь Кант ограничивается формальным критерием, хотя и считает его недостаточным.

Таким образом, в кантовских работах докритического периода, наряду с неправильными и спорными положениями, можно найти немало интересных и важных соображений относительно проблемы противоречия. Впоследствии, в работах критического периода Кант отошел от основных положений своего учения о реальных и логических противоречиях.

Правда, в «Критике чистого разума» Кант большое внимание уделяет проблеме антиномий, утверждая, что

для него она была одной из самых крупных проблем. При попытке определить характер некоторых положений, которые можно в одинаковой мере и доказывать и оспаривать, Кант столкнулся с тем, что он называет «скандалом противоречий», в которые впадает мышление. Так как он не был в состоянии ни понять, ни допустить диалектическое оправдание противоречий, эти противоречия у него остались ограниченными степенью необходимых антиномий, т. е. контрадикторно противоположных положений (тезис и антитезис), каждое из которых можно утверждать с одинаковой необходимостью.

Кант решает вопрос о противоречивости наиболее общих определений универсума, утверждая при этом, что противоречие принадлежит не самому предмету, а лишь познающему разуму, что оно есть тот коренной недостаток познающего разума, из-за которого эта наивысшая теоретическая функция познания не может познать космическую действительность такой, какая она есть.

Кант приводит четыре антиномии, каждая из которых содержит тезис и антитезис.

В первой антиномии тезис утверждает: «Мир имеет начало во времени и ограничен также в пространстве». Антитезис гласит: «Мир не имеет начала во времени и безграничен в пространстве. Он бесконечен и во времени и в пространстве».

Во второй антиномии доказывается, что каждая сложная субстанция одновременно и состоит и не состоит из простых частей.

Тезис третьей антиномии утверждает, что существуют два рода причинности: один — соответствующий законам природы, другой — свободе. Антитезис утверждает, что существует только одна причинность, соответствующая законам природы.

В четвертой антиномии доказывается, что существует и не существует абсолютно необходимое.

Гегель справедливо упрекает Канта в том, что он находит антиномии только в четырех особых, заимствованных им из космогонии предметах, в то время как они встречаются во всех предметах всякого рода, ибо все где-либо существующее есть некое конкретное, и следовательно, некое внутри самого себя различное и противоположное. «Противоречие,— восклицает Гегель,— вот что на самом деле движет миром, и смешно говорить, что противо-

речие нельзя мыслить» [17]. Знание этого и познание предметов в этом их свойстве составляет существенную сторону философского рассмотрения. Считая, что обнаружение антиномий должно рассматриваться как очень важное достижение философского познания, поскольку этим был устранен неподвижный догматизм рассудочной метафизики и обращено внимание на диалектическое движение мышления, Гегель вместе с тем констатирует, что Кант и здесь остановился только на отрицательном результате, на непознаваемости вещей в себе, а не проник дальше до познания истинного и положительного значения антиномий. Истинное же и положительное значение антиномий заключается вообще в том, что все действительное содержит внутри себя противоположные определения и что, следовательно, познание и, точнее, выражение предмета в понятиях означает именно лишь осознание его как конкретного единства противоположных определений.

Мысль Канта о том, что само содержание, а именно категории сами по себе приводят к противоречию, Гегель рассматривал как один из важнейших и замечательнейших успехов философии нового времени; но вместе с тем он считал ошибочным приписывать противоречия лишь субъективности мыслящего разума, а кантовский способ разрешения противоречий — одной из самых больших ограниченностей кантовской философии. Прежняя метафизика считала, что если познание впадает в противоречие, то это лишь случайное заблуждение, основанное на субъективной ошибке в умозаключении и рассуждении. Кант отвергает такую точку зрения, утверждая, что мышление по самой своей природе впадает в противоречия (антиномии), когда оно хочет познать бесконечное, но он не прав, когда считает, что «не сущность мира носит де на себе пятно противоречия, а лишь мыслящий разум», и сводит разум «к пустому тождеству». В связи с этим Гегель подчеркивает: «...противоречие не следует принимать только за какую-то аномалию, встречающуюся лишь кое-где: оно есть отрицательное в его существенном определении, принцип всякого самодвижения, состоящего не в чем ином, как в некотором изображении противоречия. Само внешнее чувственное движение есть его непосредственное наличное бытие. Нечто движется не поскольку оно в этом «те-

[17] Гегель. Сочинения, т. I. М.— Л., Гос. изд-во, 1929, стр. 206.

перь» находится здесь, а в другом «теперь» там, а лишь поскольку оно в одном и том же «теперь» находится здесь и не здесь, поскольку оно в этом «здесь» одновременно и находится и не находится» [18].

С точки зрения принципа непротиворечия невозможно, чтобы что-либо одновременно находилось и не находилось в данном месте (точке), ибо истина едина и не может содержать в себе противоречия. Из данного принципа и соответствующих ему определений истинности и ложности атрибутивных суждений следует, что суждения «движущееся тело находится в данной точке» и «движущееся тело не находится в данной точке» не могут быть одновременно оба истинными, что если одно истинно, то в то же самое время другое ложно. Можно ли с этой точки зрения дать определение самого движения, которое содержало бы в себе возможность движения?

Тезис: «Движение есть нахождение тела в данный момент в данном месте». Но если тело находится в данном месте, то оно покоится. Это определение, следовательно, неверно, ибо оно одностороннее, не содержит в себе возможности движения и как таковое не выражает истины о движении. Однако, следует ли из этого истинность антитезиса?

Антитезис: «Движение не есть нахождение тела в данный момент в данном месте». И это определение неверно, ибо оно также одностороннее и как таковое не выражает истины о движении.

В. И. Ленин отмечал, что метафизические противники Гегеля, недовольные его определением движения, выдвигают свое: «Движение есть нахождение тела в данный момент в данном месте, в другой, следующий, момент в другом месте...».

«Это возражение,— подчеркивает Ленин,— *неверно:* (1) оно описывает *результат* движения, а не *само* движение; (2) оно не показывает, не содержит в себе *возможности* движения; (3) оно изображает движение как сумму, связь состояний *покоя,* т. е. (диалектическое) противоречие им не устранено, а лишь прикрыто, отодвинуто, заслонено, занавешено» [19].

Следовательно, истина о движении не заключена ни

---

[18] Гегель. Сочинения, т. V, стр. 520—521.
[19] В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 255.

в тезисе, ни в антитезисе, ни в определении, устраняющем диалектическое противоречие сведением его к «противоречию» в разное время. Напротив, истина о движении находится в *диалектическом синтезе* тезиса и антитезиса: выражение движения в понятиях означает осознание его как конкретного единства противоположных определений.

Однако формальнологическое мышление противоречивые определения удерживает вне друг друга, в рядоположности и внешней последовательности и, таким образом, они выступают перед сознанием без взаимного соприкосновения. Это мышление обладает основоположением, согласно которому противоречие не мыслимо.

Обыкновенное сознание (и его логика) испытывает страх перед противоречием, считает его как в действительности, так и в истинном мышлении «за нечто случайное, как бы за аномалию и преходящий болезненный пароксизм». Но на самом деле сущность по природе своей противоположна; единство сущности состоит именно в противоположных определениях. Это дает основания для суждений об абстрактности, статичности и ограниченности законов формальной логики, которые, по мнению Гегеля, возникли путем абстрактного выделения отдельной категории в особый логический закон. Относительное диалектическое тождество превращено здесь в абстрактное, абсолютное и тотальное тождество, не терпящее никакого различия, причем забывается тот факт, что оно могло возникнуть только благодаря абстрагированию различия. «Если задают вопрос,— замечает остроумно Гегель,— каким образом тожество приходит к различию, то в основании этого вопроса лежит та предпосылка, что тожество, как одно лишь тожество, т. е. как абстрактное тожество, есть нечто самостоятельное, независимое, и различие точно так же есть нечто иное, тоже самостоятельное и независимое. Однако эта предпосылка делает невозможным ответ на поставленный вопрос, ибо если тожество рассматривается как нечто отличное от различия, то у нас, таким образом, имеется единственно лишь различие. Благодаря этому нельзя доказать перехода к различию, так как исходного пункта, от которого должен совершаться переход, нет для того, кто спрашивает, каким образом совершается этот переход» [20].

---

[20] Гегель. Сочинения, т. I, стр. 199.

Абстрагированием тождества от диалектической противоположности (полярности) создано абсолютное, тотальное непротиворечие как логическое табу, которое никто не может нарушить, чтобы не стать жертвой заблуждения. Это основоположение рассудка — principum exclusi tertii,— взятое абстрактно, представляет рассудочное тождество, согласно которому истинное не должно противоречить самому себе. Мегарики твердо придерживались этого основоположения рассудочной логики, требуя формы тождества для истины. Они при этом не держались всеобщего, а выискивали в обычном представлении примеры, которыми они ставили в затруднение своих собеседников, и приводили эти примеры в некоторого рода систему. К таким примерам относятся софизмы «Лжец», «Скрытый», «Электра» и т. д. Эти софизмы, по мнению Гегеля, представляют собою не видимость противоречия, а действительное противоречие.

Аристотель, по мнению Гегеля, является творцом рассудочной логики; ее формы касаются лишь отношений друг к другу конечных предметов, и в них не может быть постигнута истина. Это не логика спекулятивного мышления, т. е. разумности как отличной от рассудочности. В основании этой логики лежит рассудочное тождество, согласно которому ничто не должно противоречить себе.

Однако Гегель как объективный идеалист, для которого мышление есть некий самостоятельный субъект, демиург действительности, не смог до конца развить такие законы мышления, в которых, с одной стороны, было бы полностью снято позитивное содержание принципов формальной логики, и которые, с другой стороны, явились бы действительно диалектическими законами мышления как наивысшей формы отражения объективной действительности и ее законов. Гегель угадал, но не развил закон диалектической последовательности мышления, ибо для этого требуется сознательное и систематическое отделение субъективного противоречия в мышлении от диалектического, т. е. объективного противоречия *в вещах*.

Гегель не совсем был прав, когда отбросил абстрактно-отрицательное противоположение классической логики как нечто не имеющее никакого логического смысла. «В учении о контрадикторных понятиях,— писал Гегель,— одно понятие называется, например, голубым... а другое — *не-голубым*, так что выходит, что это другое

не есть некое утвердительное, например *желтое,* а фиксируется лишь как абстрактно отрицательное. О том, что отрицательное в нем самом столь же и положительно... это вытекает уже из определения, что противоположное некоему иному есть *его* иное» [21].

Это утверждение и верно и неверно. Оно верно в том случае, когда противоположение рассматривается исключительно с точки зрения объективной логики, когда рассматривается конкретное, реальное противоположение, в котором оба полюса — положительный и отрицательный — реально существуют, так что отрицательное не есть только то, что отрицает положительное, но и само себя положительно полагает. Понятием *не голубое* или суждением «эта вещь не голубая» мы действительно конкретно не отражаем существующего, различного и противоположного качества.

Но это утверждение неверно с точки зрения субъективной логики, ибо в таком случае нужно было бы, пожалуй, выбросить из мышления все абстрактно-отрицательные понятия и суждения и мыслить только в форме конкретных положительно-противопоставленных понятий и суждений. Нельзя было бы никогда, например, сказать «этот материал не голубой» и т. п.

Абстрактно-отрицательное противоположение не лишено реального значения. В мышлении оно имеет совсем конкретную функцию, которая состоит в отрицании определенного положительного понятия или суждения. Как таковое отрицательно-абстрактное суждение представляет логический переход к конкретному положительному противоположному суждению.

Конечно, в процессе мышления, понимаемого в духе объективного идеализма, принципиально не может быть места таким преимущественно субъективным логическим операциям, которые представляют некоторое отступление от объективной логики и которые, следовательно, не могут совпадать с объективным процессом самой действительности, извращенно рассматриваемой как саморазвитие абсолютной идеи. Выбросив абстрактно-отрицательное противоположение через двери своей системы, Гегель ввел его через окно своего диалектического метода. Развитие диалектики требовало от Гегеля трактовки субъективного

[21] Гегель. Сочинения, т. I, стр. 204.

противоречия как признака того, что мы поступаем не последовательно, не в соответствии с законами диалектики, а противоположно им. С точки зрения так понятого им субъективно-логического противоречия, Гегель подверг критике закон тождества и другие законы формальной логики, считая их противоречивыми, логически бессмысленными.

Сделаем некоторые выводы относительно гегелевского решения вопроса о противоречиях.

Диалектическое противоречие является критерием действительности вещей, сущего и истинного вообще; оно есть принцип всякого самодвижения, выражающий истину и сущность вещей; каждый момент перехода одного состояния в другое объединяет в себе контрадикторно противоположные предикаты. Положительные и отрицательные моменты существенно обусловливаются друг другом и существуют лишь в соотношении друг с другом.

Противоположности условны, подвижны, превращаются одна в другую. Но поскольку Гегель имел дело не с реальным движением, а с движением чистого разума, полагающего себя как тезис, который в свою очередь раздваивается на две мысли, противоречащие одна другой,— на положительное и отрицательное, на «да» и «нет», то у него речь идет о взаимопревращении *абстрактных логических понятий,* определений, где, по меткому замечанию Маркса, «да» превращается в «нет», «нет» превращается в «да», «да» становится одновременно и «да» и «нет», «нет» становится одновременно и «нет» и «да». Положительный и отрицательный моменты снимают каждый себя и свое противоположение; «истиной» не является ни то, ни другое, а новая форма, новое единство.

Противоречие есть существенный момент понятия как единства противоположных отношений.

Формальное противоречие, по Гегелю, пусто. «Пустота противоположности между так называемыми контрадикторными понятиями нашла свое полное выражение в той, так сказать, грандиозной формулировке всеобщего закона, согласно которой *каждая* вещь во *всех* противополагаемых, таким образом, предикатах обладает одним и не обладает другим...» [22].

---

[22] Там же.

Формальнологический принцип непротиворечия неистинен потому, что (1) отрицает реальное существование противоречивых определений, (2) непротиворечивость не есть та форма, в которой может выступить истина. Овладеть инструментом однообразного формализма не труднее, чем палитрой живописца, на которой всего лишь две краски — красная и зеленая, чтобы первой раскрашивать поверхность, когда потребовалась бы картина исторического содержания, и другой — когда нужен был бы пейзаж.

Гегель, следовательно, употреблял термин «противоречие» в двух различных смыслах: 1) как объективное противоречие, представляющее наивысшую ступень различия, соответственно противоположности, в которой положительное и отрицательное развилось до отношения взаимного исключения, и 2) как субъективное противоречие, являющееся логическим признаком непоследовательности, несоответствия в процессе мышления.

Классики марксизма взяли у Гегеля термин «противоречие», но поскольку для них мировой процесс есть не самодвижение абсолютного духа, а саморазвитие материи, они этим термином обозначали определенное отношение между объективными, полярными, внутренними противоположностями, свойственными самим вещам и явлениям. «Сосуществование двух взаимно-противоречащих сторон, их борьба и их слияние в новую категорию,— писал Маркс,— составляют сущность диалектического движения. Тот, кто ставит себе задачу устранения дурной стороны, уже одним этим сразу кладет конец диалектическому движению» [23].

Истина о вещах, рассматриваемых в их движении, в их изменении, в их жизни, в их взаимном воздействии друг на друга, не может не быть противоречивой. Для тех, кто ставит себе задачу устранения одной стороны (тезиса или антитезиса) диалектической истины, движение совершенно непостижимо, ибо оно есть противоречие. В противовес принципу, что истина непротиворечива, что не могут быть вместе истинными утверждение и его отрицание, Маркс доказывает истинность обоих взаимно-противоречащих суждений. При исследовании «противоречий всеобщей формулы» *Д—Т—Д* и вопроса о происхождении капитала и прибавочной стоимости Маркс блестяще про-

---

[23] К. Маркс. Нищета философии. Госполитиздат, 1956, стр. 87.

демонстрировал, что, кроме формальнологического, имеется и другой, диалектический способ доказательства.

На вопрос, возникает ли капитал в процессе обращения, Маркс отвечает:

«..Капитал не может возникнуть из обращения и столь же не может возникнуть вне обращения. Он должен возникнуть в обращении и в то же время не в обращении» [24].

Тезис «Капитал не может возникнуть из обращения» истинен, ибо «превращение денег в капитал не может быть объяснено ни тем, что продавцы продают свои товары выше их стоимости, ни тем, что покупатели покупают их ниже их стоимости» [25].

Антитезис «Он должен возникнуть в обращении» так же истинен, ибо «товаропроизводитель не может увеличивать стоимость вне сферы обращения, не может превратить деньги или товар в капитал, не вступая при этом в соприкосновение с другими товаровладельцами» [26].

Или другой пример. На вопрос, может ли прибавочная стоимость возникнуть в процессе обращения, Маркс отвечает: «Прибавочная стоимость должна возникнуть в обращении» и «Прибавочная стоимость не может возникнуть из обращения» [27].

Тезис «Прибавочная стоимость должна возникнуть в обращении» истинен, ибо обращение есть сумма всех товарных отношений товаропроизводителей, а вне его «товаровладелец сохраняет отношение лишь к своему собственному товару».

Антитезис «Прибавочная стоимость не может возникнуть из обращения» также истинен, ибо «если обмениваются эквиваленты, то не возникает никакой прибавочной стоимости, и если обмениваются не-эквиваленты, тоже не возникает никакой прибавочной стоимости» [28].

Из сказанного выше следует вывод: с точки зрения диалектической логики, могут быть одновременно истинными утверждение и его отрицание, тезис и антитезис; но если они истинны, то они должны быть также и ложными, ибо лишь в их синтезе реализуется диалектическая истина, которая есть процесс. Истина как таковая является

---

[24] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1952, стр. 172.
[25] Там же, стр. 167—168.
[26] Там же, стр. 172.
[27] Там же, стр. 171.
[28] Там же, стр. 170.

отражением диалектической определенности вещей и их отношений, которая совершенно непостижима для метафизического способа мышления, считающего верхом бессмыслицы признание противоречия реальностью. Мы считаем, что такой выход находится в полном соответствии с высказываниями Маркса, относящимися к рассматриваемому вопросу. Следует отметить, однако, что некоторые философы и логики иначе относились и относятся к приведенному выше положению Маркса о том, что капитал не может возникнуть ни из обращения, ни вне обращения и что все-таки он должен возникнуть в обращении и в то же время не в обращении.

Некоторые философы (например Дюринг), считающие, что противоречие равно бессмыслице и что поэтому ему нет места в действительном мире, обвиняли Маркса в том, что он признает противоречие в самих вещах и процессах и что он якобы оправдывает допущение абсурдных противоречий в истинном мышлении.

Другие (это теперь стало модным среди части формальных логиков) делают вывод о том, что в указанном рассуждении Маркса вовсе нет никакого противоречия, что такой вывод якобы следует из известных правил модальностей $Mp \equiv Mp > \quad \equiv M \sim p$, где M — возможность, N — необходимость (долженствование). В том, что ничего подобного у Маркса нет, мы убедимся, если будем исходить не из правил модальностей, а из существа дела и из того, что говорит по этому вопросу Маркс:

«Мы получили, таким образом, двойственный результат.

Превращение денег в капитал должно быть раскрыто на почве имманентных законов товарообмена, т. е. исходной точкой должен послужить нам обмен эквивалентов. Наш владелец денег, который представляет пока еще только личинку капиталиста, должен купить товары по их стоимости, продать их по их стоимости и все-таки извлечь, в конце концов, из этого процесса больше стоимости, чем он вложил в него. Его превращение в бабочку, в настоящего капиталиста, должно совершиться в сфере обращения и в то же время не в сфере обращения. Таковы условия проблемы. Hic Rhodus, hic salta! [Вот Родос, здесь прыгай!]» [29].

[29] К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 173.

Метафизик здесь может «прыгать» лишь двумя способами: или требовать абсолютного устранения одной из сторон противоречия или сводить действительное противоречие к «противоречию» в разное время и в различном отношении, т. е. по существу отрицать его.

В противоположность этому Маркс раскрывает форму осуществления и движения действительного противоречия и показывает на конкретном анализе процесса возникновения и обращения капитала, каков вообще тот метод, при помощи которого разрешаются диалектические противоречия.

«Мы видели, что процесс обмена товаров заключает в себе противоречащие и исключающие друг друга отношения. Развитие товара не снимает этих противоречий, но создает форму их движения. Таков и вообще тот метод, при помощи которого разрешаются действительные противоречия.

Так, например, в том, что одно тело непрерывно падает на другое и непрерывно же удаляется от последнего, заключается противоречие. Элипсис есть одна из форм движения, в которой это противоречие одновременно и осуществляется и разрешается» [30].

Противоречия, существующие в действительности, а тем самым и в истинном мышлении,— это объективные, диалектические противоречия. Такие противоречия Маркс в своей научной практике и философской теории отличает от субъективных противоречий, которых не должно быть в истинном мышлении, хотя терминологически он не всегда подчеркивал это различие.

Критикуя Джона Ст. Милля за то, что он в своей системе политической экономии принимает две взаимнопротиворечащие теории, Маркс пишет: «Напротив, г. Джон Ст. Милль на одной странице списывает рикардовскую теорию прибыли, а на другой — принимает сениоровское «вознаграждение за воздержание». Ему столь же свойственны плоские противоречия, сколь чуждо гегелевское «противоречие», источник всякой диалектики» [31]. Здесь проводится четкое различие между объективным противоречием, являющимся источником всякой диалектики (в том числе и диалектики мышления), и «плоским

[30] Там же, стр. 602.
[31] Там же, стр. 110—111.

противоречием», т. е. субъективным противоречием в мышлении. «Гегелевское противоречие» допускается, «плоское противоречие» запрещается, ибо оно есть формальный признак непоследовательности в рассуждении.

Различие между объективным диалектическим противоречием, с одной стороны, и субъективным противоречием, с другой, Маркс особенно резко проводит в своей полемике с Прудоном. Отмечая, что Прудон не в состоянии дать ни «гегелевской истории» категорий, как она совершается в самой идее, ни земной истории, т. е. действительной истории категорий, Маркс спрашивает: «Но какую же историю он нам дает в конце концов?». И отвечает: «Историю своих собственных противоречий» [32]. Здесь проводится ясное различие между объективными противоречиями, какие Прудон хотел показать в своей работе «Система экономических противоречий», и действительно субъективными противоречиями, которые Маркс открыл у Прудона.

Энгельс всегда различал формальнологическое противоречие и действительное диалектическое противоречие. Это различение особенно наглядно видно в его полемике с метафизиком Дюрингом, утверждавшим, что «первое и важнейшее положение об основных логических свойствах бытия касается исключения противоречия», что «противоречие представляет категорию, которая может относиться только к комбинации мыслей, но никак не к действительности, что «здравая логика... восторжествует над карикатурой на нее» (под последней он имеет в виду диалектическую логику). Действительное диалектическое противоречие, как показал Энгельс, представляет «взаимное проникновение полярных противоположностей и превращение их друг в друга, когда они доведены до крайности,— развитие путем противоречия...» [33]. На такое противоречие, которое составляет сущность развития в природе, обществе и мышлении, мы наталкиваемся сразу, когда начинаем рассматривать вещи в их движении: «Движение само есть противоречие; уже простое механическое перемещение может осуществиться лишь в силу того, что тело в один и тот же момент времени находится

---

[32] К. Маркс. Нищета философии, стр. 89.

[33] Ф. Энгельс. Диалектика природы. Госполитиздат, 1955, стр. 1.

в данном месте и одновременно — в другом, что оно находится в одном и том же месте и не находится в нем. Постоянное возникновение и одновременное разрешение этого противоречия — и есть именно движение»[34].

Такое диалектическое определение движения абсолютно непостижимо для метафизического способа мышления, отрицающего все реальные противоречия или сводящего последние к так называемому противоречию «в разное время» или «в различных отношениях». Для всякого метафизика достаточно установить, что стороны противоречия отрицают друг друга в одно и то же время и в одном и том же отношении, чтобы тотчас отрицать его как абсурд.

Некоторые логики, например, современные последователи вольфовской метафизики, также считают явно противоречивым утверждение, что движущееся тело в один и тот же момент находится в одном и том же месте и в то же время не находится в нем. Но это, по их мнению, не диалектическое, а формальнологическое противоречие, которое как мыслительный абсурд необходимо устранить и из рассуждения и из действительности. Дело изображается так, что будто бы истолкование движения как объективного противоречия Энгельс заимствовал у Гегеля, а Гегель в этом отношении ссылается на взгляды древних диалектиков и к ним сводит корни всей проблемы. Не трудно усмотреть, что такая манера доказательства, по крайней мере, не солидна, если иметь в виду ту значительную роль, какую играла так называемая диалектика противоречия в философии, начиная с древнейших греков и доныне.

Разрешение парадокса Зенона ищут при этом на пути чисто формального уточнения терминов. Утверждается, что слово «находится» может иметь по крайней мере два совершенно различные значения: «покоится» и «проходит», что якобы и отягощало всю проблему в ее историческом развитии. Следовательно, стоит нам только слово «находится» употребить в смысле «проходит», и парадокс, над разрешением которого философская мысль билась в течение двадцати трех столетий, тут же будет решен. На деле, это есть прямое отрицание объективного противоречия в движении, а тем самым и диалектики.

---

[34] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1957, стр. 113.

Дальнейший ход рассуждений защитников такой точки зрения можно представить следующим образом: если говорят, что движущееся тело находится в какой-либо точке пространства и в то же время не находится в ней, и понимают под этим, что оно проходит эту точку и в то же время не проходит ее, то тем самым высказывают противоречащее самому себе суждение; очевидно, что это неверно, ибо тело, которое движется, проходит через определенные точки пространства. Путем такого «уточнения терминов» вначале сводят реальное, диалектическое противоречие к противоречию неправильного рассуждения с тем, чтобы потом на этом основании отрицать его как таковое. Но движущееся тело, проходя через определенные точки пространства, движется именно по отношению к этим точкам. Однако, такой взгляд отвергается противниками диалектической логики как якобы несогласующийся с законом непротиворечия.

Доказательство Зенона против движения они объясняют как ошибку в формальнологическом доказательстве, и в то же время отвергают диалектическое доказательство как качественно новый способ доказательства.

Само по себе требование устранения из мышления противоречий, не существующих в действительности, которую оно должно адекватно отразить, является безусловно правильным. Но отрицать на этом основании существование реальных, диалектических противоречий — значит фальсифицировать и действительность и логику.

Ошибочно полагать, что соблюдение только одного принципа непротиворечия достаточно для обеспечения последовательности мышления. У Маркса есть очень меткое высказывание об ограниченности такого рода последовательности. Критикуя Джемса Милля, Маркс писал: «Милль был первым, кто изложил теорию Рикардо в систематической форме, хотя лишь в довольно абстрактных очертаниях. То, к чему он стремится,— это формально логическая последовательность. С него и начинается «поэтому» *разложение* рикардианской школы. У учителя [у Рикардо] новое и значительное — среди «навоза» противоречий — насильственно выводится из противоречивых явлений. Самые противоречия, лежащие в основе его теории, свидетельствуют о богатстве того жизненного фундамента, из которого, выкручиваясь, вырастает теория.

Иначе обстоит дело у ученика [у Милля]. Тем сырьем, над которым он работает, является уже не сама действительность, а та новая теоретическая форма, в которую ее. путем сублимации, превратил учитель. Отчасти теоретические возражения противников новой теории, отчасти парадоксальное нередко отношение этой теории к реальности побуждают его к попытке опровергнуть первых и отделаться *путем чисто словесного «объяснения»* от последнего. При этой попытке он сам запутывается в противоречиях и своей попыткой разрешить их представляет вместе с тем начинающееся разложение той теории, которую он догматически защищает. Милль хочет, с одной стороны, изобразить буржуазное производство как абсолютную форму производства и пытается потому доказать, что его действительные противоречия представляют собой лишь кажущиеся противоречия. С другой стороны, он старается изобразить теорию Рикардо как абсолютную теоретическую форму этого способа производства, а также устранить формальными доводами те теоретические противоречия, которые отчасти были указаны другими, отчасти бросались в глаза ему самому» [35].

Само по себе соблюдение принципа непротиворечия приводит к тому, что исследователь запутывается в противоречиях, из которых он не в состоянии выбраться с помощью средств формальной логики. Маркс разрешает противоречия рикардовской теории не путем уточнения терминов и устранения теоретических противоречий как абсурдных на основании формальных доводов, но путем теоретического развертывания предмета, т. е. путем выявления этих противоречий как необходимых для самого объекта. Выступая против того метода разрешения противоречий, который раньше применил Милль, Маркс замечает, что разрешение реальных противоречий невозможно «достигнуть с помощью *словесной фикции,* путем изменения vera verum vocabula», т. е. правильных названий вещей, ибо «перед нами, действительно, «спор о словах», но он является спором «о словах», потому, что реальные противоречия, не получившие реального разрешения, здесь пытаются разрешить с помощью фраз», и «поэтому

[35] К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, часть III. Госполитиздат, 1961, стр. 73.

решение вопроса по существу здесь невозможно, а возможно только софистическое устранение трудности на словах, т. е. только *схоластика»* [36]. Но эти реальные противоречия классики марксизма-ленинизма никогда не путали с противоречиями неправильного рассуждения. Раскрывая субъективные противоречия в философской системе Дюринга, Энгельс пишет: «...Представление об отсчитанном бесконечном ряде, другими словами, мирообъемлющий дюринговский закон определенности каждого данного числа есть contradictio in adjecto, содержит в себе самом противоречие, притом *абсурдное* противоречие» [37].

Энгельс показывает, к каким неправильным выводам может прийти исследователь, когда он реальное диалектическое противоречие принимает за формальнологическое. Именно по этой причине, как отмечает Энгельс, К. Шмидт не смог понять, каким образом равная средняя норма прибыли достигается без нарушения закона стоимости, а на его основе, вследствие чего он «упраздняет самый закон стоимости, присоединяя к нему в качестве соопределяющего фактора представление, стоящее в полном противоречии с этим законом» [38]. Такое противоречие имеется между положениями: 1) накопленный труд создает стоимость и 2) действителен закон стоимости. Ошибка К. Шмидта состоит в том, что он впал в формальнологическое противоречие: «Или накопленный труд наряду с живым трудом создает стоимость. В таком случае закон стоимости недействителен.

Или он не создает стоимости. Тогда доводы Шмидта несовместимы с законом стоимости».

Решение противоречия состоит в открытии заблуждения Шмидта, что «накопленный труд создает стоимость».

В аналогичное заблуждение, именно в формальнологическое противоречие, впал, как отмечал Энгельс, и А. Лориа, который считал, что «теория прибавочной стоимости Маркса абсолютно несовместима с фактом общей равной нормы прибыли» [39].

---

[36] К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, часть III, стр. 76.
[37] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 48.
[38] Ф. Энгельс. Предисловие к III тому «Капитала» К. Маркс. Капитал, т. III. Госполитиздат, 1955, стр. 15.
[39] Там же, стр. 20.

Основой таких ошибочных выводов является неразличение абсурдного формальнологического и реального диалектического противоречия. Действительное решение проблемы отношения между нормой прибыли и законом стоимости состоит в выяснении того факта, что это отношение представляет собой не формальнологическое, но действительное диалектическое противоречие.

Вслед за основоположниками марксизма В. И. Ленин учил, что существуют диалектические противоречия как в действительности, так и в истинном мышлении. От этих диалектических противоречий Ленин отличал противоречия неправильного рассуждения, которые являются формальным признаком непоследовательности и которых поэтому «не должно быть» в истинном мышлении. Этому вопросу Ленин уделял особое внимание в борьбе против классовых и идеологических противников пролетариата, которые подменяли диалектику формальной логикой, смешивали логические противоречия с диалектическими.

Известно, что народники, абсолютизируя формальную логику, для которой противоречия существуют только в неправильном мышлении, являясь симптомом его непоследовательности, принимали реальные, диалектические противоречия за формальнологические, которые необходимо устранять из мышления. Они видели, что реализация прибавочной стоимости капиталистов полна противоречивых тенденций. Однако они полагали, что здесь речь идет не о противоречиях действительности, а об абсурдных противоречиях в мышлении. Как люди, не знающие другой логики, кроме формальной, народники пришли к выводу, что в России не может быть реализована прибавочная стоимость капиталистов: она изыскивает внутренний рынок, который, в свою очередь, не может образоваться без роста покупательной способности масс, а капитализм, наоборот, пауперизацией масс все больше снижает их покупательную способность. Отсюда вытекал известный вывод «друзей народа»: в России капитализм не развивается, ибо для его развития нет условий.

Показывая полную несостоятельность учения народников, Ленин писал: «Развитие производства (а, следовательно, и внутреннего рынка) преимущественно на счет средств производства кажется парадоксальным и представляет из себя, несомненно, противоречие. Это — настоящее «производство для производства»,— расширение

производства без соответствующего расширения потребления. Но это — противоречие не доктрины, а действительной жизни; это — именно такое противоречие, которое соответствует самой природе капитализма и остальным противоречиям этой системы общественного хозяйства» [40].

Теория Маркса не выражала бы правильно генезис и сущность капитализма, если бы она не отобразила адекватно этого противоречия. Теория Маркса является истинной именно потому, что она правильно отражает это действительное противоречие.

Отрицая существование такого противоречия, народники с позиций формальной логики сделали естественный вывод, что теория Маркса противоречива, следовательно — ложна. Разъясняя, что беда народников состоит в том, что они не знают диалектики, Ленин указывал на необходимость строго отличать диалектическое противоречие от противоречия неправильного рассуждения. В другом месте Ленин писал, что диалектическое противоречие «есть живое противоречие живой жизни... не словесное, не выдуманное противоречие» [41].

Мышление, адекватно отражающее диалектические противоречия действительности, само противоречиво, но не в смысле формальной противоречивости; оно свободно от противоречий неправильного рассуждения, от формально-логических противоречий, которые Ленин называл «логическими противоречиями» (беря, конечно, этот термин в кавычки). ««Логической противоречивости» — при условии, конечно, правильного логического мышления — не должно быть *ни* в экономическом *ни* в политическом анализе» [42].

Противоречия, существующие в действительности, должны существовать и «в нашем изложении», если оно адекватно отражает эту действительность. Противоречия, существующие не только в нашем изложении, не только в нашем мышлении, а прежде всего в самих вещах (явлениях, процессах), отражением которых оно является,— это объективные противоречия. Наоборот, противоречия, существующие только в нашем изложении, только в мышлении и не имеющие аналога в действительности,—

[40] В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 34.
[41] В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 375.
[42] В. И. Ленин. Сочинения, т. 23, стр. 29.

это субъективные, абсурдные противоречия, свидетельствующие о непоследовательности, а тем самым и неистинности нашего рассуждения.

Решительно выступая против заявления Струве о том, что положение Маркса (гласящее, что потребление не является целью капиталистического производства) «носит на себе явную печать полемического характера вообще всей системы Маркса», Ленин замечает: «Что потребление не является целью капиталистического производства, это факт. Противоречие между этим фактом и тем фактом, что в конечном счете производство связано с потреблением, зависит от потребления и в капиталистическом обществе,— это противоречие не доктрины, а действительной жизни. Теория реализации Маркса именно потому, между прочим, представляет громадную научную ценность, что она показывает, как осуществляется это противоречие, что она выставляет это противоречие на первый план... Поэтому, между прочим, остаются и будут оставаться неудачными все попытки усвоить «систему Маркса», не усваивая ее «полемического характера»: «полемический характер» системы есть лишь точное отражение «полемического характера» самого капитализма» [43].

Диалектические противоречия в мышлении являются верным отражением диалектических противоречий самой объективной действительности. Они не имеют формы своего проявления в формальных противоречиях, ибо последние не имеют аналога в действительности. Однако противоречия неправильного рассуждения не беспочвенны в том смысле, что они имеют свои гносеологические и социальные корни. В. И. Ленин в статье «Революционная канцелярщина и революционное дело», приведя кадетскую формулу «Государственная дума с учредительными функциями для выработки конституции с утверждения государя...», писал: «Даже буржуазно-демократическая печать отметила внутреннюю противоречивость и нелепость этой формулы. «Учреждать» новый государственный порядок «с утверждения» главы старого правительства,— ведь это значит узаконять две власти, две равные (на бумаге) верховные власти... Это противоречие необъяснимо с точки зрения простой формальной логики. Но его вполне объясняет логика классовых интересов бур-

[43] В. И. Ленин. Сочинения, т. 4, стр. 69.

жуазии... Противоречивое классовое положение буржуазии между самодержавием и пролетариатом неизбежно порождает, независимо даже от воли и сознания тех или иных отдельных лиц, бессмысленные и нелепые формулы «соглашения»»[44].

Апологеты буржуазии писали, что осуществить государственное переустройство могут только образованные классы; необразованные же классы на это якобы не способны. Марксисты утверждали обратное: к самостоятельной, прогрессивной исторической деятельности буржуазия уже не способна (хотя в тогдашнем обществе она и была ведущей»); к такой деятельности способен только пролетариат как авангард эксплуатируемых масс.

«Г. Изгоев, в качестве ренегата «из марксистов»,— писал Ленин,— наверное, усмотрит здесь вопиющее противоречие: с одной стороны, признавать капиталистическое развитие России, а следовательно, имманентную тенденцию этого развития к максимально-полному и максимально-чистому господству буржуазии и в экономической, и в политической сфере, а с другой стороны, объявлять *уже* неспособной к самостоятельному, творческому, историческому действию либеральную буржуазию.

«Противоречие» это есть противоречие живой жизни, а не противоречие неправильного рассуждения»[45].

Господство буржуазии в экономической и политической сфере не означает того, что либеральная буржуазия способна вести общество к спасению от эксплуатации и к лучшей жизни, что она способна на такие проявления исторической самостоятельности. Это доказывают многочисленные факты из истории Европы и России последнего полстолетия.

Эту точку зрения можно проследить на следующем примере. Большевики повели пролетариат на революцию против буржуазии, на насильственное ниспровержение буржуазного правительства, на самую отчаянную, насильственную борьбу и войну ради подавления имущих классов «из-за того, чтобы вырвать Россию, а затем и все человечество из империалистической бойни и чтобы положить конец всем войнам»[46].

---

[44] В. И. Ленин. Сочинения, т. 10, стр. 45—46.
[45] В. И. Ленин. Сочинения, т. 17, стр. 76.
[46] В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, стр. 312

И тогда «спрашивается,— говорит Ленин,— впали ли мы в противоречие с собой, когда звали трудящихся на революцию, обещав им мир, а привели к походу всего цивилизованного мира против слабой, усталой, отсталой, разбитой России, или впали в противоречие с элементарными понятиями демократии и социализма те, кто имеет наглость бросать нам подобный упрек» [47]. Это или упрек, который в лучшем случае исходит от человека безнадежно темного, либо это «злостная, лицемерная защита интересов реакции, угнетения, эксплуатации и классового гнета», которая «исходит от мерзавца, сторонника реакции, который сознательно хочет отпугнуть трудящихся от революции», пытаясь изобразить противоречивое положение большевиков, порожденное диалектикой самой истории, как contradictio in adjecto путем сознательной фальсификации и истории и логики.

Ленин с диалектико-материалистических позиций анализирует характер противоречий в творчестве Л. Н. Толстого, отразившего в своих произведениях объективные противоречивые тенденции дореволюционной России, хотя его взгляды находились в полном противоречии с жизнью. «Противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого — действительно кричащие,— писал Ленин.— С одной стороны, гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы. С другой стороны — помещик, юродствующий во Христе. С одной стороны, замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши,— с другой стороны «толстовец», т. е. истасканный, истеричный хлюпик... С одной стороны, беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления, вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс; с другой стороны,— юродивая проповедь «непротивления злу» насилием. С одной стороны, самый трезвый реализм, срыванье всех и всяческих масок; — с другой стороны, проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религии...» [48].

[47] Там же.

[48] В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 180.

Ленин показывает, что эти противоречия во взглядах Толстого «не случайность», «не противоречия его только личной мысли, а отражение тех, в высшей степени сложных, противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций, которые определяли психологию различных классов и различных слоев русского общества в пореформенную, но дореволюционную эпоху» [49]. Учение Толстого есть отражение реальных противоречий России, возникших от смешения остатков давнего прошлого и того, что должно принести будущее. Патриархальная русская деревня, вчера только освободившаяся от крепостного права, и старые устои крестьянского хозяйства и крестьянской жизни с развитием капитализма пошли на слом с необыкновенной быстротой. Крестьяне, с одной стороны, стремились уничтожить все старые формы общежития и создать общежитие свободных и равноправных мелких крестьян, а с другой стороны, они не имели ясного представления о том, каким должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу, кто должен руководить этой борьбой.

Выразив те идеи и те настроения, которые сложились у миллионных масс русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России, Толстой в своих произведениях отразил «как раз особенности нашей революции, как *крестьянской* буржуазной революции. Противоречия во взглядах Толстого, с этой точки зрения,— действительное зеркало тех противоречивых условий, в которые поставлена была историческая деятельность крестьянства в нашей революции» [50]. Очутившись между сознательным пролетариатом и ненавистным правящим классом, крестьянство относилось бессознательно к тому, каким должно быть новое общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу, какие руководители могут быть у него в этой борьбе.

Поэтому «противоречия во взглядах Толстого надо оценивать не с точки зрения современного рабочего движения и современного социализма (такая оценка, разумеется, необходима, но она недостаточна), а с точки зрения того протеста против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеливания масс, который дол-

---

[49] В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 180.
[50] Там же, стр. 183.

жен был быть порожден патриархальной русской деревней» [51]. Отразив реальные противоречия русской общественной действительности того времени, Толстой не смог найти действительного выхода из них, разрешения этих противоречий путем непримиримой классовой борьбы,— отсюда и проистекали субъективные противоречия в его учении. Поэтому Ленин делает следующий вывод: «Только тогда добьется русский народ освобождения, когда поймет, что не у Толстого надо ему учиться добиваться лучшей жизни, а у того класса, значения которого не понимал Толстой и который единственно способен разрушить ненавистный Толстому старый мир,— у пролетариата» [52].

Подойдя диалектически к учению Толстого, Ленин открывает в этом учении две стороны, положительную и отрицательную. Аналогичным образом Ленин подходит к вопросу о расслоении крестьянства, т. е. о возникновении капитализма в русской деревне, приводя те данные, которые наиболее характерны для этого процесса. Одни данные говорят о превращении крестьянина в рабочего («отрицательная» сторона противоречия), другие — о превращении крестьянина в сельского предпринимателя («положительная» сторона противоречия). Следовательно те и другие данные свидетельствуют о развитии капитализма в деревне с двумя основными классами: буржуазией и пролетариатом. Диалектика единства и борьбы положительных и отрицательных сторон этого реального противоречия показывает процесс расслоения крестьянства, возникновения и развития капитализма в русской деревне. «Мы ставим в кавычки слово крестьянство,— пишет Ленин,— чтобы отметить наличность в этом случае не подлежащего никакому сомнению противоречия: в современном обществе крестьянство, конечно, не является уже единым классом. Но кто смущается этим противоречием, тот забывает, что это — противоречие не изложения, не доктрины, а противоречие самой жизни. Это — не сочиненное, а живое диалектическое противоречие» [53].

Ленин подвергает критике оппортунистов, которые выдавали «живые диалектические противоречия» за формальные противоречия изложения, доктрины и пытались формальными доводами отрицать марксизм, опровергать боль-

[51] Там же.
[52] В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 324.
[53] В. И. Ленин. Сочинения, т. 6, стр. 97.

шевиков. «...Мартов и всякие другие «меньшевики»,— писал Ленин,— занимались не менее детским изобличением меня в следующем «противоречии». Берется цитата из «Что делать?» или из «Письма к товарищу», где говорится об идейном воздействии, о борьбе за влияние и т. п., и противопоставляется «бюрократическое» воздействие посредством устава, «самодержавное» стремление опереться на власть и проч. Наивные люди»[54]. Меньшевики уже «забыли,— писал Ленин,— что *прежде* наша партия не была организованным формально целым, а лишь суммой частных групп, и потому иных отношений между этими группами, кроме идейного воздействия, и быть не могло. *Теперь* мы стали организованной партией, а это и означает создание власти, превращение авторитета идей в авторитет власти, подчинение партийным высшим инстанциям со стороны низших»[55].

Изложение Ленина — это блестящий пример диалектической последовательности. Никаких «сочиненных» противоречий здесь нет, ибо Ленин таковых не допускал.

Признавая недоступность «противоречий неправильного рассуждения» в истинном мышлении, Ленин считал, что исключением таких противоречий еще не обеспечивается истинность изложения. Это значит, что мышление, в котором нет противоречий неправильного рассуждения, тем самым еще не является истинным. Но чтобы быть истинным, мышление не должно содержать в себе противоречий неправильного рассуждения — оно должно быть логически правильным и последовательным. Однако логическую последовательность нельзя сводить к одному лишь соблюдению законов формальной логики. Диалектическая логика в принципе не сводит истину к формальной правильности; она дополняет логические правила правилами практической проверки, «сокращая» тем самым расстояние между формальной правильностью и объективной истиной. Поэтому от противоречий неправильного рассуждения, которые не являются отражением реальных противоречий и нарушают последовательность мышления, необходимо отличать объективные, диалектические противоречия мышления, которые необъяснимы с точки зрения формальной логики. Но для успешного их различения необходим надежный критерий.

---

[54] В. И. Ленин. Сочинения, т. 7, стр. 338.
[55] Там же, стр. 338—339.

2. ПРАКТИКА КАК КРИТЕРИЙ РАЗЛИЧЕНИЯ ОБЪЕКТИВНЫХ И СУБЪЕКТИВНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Вопрос о различении объективных и субъективных противоречий — это, в сущности, вопрос о критерии истины. Проблема истины как центральная проблема теории познания находит свое рациональное разрешение в человеческой практике и в таком ее понимании, которое включает в себя определенное, марксистское истолкование взаимоотношений субъекта и объекта, практики и теории в процессе общественно-исторического развития.

Определяя критерий истинности мышления, Маркс еще в 1845 г. отмечал, что вопрос о том, обладает ли человеческое мышление объективной истинностью, есть, прежде всего, практический вопрос, а отнюдь не вопрос теории. Только в практике человек может доказать истинность своего мышления, только практическим путем, только при помощи практической энергии человека возможно решение теоретических противоречий, и поэтому решение их отнюдь не является задачей только познания, а *действительно* практической задачей, которую философия не могла решить именно потому, что она видела в ней только теоретическую задачу. Таков вообще и тот способ, при помощи которого устанавливается характер противоречий.

Критерием различения диалектических противоречий истинного мышления и противоречий неправильного рассуждения является такая широкая практика человеческой деятельности, которая неоднократно сталкивает людей с фактами непримиримых противоречий внутри вещей, явлений и процессов, как природных, так и общественных.

Накануне Октябрьской революции Ленин дал образец такого диалектического подхода к проблеме, доказывая «непримиримость противоречия между демократией, с одной стороны, и правительством, а также поддерживающим его блоком эсеров и меньшевиков, с другой. Чтобы доказать, что эти противоречия существуют в действительности, а не только в нашем изложении, и что непримиримость их доказывается *фактически* конфликтами, имеющими общенародное значение, достаточно напомнить два особенно типичных «итога» и урока полугодовой истории нашей революции» [56]. Это — история двух тогдашних реакционных

[56] В. И. Ленин. Сочинения, т. 25, стр. 323—324.

правительств, когда на экономической, политической и идеологической арене вырастали непримиримые противоречия между восставшим народом и реакцией.

В качестве критерия последовательности и обнаружения абсурдных противоречий в мышлении формальная логика выдвигает принцип непротиворечия.

Между тем критерий различения субъективных противоречий и объективных не может быть формальным, он должен быть содержательным. Таким критерием, в конечном счете, является только практика. В практике своей человек обнаруживает как объективные, так и абсурдные противоречия и устраняет последние. Но это нисколько ни умаляет значения принципа непротиворечия, который возник в тесной связи с развитием нашей практической деятельности, как особое средство для обнаружения формальных противоречий, которые необходимо устранять из мышления. Но если практика показывает, что данное противоречие вытекает из природы самих объектов, то его надо удержать в мышлении, ибо истинное мышление адекватно отражает единство противоположных свойств и тенденций самих предметов и явлений.

Следовательно, столкнувшись с противоречием, прежде всего необходимо установить, проистекает ли оно из объективных фактов, или это чисто логическое противоречие, которое мы должны устранить из мышления на основе принципа непротиворечия. Конечно, следует иметь в виду, что есть суждения, которые непосредственно относятся к фактам, и такие, у которых отношение к фактам весьма опосредованно.

Последовательность мышления определяется, прежде всего, принципом адекватного отражения объективной действительности. Чтобы быть всегда и до конца последовательным в мышлении, нужно быть последовательным материалистом и диалектиком. В этом случае человек допускает противоречие в мышлении там, и только там, где и соответствующие вещи являются противоречивыми.

Непротиворечивость какой-либо системы суждений не есть и не может рассматриваться как самостоятельный критерий истины. Принцип непротиворечивости как критерий формальнологической правильности мышления сам нуждается в критерии, которым была бы доказана его истинность, т. е. он сам в конечном счете опирается на практику и проверяется ею. Принцип противоречия слу-

жит (и может служить) критерием формальной последовательности мышления (чтобы человек постоянно и по всякому поводу не обращался к практической проверке) только потому, что он сам возник на основе практики и проверен практикой.

Прошли многие тысячелетия, пока люди стали теоретически отличать реальные противоречия от абсурдных. Но тот факт, что человеческое общество сохранилось и развилось, свидетельствует о том, что человек правильно ориентировался в своей практической деятельности, что практика реально заставляла человека «выбрасывать» абсурдные противоречия из мышления задолго до того, как он начал и теоретически отличать эти противоречия от объективных. Лишь на сравнительно высоком уровне практики и познания мог быть сформулирован формальнологический принцип непротиворечия, согласно которому мышление, если оно хочет быть правильным, должно исключать абсурдные, формальнологические противоречия. Надо сказать, что этот принцип в настоящее время успешно применяется в науке. Таким образом, проблема последовательности мышления должна рассматриваться в перспективе общественной практики как процесс изменения людьми объективной действительности. Последовательное удерживание в мышлении уже установленных положений и, следовательно, отбрасывание противоречащих им суждений не может быть всегда условием истинного мышления. Наоборот, такая последовательность превращается в свою противоположность, в помеху истинному мышлению, когда прежнее мышление, которое было при известным объективных условиях истинным или преимущественно истинным, окажется неистинным в новых условиях, на новой ступени развития практики, познания и самой объективной действительности.

Вопрос о последовательности, о субъективной непротиворечивости, как одном из теоретических условий истинного мышления, невозможно решать независимо от общественной практики, которая находится в постоянном развитии, как и вся действительность.

Практика и здесь является, в конечном счете, единственным критерием различения объективных и субъективных противоречий с целью устранения последних, что является одним из необходимых условий истинного познания.

Б. М. Кедров

II

НЕСВОДИМОСТЬ МАРКСИСТСКОЙ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ТРАКТОВКИ ПРОТИВОРЕЧИЙ К ФОРМАЛЬНОЛОГИЧЕСКИМ СХЕМАМ

Вряд ли кто-нибудь сейчас, после общепризнанных успехов математической логики и связанной с нею кибернетики, стал бы опровергать значение современной формальной логики для науки и практической деятельности. Но именно эти успехи иногда неправильно используются для обоснования старых, ошибочных представлений о том, будто одна формальная логика может решать все вопросы, относящиеся к законам и формам мышления, и что будто бы нет никакой необходимости в диалектической логике как особой науке о мышлении. Такая позиция является в корне неверной. Рассмотрим некоторые приемы рассуждений сторонников этой позиции.

1. АБСОЛЮТИЗАЦИЯ ФОРМАЛЬНОЙ ЛОГИКИ. СМЕШЕНИЕ РЕАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ С «ЛОГИЧЕСКИМИ»

Издавна известны попытки истолковать с помощью одной формальной логики диалектические процессы и их законы и прежде всего диалектические противоречия, существующие в действительности и так или иначе отражаемые нашим мышлением. Под таким формальнологическим истолкованием диалектики и диалектической логики подразумевается выражение всех их положений с помощью законов, правил и приемов формальной логики. Если бы это удалось сделать, то тем самым была бы доказана ненужность диалектической логики как особой логики и возможность обходиться всегда и везде с по-

мощью одной лишь формальной логики. Однако добиться этого до сих пор еще никому не удавалось, да и никогда не удастся по той причине, что формальная логика по самой своей сущности полностью должна абстрагироваться от того, что составляет главный предмет диалектики, диалектической логики. Поэтому все такие попытки приводят к двояким извращениям: во-первых, извращается диалектика, она подменяется формальной логикой; во-вторых, извращается сама формальная логика, так как в ее предмет включают совершенно не свойственные ей задачи, противоречащие ее собственной функции.

Сравнивая низшую математику с формальной логикой, а высшую с диалектикой, Энгельс указывал, что высшая математика «достигает не только правильных, но и совершенно недостижимых для низшей математики результатов» [1]. Далее он разъяснял: «...Почти все доказательства высшей математики... являются, с точки зрения элементарной математики, строго говоря, неверными. Иначе оно и не может быть, если, как это делается здесь, результаты, добытые в диалектической области, хотят доказать посредством формальной логики» [2]. Энгельс говорит, что пытаться посредством одной диалектики доказать что-либо любому метафизику столь же напрасный труд, как и тот труд, какой затратили Лейбниц и его ученики, доказывая тогдашним математикам теоремы исчисления бесконечно малых.

Отмечая, что вместе с высшей математикой в данную область человеческого знания вступила диалектика, Энгельс писал: «Нет ничего комичнее, чем жалкие уловки, увертки и вынужденные приемы, к которым прибегают математики, чтобы разрешить это противоречие, примирить между собою высшую и низшую математику, уяснить себе, что то, что у них получилось в виде неоспоримого результата, не представляет собою чистой бессмыслицы,— и вообще рационально объяснить исходный пункт, метод и результаты математики бесконечного» [3].

Мы видим, как решительно отводит Энгельс самую попытку исчерпать или хотя бы объяснить рациональным

---

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1957, стр. 114.
[2] Там же, стр. 127.
[3] Ф. Энгельс. Диалектика природы. Госполитиздат, 1955, стр. 160.

образом с позиций формальной логики (равно — математики постоянных величин) то, что достигнуто при помощи диалектического мышления (равно — математики переменных величин).

Ленин также много раз и по разному поводу доказывал невозможность и реакционность попыток подменить диалектику, диалектическую логику формальной логикой, а также эклектицизмом, который есть следствие неправильного использования формальной логики. Анализируя ренегатство Каутского, Ленин указывал, что «если говорить о философских основах данного явления, то дело сведется к подмене диалектики эклектицизмом и софистикой» [4].

С исключительной убедительностью Ленин доказывал недопустимость подмены реальных, объективных противоречий, субъективной, «логической противоречивостью». Это делалось противниками диалектической логики с той целью, чтобы отбрасывать и отрицать реальные противоречия на том основании, что формальная логика запрещает «логические противоречия». В статье «О карикатуре на марксизм и об „империалистическом экономизме“» Ленин раскритиковал глубоко ошибочные взгляды, согласно которым бессмысленно добиваться самоопределения наций в условиях империализма, поскольку империализм имеет реакционный характер. Защитники таких неверных взглядов утверждали, будто две социальные категории: империализм и самоопределение наций — находятся в «логической противоречивости» друг с другом. Аналогично ставился вопрос о противоречии между империализмом и демократией. Отсюда делается столь же ошибочный практический вывод, будто не надо выдвигать в условиях империализма демократических требований, равно как и требования самоопределения нации.

Ленин до конца раскритиковал эту ложную концепцию и вскрыл ее логическую основу. Он показал, в чем заключалась «основная логическая ошибка» этой концепции: она заключалась в том, что реальное противоречие между империализмом (капитализмом вообще) и демократией выдавалось в данном случае за фиктивное, вымышленное, привнесенное нами самими, т. е. лишалось объективного значения, которым оно обладало в действительности.

[4] В. И. Ленин. Сочинения, т. 28, стр. 213.

«Демократическая республика противоречит „логически“ капитализму,— писал Ленин,— ибо „официально“ приравнивает богатого и бедного. Это есть противоречие между экономическим строем и политической надстройкой. С империализмом у республики то же противоречие, углубленное или усугубленное тем, что смена свободной конкуренции монополией еще более „затрудняет“ осуществление всяких политических свобод» [5].

Но из недопустимости «логических» противоречий никак не следует, что нам нужно отказываться от учета реально существующих противоречий во избежание того, чтобы нас не обвинили в допущении запрещенных формальной логикой «логических противоречий». Если противоречия *существуют,* то их нельзя обходить, нельзя игнорировать на таком странном основании. В этом и состояла, по оценке Ленина, основная логическая ошибка защитников вышеприведенной концепции.

Таким образом, смешение реальных противоречий с логическими и подмена одних другими не допустимы ни под каким видом и означают только одно — логическую ошибку. Отсюда следует, что также логически недопустимо смешение формальной логики, интересующейся лишь логической непротиворечивостью и абстрагирующейся от реальных противоречий, с диалектической логикой, занимающейся реальными противоречиями. Тем более недопустима подмена диалектики формальной логикой путем втискивания реальных противоречий в прокрустово ложе формулы о логической непротиворечивости мышления.

Тем не менее попытки свести марксистскую диалектическую логику к формальной логике и доказать, будто на деле существует только одна логика, а именно формальная, никогда не прекращались. Наиболее типично и ярко такая тенденция обнаружилась в попытках свести реальные противоречия к формальнологическому правилу непротиворечивости мышления. Ради этого прибегают к самым различным приемам и средствам. Например, за последние 10—15 лет те из сторонников формальной логики, кто считали ее всеобъемлющей и единственной логикой, неоднократно пытались, хотя и тщетно, доказать, что либо реальных противоречий вообще нет, либо все реальные

[5] В. И. Ленин. Сочинения, т. 23, стр. 35.

противоречия вполне согласуются с формальной логикой, так что запрещение любых противоречий в мышлении остается в силе даже при условии признания реальных противоречий в природе и обществе. Этим хотели доказать, что противоречия существуют только в объективном мире, но не в мышлении человека. Получалось так, будто наше мышление не способно отразить реального противоречия в форме понятия или суждения, содержащего в себе данное диалектическое противоречие, иначе говоря, что противоречия отражаются в мышлении только с помощью формальной логики абсолютно непротиворечивым образом.

При этом смешиваются два различных понятия непротиворечивости: одно, правильное, означающее отсутствие противоречия субъективного, «с самим собой», другое — ложное, предполагающее отсутствие всяких противоречий в мышлении, в том числе и диалектических, отражающих противоречия самой действительности. Конечно, все отражаемое нашим сознанием, все мыслимое нами должно отражаться, познаваться, мыслиться без логических противоречий, т. е. без противоречий «с самим собой». Но не должно допускаться при этом таких рассуждений, которые в свое время выдвигались для доказательства всеобщности противоречий: утверждалось, что даже их отрицание есть ... их доказательство! В самом деле, когда я сначала сказал, что «противоречия есть», а потом заявил, противореча самому себе, что «противоречий нет»,— то уже тем самым я опроверг второе свое заявление и доказал, что противоречия существуют. Такой дешевый софизм, заимствованный из тургеневского «Рудина» (слегка лишь видоизмененный), свидетельствует о том, что у некоторых логиков нет ясного понимания различия между объективными (существующими в действительности) и субъективными (существующими *лишь* в нашем мышлении) противоречиями. Иначе существование первых не доказывалось бы примером наличия вторых.

Ошибка аналогичного рода допускается нередко и в отношении закона исключенного третьего. Некоторые логики считают, что этот формальнологический закон, имеющий своим назначением предупреждать появление «логических противоречий» в мышлении, тождествен тому закону диалектической логики, который определяет пути разрешения реальных противоречий антагонистического

характера. Тем самым и здесь реальное противоречие прямо смешивается с фиктивным, «логическим противоречием», т. е. допускается элементарная логическая ошибка. Причина такой ошибки — в незнании диалектической логики и ее требований, из чего проистекает попытка решать вопрос на основе одного только чисто формального рассмотрения формулы «либо-либо, третьего не дано», которой пользуются при выражении совершенно разных положений.

Нам представляются не просто наивными, но глубоко ошибочными стремления некоторых логиков изобразить дело так, будто упоминание данной формулы при разрешении диалектических противоречий действительности означает применение формальнологического закона исключенного третьего. При этом рассуждают так: формальнологический закон исключенного третьего не противоречит принципу диалектики; это видно якобы из того, что классики марксизма-ленинизма, будучи мастерами диалектики, всегда применяли в своих рассуждениях этот закон. В качестве доказательства этого положения ссылаются на такие высказывания, встречающиеся в марксистско-ленинских произведениях: либо марксизм, либо буржуазная теория, одно из двух; либо продолжение империалистической войны, либо завоевание власти революционным классом; либо назад — к капитализму, либо вперед — к социализму, третьего пути нет и быть не может.

Но в том-то и дело, что, хотя формула применяется одна и та же («либо — либо»), но заключенное в ней содержание не только различно, но и прямо противоположно в формальной логике и в марксистской диалектике. В самом деле: формальная логика *запрещает* противоречия, *исключает* их, и на *этом* основании предлагает сделать выбор: «либо-либо и ничего третьего», так как это третье в данном конкретном случае и было бы противоречием. Например, глядя на лист бумаги и основываясь лишь на одном и том же полученном от нее впечатлении, нельзя сказать в одно и то же время про одно и то же ее место, наблюдаемое при одинаковых условиях: «Эта бумага — белая» и «Эта бумага не белая». Следовательно, содержание разбираемой формулы в формальной логике таково: «противоречия *нет* и не должно быть, а *потому,* чтобы избежать его, делай выбор — выбирай из двух противоречивых суждений только какое-либо одно».

В диалектике, в марксистской диалектической логике дело обстоит как раз наоборот. Диалектика исходит из наличия реальных противоречий: она учитывает любые из них, в том числе и самые резкие, непримиримые, обостряющиеся до крайнего напряжения. Таким является, например, противоречие между враждебными антагонистическими классами общества, между их идеологиями, между основными философскими направлениями, в которых отражается мировоззрение враждебных классов, и т. д. Все такого рода противоречия являются антагонистическими. Они могут разрешаться лишь путем подавления, ликвидации, уничтожения одной из борющихся, непримиримых сторон данного противоречия, но ни при каких условиях не может наступить их примирение, их слияние. Подобное «третье» или «среднее» решение здесь абсолютно исключено. Следовательно, содержание формулы «либо — либо» в диалектике таково: противоречие *есть*, оно носит в данном случае вполне определенный (антагонистический) характер, а *потому* его разрешение в силу объективной закономерности должно совершиться так, что развитие пойдет либо по одному пути, либо — по прямо противоположному ему пути.

Таким образом, на поверку оказывается, что речь идет о *различных* законах, имеющих только внешнее сходство: один из них исходит из *отрицания* противоречия, другой — из их *существования* и необходимости их учета. Каждый из них соответственно ставит совершенно отличную задачу; первый — как надо *исключать*, устранять всякие противоречия из сферы мышления, второй — как их надо *выражать*, поскольку они даны реально. Поэтому, первый закон (формальной логики) не имеет ничего общего по своему содержанию со вторым законом (марксистской диалектической логики).

Только при отсутствии правильного подхода к обоим законам, при игнорировании необходимости всегда и всюду основываться не на поверхностном рассмотрении вопроса, не на формальном, а на содержательном анализе, можно утверждать, будто указанное марксистской теорией разрешение в практике революционной борьбы антагонистических противоречий по формуле «либо-либо, третьего не дано» есть доказательство применения здесь формальной логики. Уже сама эта ошибка свидетельствует о недостаточности формальной логики и о невозможности

ее средствами решить даже вопрос о том, какая логика применялась в том или ином конкретном случае: формальная или диалектическая?

Любые попытки доказать универсальный характер формальной логики всегда оказываются неправомерными и неизменно кончаются неудачей. Проанализируем некоторые наиболее типичные из них.

2. ПРИЕМ ЗАТУШЕВЫВАНИЯ РЕАЛЬНОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ

Этот прием основан на следующем рассуждении: когда мы признаем наличие противоречия в реальном мире, то отразить его мы должны только формально непротиворечивым способом, т. е. так, чтобы оно затем не могло произвольно отрицаться кем-либо. Это, конечно, верно, но это в равной степени относится ко всем вообще нашим рассуждениям — утверждениям и отрицаниям. Противоречивость «с самим собой», повторяем, не должна допускаться ни при каких условиях. Однако защитник всеобъемлющего характера формальной логики идет дальше этой простой, азбучной истины. Он пытается доказать, что никаких вообще (а не только логических) противоречий в мышлении не возникает, когда оно отражает диалектические противоречия, существующие в самой действительности. Но это уже — теоретическая ошибка, попытка подменить диалектику и диалектическую логику логикой формальной. Например, утверждается, что положение о том, что материя *и* прерывна *и* непрерывна не содержит в себе никакого, по сути дела, противоречия. Чтобы доказать это, выдвигают тезис, что предикатом здесь надо считать сложный (удвоенный) признак «и прерывна и непрерывна». Если этот признак обозначить буквой P (как это делается обычно в школьном курсе формальной логики), то соответствующее суждение будет представлять собой обычное суждение: S есть P, где S — субъект (в данном случае «материя»). Так при помощи несложного приема чисто формального характера удается, как будто, доказать, что диалектическое противоречие, существующее в действительности, может быть выражено обычными средствами формальной логики.

Сторонники этого способа заявляют, что с его помощью объективное противоречие отражается в мышлении непро-

тиворечивым образом по форме, но по существу не отрицается, а именно отражается при помощи сложного предиката P. При этом непротиворечивость по форме понимается как возможность применить в данном случае трафаретную формулу суждения: S есть P, и не прибегать к двум взаимоотрицающим друг друга суждениям с противоречащими формулами: S есть P и S не есть P (или S есть *не-P*,— что существа дела не меняет).

Но так может показаться лишь тем, кто за бессодержательной формой не видит живого, реального содержания мысли. Ведь и Оствальду удавалось словесно «преодолеть» противоречие между материей и духом с помощью столь же простого и столь же ничего не доказывающего приема — подведения двух противоречивых сторон под одно слово «энергия». В данном случае противоречие прерывной и непрерывной материи не только не отражено в традиционной формуле (S есть P), но оно по-просту затушевано с помощью подведения двух противоречащих один другому признаков (прерывна и непрерывна) под один общий сложный предикат, обозначаемый одним символом P.

Попробуем разобраться, как обстоит дело с этим противоречием по-существу. Действительно ли его можно выразить непротиворечивым (с формальнологической точки зрения) способом, вследствие чего оно исчезло бы из нашего мышления, т. е. перестало существовать как понятие, как образ реального противоречия и растворилось в формальнологической формуле (S есть P), которая, казалось бы, исключает из нашего поля зрения всякие вообще противоречия? Если бы дело обстояло именно так, то это служило бы действительным доказательством ненужности диалектической логики, достаточности одной лишь формальной логики.

Ввиду принципиальной важности ответа на поставленный вопрос, разберем его подробнее. Во-первых, надо со всей ясностью отдавать себе отчет в том, что речь идет о реальном, объективном противоречии. Энгельс подчеркивал его как *«противоречие непрерывной и дискретной материи»* [6]. Он указывал, что Гегель, будучи диалектиком, очень легко разделывался с вопросом о делимости материи, говоря, что материя — и то и другое, и делима и

[6] Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 218.

непрерывна, и в то же время ни то, ни другое. Все это, как отмечает далее Энгельс, «вовсе не является ответом, но теперь почти доказано» [7]. В подтверждение этого Энгельс сослался на Р. Клаузиуса. Современная физика, особенно квантовая механика, служит несравненно более веским аргументом в пользу доказательства наличия отмеченного Энгельсом диалектического противоречия.

Но достаточно ли для отражения этого противоречия одной только формальной логики? Следуя строго ее правилам, рассмотрим, каким образом она формулирует противоречие с тем, чтобы затем их запретить, исключить из сферы нашего мышления. Согласно формальной логике, если даны два противоречащих суждения, то их необходимо выразить в явной форме, раскрыть содержащееся в них взаимное исключение (или взаимное отрицание) одного суждения другим. Так, для первого суждения «Материя есть прерывна» мы имеем формулу утвердительного суждения *S есть P*, где *S* — субъект (материя), а *P* — предикат (прерывна). Напротив, для второго суждения «Материя не есть прерывна» (а именно к нему сводится утверждение о ее непрерывности) мы имеем формулу отрицательного суждения: *S не есть P*, где субъект и предикат — те же, что и в первом случае. С точки зрения формальной логики, оба суждения не могут быть истинными, так как они противоречивы. Поэтому запрещено соединять, совмещать их вместе, как считающиеся истинными одновременно. Никакими аргументами, если придерживаться рамок лишь формальной логики, невозможно оправдать соединение в один сложный предикат *P* двух признаков, которые, *будучи отрицанием один другого*, в одно и то же время в одном и том же отношении (а именно — в отношении характера строения материи) приписываются одному и тому же предмету (материи).

Выходит, таким образом, что защитник универсальности формальной логики и ненужности диалектической логики, просто допустил грубую логическую ошибку с точки зрения той самой формальной логики, которую он взялся универсализировать. Пытаясь распространить произвольным путем ее положения на не свойственные ей отношения, он нарушил требования самой формальной логики, ее законы и прежде всего закон непротиворечия и закон исключенного третьего.

[7] Там же, стр. 194.

Если только допустить хотя бы в одном случае соединение двух *противоречивых* признаков в один сложный предикат P, то в одинаковой мере его надо применять не только в случае решения вопроса о прерывности и непрерывности материи, но и в любом другом случае. Так, если мы говорим: «Эта бумага есть белая» (S есть P), а затем, *противореча самим себе,* отрицаем это и заявляем: «Эта бумага не есть белая» (S не есть P), то отсюда легко сделать точно такой же вывод, который нами разобран выше в отношении материи. Слегка переформулировав второе суждение (вместо суждения «Эта бумага не есть белая», сказав «Эта бумага есть небелая»), мы получим два противоречивых суждения; соединив затем их предикаты («белая» и «небелая») в один («и белая и небелая») и обозначив его через P, мы придем аналогичным путем к обычному, допустимому формальной логикой суждению S есть P. Однако его допустимость лишь мнимая: мы просто загнали запрещенное противоречие в общий сложный предикат P, замаскировали его там, по сути дела грубо нарушив одно из важнейших (и вполне справедливых) требований формальной логики, запрещающей «логическую противоречивость», т. е. противоречие «с самим собой». В данном случае явно нарушен закон исключенного третьего, так как вместо выбора согласно формуле «либо — либо, третьего не дано», найдена формальная лазейка для пропихивания этого «третьего» в виде сложного, внутренне противоречивого предиката, соединяющего в себе признаки b и *не-b*.

Выходит, таким образом, что защитник универсальности формальной логики ничего не доказал. Он только лишний раз показал тщетность попыток выразить при помощи формальной логики диалектические противоречия, невозможность их раскрыть и отразить ее приемами. Для того, чтобы «доказать» применимость формальной логики в данном случае, понадобилось замаскировать, спрятать противоречие путем чисто формального, точнее формалистического приема, и обозначить его условно буквой P, которой принято обозначать только непротиворечивые отношения и признаки, входящие в *один и тот же* предикат.

Но стоит только встать на этот путь, как вся формальная логика утратит всякое значение, ибо на равных основаниях можно будет оправдать любую «логическую

противоречивость», спрятав, замаскировав ее таким же точно образом в один сложный предикат *Р*. Это значит, что таким приемом не только не доказывается ненужность диалектической логики, но попирается и самая формальная логика. И это потому, что была сделана неправомерная попытка навязать формальной логике несвойственную ей функцию — отражать реальные противоречия.

Из этого можно сделать поучительный вывод: так как формальная логика абстрагируется от всяких противоречий, не различая объективных и субъективных, то всякая попытка раскрыть с ее помощью, а значит и отразить реальные противоречия, влечет за собой допущение на равных же основаниях и «логических противоречий», избежать которых уже не будет тогда никакой возможности. Критерия же различения тех и других противоречий формальная логика не дает, поскольку, повторяем еще раз, она в принципе, по самой своей сути вообще отвлекается от противоречий, запрещает их в мышлении.

Чтобы разобраться, где имеется объективное противоречие, а где — субъективное, нельзя оперировать лишь внешней формулой того и другого, так как формулы у них одинаковы. Поэтому поверхностный подход, который присущ в данном случае формальной логике, здесь явно недостаточен. Для этого нужно провести глубокий, содержательный анализ, который способна дать только диалектическая логика. В статье «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» (1917 г.) Ленин показал, что в России повсюду обнаруживается непримиримость противоречия между демократией, с одной стороны, и временным правительством, с другой. «Чтобы доказать, что эти противоречия существуют в действительности, а не только в нашем изложении,— писал Ленин,— и что непримиримость их доказывается *фактически* конфликтами, имеющими общенародное значение, достаточно напомнить два особенно типичных «итога» и урока полугодовой истории нашей революции» [8].

Следовательно, не логические построения по канонам формальной логики, а лишь конкретный анализ конкретной обстановки с позиций диалектической логики может показать, какие противоречия существуют действительно,

---

[8] В. И. Ленин. Сочинения, т. 25, стр. 324.

а какие — суть продукт нашего изложения или воображения.

Таким образом, попытка доказать универсальность формальной логики путем простого охвата реальных противоречий внешне непротиворечивыми формулами оказывается явно несостоятельной.

3. ПРИЕМ МЕХАНИЧЕСКОГО РАСЧЛЕНЕНИЯ РЕАЛЬНОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ

Другая, столь же безуспешная попытка универсализировать формальную логику состоит в расчленении реального противоречия на обособленные между собою и якобы внешние друг по отношению к другу стороны. Тогда формально можно утверждать, что по сути дела нет никаких *внутренних* противоречий, так как отношения, в которых берутся противоречивые признаки, различны. Так препарируются все реальные противоречия живой действительности и превращаются искусственно в механически сложенные внешние одна по отношению к другой противоположности.

Это касается, например, противоречивого классового положения мелкой буржуазии; здесь проводится резкое разграничение отношения мелкой буржуазии к крупной буржуазии и ее отношения к пролетариату. В *одном* отношении мелкая буржуазия оказывается обладающей одним признаком, в *другом* — другим, противоречащим первому. В итоге оказывается, что никакого противоречия здесь вообще нет, чего и добивается сторонник универсальности формальной логики, так как отношения, в которых берется предмет, различны. А это вполне согласуется с требованиями формальной логики, которая запрещает противоречия в мышлении.

Суть этого нехитрого приема сводится к тому, что диалектическое противоречие объявляется исчезнувшим, несуществующим. Для этого оно мысленно, в воображении самого логика (но не в действительности, конечно) расчленяется не на связанные между собой стороны, которые лишь чисто внешним образом, эклектически сополагаются одна с другой: «с одной стороны», «с другой стороны» или «в одном отношении», «в другом отношении».

Разумеется, живое, реальное, диалектическое противоречие при таком подходе к нему исчезает из нашего поля

зрения и перестает отражаться в нашем мышлении, так как эклектика (внешнее соположение противоположностей) не имеет ничего общего с действительными противоречиями, которые носят внутренний характер, где противоречивые стороны проникают одна другую, переходят одна в другую и не могут быть представлены наподобие двух предметов, механически складываемых друг с другом без всякой внутренней связи.

Например, глубоко противоречивой в классовом отношении фигурой в России первых лет советской власти был середняк. С одной стороны, это был труженик, поскольку он не эксплуатировал чужого труда и сам, своими руками работал на земле; но, с другой стороны, он был товарным производителем, торгашом, стремился продать хлеб на рынке и на этом заработать. Поэтому, как учил Ленин, «пролетариат должен разделять, разграничивать крестьянина трудящегося от крестьянина собственника,— крестьянина работника от крестьянина торгаша,— крестьянина труженика от крестьянина спекулянта.

В этом разграничении *вся суть* социализма» [9].

Спрашивается: можно ли представить середняка так, словно в нем разложены по совершенно разным полочкам (словно в разных карманах) обе противоречивые стороны его классовой природы, как промежуточного класса, стоящего между буржуазией и пролетариатом? По мнению защитника универсальной формальной логики, это не только можно, но и нужно: пока крестьянин-середняк работает на поле своими руками — он труженик. Это — одно отношение, в котором мы можем его брать, независимо от других отношений. А вот когда он повезет хлеб на базар и начнет его продавать, а тем более спекулировать на голоде,— вот тогда он торгаш, и это будет уже другое, резко отделенное от первого, отношение. Более того, при желании тут можно обнаружить и различное время, в течение которого обнаруживается то та, то другая сторона противоречия: летом, пока середняк трудится на поле,— он труженик, осенью и зимой, когда хлеб собран,— он торгаш.

Но, очевидно, что такой подход не имеет ничего общего с марксистской диалектикой. Говоря «с одной стороны» и «с другой стороны», марксистская диалектика

---

[9] В. И. Ленин. Сочинения, т. 30, стр. 92—93.

вовсе не разрывает противоречивые стороны, не превращает их в изолированные друг от друга предметы, стоящие лишь во внешнем отношении между собой. Напротив, она исходит именно из наличия внутреннего, нераздельного единства противоположностей (противоречивых сторон единого), из их взаимодействия и взаимообусловленности. Крестьянин-середняк противоречив в классовом отношении и *тогда,* когда он работает на поле, и *тогда,* когда он продает хлеб на базаре с целью накопить денег, разбогатеть и стать деревенским капиталистом. Ведь его цель, когда он трудится, работает своими руками, состоит именно в том, чтобы продать потом часть хлеба на рынке. Следовательно, нельзя утверждать, что его трудовая деятельность как труженика находится по одну сторону, а его торгашество — по другую сторону. Нет, это стороны единого, они неразделимы и влияют одна на другую. Поэтому совершенно невозможно определить, где кончается одна противоположность и начинается другая. Без грубого насилия над фактами, над живой действительностью они не могут быть представлены наподобие того, как это делает формальная логика, согласно условиям Аристотеля (в разное время или в разных отношениях приписанные одному и тому же предмету признаки не образуют противоречия и допускаются формальной логикой). Типичным примером такого рода может служить следующий азбучный пример. Два суждения «Иванов способный» и «Иванов не способный» могут быть одновременно истинными, если в первом случае имеются в виду одни науки или занятия, а в другом — другие. Например, Иванов может быть способным к математике и не способным к музыке. Тут действительно нет никакого противоречия, так как одна способность прямо не связана с другой и не составляет с ней единства противоположностей, так что наличие одной из них не влечет за собой отрицание другой. Это — типичный школьный пример из курса формальной логики, который предупреждает против того, чтобы видеть — по ошибке — противоречие там, где его в действительности нет.

Но высшим опошлением логики как науки является попытка втиснуть в эту школьно-азбучную истину реальные противоречия, пытаясь представить взаимоотношения противоречивых сторон диалектического противоречия наподобие взаимоотношения способностей Ива-

нова к математике и его неспособности к музыке. В итоге мы получим только эклектику, не имеющую ничего общего с диалектикой.

Если мы можем отделить и представить как существующие в *разных* отношениях различные способности Иванова, то это только потому, что они, хотя и связаны каким-то образом между собой, но не представляют собой единства противоречивых сторон, т. е. противоречия. Между тем противоречивые стороны крестьянина-середняка являются именно таким не разделимым на обособленные стороны единством противоположностей, живым противоречием, и никаким формалистическим ухищрением нельзя это противоречие разорвать на различные, не связанные между собой части и разложить эти части по разным полочкам, объявив, будто обе части не противоречат якобы одна другой.

Здесь мы приходим к выяснению коренного различия между марксистской диалектикой, отражающей реальные противоречия, и эклектикой, мысленно их уничтожающей и подменяющей простым сложением внешних сторон, признаков или состояний вещи. В работе «Еще раз о профсоюзах...» Ленин писал, имея в виду формальные определения, которые дает формальная логика: «Если при этом берутся два или более различных определения и соединяются вместе совершенно случайно... то мы получаем эклектическое определение, указывающее на разные стороны предмета и только» [10].

Примером такого эклектического сложения различных сторон предмета, соединяемых случайным, чисто внешним образом, может служить так называемый «принцип дополнительности», который был выдвинут в квантовой механике в противовес диалектическому пониманию вскрытых ею реальных противоречий микропроцессов. Реальное противоречие, вскрытое и отраженное квантовой механикой, заключено в нераздельном единстве волны и корпускулы у движущегося микрообъекта, следовательно, единстве непрерывности (которая характеризует всякий волновой процесс) и прерывности (которая характеризует всякую корпускулярность строения материи, ее дискретность). Не будучи способными к пониманию этого противоречия как объективной диалектики микроявлений,

---

[10] В. И. Ленин. Сочинения, т. 32, стр. 72.

некоторые физики попытались «решить» это противоречие сведением его к двум дополняющим одна другую односторонним картинам (или проекциям) этих микроявлений. Одна из этих картин рисовала всю область микропроцессов с точки зрения односторонней корпускулярности, другая, в прямую противоположность ей,— с точки зрения столь же односторонней трактовки их как чисто волновых процессов. Полученные таким образом заведомо неправильные, односторонние, искажающие действительность картины микропроцессов рекомендовалось затем эклектически складывать вместе (дополнять одну другой), в результате чего, будто бы, могла получиться истинная картина микропроцессов. Эта эклектика выдавалась за истинную диалектику, которая якобы устраняет всякое противоречие из сферы мышления. В действительности же, конечно, здесь нет ни грана подлинной, научной диалектики, как бы ни называлась подобного рода эклектика. Здесь мы имеем в точности аналогичное «решение» (точнее, мысленное устранение, уничтожение) противоречия, как в приведенном выше примере с противоречивой природой середняка: обе противоречивые стороны реального противоречия произвольно, искусственно разрываются (разумеется, лишь в воображении того, кто производит эту операцию), а потом объявляется, что никакого противоречия тут нет и что полностью соблюдается аристотелевское требование формальной логики, гласящее, что приписываемый и отрицаемый признаки должны браться в разных отношениях. В данном случае так и делается: сначала предмет (микрообъект) рассматривается в одном отношении (как только дискретный, прерывный) — получается одна его картина, потом — в другом отношении (как только непрерывный, волнообразный) — получается другая, прямо противоположная картина. Но обе картины отнюдь не находятся в противоречии между собою, так как отношения, в которых рассматривался предмет, были различны. Поэтому в полном согласии с формальной логикой, обе эти картины можно сложить вместе, чтобы составить якобы полную картину предмета. В этом состоит суть, методологическая основа принципа дополнительности.

Была сделана попытка распространить этот принцип на все противоречия, существующие в мире — в природе, обществе и мышлении. Любое противоречие (например,

противоречие между эмпирическим и рациональным, национализмом и «интернационализмом» — под которым подразумевался космополитизм,— жизнью и смертью и т. д.) представляли как взаимную дополнительность двух односторонне взятых в виде голых абстракций, разорванных между собой противоположностей. Так была выдвинута целая программа вытеснения диалектики эклектикой, причем последняя выдавалась за «диалектику», хотя своим острием она направлена против диалектики.

Подмена диалектики эклектикой, непонимание коренного различия между ними составляет обычно ошибку людей, стоящих на точке зрения формальной логики как единственной логики. Формальнологическое мышление, как мы видели, не в состоянии «справиться» с реальными противоречиями. Но если оно все же пытается это сделать, исходя из присущих ему приемов мышления, то оно мысленно превращает противоречие в эклектическое сложение противоположных сторон предмета, препарированных так, что они оказываются резко разделенными друг от друга и поставленными в чисто внешние, случайные отношения между собой.

Такой подход к противоречию существовал и раньше. Например, известно, что в дарвинизме раскрылась диалектическая взаимосвязь таких противоречивых сторон процесса развития органической природы, как качественный скачок и количественная эволюционность. До Дарвина обе эти противоположные стороны развития разрывались метафизически и противопоставлялись одна другой: теория катастроф Кювье строилась на основе представления об абсолютизированных скачках («катастрофах», или «революциях»), которые якобы полностью исключают всякую эволюционную их подготовку; напротив, плоско-эволюционная теория Ламарка строилась на основе представления о «чистой», столь же абсолютизированной количественной постепенности, которая якобы полностью исключает какие-либо скачки, перерывы этой постепенности и не ведет к качественным изменениям.

Но было бы ошибочным обвинять дарвинизм (соответственно, диалектическую логику, раскрывающую содержание логических приемов, которыми фактически оперирует дарвинизм) в «логической противоречивости» на том основании, что, с одной стороны, тут отвергается теория Кювье, а с другой стороны, признаются скачки, каче-

ственные изменения, протекающие в особой форме постепенных изменений; или потому, что, с одной стороны, здесь отвергается теория Ламарка, а с другой стороны, признается количественная эволюционность процесса биологического развития.

Однако никакого «логического противоречия» тут нет. Действительно, правильно понятый дарвинизм признает скачки, но не те «скачки» («катастрофы» и «революции»), которые выдвигал Кювье, а находящиеся в единстве с их постепенной, количественной подготовкой, которую осуществляет эволюция. Точно так же дарвинизм признает эволюцию, но не ту «плоскую эволюцию», которую выдвигал Ламарк, а находящуюся в единстве со скачками, к которым она закономерно приводит. Следовательно, нет ничего общего, кроме названия, между метафизически разорванными противоположностями (т. е. уничтоженными, ликвидированными как стороны живого противоречия) и этими же сторонами, взятыми в их диалектической взаимосвязи, в их внутреннем, нераздельном единстве между собой, в их взаимных переходах и превращениях друг в друга. Ведь если эволюция ведет к качественному скачку, готовит его, вызывает его, то эта тенденция присуща ей самой и не может быть от нее отнята даже в нашей абстракции. Если же это будет сделано, то на место отражения реальной стороны реального противоречия мы поставим нечто вымышленное, несуществующее, придуманное нами и навязываемое нами самой действительности. Но как только мы попытаемся строго выдержать принятую нами односторонность, провести ее твердо до конца, так незаметно для нас самих мы придем к прямо противоположному полюсу, который мы собирались полностью отбросить, исключить, зачеркнуть. Энгельс в одном из своих писем показал, к чему приводит такая попытка — выдержать до конца односторонний взгляд на противоречивый предмет: «Раскрытие отвлеченных противоречий во всей их несостоятельности, причем, как только собираешься ухватиться крепко за одну сторону [противоречия], так она незаметно превращается в другую и т. д. Вы можете уяснить себе это постоянно на конкретных примерах» [11].

[11] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. Госполитиздат, 1953, стр. 447.

Одним из таких примеров, взятых из истории науки, является борьба двух односторонних теорий в органической химии в середине XIX в.: одна из них — теория радикалов — настаивала на существовании неизменных атомных групп (радикалов) в органических соединениях; другая — теория типов — рассматривала все органические соединения со стороны различных химических реакций (типов и превращений), ими испытываемых. Обе теории казались непримиримыми в своей противоположности. Первая из них отражала взятый оторванно, абстрактно момент устойчивости органической молекулы, вторая — противоположный ей момент изменчивости, взятый столь же абстрактно, столь же оторванно. В 50-х годах XIX в. в ходе острых споров между сторонниками обеих теорий каждая сторона старалась как можно дальше развить свою аргументацию, направленную против отвергаемой теории, и найти все новые и новые опытные данные в свое собственное подтверждение. Но вскоре создалось неожиданно странное и непонятное на первый взгляд положение: стремясь как можно «крепче» (по выражению Энгельса) ухватиться за одну сторону противоречия, сторонники каждой из двух теорий обнаруживали, против всякого ожидания, что в аргументах, которыми они собирались окончательно опровергнуть противную теорию, оказывались прямые ее подтверждения. Опровержение странным образом вдруг переходило в доказательство как раз того, что собирались химики опровергать. В результате для самого устойчивого радикала (углеводородного) был найден особый, последний по счету, тип (метана), а сами радикалы были введены в типы их противниками. Все это привело к созданию теории химического строения органических соединений, которая была выдвинута А. М. Бутлеровым. В этой теории были отражены в их диалектическом единстве и во взаимозависимости оба противоречивых момента органической молекулы — ее относительная устойчивость, которую абстрактно отражала теория радикалов, возводя эту устойчивость в нечто абсолютное, и ее изменчивость, которую столь же абстрактно отражала теория типов, возводя эту изменчивость в нечто совершенно текучее, релятивное, лишенное какого-либо постоянства. Отныне в теории химического строения обе эти стороны уже не отрывались одна от другой и не представлялись абстрактно как якобы исключающие друг друга, но были

отражены в соответствии с тем, как они реально существуют и взаимодействуют в молекуле органического соединения, т. е. адекватно диалектике самого объекта.

Таким образом, история научного познания опровергает как явно несостоятельный прием универсализации формальной логики, состоящий в уничтожении противоречия путем механического разделения его на противоположные части с их последующим эклектическим сложением или дополнением одного другим.

4. ПРИЕМ ОТРИЦАНИЯ РЕАЛЬНОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ

Этот способ доказательства универсальности формальной логики и ненужности диалектической логики состоит в утверждении, что данного противоречия нет в самой действительности, а потому эта действительность может и должна быть отражена единственно с помощью формальной логики. Берут, например, известный пример, приведенный Энгельсом и касающийся механического движения, и заявляют, что тут никакого противоречия нет, так как бессмысленно, якобы, говорить о том, что тело может находиться и одновременно не находится в данном пункте пространства. Утверждается при этом, что такое противоречие было бы несовместимо с современной механикой, которая не допускает подобной игры понятиями. Вместо противоречивой формулы «*и* находится *и не* находится» предлагается совершенно другая формула, якобы свободная от всякого противоречия: тело «и находится и *проходит*» данную точку пространства.

Заметим, что приведенное противоречие механического движения есть только частный простейший случай общего противоречия всякого движения, всякого изменения, которое выражается в том, что любая вещь обладает и относительной устойчивостью и вместе с тем находится в состоянии непрестанного изменения, нарушающего ее устойчивость. Но если такое противоречие существует в самой действительности, то, естественно, оно не может не отражаться в нашем сознании именно в форме противоречия мышления. Характеризуя противоположность и противоречие как взаимопроникновение противоположностей, Энгельс писал: «...Если вещи присуща противоположность, то эта вещь находится в *противоречии* с самой собой; то же относится и к выражению этой вещи в мысли.

Например, в том, что вещь остается той же самой и в то же время непрерывно изменяется, что она содержит в себе противоположность между «устойчивостью» и «изменением», заключается *противоречие»* [12].

Защитники идеи универсальности и единственности формальной логики не случайно, поэтому, направляют свой удар против признания противоречивости механического движения: если бы им удалось доказать, что механическому движению не присуще диалектическое противоречие, на которое указывал Энгельс, то уже дальше легко можно было бы доказать, что оно не присуще всякому движению, т. е. изменению вообще, следовательно, не присуще и вещам внешнего мира. Другими словами, расчет здесь таков, чтобы, «опровергая» диалектику (противоречивость) в простейшем случае, «опровергнуть» ее целиком.

Рассмотрим существо диалектического взгляда Энгельса, которое подвергается критике с позиций формальной логики; последняя в этом случае переходит уже в прямую метафизику. Энгельс указывал, что когда мы начинаем рассматривать вещи в их движении, в их изменении, в их жизни, в их взаимном воздействии друг на друга, мы сразу наталкиваемся на противоречия, ибо они составляют сущность, источник, внутреннюю основу всякого движения. «Движение само есть противоречие,— писал Энгельс,— уже простое механическое перемещение может осуществиться лишь в силу того, что тело в один и тот же момент времени находится в данном месте и одновременно — в другом, что оно находится в одном и том же месте и не находится в нем. Постоянное возникновение и одновременное разрешение этого противоречия — и есть именно движение» [13].

Что означают взятые раздельно, независимо один от другого признаки «находится» и «не находится»? Первый означает, что тело покоится, пребывает в данной точке, и именно так употребляется это понятие, когда говорят, что книга находится на полке (стоит или лежит там) или что человек находится в таком-то городе (пребывает в нем). Отсюда видно, что один признак «находится» ни в какой степени не выражает процесса движения, а подчеркивает лишь момент покоя, пребывание тела в данном месте.

[12] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 327.
[13] Там же, стр. 113.

Второй признак «не находится», отрицающий предыдущий, так же сам по себе, взятый изолированно, не выражает никакого движения, а лишь указывает на то, что в данном месте тело отсутствует, его здесь нет (нет книги на полке, нет человека в городе и т. д.). Следовательно, взятые раздельно оба признака не содержат в себе никакого противоречия. Это просто две констатации присутствия или отсутствия тела в данном месте.

Но что происходит в тот момент, когда движущееся (но, разумеется, не покоящееся) тело оказывается в данном месте? Будет неправильно сказать, что оно здесь находится, так как оно в этом пункте не покоится, не лежит, не пребывает, а входит в него и тут же выходит из него. Это состояние движущегося тела существенно отлично от того, которое оно имело бы, если бы оно, даже в течение очень короткого отрезка времени, покоилось в данном пункте. Входя в этот пункт из другого и тут же выходя из этого пункта, переходя в соседний с ним, тело оказывается *и* в данном пункте, *и* в другом пункте. При движении оно или еще не находится целиком в данном пункте, или уже не находится целиком в нем. Однако это состояние тела нельзя выразить только одним отрицанием: тело «не находится» в данном месте, так как движущееся тело входит *в данное* место и выходит из него, т. е. в какой-то степени *находится* в нем.

Если мы попытаемся представить прохождение телом данной точки только как его нахождение в ней, то в таком случае весь процесс движения мы сведем к бесконечному ряду состояний равновесия (так поступает термодинамика, создавая абстракцию обратимого процесса). Но тогда не получится самого процесса движения и окажется невозможно объяснить, что же выводит тело из состояния пребывания его в данной точке. При этом не важно, как длительно тело пребывает или находится в данной точке — долю секунды или миллиарды тысячелетий, так как вопрос о действии причины, выводящей тело из состояния покоя, не связан с тем, как длителен был перерыв в ее действии в связи с движением данного тела.

Подобную антидиалектическую позицию в трактовке движения занял в свое время теоретик эсеров В. Чернов. Ленин показал всю несостоятельность этой позиции. Он писал: «Движение есть нахождение тела в данный момент в данном месте, в другой, следующий, момент в другом

месте — таково возражение, которое Чернов повторяет... вслед за *всеми* „метафизическими" противниками Гегеля.

Это возражение *неверно:* (1) оно описывает *результат* движения, а не *само* движение; (2) оно не показывает, не содержит в себе *возможности* движения; (3) оно изображает движение как сумму, связь состояний *покоя,* т. е. (диалектическое) противоречие им не устранено, а лишь прикрыто, отодвинуто, заслонено, занавешено» [14].

В действительности же единственная возможность выразить само движение состоит в показе его как противоречия, когда одна сторона этого противоречия («находится») отрицает другую его сторону («не находится») и, в свою очередь, отрицается ею. «Находится» и «не находится» означает, что тело, входя в данную точку, уже выходит из нее, что оно имеет тенденцию выйти из нее при самом вхождении в нее, а это и есть движение. Движение тем и отличается от покоящегося состояния, от пребывания тела в данной точке, что движущееся тело обязательно предполагает отмеченное выше ограничение (или отрицание) своего нахождения в данной точке. Нельзя сказать, что оно находится в ней, но и нельзя сказать, что оно вообще никак в ней не находится.

То и другое, взятые в отдельности, не передают сущности всего процесса движения, а передают только какую-то его сторону или момент. Чтобы выразить движение в целом, эти его стороны или моменты надо взять не изолированно от других, а в их единстве и взаимообусловленности, как единство противоположностей. Это и делает формула «и находится и не находится», в которой каждая часть служит ограничением (и отрицанием) другой ее части, а обе вместе передают самую сущность движения. «Мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, угрубив, не разделив, не омертвив живого. Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление,— и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и **всякого** понятия.

И в этом *суть* диалектики. *Эту-то суть* и выражает формула: единство, тождество противоположностей» [15].

---

[14] В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 255.
[15] Там же.

Некоторые логики, чтобы не трактовать движение как противоречие, предлагают ввести признак «проходит» и вместо того, чтобы говорить «находится и не находится», сказать «находится и проходит». Но здесь нет ничего иного, кроме чисто словесного приема. Сказать «проходит» через данную точку, это все равно, что сказать «движется» через эту точку. Значит, трудность просто передвинута с понятия «движение» на понятие «прохождение», которое само по себе выражает такое состояние, когда тело «и находится и не находится» в данном месте.

Такая замена одного слова другим ничего по существу не меняет, но легко может привести к путанице, если формулу движения представить в таком виде: движение есть такое состояние тела, когда оно и находится в данном месте и проходит (в смысле перемещается, передвигается) через него. Эта формула есть плохо прикрытая тавтология, которую формальная логика строго запрещает. Выходит, следовательно, что и здесь попытка «освободиться» от противоречия и оставить поле приложения только для одной формальной логики окончилась тем же результатом: нарушением требований самой формальной логики. И это опять-таки потому, что была сделана попытка навязать формальной логике несвойственную ей функцию — выражать своими способами и средствами такие отношения вещей, которые выходят за пределы ее возможностей и ее функций и составляют задачу марксистской диалектической логики, занимающейся специально анализом противоречий, существующих в действительности, и их отражения в нашем мышлении.

* * *

Мы рассмотрели некоторые типичные случаи того, как с различных сторон, по разному поводу противники диалектической логики пытались доказать ее ненужность и, следовательно, возможность ограничиться в сфере мышления только одной формальной логикой. Несмотря на все различие позиций, с которых велся поход против диалектической логики, теоретическая основа у всех трех точек зрения одна и та же: это стремление «освободить», «очистить» мышление от всяких противоречий на том лишь основании, что формальная логика запрещает «логические противоречия», т. е. противоречия «с самим собой». Имен-

но к этой цели и направлены все рассмотренные выше попытки и приемы сведения диалектики к формальной логике. Они и раньше исходили обычно от тех людей, которые не понимали диалектики и видели в ней только одни кунштюки, противоречащие здравому смыслу, здравому рассудку. Такие люди как огня боялись противоречий и всеми силами стремились хотя бы мысленно избавиться, освободиться от них. Ленин подчеркнул, что еще Гегель выступал против подобных попыток избежать противоречия в мышлении. «Обычное нежничанье с вещами,— писал Гегель,— заботящееся лишь о том, чтобы они не противоречили себе... забывает, что таким путем противоречие не разрешается, а переносится лишь в другое место, в **субъективную или внешнюю рефлексию** вообще...». По поводу этой мысли Гегеля Ленин заметил: «Эта ирония мила! „Нежничанье" с природой и историей (у филистеров) — стремление очистить их от противоречий и борьбы» [16].

Но даже и те, кто открыто не решается отрицать наличие объективных противоречий, ибо понимает, что это есть прямой переход на позиции метафизики, пытаются найти способ отвергнуть основную идею диалектической логики о существовании противоречий в мышлении, причем, конечно, не «логических», а диалектических противоречий, отражающих противоречия самой действительности. С этой целью выдвигается тезис о том, что противоречия могут существовать или существуют в реальном мире (природе и обществе), но их не может быть ни при каких условиях в мышлении, в каком бы виде они в нем ни выступали. В мышлении потому якобы не может быть никаких противоречий (при условии, разумеется, его правильности, его способности вести к истине), что их наличие означало бы прямое нарушение законов и правил формальной логики, прежде всего закона непротиворечия и закона исключенного третьего. Поэтому противоречия действительности могут и должны отражаться (если они существуют) только «непротиворечивым образом», т. е. в категориях формальной логики и с помощью ее приемов.

Эта общая теоретическая точка зрения, объединяющая противников диалектической логики, есть не что иное как кантианская установка, разрывающая объективный

[16] В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 124.

Мир и его отражение в сознании человека: в мире существуют реальные, диалектические противоречия, но отражаются они не в адекватной им (т. е. не в противоречивой) форме, а в такой форме, которая наперед исключает всякие противоречия вообще. Перефразируя известное положение Ленина [17], мы могли бы поставить вопрос так: если *все* в мире содержит внутренние противоречия и движется ими, то относится ли сие к самым общим *понятиям* и *категориям* мышления? Если нет, значит, мышление не связано с бытием. Если да, значит есть диалектика понятий и диалектика познания, имеющая объективное значение.

Здесь сформулированы, с теоретико-познавательной точки зрения, две позиции, одну из которых представляет марксистская диалектическая логика, защищаемая Лениным, другую — ее противники, стремящиеся во что бы то ни стало распространить формальную логику на такие области, к которым она не имеет прямого отношения. В результате получается ошибка кантианского толка, приводящая к отрицанию соответствия мышления бытию, поскольку объективные противоречия должны исчезать из поля зрения при помощи отрицающей их формальной логики.

Этот пример, кстати сказать, показывает, как тесно переплетается логика с теорией познания: рассмотренная выше логическая ошибка непосредственно приводит к гносеологической ошибке, перерастает в нее. Это надо иметь всегда в виду, когда рассматривается одна какая-либо сторона нераздельного единства диалектики, логики и теории познания материализма.

---

[17] См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 251.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Введение

ДИАЛЕКТИКА И ЛОГИКА
(П. В. Копнин, П. В. Таванец)

I. Формальная и математическая логика 7
II. Диалектическая логика и ее отношение к формальной логике 33

Часть первая

ПРЕДМЕТ МАРКСИСТСКОЙ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ И ЕГО ОТЛИЧИЕ ОТ ПРЕДМЕТА ФОРМАЛЬНОЙ ЛОГИКИ
(Б. М. Кедров)

I. Соотношение диалектики с различными видами логики 63
II. Предмет логики и его различные трактовки 88
III. Теоретико-познавательные вопросы логики 116

Часть вторая

ЗАКОНЫ МАРКСИСТСКОЙ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ И ИХ ОТНОШЕНИЕ К ЗАКОНАМ ФОРМАЛЬНОЙ ЛОГИКИ
(Б. М. Кедров)

I. Основной закон мышления и две формы его выражения 138
II. Закон исключенного третьего и его антипод 174
III. Закон основания. Соотношение законов логики и диалектики 204 200

Часть третья

ПОНЯТИЕ ТОЖДЕСТВА В ФОРМАЛЬНОЙ И ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКЕ
(В. А. Лекторский, Н. В. Карабанов)

I. Проблема тождества в формальной логике 219
II. Проблема тождества в диалектической логике . . . 247

Часть четвертая

ПОНЯТИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ И ФОРМАЛЬНОЙ ЛОГИКЕ

I. Диалектическая и формальная логика об объективных и субъективных противоречиях и критерии их различения *(Й. Элез)* 267

II. Несводимость марксистской диалектической трактовки противоречий к формальнологическим схемам *(Б. М. Кедров)* 308

Законы мышления

Утверждено к печати Институтом философии Академии наук СССР

Редактор *В. В. Давыдов*. Переплет художника *И. А. Липина*
Технический редактор *П.С.Кашина*

РИСО АН СССР № 26-97В. Сдано в набор 13/III 1962.
Подписано к печати 4/VI—1962 г. Формат 84×108$^{1}/_{16}$. Печ. л. 10,5
Усл. печ. л. 17,22. Уч.-изд. л. 18,1 Тираж 8.000 экз.
Т-06324. Изд. № 476. Тип. зак. № 404

Цена 1 руб 24 коп.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР. Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
29	18 св.	концепций	конвенций
104	4 сн.	истории	история
151	12 сн.	$N^{12}\uparrow N^{13}\uparrow N^{14}\downarrow N^{15}\downarrow N^{16}N^{17}$	$\uparrow N^{12}\uparrow N^{13}\downarrow N^{14}\downarrow N^{15}N^{16}N^{17}$
151	11—10 сн.	$O^{14}\uparrow O^{15}\uparrow O^{16}\downarrow O^{17}\downarrow O^{18}O^{19}$ $F^{17}\uparrow F^{18}\downarrow F^{19}$	$O^{14}\uparrow O^{15}\uparrow O^{16}\downarrow O^{17}\downarrow O^{18}O^{19}$ $F^{17}\uparrow F^{18}\downarrow F^{19}$
151	3 сн.	O^{19}	O^{18}
272	4 св.	не = А	не-А
290	23 св.	$Mp \equiv Mp > \equiv M \sim p,$	$\not\equiv \not\equiv Mp \equiv Mp \not\equiv Np \equiv \equiv M \not\equiv p$